

Лю Цысинь

БЛУЖДАЮЩАЯ
ЗЕМЛЯ

«СЛЕДУЮЩИЙ ЭТАП РАЗВИТИЯ
ФАНТАСТИКИ... ЛЮ ВДОХНУЛ В ЖАНР
НОВУЮ ЖИЗНЬ». **NEW YORK TIMES**

fanzon

Лю Цысинь
БЛУЖДАЮЩАЯ
ЗЕМЛЯ

«СЛЕДУЮЩИЙ ЭТАП РАЗВИТИЯ
ФАНТАСТИКИ... ЛЮ ВДОХНУЛ В ЖАНР
НОВУЮ ЖИЗНЬ». **NEW YORK TIMES**

fanzon

t.me/marketologmanager

Annotation

Заглавная повесть «Блуждающая Земля» – литературная основа фильма-блокбастера, купленного стриминговым сервисом Netflix.

Десять историй, включая пять произведений-лауреатов китайской премии «Галактика», являются ослепительно оригинальной одой планете Земля, ее прошлому и будущему. С меланхоличным, но острым пониманием человеческой природы Лю показывает попытки человечества понять, найти себя и, прежде всего, выжить в пустоте космоса. Лю Цысинь переносит читателя на край вселенной и в конец времен, чтобы рассказать о людях с судьбой, которую мы никогда не смогли бы себе представить.

- [Лю Цысинь](#)
 - [Блуждающая Земля](#)
 - [Глава 1](#)
 - [Глава 2](#)
 - [Глава 3](#)
 - [Глава 4](#)
 - [Гора](#)
 - [Глава 1](#)
 - [Глава 2](#)
 - [Глава 3](#)
 - [Глава 4](#)
 - [Глава 5](#)
 - [Глава 6](#)
 - [Глава 7](#)
 - [Глава 8](#)
 - [Глава 9](#)
 - [Глава 10](#)
 - [Солнце Китая](#)
 - [Пролог](#)
 - [Цель жизни № 1](#)
 - [Цель жизни № 2](#)

- [Цель жизни № 3](#)
- [Цель жизни № 4](#)
- [Цель жизни № 5](#)
- [Пахари Зеркала](#)
- [Цель жизни № 6](#)
- [Ради блага человечества](#)
- [Проклятье 5.0](#)
- [Микроэра](#)
 - [Глава 1](#)
 - [Глава 2](#)
 - [Глава 3](#)
 - [Глава 4](#)
 - [Глава 5](#)
 - [Глава 6](#)
- [Пожиратель](#)
 - [Глава 1](#)
 - [Глава 2](#)
 - [Глава 3](#)
 - [Глава 4](#)
 - [Глава 5](#)
 - [Глава 6](#)
 - [Глава 7](#)
 - [Глава 8](#)
- [Позаботиться о Боге](#)
 - [Глава 1](#)
 - [Глава 2](#)
 - [Глава 3](#)
 - [Глава 4](#)
 - [Глава 5](#)
 - [Глава 6](#)
 - [Глава 7](#)
 - [Глава 8](#)
- [С ее глазами](#)
 - [Пролог](#)
 - [Глава 1](#)
 - [Глава 2](#)
 - [Эпилог](#)

- [Пушечное ядро](#)
 - [Пролог](#)
 - [Глава 1](#)
 - [Глава 2](#)
 - [Глава 3](#)
 - [Глава 4](#)
 - [Глава 5](#)
 - [Глава 6](#)
 - [Глава 7](#)
 - [Глава 8](#)
 - [Эпилог](#)
 - [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
 - [11](#)
 - [12](#)
 - [13](#)
 - [14](#)
 - [15](#)
 - [16](#)
 - [17](#)
 - [18](#)
 - [19](#)
 - [20](#)
 - [21](#)
 - [22](#)
-

Лю Цысинь

Блуждающая Земля

© Н. Ибрагимова, перевод на русский язык, 2021

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2021

* * *

Блуждающая Земля

Глава 1

Эра торможения

Я никогда не видел ночи. Я никогда не видел звезд. Я никогда не видел весны, осени и зимы. Я родился, когда закончилась Эра торможения, когда Земля перестала вращаться.

На то, чтобы остановить вращение Земли, ушло сорок два года, на три года больше, чем планировала Коалиция. Мать рассказывала мне о том времени, когда наша семья наблюдала последний закат солнца. Солнце опускалось очень медленно; оно словно прилипло к горизонту. Прошло три дня и три ночи, пока оно окончательно закатилось. Конечно, после этого уже не было ни «дня», ни «ночи». Восточное полушарие надолго окутали постоянные сумерки, лет на десять, наверное. Солнце стояло чуть ниже линии горизонта, его сияние озаряло половину неба. Во время того бесконечного заката я и родился.

Сумерки – это не темнота. Двигатели Земли ярко освещали все Северное полушарие. Они были установлены на всей территории Азии и Северной Америки, так как только прочная основа из тектонических плит этих континентов могла выдержать чудовищную тягу, которую они развивали. Всего на равнинах Евразии и Северной Америки разместили двенадцать тысяч двигателей.

С того места, где я жил, были видны яркие плазменные лучи сотен двигателей. Представьте себе огромный дворец, размером с Пантеон или Акрополь. Внутри этого дворца к сводчатому потолку возносятся бесчисленные массивные колонны, каждая из которых сверкает белоголубым светом флуоресцентной лампы. А ты... ты просто микроб на полу того дворца. Таким был тот мир, в котором я жил. Собственно говоря, это не совсем точное описание. Именно касательный компонент тяги двигателей останавливал вращение Земли. Поэтому сопла двигателей необходимо было очень точно сориентировать, чтобы массивные лучи под определенными углами прорезали небо. Возникало впечатление, что громадный дворец, в котором мы живем, готов в любой момент рухнуть! Когда приезжие из Южного полушария видели эту картину, многие испытывали приступы паники.

Но еще больший, чем вид двигателей, ужас вызывал обжигающий жар, который исходил от них. Температура поднималась до семидесяти и даже восьмидесяти градусов по Цельсию, вынуждая людей надевать скафандры с охлаждением перед выходом из помещения. Жара часто порождала штормы и ливни. Когда луч плазмы пронзал темные тучи, зрелище было кошмарным. Тучи рассеивали бело-голубой свет, создавая неистовые, пульсирующие, радужные гало. Все небо сияло, словно покрытое раскаленной добела лавой. Мой дедушка в старости впал в маразм. Однажды, измученный невыносимой жарой, он так обрадовался налетевшему ливню, что разделся по пояс и выбежал из дома. Мы не успели вовремя его остановить. Раскаленные лучи плазмы нагрели дождевые капли до температуры кипения, и он так обжег кожу, что она слезала с него большими кусками.

Для моего поколения, родившегося в Северном полушарии, все это было совершенно естественным, как естественно было видеть Солнце, звезды и Луну тем, кто жил до Эры торможения. Мы называли тот период человеческой истории Солнечной эрой, и это был поистине золотой век!

Когда я поступил в начальную школу, в рамках учебной программы наши учителя организовали для тридцати учеников нашего класса кругосветное путешествие. К тому моменту Земля уже совсем перестала вращаться. Двигатели Земли только поддерживали это неподвижное состояние и использовали только для внесения небольших исправлений в ориентацию планеты. Из-за этого три года, от трех до шести моих лет, яркость лучей плазмы была не столь интенсивной, чем в то время, когда они работали на полную мощность. Именно в тот период снижения их активности мы смогли совершить путешествие, чтобы лучше понять наш мир.

Сначала мы вблизи рассмотрели один из двигателей Земли. Он был расположен недалеко от Шицзячжуана, у входа в железнодорожный туннель, проложенный сквозь Тайханшаньские горы. Огромная металлическая гора возвышалась над нами, заполнив полнеба. На западе Тайханшаньский хребет казался грядой невысоких холмов. Некоторые дети восклицали, что он должен быть высоким, как Эверест. Нашим завучем была хорошенькая молодая женщина мисс Стелла. Она рассмеялась и сообщила нам, что высота двигателя равна

одиннадцати тысячам метров, на две тысячи метров больше, чем Эверест.

– Его называют «Паяльной лампой Бога», – сказала она. Мы стояли в его огромной тени и чувствовали, как от вибрации дрожит земля.

Существовало два основных типа Двигателей Земли. Более крупные называли «горами», а меньшие «пиками». Мы поднялись на Северо-Китайскую гору 794. Восхождение на горы требовало гораздо больше времени, чем подъем на пики. На вершину пика можно было подняться на гигантском лифте, а к вершине горы требовалось ехать по длинному серпантину. Наш автобус присоединился к бесконечной процессии машин, ползущих вверх по гладкой стальной дороге. Слева от автобуса мы видели только лазурную металлическую поверхность; справа зияла бездонная пропасть.

Большинство машин на этой дороге представляли собой массивные пятидесятитонные мусоровозы, груженные камнями с гор Тайханшаня. Наш автобус быстро достиг уровня пять тысяч метров. С такой высоты земля казалась бесцветной и ровной, залитой голубоватым сиянием Двигателя Земли. Мисс Стелла велела нам надеть кислородные маски. По мере приближения к отверстию плазменного луча свет и жар быстро нарастали. Наши маски потемнели, а микрокомпрессоры охлаждающих скафандров ожили и зажужжали. На высоте шесть тысяч метров мы увидели порт для приема топлива. Один за другим грузовики сваливали свой груз камней в красный огонь зияющего провала, который беззвучно поглощал их. Я спросил у мисс Стеллы, как Двигатели Земли превращают камни в топливо.

– Синтез тяжелых элементов – трудный раздел науки, слишком сложный, я не смогу объяснить его тебе в твоем возрасте, – ответила она. – Тебе нужно понять только вот что: Двигатели Земли – это самые большие механизмы, когда-либо построенные человечеством. Например, Северо-Китайская гора 794, на которой мы сейчас стоим, создает пятнадцать миллиардов тонн тяги для Земли при работе на максимальной мощности.

Наконец наш автобус добрался до вершины. Выходное отверстие луча плазмы находилось прямо над нами. Диаметр луча был таким огромным, что, когда мы подняли головы, то увидели только

сверкающую стену голубой плазмы, которая уходила в бесконечное небо. В тот момент я вдруг вспомнил загадку, которую загадал нам наш учитель философии.

– Вы идете по равнине и вдруг натываетесь на стену, – сказал нам учитель. – Эта стена бесконечно высока и уходит бесконечно глубоко в землю. Она тянется бесконечно далеко вправо и влево. Что это такое?

Меня охватила леденящая дрожь. Я пересказал эту загадку мисс Стелле, сидящей рядом со мной. Она некоторое время обдумывала ее, но в конце концов озадаченно покачала головой. Я ближе придвинулся к ней и прошептал ей на ухо ужасный ответ:

– Это смерть.

Она несколько секунд молча смотрела на меня, потом крепко прижала к себе. Положив голову ей на плечо, я смотрел вдаль. Гигантские металлические пики усеивали туманную землю внизу, они тянулись до самого горизонта. Каждый пик выбрасывал из себя сверкающую струю плазмы, эти струи пронзали наше качающееся небо, подобно падающему космическому лесу.

Вскоре после этого мы приехали на берег моря. Мы увидели шпили затонувших небоскребов, торчащие из волн. Под напором прилива пенящаяся морская вода выплескивалась из их бесчисленных окон, образуя водопады. Еще до окончания Эры торможения ее влияние на Землю стало ужасающе очевидным. Приливы, созданные ускорением Двигателей Земли, затопили две трети крупных городов Северного полушария. Потом повышение глобальной температуры растопило шапки полярных льдов, и это превратило наводнения в катастрофу, захватившую и Южное полушарие. Тридцать лет назад мой дед стал свидетелем того, как гигантские стометровые волны затопили Шанхай. Даже сейчас, описывая это зрелище, он неподвижным взглядом смотрит в пространство. Фактически наша планета уже изменилась до неузнаваемости еще до того, как отправилась в путешествие. Кто тогда знал, какие тяжелые испытания ждут нас во время бесконечного путешествия в открытом космосе?

Мы поднялись на борт так называемого океанского лайнера – древнего транспортного средства – и отчалили от берега. Лучи плазмы Двигателей Земли у нас за спиной становились все более далекими. После первого дня плавания они совсем пропали из виду. Море заливал свет от двух разных источников. На западе лучи плазмы по-

прежнему освещали небо призрачным голубым светом; на востоке розовый солнечный свет поднимался над горизонтом. Противоборствующие лучи делили море на две половины, а наш корабль плыл прямо вдоль сверкающей границы их соприкосновения на его глади. Зрелище было фантастическое. Но по мере того как голубое свечение отступало, а розовое сияние нарастало, на корабле росла тревога. Мы с одноклассниками уже не поднимались на палубу. Мы прятались в своих каютах с плотно зашторенными иллюминаторами. Через день наступил тот момент, которого мы боялись больше всего. Нас всех собрали в большой каюте, служившей нам классной комнатой, чтобы выслушать объявление мисс Стеллы.

– Дети, – торжественно произнесла она, – мы сейчас пойдем смотреть на восход Солнца.

Никто не шевелился. Наши глаза неподвижно уставились в пространство, словно внезапно прикованные к одной точке. Мисс Стелла пыталась заставить нас выйти из каюты, но все сидели неподвижно. Один из ее коллег заметил:

– Я говорил об этом раньше, но нам действительно надо было запланировать путешествие «Знакомство с Землей» до того, как они начнут изучать современную историю. Учащиеся лучше адаптировались бы.

– Все не так просто, – ответила мисс Стелла. – Они узнают обо всем, глядя на окружающий мир, задолго до того, как мы начинаем преподавать им современную историю. – Она повернулась к старостам классов. – Вы, дети, пойдете первыми. Не бойтесь. Когда я была ребенком, я тоже нервничала перед тем, как увидела первый восход Солнца. Но после того как я увидела его, со мной все было в порядке.

В конце концов мы встали и один за другим вышли из каюты. Я внезапно почувствовал, как маленькая влажная ладошка сжала мою руку, оглянулся и увидел Линьгэ.

– Мне страшно... – всхлипнула она.

– Мы уже видели Солнце по телевизору. Это то же самое, – заверил я ее.

– Как это возможно? Разве увидеть змею по телевизору – то же самое, что увидеть ее живьем?

Я не знал, что ответить.

– Ну, нам все равно придется пойти и посмотреть. Иначе нам снизят оценки!

Мы с Линьгэ крепко взялись за руки и осторожно поднялись на палубу вместе с остальными детьми. Выйдя наружу, мы приготовились увидеть наш первый восход Солнца.

– В действительности мы начали бояться Солнца три или четыре столетия назад. До этого Солнце людей не пугало. Совсем наоборот. На их взгляд, Солнце было великодушным и величественным. Земля тогда еще вращалась вокруг своей оси, и люди каждый день видели его восход и закат. Они радовались восходу и прославляли красоту заката, – рассказывала мисс Стелла, которая стояла на носу корабля, и морской бриз играл с ее длинными волосами. За спиной учительницы первые лучи солнечного света взлетели над горизонтом подобно струе воды из дыхала какого-нибудь невообразимо огромного морского животного.

Наконец мы увидели язык пламени, от которого у нас сердце замерло. Сначала он был всего лишь точкой света на горизонте, но быстро вырос и превратился в сверкающую арку. Я почувствовал, как у меня от ужаса перехватило дыхание. Казалось, что палуба под моими ногами внезапно исчезла. Я падал в черноту моря, падал... Линьгэ падала вместе со мной, ее худенькое тельце дрожало, прижимаясь ко мне. Наши одноклассники и все остальные – весь мир, – все падало в пропасть. Потом я вспомнил загадку. Я спросил тогда у нашего учителя философии, какого цвета та стена. Он мне ответил, что она черная. Я подумал, что он ошибся. Я всегда представлял себе стену смерти белоснежной, как свежесвыпавший снег. Вот почему я вспомнил о ней, когда увидел стену плазмы. В нашу эпоху смерть уже не была черной. Она была сверканием вспышки молнии, и с последней вспышкой молнии наш мир испарится в одно мгновение.

Более трех столетий назад астрофизики обнаружили, что скорость превращения водорода в гелий внутри Солнца растет. Они запустили тысячи зондов прямо в Солнце, чтобы исследовать его, и в результате построили точную математическую модель звезды.

Применив эту модель, суперкомпьютеры рассчитали, что Солнце уже отклонилось в своем развитии от главной последовательности диаграммы Герцшпрунга – Рассела. Гелий вскоре проникнет в ядро Солнца и вызовет разрушительный взрыв, так называемую гелиевую

вспышку. После этого Солнце превратится в массивный низкотемпературный красный гигант, который будет расти, пока его диаметр не превысит орбиту Земли.

Но наша планета испарилась бы во время предшествующей этому гелиевой вспышки задолго до этого.

Все это, как предполагали, произойдет в течение следующих четырехсот лет. С тех пор прошло триста восемьдесят лет.

Эта солнечная катастрофа не только уничтожила бы и поглотила бы все обитаемые планеты Солнечной системы, она также полностью изменила бы состав и орбиты планет-гигантов. После первой гелиевой вспышки, когда тяжелые элементы снова собрались бы в солнечном ядре, в течение некоторого времени происходили бы повторные неконтролируемые ядерные взрывы. Хотя этот период представляет собой лишь короткую фазу эволюции звезд, он может продолжаться в тысячи раз дольше, чем вся история человечества. Если человечество останется в Солнечной системе, у нас нет шансов пережить такую катастрофу. Единственным выходом для нас была межзвездная эмиграция. При уровне технологии, доступной человечеству в то время, единственной видимой целью такой миграции была Проксима Центавра. Эта звезда ближе всех других к нашей, до нее всего четыре с половиной световых года. Достигнуть консенсуса в вопросе о пункте назначения было достаточно просто, реальные разногласия возникли в вопросе о том, как туда добраться.

Чтобы подкрепить урок, наш корабль дважды переплыл Тихий океан и показал нам два восхода солнца. К тому времени мы привыкли к этому зрелищу, и нас уже не надо было убеждать, что дети, родившиеся в Северном полушарии, могут уцелеть, ежедневно подвергаясь воздействию Солнца. Мы плыли дальше в рассвет. Солнце поднималось все выше на небе, и прохладный океанский воздух нескольких последних дней отступал, температура начала повышаться. Я погружался в сон в своей каюте, когда услышал снаружи какой-то шум. Дверь приоткрылась, и Линьгэ просунула голову в каюту.

– Эй, Планетники и Звездолетники^[1] опять дерутся!

Мне было наплевать на них. Они сражались друг с другом последние четыреста лет. Но я все же поднялся, чтобы взглянуть. Снаружи группа мальчишек устроила драку. С одного взгляда стало понятно, что Тун снова взялся за свои обычные проделки. Его отец

был упорным Звездолетником и до сих пор отсиживал срок в тюрьме за участие в восстании против Коалиции. Тун пошел по стопам своего отца.

С помощью нескольких крепких матросов мисс Стелле удалось растащить дерущихся. Несмотря на текущую из носа кровь, Тун поднял кулак и закричал:

– Выбросим Планетников за борт!

– Я тоже Планетница. Ты хочешь и меня выбросить за борт? – спросила мисс Стелла.

– Я выброшу за борт всех Планетников до единого! – Тун не желал сдаваться.

В последнее время Звездолетников поддерживало все больше жителей Земли, и они снова стали неуправляемыми.

– Почему вы так нас ненавидите? – спросила мисс Стелла. Несколько детей-Звездолетников тут же протестующе закричали:

– Мы не станем ждать смерти на Земле вместе с вами, глупыми Планетниками!

– Мы построим космические корабли и улетим! Да здравствуют космические корабли!

Мисс Стелла включила голографический проектор на своем запястье. Тут же в воздухе перед нами возникло изображение, которое приковало наше внимание. Мы на мгновение затихли. Голограмма представляла собой прозрачный хрустальный шар. Он был примерно десять сантиметров в диаметре и на две трети заполнен водой. В нем находились маленькая креветка, веточка коралла и обрывок зеленой водоросли. Креветка лениво плавала вокруг коралла.

– Это проект, который Тун делал для урока естествознания, – сказала мисс Стелла. – Кроме того, что вы все здесь видите, в этом шаре находятся микроскопические бактерии. Все, что внутри него, зависит друг от друга. Креветка питается водорослями и извлекает кислород из воды, а потом выделяет органические вещества в виде своих отходов и выдыхает углекислый газ. Бактерии разлагают отходы креветки на неорганические вещества. Затем водоросли используют эти неорганические вещества и углекислый газ для фотосинтеза под источником искусственного освещения. Они создают питательные вещества, растут и размножаются, и выделяют кислород для дыхания креветки. Пока имеется постоянный источник солнечного света,

экологический цикл в стеклянном шаре сможет постоянно поддерживать жизнь внутри. Это лучший ученический проект из всех, что я видела. Я понимаю, что этот шар олицетворяет мечту Туна и мечты всех детей-Звездолетников. Это тот самый космический корабль в миниатюре, о котором вы мечтаете! Тун мне рассказал, что он создал его на базе точных математических моделей. Он модифицировал гены каждого организма и добился того, что их метаболизм идеально сбалансирован. Он твердо уверен, что маленький мир внутри шара будет существовать, пока креветка не достигнет естественного конца своего жизненного цикла. Все учителя были в восторге от этого проекта. Мы поместили его под источник искусственного света необходимой интенсивности. Нас убедил прогноз Туна, и мы молча желали успеха крошечному миру, который он создал. Но сейчас, меньше, чем через две недели...

Мисс Стелла осторожно достала реальный стеклянный шар из маленького ящичка. Креветка безжизненно плавала на поверхности мутной воды. Гниющие водоросли перестали быть зелеными и превратились в мертвую, мохнатую пленку, покрывшую коралл.

– Этот маленький мир мертв. Дети, кто сможет объяснить мне почему? – Мисс Стелла подняла безжизненный шар вверх, чтобы все его видели.

– Он был слишком маленьким!

– Действительно он был слишком маленьким. Такие маленькие экосистемы, как эта, как бы точно они ни были спроектированы, не выдерживают течения времени. Космические корабли Звездолетников не станут исключением.

– Мы построим корабли величиной с Шанхай или Нью-Йорк, – возразил Тун, но его голос звучал гораздо тише, чем прежде.

– Да, но все, что будет больше, выходит за пределы технологии, доступной человечеству, и по сравнению с Землей такие экосистемы все равно будут слишком малы.

– Тогда мы найдем новую планету!

– Даже вы сами не верите в это, – ответила мисс Стелла. – На орбите Проксимы Центавра нет подходящих планет. Ближайшая обнаруженная звезда с пригодными для жизни планетами находится на расстоянии восьмисот пятидесяти световых лет от нас. В настоящее время самый быстрый космический корабль, который мы в состоянии

построить, способен развить скорость, равную 0,5 процента скорости света, а это значит, что нам потребуется сто семьдесят тысяч лет, чтобы долететь туда. Экосистема размером с космический корабль не выдержит даже одной десятой такого путешествия. Дети, только экосистема размером с Землю с непрерывным экологическим циклом сможет обеспечить нам бесконечно долгое существование! Если человечество оставит Землю, – заявила она, – мы станем уязвимыми, как младенец, разлученный с матерью посреди пустыни!

– Но... – Тун помолчал. – Мисс Стелла, у нас уже нет времени, и у Земли его нет. Солнце взорвется раньше, чем мы разгонимся и улетим достаточно далеко от него!

– Времени осталось достаточно, – твердо ответила она. – Вы должны верить в Коалицию! Сколько раз я вам говорила? Даже если вы не верите, мы, по крайней мере, можем сказать: человечество умрет гордо, потому что мы сделали все, что могли!

Процесс спасения человечества состоял из пяти этапов. Сначала Двигатели Земли генерируют тягу в направлении, противоположном движению Земли, останавливая ее вращение. На втором этапе, развив максимальную мощность, двигатели будут разгонять Землю до тех пор, пока она не достигнет второй космической скорости и не выйдет за пределы Солнечной системы. На третьем этапе Земля будет продолжать наращивать ускорение во время полета в открытом космосе к Проксиме Центавра. На четвертом – двигатели начнут работать в противоположном направлении, снова запустят вращение Земли и постепенно начнут снижать ее скорость. На пятом – Земля выйдет на орбиту вокруг Проксимы Центавра и станет ее спутником. Люди назвали эти пять этапов «Эрой торможения», «Эрой покидания», «Эрой первого странствия» (период ускорения), «Эрой второго странствия» (период нового торможения) и «Эрой нового солнца».

Планировалось, что весь процесс миграции будет продолжаться 2500 лет, на протяжении жизни более ста поколений.

Океанский лайнер продолжал плыть к той части Земли, которая окутана ночной тьмой. Ни солнечный свет, ни свет от лучей плазмы не проникал туда. Наши лица покалывал холодный ветер Атлантики, когда мы впервые в жизни увидели звезды в ночном небе. Боже, это было потрясающее зрелище! Мисс Стелла стояла, одной рукой обнимая Линьгэ и меня.

– Смотрите, дети, – сказала она, указывая на звезды другой. – Вон Центавр, а это Проксима Центавра, наш новый дом! – Она заплакала, и мы плакали вместе с ней. У всех, стоящих вокруг нас, даже у капитана и его команды – закаленных моряков – на глаза навернулись слезы. Полными слез глазами все смотрели туда, куда указывала мисс Стелла, а звезды расплывались и плясали. Только одна звезда оставалась неподвижной; то был луч далекого маяка над темным штормовым морем, искорка света, манящая одинокого путешественника, замерзающего в тундре. Эта звезда заняла место Солнца в наших сердцах. Она была единственным оплотом надежды для ста грядущих поколений, пока они плыли по бурному морю бедствий.

* * *

Во время обратного путешествия я увидел первый сигнал отправления для Земли. Гигантская комета появилась в ночном небе – Луна. Так как мы не могли взять с собой Луну, на ее поверхности установили двигатели, чтобы убрать ее с орбиты вокруг Земли и не допустить их столкновения в период ускорения. Пышный хвост Двигателей Луны заливал море голубым светом, затмевая звезды. Притяжение Луны, проходящей мимо, подняло огромные волны. Нам пришлось пересесть на самолет и лететь домой, на Северное полушарие.

Наконец наступил день отправления!

Как только мы высадились, нас ослепило сияние Двигателей Земли. Их лучи сверкали во много раз ярче, чем раньше, и уже не под углом к поверхности Земли, а были направлены прямо в небо. Двигатели работали на полной мощности. Ускорение планеты породило стометровые волны, с грохотом обрушившиеся на все континенты. Разрушительные ураганы с воем неслись сквозь вздымающиеся колонны плазмы, взбивая кипящую пену и с корнем вырывая целые леса... Наша планета превратилась в гигантскую комету, ее голубой хвост пронизал темноту космоса.

Земля тронулась в путь; человечество тронулось в путь.

Мой дедушка умер перед самым отправлением, его обожженное тело погубила инфекция. В последние мгновения жизни он повторял

снова и снова одно и то же:

– Ах, Земля, моя странствующая Земля...

Глава 2

Эра покидания

Нашей школе было предписано переехать в подземный город, и мы оказались одними из его первых жителей. Наш школьный автобус въехал в громадный туннель, который полого спускался в недра земли. После получаса езды нам сообщили, что мы въехали в город, но ничто за окнами автобуса не походило на один из тех городов, которые я видел раньше. Мы проносились мимо лабиринта боковых туннелей поменьше и бесчисленных герметичных дверей в нишах стен. В лучах прожекторов, установленных на потолке туннеля, все приобретало свинцово-синий оттенок. Нас невольно охватило уныние от осознания того, что большую часть оставшейся нам жизни мы проведем в этом мире.

– Первообытные люди жили в пещерах, а теперь и мы тоже будем так жить, – Линьгэ произнесла это тихо, но мисс Стелла все же услышала ее слова.

– Ничего не поделаешь, дети, – вздохнула она. – Поверхность скоро станет ужасным местом. В холодное время ваш плевок замерзнет раньше, чем упадет на землю. В жару он испарится, едва сорвавшись с ваших губ.

– Я знаю, что станет холодно, потому что Земля полетит прочь от Солнца, но почему станет жарко? – спросила ученица одного из младших классов.

– Идиотка, разве ты не изучала переходные орбиты? – резко спросил я.

– Нет.

Линьгэ принялась терпеливо ей объяснять, словно для того, чтобы развеять свои собственные грустные мысли.

– Дело обстоит так: Двигатели Земли не такие мощные, как ты думаешь. Они могут немного разогнать Землю, но не могут просто вытолкнуть ее прямо за пределы солнечной орбиты. Прежде чем Земля уйдет от Солнца, нам нужно будет еще пятнадцать раз пройти по орбите вокруг него! Двигаясь по этим пятнадцати орбитам, Земля постепенно будет наращивать скорость. Сейчас орбита Земли вокруг

Солнца почти круговая, но по мере увеличения скорости она будет становиться все более эллиптической. Чем быстрее мы будем двигаться, тем более вытянутым станет эллипс и тем больше Солнце будет смещаться к одному концу орбиты. И когда Земля будет находиться дальше всего от Солнца, естественно, будет очень холодно...

– Но... Это все равно неправильно! Когда Земля окажется далеко от Солнца, будет холодно, ее расстояние от Солнца будет... Гм, дайте подумать. – Девочка пожевала губку. – Динамика орбиты говорит, что Земля не приблизится к Солнцу на меньшее расстояние, чем сейчас, так почему же станет жарче?

Она поистине была маленьким гением. Сегодня гениальная инженерия превратила в норму такую необыкновенную память. В этом отношении человечеству повезло. Иначе невообразимые чудеса, например Двигатели Земли, невозможно было бы сделать реальностью всего за четыреста лет.

– Не забудь о Двигателях Земли, глупая, – вмешался я. – Больше десяти тысяч этих гигантских паяльных ламп работают на полную мощность. Земля, в сущности, – просто кольцо, которое держит эти ракетные сопла. А теперь помолчи. Ты меня раздражаешь.

* * *

Мы начали новую жизнь под землей. В нашем городе, в пятистах метрах ниже поверхности земли, хватало места для миллиона с небольшим жителей. Много других городов, точно таких же, находилось в разных местах на всех континентах. Здесь я окончил младшую школу и поступил в среднюю. Я сосредоточился на изучении естественных наук и техники. Искусство, философия и другие предметы, которые считались несущественными, были сведены к минимуму или исключены из программы школы. У человечества не было времени, чтобы отвлекаться на них. Все должны были выполнять свою работу, и конца ей не предвиделось. Интересно, что все мировые религии бесследно исчезли за одну ночь. Люди в конце концов осознали, что если Бог действительно существует, то он просто

негодяй. Мы все еще изучали историю, но нам Солнечная эра человеческой истории казалась таким же мифом, как Сад Эдема.

Мой отец служил астронавтом военно-воздушных сил. Он часто совершал полеты на низкую околоземную орбиту и редко бывал дома. Помню, на пятый год орбитального ускорения, когда Земля была в афелии, мы всей семьей совершили поездку на море. День афелии был праздничным днем, как Новый год или Рождество. Когда Земля оказалась в самой удаленной от Солнца части своей орбиты, всех охватила радость от ложного ощущения безопасности. Нам все-таки необходимо было носить особые термальные скафандры, выходя на поверхность. Вместо охлаждающих мы надевали обогревающие скафандры, работающие на ядерных батареях. Снаружи мы почти слепли от мощных лучей Двигателей Земли, вознесшихся над Землей. Их резкий свет мешал нам рассмотреть поверхность планеты, и трудно было сказать, изменился ли ландшафт. Нам пришлось долго лететь в нашей машине, прежде чем мы избавились от этого сияния и нам удалось увидеть морской берег. Солнце съежилось до размеров бейсбольного мяча. Оно неподвижно висело в небе, окруженное тусклым ореолом, как во время восхода. Небо имело такой темно-синий цвет, какого мы никогда не видели, и звезды были ясно видны. Оглянувшись вокруг, я вдруг удивился, куда пропал океан. Теперь до самого горизонта простиралась обширная, белая, ледяная равнина. На замерзшем море собралась большая толпа гуляющих. В темноте со свистом взлетали фейерверки. Все необычайно самозабвенно кутили и веселились. Пьяные гуляки катались по льду, некоторые выкрикивали слова десятка разных песен, стараясь перекрыть голоса других певцов вокруг.

– Несмотря на все, каждый живет своей собственной жизнью. В этом нет ничего плохого, – с одобрением произнес отец. Он замолчал, внезапно что-то вспомнив. – Ох, я забыл вам сказать – я влюбился в Стеллу Ли. Хочу переехать от вас и жить вместе с ней.

– Кто она? – спокойно спросила моя мать.

– Моя учительница из начальной школы, – ответил я за него.

Я начал учиться в средней школе два года назад и понятия не имел, откуда мой отец знает мисс Стеллу. Может быть, они познакомились на моей выпускной церемонии?

– Тогда переезжай, – сказала мать.

– Я уверен, что она мне быстро надоест. Тогда я вернусь. Ты не возражаешь?

– Если ты хочешь этого – конечно. – Ее голос был таким же спокойным и ровным, как замерзшее море. Но через мгновение она уже искрилась от волнения. – О, как красиво! Должно быть, там, внутри, голографический дифрактор! – Она показала рукой на фейерверк, расцветающий в ночном небе, искренне пораженная его красотой.

Кинофильмы и романы, созданные четыреста лет назад, приводили в замешательство современных зрителей и читателей. Нам было совершенно непонятно, почему люди Солнечной эры так много вкладывали эмоций, не имеющих отношения к выживанию. Видеть, как герой или героиня страдают или рыдают из-за любви, было непостижимо. В наши дни, в нашу эпоху, угроза смерти и стремление спастись побеждали все остальное. Ничто, кроме последних новостей о состоянии Солнца и позиции Земли, нас не могло тронуть или хотя бы привлечь наше внимание. Такая чрезмерная сосредоточенность на этих вопросах постепенно изменила сущность человеческой психологии и духовности. Люди мало обращали внимания на дела сердечные, подобно тому, как азартный игрок пьет воду, не в состоянии оторвать глаз от колеса рулетки.

Через два месяца мой отец вернулся после короткого проживания вместе с мисс Стеллой. Мою мать его возвращение не обрадовало и не опечалило.

– Ты произвел на Стеллу хорошее впечатление, – сказал мне отец. – Она сказала, что ты очень креативный ученик.

– Кто это сказал? – спросила моя мать озадаченно.

– Учительница начальной школы, мисс Стелла, – нетерпеливо ответил я. – Папа жил с ней последние два месяца!

– О, я вспомнила! – Она покачала головой и рассмеялась. – Мне еще и сорока нет, а память уже подводит.

Она подняла взгляд на голографические звезды на потолке и на лес на стенах.

– Хорошо, что ты уже дома. Теперь можешь выключить эти картинки. Нам с твоим сыном до смерти надоело смотреть на них, но мы не знаем, как это проклятая штука работает.

К тому времени, когда Земля начала снова двигаться в сторону Солнца, мы все совершенно забыли об этом эпизоде.

* * *

Однажды в новостях сообщили, что океан начал таять, и мы всей семьей снова отправились на побережье. Земля как раз пересекала орбиту Марса. Достигающий Земле свет Солнца не должен был значительно повысить температуру, но Двигатели Земли достаточно нагревали ее поверхность, чтобы растопить льды моря. Как чудесно было выходить наружу без неуклюжего термального скафандра. Двигатели Земли по-прежнему освещали небо нашего полушария, но на другой стороне планеты люди по-настоящему почувствовали приближение Солнца. Их небо было голубым, ясным и чистым, а Солнце светило так же ярко, как до отлета. Но с воздуха мы не заметили никаких признаков таяния. Мы видели только белую бескрайнюю ледяную пустыню. Разочарованные, мы вышли из машины. В тот момент, когда мы закрывали дверцы, мы услышали рокот, как от землетрясения, который, казалось, шел из глубины самой планеты. Казалось, будто Земля вот-вот взорвется.

– Это шум океана! – закричал отец, перекрывая рокот. – Резкое повышение температуры неравномерно нагревает толщу льда – это похоже на землетрясение на суше!

Внезапно этот низкий рокот прорезал резкий звук, похожий на удар грома, что вызвало радостные крики зрителей, стоящих позади нас и наблюдающих за морем. Я увидел, как появилась длинная трещина, прорезавшая замерзший океан подобно черной молнии. Рокот продолжался, и на льду появилось еще больше трещин. Из трещин хлынула вода, и ее потоки залили ледяную равнину.

По дороге домой мы из окон смотрели на пустынную землю внизу и видели широкие полосы диких трав, выросших из земли. Всевозможные цветы цвели пышным цветом, увядшие леса покрылись нежно-зелеными листьями. Жизнь взялась за дело обновления, как будто ей нельзя было терять время.

С каждым днем Земля все ближе подлетала к Солнцу, и сердца наши все больше сжимались от страха. Все меньше людей

поднимались на поверхность полюбоваться весенним пейзажем. Большинство пряталось в подземной глубине не для того, чтобы укрыться от приближающегося жара, потоков дождя и ураганных ветров, а чтобы спастись от медленно наползающего ужаса перед Солнцем. Однажды ночью, когда я уже лег спать, я подслушал, как мать тихим голосом сказала отцу:

– Может, и правда уже слишком поздно.

– Такие же слухи ходили в течение последних четырех перигелиев, – ответил он.

– Но на этот раз это правда, – настаивала она. – Я слышала это от доктора Чандлер. Ее муж работает астрономом в Комиссии по навигации. Вы все его знаете. Он сказал ей, что они наблюдают ускоренный рост концентрации гелия.

– Послушай, моя дорогая, мы не должны терять надежду. Не потому, что надежда реальна, а потому, что мы должны вести себя, как подобает благородным людям. В Солнечную эру благородство предполагало богатство, власть или талант, а теперь нужна только надежда. Это золото и драгоценность нашего времени. Не важно, как долго мы проживем, мы должны сохранять ее! Завтра мы скажем то же самое нашему сыну!

Как и все остальные, я чувствовал беспокойство и тревогу по мере приближения перигелия. Однажды после уроков я оказался на центральной площади города. Я стоял возле круглого фонтана на середине площади и смотрел на сверкающую воду бассейна, потом на воздушные переливы света на куполе потолка. В этот момент я увидел Линьгэ. Она держала в руке маленькую бутылочку, а в другой – короткую трубочку. Она выдувала мыльные пузыри, ее глаза пристально следили за каждой цепочкой пузырьков, улетающих прочь. Смотрела, как они исчезали один за другим, потом выдувала следующую цепочку.

– Ты все еще любишь выдувать мыльные пузыри в твоем возрасте? – спросил я, подходя к ней.

Кажется, Линьгэ обрадовалась при виде меня.

– Давай совершим путешествие!

– Путешествие? Куда?

– На поверхность, конечно! – Она провела рукой по воздуху и при помощи компьютера на запястье создала голограмму пляжа на закате.

Легкий бриз шевелил листья пальм, а белые волны прибоя набегали на берег. Пары влюбленных усеяли желтый песок, черные силуэты на фоне моря в золотистых искрах. – Мне это прислали Мона и Даган. Они путешествуют по всему миру. Говорят, что на поверхности не очень жарко. Снаружи так хорошо! Поехали!

– Их только что исключили за то, что они пропускали занятия, – возразил я.

Линьгэ фыркнула.

– Ты не этого боишься на самом деле. Ты боишься Солнца!

– А ты нет? Тебе приходилось посещать психиатра из-за своей гелиофобии.

– Теперь я стала другой. Меня посетило вдохновение! Смотри, – сказала Линьгэ и выдула еще одну цепочку мыльных пузырей. – Смотри внимательно. – Она показала на пузыри.

Я выбрал взглядом один пузырь и рассматривал разноцветные волны света, пробегающие по его поверхности, эти радужные узоры, слишком сложные и запутанные для человеческого восприятия. Казалось, этот мыльный пузырь знает, что проживет короткую жизнь, и лихорадочно спешит передать миру мириады снов и легенд из своей огромной памяти. Через мгновение волны света и цвета исчезли в беззвучном взрыве. Еще на полсекунды осталось крохотное облачко пара, но потом и оно исчезло, будто мыльного пузыря никогда и не существовало.

– Видишь? Земля – это космический мыльный пузырь. Раз! – и она исчезнет. Так чего же бояться?

– Но это произойдет не так. Подсчитано, что после гелиевой вспышки пройдет сто часов, прежде чем Земля полностью испарится.

– Но это и есть самое страшное! – крикнула Линьгэ. – Находясь в пятистах метрах под землей, мы похожи на мясную начинку в пироге. Сначала мы медленно испечемся, а потом превратимся в пар!

Холодная дрожь пробежала по всему моему телу.

– Но на поверхности будет не так. Все превратится в пар в мгновение ока. Все люди наверху будут как мыльные пузыри: один миг – и... – Ее голос замер. – Поэтому я думаю, что лучше находиться на поверхности, когда произойдет вспышка.

Я не мог бы объяснить почему, но я не пошел с ней. Вместо меня она отправилась вместе с Туном, и я больше никогда их не видел.

Но гелиевая вспышка так и не произошла. Земля прошла мимо перигелия и направилась к афелию в шестой раз. У человечества вырвался общий вздох облегчения. Так как Земля больше не вращалась, в этой точке орбиты вокруг Солнца Двигатели Земли, установленные в Азии, смотрели в сторону направления полета. Поэтому эти двигатели полностью отключили и включали только изредка для корректировки ориентации Земли. Мы вплыли в тихую, бесконечную ночь. В Северной Америке, однако, двигатели работали на полную мощность, этот континент обеспечивал ракетные сопла для планеты. Поскольку Западное полушарие также было обращено к Солнцу, там царилась убийственная жара. Трава и деревья превратились в дым.

Ускорение Земли, при поддержке гравитации, с каждым годом увеличивалось. Когда планета начинала восхождение к афелию, мы расслаблялись пропорционально расстоянию Земли от Солнца; с наступлением нового года, когда планета начинала свое долгое падение к Солнцу, наше напряжение росло с каждым днем. Всякий раз, когда Земля достигала перигелия, нарастали слухи, будто гелиевая вспышка неизбежна. Эти слухи упорно распространялись до тех пор, пока Земля снова не начинала двигаться к афелию. Но даже в то время, когда страхи людей стихали по мере того, как Солнце в небе съеживалось, следующая волна паники уже зарождалась. Казалось, моральный дух человечества качается на космической трапеции. Или, возможно, точнее будет сказать, что мы играем в русскую рулетку в планетарном масштабе: каждое путешествие от перигелия к афелию и обратно напоминало вращение барабана, а прохождение перигелия – спуск курка! Каждый спуск действовал на нервы сильнее предыдущего. Мое детство прошло в переходах от ужаса к расслаблению. По сути говоря, даже в афелии Земля никогда не покидала опасной зоны гелиевой вспышки. Когда Солнце взорвется, Земля медленно превратится в жидкость, а эта судьба гораздо хуже, чем вероятность мгновенно испариться в перигелии.

А в Эру покидания одна катастрофа быстро следовала за другой.

Изменения скорости и траектории, создаваемые Двигателями Земли, нарушали равновесие в железно-никелевом ядре Земли. Турбулентность проходила через границу Гутенберга^[2] и распространялась до мантии. Когда геотермальная энергия вырывалась

на поверхность, извержения вулканов опустошали все континенты, что представляло смертельную опасность для жителей подземных городов. Начиная с шестого орбитального периода катастрофические выбросы на поверхность магмы слишком часто случались в городах по всему миру.

Однажды, когда я возвращался домой из школы, завывали сирены. За ними быстро последовало срочное обращение от мэрии.

«Внимание, жители Города F112! Северный барьер прорван подвижкой земной коры. Магма проникла в город! Потоки магмы уже добрались до Четвертого квартала! Съезды с шоссе перекрыты. Все жители должны явиться на центральную площадь и эвакуироваться на подъемнике. Обратите внимание, пожалуйста, что эвакуация будет проводиться в соответствии со Статьей 5 Закона о чрезвычайном положении. Повторяю, эвакуация будет проводиться в соответствии со Статьей 5 Закона о чрезвычайном положении!»

Когда я оглянулся на лабиринт туннелей, наш подземный город показался мне на удивление обычным. Но я сознавал грозящую нам опасность: из двух подземных шоссе, ведущих из города, одно было в прошлом году перекрыто ради выполнения необходимых работ по укреплению городских защитных барьеров. Если последнее оставшееся шоссе тоже заблокировано, то мы могли спастись только по вертикальным шахтам подъемников, которые выходили прямо на поверхность.

Вместимость этих лифтов была очень ограничена. Потребовалось бы много времени, чтобы поднять триста шестьдесят тысяч жителей в безопасное место, но не нужно было бороться за место в подъемниках. Закон о ЧП, изданный Коалицией, предусматривал все необходимые действия во время эвакуации.

Преыдушие поколения уже решали подобную этическую проблему. Человек попадает в наводнение и может спасти только еще одного человека. Кого он должен спасать, своего отца или своего сына? В наше время и в эту эру невозможно было поверить, что такой вопрос вообще мог когда-то возникнуть.

Когда я пришел на площадь, то увидел, что люди уже начали выстраиваться в длинную очередь в соответствии со своим возрастом. В голове очереди, ближе всех к подъемникам, стояли роботы-няни, каждая держала на руках младенца. Затем шли дети из детских садиков, за ними – ученики младших классов. Мое место было в середине очереди, довольно близко к ее началу. Отец дежурил на низкой околоземной орбите, в городе оставались только я и моя мать. Я нигде не видел ее и побежал вдоль бесконечной людской шеренги, но далеко не ушел, меня остановили солдаты. Я знал, что она стоит в самом конце. Наш город в основном был университетским, в нем обитало мало семей, поэтому она стояла среди самых старых городских жителей.

Очередь двигалась вперед мучительно медленно. Через три долгих часа подошла наконец моя очередь, но я не чувствовал облегчения, входя в лифт. Между моей матерью и шансом на выживание стояло еще двадцать тысяч студентов, а я уже ощущал сильный запах серы.

Через два с половиной часа после того, как я добрался до поверхности, магма затопила весь город под моими ногами. В мое сердце вонзился нож, когда я представил себе последние мгновения жизни моей мамы. Стоя вместе с остальными восемнадцатью тысячами других людей, которые не смогли вовремя эвакуироваться, она смотрела, как магма хлынула на площадь. Электричество в городе уже отключилось, осталось только ужасное, красное свечение магмы. От страшного жара почернел высокий белый купол торгового центра. Погибшие, вероятно, не дожили до контакта с магмой, температура выше тысячи градусов убила их раньше.

Но жизнь продолжалась, и даже в этой жестокой, ужасающей реальности искры любви иногда еще вспыхивали. Во время двенадцатого восхождения к афелию, пытаясь снизить напряжение в обществе, Коалиция неожиданно возродила Олимпийские игры после двухсотлетнего перерыва. Во время этих игр я принял участие в ралли на снегоходах. Мы стартовали в Шанхае и промчались на своих снегоходах по замерзшей поверхности Тихого океана до Нью-Йорка.

После выстрела из стартового пистолета больше ста снегоходов ринулись через замерзший океан, мы мчались по льду со скоростью двести километров в час. Сначала я все время видел кого-нибудь из

своих соперников. Однако через два дня они все исчезли за горизонтом, отстали от меня или опередили меня.

Сияния Двигателей Земли уже не было видно у меня за спиной, и я несся к самой темной части планеты. Моим миром было бескрайнее, звездное небо и лед, простирающийся во всех направлениях до самого конца Вселенной – возможно, это и был конец вселенной. И в этой вселенной бесконечных звезд и бесконечного льда я был один! Когда на меня обрушилась лавина одиночества, мне захотелось плакать. Я мчался так, будто от этого зависела моя жизнь. Завоюю ли я место на пьедестале почета, не имело значения: мне необходимо было избавиться от этого ужасного одиночества раньше, чем оно убьет меня. В моем воображении противоположного берега больше не существовало.

В этот момент я увидел силуэт фигуры на фоне горизонта. Подъехав ближе, я понял, что это женщина. Она стояла рядом со своим снегоходом, ее волосы развевал ледяной ветер. Как только наши пути пересеклись, стало ясно, что остаток наших жизней определен. Ее звали Ямасаки Кайоко, и она была японкой. Команда этой женщины стартовала за двенадцать часов до нашей, но ее снегоход провалился в трещину во льду, одна лыжа сломалась. Помогая ей починить лыжу, я рассказал ей о том чувстве, которое охватило меня недавно.

– Я чувствовала себя точно так же! – воскликнула она. – Словно я одна во Вселенной! Знаешь, когда я увидела тебя вдалеке, это было все равно что наблюдать восход Солнца.

– Почему ты не вызвала спасательный самолет? – спросил я.

Она подняла свой маленький кулачок.

– Эта гонка олицетворяет силу человеческого духа, – заявила она с твердостью, так характерной для японцев. – Мы должны помнить, что Земля не может позвать на помощь во время странствия по космосу.

– Ну, теперь нам придется вызвать помощь. Ни у кого из нас нет запасного полоза, поэтому твой снегоход починить невозможно.

– Почему бы мне не сесть к тебе на заднее сиденье? – предложила она. – То есть если ты не стремишься занять призовое место.

Я действительно не стремился, поэтому мы с Кайоко совершили долгое путешествие через замерзший Тихий океан вместе.

Миновав Гавайи, мы увидели на горизонте проблески света. На этом бескрайнем ледяном просторе, освещенном крошечным Солнцем, мы отправили заявление о заключении брака в Министерство гражданских дел Коалиции.

К тому времени, когда мы добрались до Нью-Йорка, олимпийские судьи устали ждать, упаковали свои вещи и уехали. Но чиновник из муниципального Бюро гражданских дел стоял и ждал нас. Он поздравил нас с вступлением в брак, а потом приступил к выполнению своих служебных обязанностей. Взмахом руки он создал голограмму, усеянную сотнями тысяч точек. Каждая точка обозначала пару, зарегистрировавшую брак в Коалиции за последние несколько дней. По причине суровых условий окружающей среды по закону только одна из трех пар новобрачных получала разрешение на рождение ребенка. Это право определяла лотерея. Глядя на тысячи точек, Кайоко долго колебалась, перед тем как ткнуть пальцем в одну точку посередине.

Когда точка стала зеленой, она запрыгала от радости. Я не был уверен, как отношусь к перспективе завести семью. Если я произведу на свет ребенка в эту эру страданий, станет это благословением или бедствием? По крайней мере, чиновник был несказанно счастлив. Он сказал нам, что это большая радость, когда пара получает зеленую точку. Он достал бутылку водки, и мы втроем по очереди пили из нее за продолжение человеческой расы. За нашими спинами слабый свет далекого Солнца золотил статую Свободы. Перед нами давно покинутые небоскребы Манхэттена отбрасывали длинные тени на неподвижный лед нью-йоркской гавани. Я чувствовал себя пьяным и признавал, что по моим щекам текут слезы.

Земля, моя странствующая Земля!

* * *

Перед тем как мы расстались, чиновник вручил нам ключи и икнул.

– Они от выделенного вам дома в Азии. Теперь отправляйтесь домой. Спешите в ваш чудесный новый дом!

– Насколько он чудесный? – холодно спросил я. – Подземные города в Азии опасны, но, разумеется, вы, жители Запада, об этом не знаете.

– Мы скоро столкнемся с нашей собственной уникальной угрозой для жизни, – ответил он. – Земля вскоре пролетит сквозь пояс астероидов, а Западное полушарие обращено к нему.

– Но мы уже проходили через пояс астероидов во время нескольких последних орбит. Это не очень опасно, разве не так?

– Мы прошли лишь по краю пояса астероидов. Космический флот, конечно, мог с этим справиться. У них есть лазеры и ядерное оружие, чтобы убрать небольшие камни с траектории Земли. Но на этот раз... – Он помолчал. – Разве вы не смотрели новости? На этот раз Земля пройдет прямо через середину пояса! Флот справится с мелкими камнями, а вот крупные...

Во время обратного перелета в Азию Кайоко повернулась ко мне и спросила:

– Эти астероиды очень большие?

Мой отец был одним из офицеров Космического флота, которым поручено отклонять в сторону и уничтожать астероиды. Поэтому, хотя правительство прибегло к обычному замалчиванию этой проблемы в средствах информации, у меня было некоторое представление о том, что произойдет. Я рассказал Кайоко, что некоторые астероиды на нашем пути размером с гору; даже пятидесятимегапонные термоядерные бомбы способны лишь оставить зарубку на их поверхности.

– Им придется применить самое мощное оружие из арсенала человечества, – таинственно прибавил я.

– Ты имеешь в виду бомбы из антиматерии? – спросила она.

– А что еще это может быть?

– Какова дальность полета кораблей флота?

– В настоящее время их дальность ограничена. Отец говорил мне, что она достигает примерно полутора миллионов километров, – ответил я.

Кайоко тихонько пискнула.

– Значит, мы сможем это увидеть!

– Лучше не смотреть.

Но Кайоко все равно посмотрела, и без защитных очков. Первая вспышка от взрыва бомбы из антивещества дошла до Земли из космоса вскоре после нашего взлета. Именно в этот момент Кайоко любовалась звездным небом за окном. Вспышка ослепила ее больше, чем на час, а глаза оставались красными и слезились потом еще больше месяца. После ужасных мгновений этой вспышки, от которой кровь застыла в жилах, снаряды с антивеществом продолжали бомбить астероид. Слепящие вспышки взрывов пульсировали в абсолютно черном небе, словно огромная орда папарацци напала на планету, а она от них лихорадочно отбивается.

Через полчаса мы увидели метеоры, за которыми тянулись по небу огненные хвосты, завораживающие своей пугающей красотой. Все больше метеоров появлялось в небе, и каждый проникал в атмосферу дальше предыдущего. Внезапно самолет задрожал от оглушительного рева, за которым последовали еще более сильный грохот и тряска. Решив, что метеорит попал в самолет, Кайоко закричала и бросилась в мои объятия. В тот же момент по интеркому зазвучал голос капитана:

– Дамы и господа, прошу вас, не беспокойтесь. Это был всего лишь звуковой удар после прохождения метеоритом звукового барьера. Наденьте, пожалуйста, наушники, чтобы избежать потери слуха. Поскольку нельзя гарантировать безопасность полета, мы совершим экстренную посадку на Гавайях.

Объявление отзвучало, а я не отрывал глаз от метеорита, гораздо более крупного, чем все остальные. Во мне росло убеждение, что он не сгорит в атмосфере, как предыдущие метеоры. Конечно, этот огненный шар стремительно промчался по небу, уменьшаясь в размерах, и потом врезался в замерзший океан. С высоты десяти тысяч метров мы видели, как маленькая белая точка появилась в месте его падения. Эта точка немедленно превратилась в белый круг, который быстро разрастался на поверхности океана.

– Это волна? – спросила Кайоко дрожащим голосом.

– Да, это волна, высотой более ста метров. Но океан покрыт сплошным льдом. Лед скоро ее погасит, – ответил я, в основном чтобы успокоить самого себя. Больше я вниз не смотрел.

Вскоре после этого мы приземлились в Гонолулу. Местные власти распорядились впустить нас в подземный город. Во время поездки вдоль побережья мы видели небо, заполненное метеорами. Казалось,

что целый легион демонов с огненными волосами вырвался из одной точки в космосе.

Мы увидели, как один метеорит упал на поверхность океана недалеко от берега. Фонтан воды не взлетел, белый гриб водяного пара распустился высоко в небе. Под замерзшей поверхностью вода ринулась к берегу. Толстый слой льда застонал, распался на куски и волнами устремился к берегу, будто косяк гигантских, извивающихся морских чудовищ плыл подо льдом.

– Насколько большим был этот метеорит? – спросил я у чиновника, который встречал нас в аэропорту.

– Меньше пяти килограммов, не больше вашей головы. Но мне только что сообщили, что двадцатитонный метеорит упал в море в восьмистах километрах к северу отсюда.

У него запищал наручный коммуникатор. Он взглянул на него и сразу же обратился к водителю:

– Мы не успеем к двустам четвертым воротам. Поезжай к ближайшему входу.

Автобус повернул за угол и остановился у въезда в подземный город. Когда мы вышли, то увидели, что вход охраняют несколько солдат. Они уставились, не мигая, вдаль полными ужаса глазами. Мы проследили за их взглядом и увидели на горизонте черный барьер. На первый взгляд он казался низкой грядой облаков, но ее высота была слишком одинаковой для облаков, это было больше похоже на длинную стену, протянувшуюся вдоль горизонта. Присмотревшись пристальнее, мы увидели, что у этой стены белые края.

– Что это? – робко спросила Кайоко у чиновника. От его ответа у нас волосы встали дыбом.

– Волна.

Высокие стальные ворота, ведущие в подземный город, со скрипом захлопнулись. Через десять минут мы ощутили низкий рокот, идущий с потолка, словно там, по поверхности, прокатилось титаническое колесо. Мы молча переглянулись с отчаянием, так как поняли, что в этот момент стометровые волны перемахнули Гавайский архипелаг и устремились к материку. Но последующие вслед за этим сотрясения были еще более устрашающими. Казалось, гигантский кулак из космоса наносит удары по Земле. Под землей они ощущались

слабее, но болезненно отдавались в наших душах. Это был обстрел поверхности метеоритами.

Жестокая бомбардировка нашей планеты продолжалась с перерывами неделю. Когда мы наконец покинули подземный город, Кайоко воскликнула:

– Боже мой, что случилось с небом?

Небо стало грязно-серым. Верхний слой атмосферы был наполнен пылью, выброшенной вверх упавшими астероидами. Солнце и звезды исчезли в бесконечной серости, будто вся Вселенная окуталась густым туманом. На суше вода, оставшаяся после чудовищных волн, замерзла и превратилась в лед. Уцелевшие высотные здания одиноко торчали надо льдом, усеянные ледяными каскадами. Слой пыли покрыл лед, лишил весь мир красок, повсюду царила все подавляющая серость.

Мы с Кайоко вскоре возобновили свое путешествие в Азию. Когда самолет пересек линию терминатора, которая уже давно потеряла всякое значение, мы увидели самую темную ночь человечества. Казалось, самолет медленно летит сквозь иссиня-черную океанскую глубину. Когда мы смотрели в окно, напрасно отыскивая во мраке проблеск света, наше настроение стало таким же черным.

– Когда это закончится? – прошептала Кайоко.

Я не знал, говорит ли она о нашем путешествии или о жизни, полной несчастий и страданий. Я начинал думать, что ни тому ни другому не будет конца. Действительно, даже если Земля выплывет за пределы досягаемости гелиевой вспышки, даже если мы спасем свою жизнь – что потом? Мы стоим на нижней ступеньке невероятно высокой лестницы. Через сто поколений, когда наши потомки достигнут верхней ступеньки и увидят обещание новой жизни, наши кости давно уже превратятся в пыль. Я не представлял себе, какие страдания и испытания нас ждут впереди, и совсем не задумывался о том, что поведу свою возлюбленную и своего ребенка по этой бесконечной, грязной дороге. Я так устал, слишком устал, чтобы идти дальше...

В тот момент, когда печаль и отчаяние грозили задушить меня, по салону разнесся женский крик:

– О нет! Дорогой, не надо!

Я обернулся и увидел, как одна женщина пытается вырвать пистолет из рук сидящего рядом с ней мужчины. Он только что

попытался приставить его дуло к своему виску. Этот мужчина выглядел бледным и изнуренным, его глаза бессмысленно смотрели куда-то вдаль. Женщина уткнулась головой ему в колени и разразилась тихими рыданиями.

– Замолчи, – холодно произнес мужчина.

Рыдания стихли, остался только тихий гул двигателей, подобный непрерывному похоронному песнопению. В моем представлении неподвижный самолет застыл в бесконечном мраке. Во всей Вселенной не осталось ничего, кроме этого самолета и окутавшей его темноты. Кайоко крепко прижалась ко мне. Все ее тело было холодным как лед.

Внезапно в передней части салона возникло оживление, люди начали взволнованно перешептываться. Я посмотрел в окно и увидел впереди по курсу самолета туманный свет. Полное пыли ночное небо пронизывало однородное голубое свечение.

То был свет Двигателей Земли.

Треть двигателей Западного полушария уничтожили метеориты, но земля пострадала меньше, чем предсказывали расчеты до старта. Двигатели Земли в Восточном полушарии, укрытые на обратной стороне от столкновения, не пострадали. Земля сохранила достаточную мощность и возможность спастись.

Когда я увидел слабый голубой свет впереди, я почувствовал себя, как глубоководный дайвер, наконец-то увидевший освещенную солнцем поверхность после долгого подъема из морской пропасти. Я снова начал мерно дышать.

Через несколько рядов от нас раздался женский голос:

– Дорогой, боль, страх – мы можем чувствовать все это, пока мы живы. Когда мы умрем, не останется совсем ничего. Только темнота. Лучше жить, не правда ли?

Измученный мужчина не ответил. Он смотрел на голубой свет впереди, по его лицу текли слезы. Я понял, что он переживет это. Пока этот голубой свет сияет и дарит надежду, мы все это переживем. Я вспомнил обнадеживающие слова, сказанные моим отцом.

Когда мы с Кайоко приземлились, то не поехали сразу в наш новый подземный дом. Вместо этого мы отправились на поиски моего отца на базу Космического флота на поверхности. Однако когда мы приехали туда, я нашел только почетную медаль, холодную как лед,

которой его наградили посмертно. Эту медаль отдал мне вице-маршал авиации. Он рассказал мне, что отец погиб во время операции по очистке траектории Земли от астероидов. При взрыве антивещества осколок астероида попал прямо в его одноместный корабль.

– Когда это случилось, этот осколок летел со скоростью сто километров в секунду относительно его корабля. При столкновении кабина испарилась. Он не почувствовал боли, – сказал маршал. – Я вас уверяю, он не почувствовал никакой боли.

Когда Земля начала снова движение к Солнцу, мы с Кайоко поднялись на поверхность, чтобы увидеть весенний пейзаж. Мы были горько разочарованы.

Мир все еще был однообразно серым. Под хмурым небом замерзшие озера из остатков морской воды усеяли ландшафт. Не видно было ни единого зеленого росточка. Огромный слой пыли в атмосфере блокировал солнечный свет, препятствуя повышению температуры. Океаны и континенты не оттаивали даже в перигелии. Солнце оставалось слабым и тусклым, похожим на призрак, скрывающийся за пылью.

Три года спустя, когда пыль в атмосфере рассеялась, человечество в последний раз миновало перигелий. Когда мы достигли его, обитатели Восточного полушария получили возможность стать свидетелями самого быстрого восхода и заката Солнца в истории Земли. Солнце выскочило из моря и быстро пронеслось по небу. Тени меняли направление так быстро, что напоминали секундные стрелки, бегущие по циферблатам бесчисленных часов. Это был самый короткий день из всех, которые когда-либо видела Земля, он закончился меньше, чем через час.

Когда Солнце нырнуло за горизонт и темнота упала на планету, я испытал приступ горя. Этот быстро пролетевший день показался мне кратким итогом четырех с половиной миллиардов лет истории Земли в Солнечной системе. Она больше никогда не вернется обратно, до конца существования Вселенной.

– Темно, – печально произнесла Кайоко.

– Самая долгая ночь, – ответил я.

В Восточном полушарии эта ночь будет продолжаться двадцать пять сотен лет. Сто поколений сменится до того, как новый свет Проксимы Центавра прольется на этот континент. Западное полушарие

ждет самый долгий день, но он продлится всего мгновение по сравнению с нашей вековой ночью. На этой стороне планеты Солнце быстро поднимется в зенит, где и застынет неподвижно, постоянно уменьшаясь. Целых полвека его будет сложно отличить от любой другой звезды.

Запланированная траектория Земли предполагала встречу с Юпитером. План Навигационной комиссии был следующим: пятнадцатая орбита Земли вокруг Солнца будет настолько эллиптической, что ее афелий окажется внутри орбиты Юпитера. Земля промчится мимо Юпитера, едва не столкнувшись с ним. Используя колоссальное притяжение этого газового гиганта для наращивания ускорения, Земля, в конце концов, разовьет вторую космическую скорость.

Через два месяца после прохождения Землей перигелия Юпитер уже было видно невооруженным глазом. Сначала он выглядел тусклым пятном света, но вскоре это пятно приобрело форму диска. Еще через месяц Юпитер стал размером с полную Луну, красновато-коричневую со слабо заметными полосами. Потом некоторые лучи плазмы Двигателей Земли, стоявшие перпендикулярно в течение пятнадцати лет, начали смещаться. Осуществлялась последняя корректировка траектории Земли перед встречей. Юпитер медленно опустился за горизонт и оставался там следующие три месяца. Мы его не видели, но знали, что обе планеты сближаются.

Для нас почти стало сюрпризом известие о том, что Юпитер снова можно видеть в Восточном полушарии. Все потянулись на поверхность, чтобы взглянуть. Когда я прошел через воздушный шлюз подземного города, то увидел, что Двигатели Земли, непрерывно работавшие пятнадцать лет, выключены. Мы снова могли видеть звезды на небе. Происходило наше последнее рандеву с Юпитером.

Все нервно смотрели на западную часть неба, где над горизонтом постепенно росло слабое красное сияние. Оно нарастало, пока не заполнило всю линию горизонта. Я вскоре понял, что это сияние образовало четкую границу на фоне звезд; это была дуга, такая огромная, что она протянулась от одного конца горизонта до другого. Она медленно поднималась, небо под ней стало красным, будто бархатный театральный занавес постепенно закрывал остальную Вселенную. Я невольно ахнул, у меня закружилась голова, когда я

понял, что этот занавес и есть Юпитер. Я знал, что Юпитер в тысячу четыреста раз больше Земли, но только когда увидел это огромное чудо, я осознал его колоссальные размеры.

Трудно словами описать страх и подавленность, порождаемые этим чудовищем, поднимающимся над горизонтом. Один журналист позже написал: «Я не знал, что это, мой собственный кошмарный сон или вся Вселенная – лишь кошмарный сон в огромном, извращенном мозгу этого божества!» Юпитер продолжал свой ужасный восход, и постепенно он занял полнеба. Тогда нам стали ясно видны бури, свирепствующие в его облачных слоях, они гнали его атмосферные газы и вытягивали их в хаотичные, беспорядочные полосы. Я знал, что под этими плотными скопищами облаков бушуют океаны жидкого водорода и жидкого гелия. Появилось знаменитое большое Красное Пятно, бушующее на поверхности планеты сотни тысяч лет. Этот вихрь был таким огромным, что мог бы поглотить три Земли. Теперь Юпитер заполнил все небо. Земля напоминала воздушный шар, плывущий по кипящему красному морю облаков Юпитера. Большое Красное Пятно поднялось к середине неба и устоялось на нашу планету подобно глазу циклопа. Весь земной ландшафт залил его призрачный свет. Невозможно было поверить, что наша крохотная планета сможет вырваться из гравитационного поля этого колосса. Нам на Земле даже невозможно было представить себе, что она может стать спутником Юпитера – нет, мы наверняка рухнем в ад, скрывающийся под этим бескрайним океаном облаков.

Но расчеты инженеров-навигаторов оказались безупречно точными, и пугающее ржаво-красное небо проплывало мимо нас. Через некоторое время черный полумесяц возник на западном горизонте, он быстро рос, открывая взорам мерцающие звезды. Земля вырывалась из цепких объятий притяжения Юпитера. Именно в это время снова завывали сирены, предупреждая о том, что вызванные гравитацией Юпитера приливы опять угрожают материкам. Позже нам рассказали, что по континентам снова пронеслись гигантские волны высотой более ста метров. На бегу к воротам в подземный город я бросил последний взгляд на Юпитер, все еще закрывающий половину неба. Явственные шрамы усеяли облачный слой газового гиганта; как я потом узнал, то был след, оставленный на поверхности Юпитера притяжением Земли. Наша планета также оставила после себя

огромные, как горы, буруны из жидкого гелия и водорода. И в этот момент Земля, увеличившая скорость под воздействием мощной гравитации Юпитера, устремилась в открытый космос.

Уносясь прочь от Юпитера, Земля летела на второй космической скорости. Ей уже не нужно было возвращаться к Солнцу, где таилась только смерть. Когда она устремилась в просторы открытого космоса, началась бесконечная Эра странствия.

И в темно-красной тени Юпитера, глубоко в недрах Земли, родился мой сын.

Глава 3

Мятеж

После того как мы улетели от Юпитера, десять тысяч Двигателей Земли, расположенных в Азии, снова ожили с ревом. Им предстояло работать на полную мощность на протяжении следующих пятисот лет, постоянно ускоряя планету. За эти пятьсот лет двигатели должны были использовать половину гор Азиатского континента в качестве топлива.

Освободившись наконец от четырехсотлетнего страха смерти, все человечество вздохнуло с облегчением. Но надежды на радостную жизнь так никогда и не сбылись, и того, что произошло дальше, никто себе и представить не мог.

После завершения праздничного ралли в нашем подземном городе я надел термальный скафандр и один поднялся на поверхность. Знакомые с детства горы уже сровняли с землей мегаэкскаваторы, остались лишь голые камни и жесткая, замерзшая почва. Вокруг, насколько хватало глаз, безрадостную пустоту нарушали только белые пятна, покрывавшие землю: то были соляные болота, оставшиеся после огромных океанских приливов. Передо мной лежали руины города, в котором прожили свою жизнь мой отец и дед, – города, некогда служившего домом десяти миллионам жителей. В голубом свете плазменных лучей от Двигателей Земли обнаженные стальные скелеты небоскребов отбрасывали длинные тени, похожие на окаменевшие останки доисторических животных. Постоянные наводнения и удары метеоритов уничтожили на поверхности практически все. Созданное людьми и природой за тысячелетия лежало в руинах, наша планета стала такой же голой и пустынной, как Марс.

Примерно в это время Кайоко охватило беспокойство. Она часто оставляла нашего сына без присмотра и совершала длительные полеты на машине. А возвращаясь, говорила только, что летала в Западное полушарие. Наконец настал день, когда она потащила меня туда вместе с собой.

Мы летели два часа со скоростью четыре Маха, пока не увидели свет Солнца. Оно только что взошло над Тихим океаном. Размером оно

было не больше бейсбольного мяча и освещало замерзшую поверхность слабым, холодным светом.

Поднявшись на высоту пять тысяч метров, Кайоко перевела машину в режим зависания. Потом достала с заднего сиденья длинный пакет. Когда она сняла с него чехол, я увидел телескоп, который пользовался популярностью у астрономов-любителей. Кайоко открыла окно, направила телескоп на Солнце и велела мне смотреть.

Сквозь затемненные линзы я видел Солнце, увеличенное в сотни раз. Я даже ясно видел светлые и темные пятна, медленно плывущие по его поверхности, и слабые протуберанцы по краям солнечного диска.

Кайоко подключила телескоп к бортовому компьютеру и сделала снимок Солнца. Потом она вызвала другое изображение Солнца и сказала:

– Это снято четыреста лет назад.

Компьютер сравнил эти два изображения.

– Ты видишь? – спросила Кайоко, показывая на экран. – Светимость, массив пикселей, вероятность интенсивности пикселей, статистика слоев – все параметры точно такие же!

– И что это доказывает? Игрушечный телескоп, дешевая программа обработки изображений, и ты, несведущий любитель. – Я покачал головой. – Не обращай внимания на эти слухи.

– Ты идиот, – резко бросила она, сложила телескоп и повернула машину к дому. Вдалеке я заметил несколько других машин над нами и под нами. Они парили в воздухе, как и мы только что, из окон каждой телескоп смотрел на Солнце.

В последующие несколько месяцев ужасное предположение разнеслось по миру, подобно лесному пожару. Все больше людей занималось наблюдением за Солнцем с помощью более крупных, более сложных инструментов. Национальное географическое общество даже запустило несколько зондов к Солнцу, которые достигли цели через три месяца. Данные, переданные зондами, подтвердили этот факт: Солнце совсем не изменилось за последние четыреста лет.

На каждом континенте ситуация в подземных городах стала нестабильной, города напоминали бурлящие вулканы, готовые взорваться. Настал день, когда мы с Кайоко, подчиняясь декрету

Коалиции, отвезли нашего сына в Центр по усыновлению. По дороге домой мы оба почувствовали, что единственное, что нас связывало, исчезло. Подъехав к центральной площади, мы увидели человека, выступающего перед толпой. Другие раздавали оружие людям, толпящимся вокруг оратора.

– Граждане! Землю предали! Человечество предали! Цивилизацию предали! Мы все стали жертвой ужасного обмана! Масштаб этого обмана потряс бы самого Бога! Солнце совершенно не изменилось! Оно не взорвется, ни потом, ни сейчас, никогда! Это истинный символ вечности! Взрывчаткой служат необузданные и коварные амбиции членов Коалиции! Они все это сфабриковали, чтобы создать собственную империю тиранов! Они разрушили Землю! Они уничтожили человеческую цивилизацию! Граждане, сознательные граждане! Возьмите оружие и спасите нашу планету! Спасите человеческую цивилизацию! Мы свергнем Коалицию! Мы захватим управление Двигателями Земли и поведем нашу планету из холодных глубин открытого космоса обратно на прежнюю орбиту! Назад, в теплые объятия Солнца!

Не говоря ни слова, Кайоко шагнула вперед и взяла боевую винтовку у одного из тех, кто раздавал оружие, потом встала в колонну вооруженных граждан. Ни разу не оглянувшись, она исчезла в лабиринте подземного города вместе с другими вооруженными людьми. Я остался стоять на месте. Я так крепко сжимал в кармане медаль, на которую променял свою жизнь мой отец, оставшись верным долгу, что кровь выступила на ладони.

Через три дня мятеж вспыхнул на всех континентах. Куда бы ни двигалась армия мятежников, люди собирались в ответ на ее призыв. Немногие еще сомневались, что их обманули. Несмотря на это, я вступил в армию Коалиции. Не то чтобы я действительно верил в правительство, но три поколения моей семьи были военными. Они посеяли семена верности глубоко в моем сердце, и предать Коалицию было просто невыносимо, ни при каких обстоятельствах.

Обе Америки, Африка, Океания и Антарктида – один континент за другим сдались мятежникам, а армия Коалиции отступила на линии обороны вокруг Двигателей Земли в Восточной и Центральной Азии, готовая защищать их до конца. Армия мятежников быстро окружила их. Ее численность намного превосходила силы Коалиции, но из-за

близости двигателей наступление долго не начиналось. Армия мятежников не хотела уничтожить двигатели и поэтому воздерживалась от применения тяжелых вооружений, отсрочив казнь Коалиции. Три месяца обе стороны пребывали в патовой ситуации. Но после того как двенадцать полевых армий одна за другой перешли на сторону противника, оборона Коалиции на всех фронтах рухнула. Два месяца спустя положение дел выглядело отчаянным, последние сто тысяч солдат правительства оказались осажденными со всех сторон возле центра управления Двигателями Земли на побережье.

Я был майором в рядах остатков той армии. Центр управления, размером со средний город, был построен вокруг Штурманского мостика Земли. Омертвевшая рука, сожженная лазерным лучом, приковала меня к койке в госпитале для раненых бойцов. Именно там я узнал, что Кайоко погибла в битве за Австралию. Как и другие раненые в палате, я пил и напивался до бесчувствия каждый день. Мы потеряли всякое представление о войне, бушующей снаружи, и нам было все равно. Я не знаю, сколько прошло времени до того момента, когда я услышал голос в другом конце палаты:

– Вы знаете, почему вы дошли до такого состояния? Вы вините себя за то, что в этой войне вы воюете против человечества! И я тоже так поступал!

Повернув голову, я увидел на плече у говорящего генеральскую звезду.

– Не важно, – продолжал он. – У нас всего один, последний шанс спасти свои души. Штурманский мостик Земли всего в трех кварталах отсюда. Мы захватим его и отдадим тем здравомыслящим людям, которые находятся снаружи! Мы выполнили свой долг перед Коалицией, и теперь должны выполнить свой долг перед человечеством!

Здоровой рукой я вытащил пистолет и вслед за разъяренной толпой сохранивших способность двигаться и легко раненных солдат побежал по стальным коридорам к мостику. К моему удивлению, мы почти не встречали сопротивления. Все больше людей выбегало из запутанного лабиринта проходов и присоединялось к нам. Наконец мы оказались перед металлическими воротами, такими высокими, что я не видел их верха. Они со скрежетом распахнулись, и мы ворвались на Штурманский мостик Земли.

Несмотря на то что мы видели его бесчисленное множество раз по телевизору, всех поразили его грандиозные размеры. Трудно было судить о величине этого пространства, так как его размеры скрывала громадная голографическая модель Солнечной системы, заполнявшая все помещение. В сущности, это было черное пространство, тянущееся во всех направлениях до бесконечности. Как только мы вошли, мы повисли в этой черноте. Поскольку эта модель должна была отражать истинный масштаб Солнечной системы, Солнце и планеты были крохотными, похожими на далеких светлячков, но все еще различимыми. Удивительная красная спираль выходила из дальней световой точки, изображавшей Солнце, и образовывала красные концентрические круги ряби на поверхности бескрайнего черного океана. Это был маршрут Земли. В какой-то точке на внешнем краю спирали его цвет становился ярко-зеленым, это была та часть пути, которую Земле еще предстояло пролететь. Зеленая линия проходила над нашими головами. Мы следили за ней взглядом, пока она не исчезла в сверкающем море звезд, ее конец уходил за пределы нашего поля зрения. Бесчисленные искры сверкающей пыли плыли по черному океану. Когда несколько этих пылинок подплыли ближе, я понял, что это виртуальные экраны, заполненные непрерывно бегущими потоками цифр и графиками.

Затем мой взгляд упал на Навигационную платформу Земли, известную всем людям планеты. Она была похожа на серебристо-белый астероид, плывущий в черноте. При виде нее было еще труднее осознать размеры этого места – сама Навигационная платформа представляла собой общественный центр. Сейчас она была плотно забита народом: здесь собралось более пяти тысяч человек, в том числе лидеры Коалиции, большая часть Межзвездного эмиграционного комитета, отвечающего за выполнение плана путешествия, и последние из оставшихся лоялистов. В темноте звучал голос Президента:

– Мы могли бы сражаться до последнего, но тогда есть риск потерять контроль над Двигателями Земли. Если это случится, остаток делящегося вещества может прожечь насквозь всю планету или испарить океаны. И мы решили сдаться. Мы понимаем народ. Сорок поколений людей выдержали жестокую борьбу, и ее должны выдержать еще сто поколений. Нереально ожидать, что все сохранят

способность мыслить разумно после всего этого. Но мы просим людей помнить, что мы, пять тысяч стоящих здесь, от Президента Коалиции до рядового солдата, сохранили нашу веру до конца. Мы знаем, что не увидим того дня, когда наша правда будет доказана, но, если человечество выживет, грядущие поколения придут рыдать над нашими могилами. Эта планета по имени Земля станет нашим вечным памятником!

Массивные ворота центра управления снова со скрежетом распахнулись, и из них вышли последние пять тысяч Планетников. Потом их погнали на берег силы мятежников. Зеваки плевали на пленников и осыпали их обломками льда и камней. Маски на лицах некоторых из них были разбиты, обнажив их лица при температуре на сто пятьдесят градусов ниже точки замерзания. Но даже застыв от ужасного холода, они шли вперед, сражаясь за каждый шаг. Я видел, как маленькая девочка схватила обломок льда и швырнула его изо всех сил в старика, в ее глазах под маской сверкала дикая ярость.

Когда я услышал, что все пять тысяч пленников приговорены к смерти, мне этот приговор показался слишком мягким. Одна смерть? Может ли одна смерть исправить все то зло, которое они причинили? Может ли она искупить их преступление, безумный обман, уничтоживший и Землю, и человеческую цивилизацию? Они должны умереть десять тысяч раз! Я внезапно вспомнил тех астрофизиков, которые предсказали взрыв Солнца, и тех инженеров, которые сконструировали и построили Двигатели Земли. Они скончались сто лет назад, но мне искренне захотелось раскопать их могилы и заставить умереть той смертью, которую они заслужили.

Я испытывал благодарность к палачам, которые нашли подходящий метод привести в исполнение приговор. Во-первых, они конфисковали у каждого приговоренного атомные батареи, снабжающие энергией их термальные скафандры. Затем они отправили пленников на замерзший океан, где низкая температура постепенно выпила из их тел жизнь.

Самые коварные, самые бесчестные преступники в истории человеческой цивилизации стояли, сгрудившись, темной толпой на льду. Более ста тысяч людей собралось на берегу посмотреть на них. Больше ста тысяч людей стискивали зубы в гневе, больше ста тысяч

пар глаз горели одинаковой яростью, такой же, какую я увидел на лице той маленькой девочки.

К этому моменту все Двигатели Земли были отключены, и звезды величественно сверкали надо льдом. Я представлял себе, как холод кинжалами пронзает их кожу, как кровь замерзает в их венах, как жизнь по капле вытекает из их тел. От этой мысли приятная теплота разливалась по моему телу. Пока толпа наблюдала за тем, как пленники медленно погибают от мучительного холода, ее настроение улучшалось и люди запели веселый гимн Солнцу – «Мое Солнце».

Я пел вместе со всеми и смотрел на звезду, немного более крупную, чем остальные, чей крошечный диск сиял желтым светом, – на Солнце.

О Солнце, мое Солнце,
Ты жизни мать,
Творения отец,
Дух жизни и всему венец!

Ты – вечен, мы всего лишь пыль звезды,
Осколки твоего венца,
Но мы посмели, жалкие глупцы,
Ждать твоего конца!

Прошел час. На льду еще стояли враги человечества, но среди них не осталось живых людей. Кровь в их венах замерзла.

Внезапно я лишился зрения. Прошло несколько секунд, пока зрение начало восстанавливаться, а лед, берег и толпа зрителей постепенно обрели резкость. Наконец все стало ясно видно опять – даже еще яснее, чем до этого, потому что планету заливал интенсивный белый свет. Именно это внезапное сияние ослепило меня только что.

Однако звезды не появились снова, их свет исчез, словно космос растаял от резкого света. Этот свет вырвался из одной точки в пространстве. Теперь эта точка стала центром вселенной, и я смотрел прямо на нее, когда это произошло.

Произошла гелиевая вспышка.

Хор голосов, поющих «Мое Солнце», умолк на середине гимна. Толпа на берегу стояла так же неподвижно, как пять тысяч трупов на льду, казалось, все замерли, застыли и отвердели, как камень.

Солнце пролило свой свет и жар на Землю в последний раз. На поверхности моря первым растаял сухой лед, взлетел вверх фонтанами белого пара. Затем море начало таять, и слои льда затрещали и застонали, так как нагревались неравномерно. Постепенно свет смягчился, и небо приобрело голубой оттенок. Позже в небе появилось северное сияние, рожденное яростными солнечными ветрами, похожее на огромные волнистые занавесы из света, трепетало по всему небосводу.

Последние Планетники твердо стояли на льду, пять тысяч статуй, внезапно превращенные в четкие рельефные скульптуры ослепительными лучами солнца.

Взрыв на Солнце продолжался недолго. Через два часа свет быстро померк, а потом и совсем исчез.

Вместо Солнца появился тусклый красный шар. С нашего наблюдательного пункта мы видели, как он медленно разбухал, пока не достиг размеров древнего Солнца, странное воспоминание о первоначальной земной орбите. Он был таким огромным, что его диаметр вышел за пределы орбиты Марса. Меркурий, Венера, Марс – постоянные компаньоны Земли – превратились в струйки дыма под воздействием интенсивного теплового излучения.

Но это уже было не наше Солнце. Оно уже не излучало свет и жар, оно напоминало холодный кружок из красной бумаги, наклеенный на небесный свод, его приглушенное сияние превратилось всего лишь в отражение света окружающих звезд. Такова эволюционная судьба, общая для всех звезд средней величины: превратиться в красного гиганта.

Пять миллиардов лет величественного существования теперь стало мимолетным сном. Солнце умерло.

К счастью, мы остались живы.

Глава 4

Эра странствия

Все это я вспоминаю сейчас, когда прошло полвека. Двадцать лет назад Земля миновала орбиту Плутона и вылетела за пределы Солнечной системы, продолжая свое одинокое путешествие в безграничные, бескрайние просторы космоса.

Мой последний выход на поверхность состоялся около десяти лет назад. Меня сопровождали сын и невестка, голубоглазая блондинка. В то время она была беременна.

Когда мы вышли на поверхность, прежде всего я заметил, что больше не вижу огромных лучей плазмы от Двигателей Земли, хотя и знал, что двигатели до сих пор работают на полную мощность. Атмосфера Земли исчезла, и нечему стало рассеивать свет плазмы. Землю покрывали странные, полупрозрачные желто-зеленые кристаллы. Они состояли из твердого кислорода и азота, то были остатки нашей замерзшей атмосферы.

Интересно, что замерзшая атмосфера не покрыла ровным слоем поверхность. Она образовала неправильной формы возвышения, похожие на холмы. Замерзшая поверхность моря, некогда плоская и гладкая, теперь вздыбилась и создала фантастический пейзаж. Над головой через все небо протянулся неподвижный Млечный Путь, будто и он тоже замерз. Но звезды горели ярко, слишком ярко, на них невозможно было долго смотреть.

Двигателям Земли предстояло работать без перерыва следующие пятьсот лет, разгоняя планету до 0,5 процента скорости света. Земля будет мчаться с этой невероятной скоростью тринадцать сотен лет. Она пройдет две трети своего пути, а потом мы изменим направление тяги Двигателей Земли, и Земля начнет период торможения длиной в пятьсот лет. После путешествия длиной в двадцать четыре сотни лет Земля наконец достигнет Проксимы Центавра. Еще через сотню лет она выйдет на устойчивую орбиту вокруг звезды и станет одним из ее спутников.

Я знаю, что забыт.
И все же – время длится.
Но кликните меня,
Когда восток вновь солнцем озарится.

Я знаю, что забыт.
Я улетел – как не был.
Но кликните меня,
Когда увидите вновь голубое небо.

Я знаю, что забыт.
И Солнце умирает.
Но кликните меня,
Когда цветы распустятся и небо засияет!

Всякий раз, когда я слышу эту песню, тепло разливается по моему негнущемуся, стареющему телу, и мои старые сухие глаза наполняются слезами. Внутренним взором я вижу, как три золотистых солнца альфы Центавра одно за другим поднимаются над горизонтом, заливая все своим теплым светом. Твердая атмосфера растаяла, и небо снова стало голубым и ясным. Семена, высаженные две тысячи лет назад, прорастают сквозь оттаявшую почву, вдыхая новую жизнь в землю. Я вижу своих праправнуков, своих потомков через сто поколений, играющих и смеющихся на зеленой траве. Чистые реки текут по лугам, полные маленьких серебристых рыбок. Я вижу Кайоко, прыжками несущуюся ко мне по зеленой земле. Она молода и прекрасна, как ангел...

Ах, Земля, моя странствующая Земля...

Гора

Глава 1

Там, где есть гора

– Сегодня тот день, когда я наконец-то заставлю вас рассказать мне, почему вы никогда не сходите на берег, – заявил Капитан и выгнул дугой бровь. – Прошло уже пять лет, и «Блувотер» швартовалась в бог знает скольких портах, в таком количестве стран, что и не сосчитать, но вы никогда не сходили на берег. Даже когда мы возвращались в Китай. И даже в прошлом году, в Циндао, где мы делали капитальный ремонт. Уж вам-то мне не нужно рассказывать, какой хаос царил на корабле и как было шумно, но все равно вы остались на борту и два месяца просидели в своей каюте, – продолжал Капитан, пристально глядя на Фэн Фаня.

– Я напоминаю вам того парня, Тима Рота, который играл в фильме «Легенда-1900»? – вместо ответа спросил Фань.

– Вы хотите нам внушить, что, если мы когда-нибудь потопим «Блувотер», вы планируете утонуть вместе с судном, как он? – парировал Капитан, не понимая, шутит Фань или нет.

– Я перейду на другой корабль. На океанографических судах всегда найдется место для инженера-геолога, который никогда не покидает корабль, – ответил Фань.

Капитан вернулся к прежней теме:

– Тогда, естественно, возникает вопрос: на суше есть нечто такое, что не дает вам сойти на берег?

– Напротив, – ответил Фань. – Там есть нечто такое, по чему я стосковался.

– И что это? – спросил Капитан с любопытством, но не проявляя нетерпения.

– Горы, – произнес Фань, и его взгляд устремился куда-то в бесконечную даль.

Они стояли у левого борта на океанографическом и геологическом научном судне «Блувотер», глядя на экваториальные воды Тихого океана. Корабль пересек экватор в первый раз всего год назад. Тогда они поддались капризу и отметили это событие, устроив древний ритуал пересечения линии экватора. Однако потом они открыли

месторождения марганца на морском дне, и это привело к тому, что им пришлось пересекать экватор много раз, никто из них и вспомнить не мог, сколько именно. К этому моменту они уже почти забыли о существовании этой невидимой разделительной линии.

Когда солнце медленно опустилось в море на западе, Фань заметил, что океан необычно спокоен. Собственно говоря, он еще никогда не видел его таким спокойным. Он напоминал ему озера в Гималаях, идеально неподвижные, черные, похожие на глаза Земли. Однажды он с двумя своими дружками подглядывал за тибетской девушкой, купающейся в одном из таких озер. Несколько пастухов заметили их и погнались за ними с кинжалами в руках. Не догнав их, пастухи начали швырять камни. Невероятная точность попаданий вынудила Фаня и его сообщников сдаться. Пастухи окинули их оценивающими взглядами и в конце концов отпустили.

Фэн Фань помнил, что один из них пробормотал на тибетском языке: «Не местные, они, конечно, не могли бежать быстро здесь, в горах».

– Вы любите горы? Так вот где вы выросли? – прервал Капитан воспоминания Фаня.

– Нет, вовсе нет, – объяснил Фэн Фань. – Люди, всю жизнь живущие в окружении гор, обычно их совсем не любят. Они в конце концов начинают считать горы преградой между собой и миром. Я знал одного шерпа, который сорок один раз восходил на Эверест, но каждый раз, когда его группа приближалась к вершине, он останавливался и смотрел, как другие преодолевают последний отрезок. Он просто не давал себе труда добраться до вершины. Вы не подумайте, он мог бы легко совершить восхождение и по северному, и по южному склону всего за десять часов... Есть всего два места, где можно по-настоящему ощутить истинную магию гор: глядя на них издали, с равнины, и стоя на вершине, – продолжал Фэн Фань. – Моим домом была обширная равнина Хэбэй. На западе я видел горы Тайханшаня, но между ними и моим домом простиралось огромное пространство абсолютно плоской земли без каких-либо препятствий или ориентиров. Вскоре после моего рождения мать в первый раз вынесла меня из дома. Моя голова едва держалась на крохотной шее, но уже тогда я повернул ее на запад и залепетал, выражая свой восторг. Как только я научился ходить, то первые неверные шаги сделал по

направлению к этим горам. Когда стал немного старше, однажды рано утром пустился в путь и пошел вдоль железной дороги Шицзячжуан – Тайюань. Я шел до полудня, потом жалобы моего желудка заставили меня повернуть обратно, а горы по-прежнему казались бесконечно далекими. Когда я учился в школе, то отправился к горам на велосипеде, но как бы быстро я ни крутил педали, горы, казалось, с такой же скоростью удалялись от меня. Я никогда ни на дюйм к ним не приближался. Много лет спустя далекие горы снова стали символом моей жизни, как и очень многие вещи, которые мы ясно видим, но до которых никогда не можем дотянуться, – подобные далеким хрустальным мечтам.

– Я там однажды побывал, – заметил Капитан, качая головой. – Горы совсем голые, их покрывают лишь россыпи камней и дикие травы. Тебя бы ожидало разочарование.

– Я не разочаровался. Мы с вами по-разному чувствуем такие вещи. Я видел только гору и хотел одного – взойти на нее. Я ничего не хотел найти на той горе. Когда я впервые взобрался на эти горы и увидел расстилающуюся подо мной равнину, то почувствовал себя так, будто родился заново. – Когда Фэн Фань замолчал, то осознал, что Капитан не обращает внимания на его слова, он смотрит на небо, пристально рассматривая усеявшие его звезды.

– Вон там, – сказал Капитан и ткнул трубкой в небо. – Там не должно быть звезды.

Но звезда там была. Она была бледной, едва видимой.

– Вы уверены? – Фэн перевел взгляд с неба на Капитана. – Разве GPS не покончил с секстантами? Вы так хорошо знаете звезды?

– Конечно, знаю, – ответил Капитан. – Это основной элемент профессии мореплавателя. – Повернувшись опять к Фэну, он вернулся к прежней теме разговора: – Но вы говорили...

Фэн Фань кивнул.

– Позже, в университете, я собрал группу альпинистов, и мы поднялись на несколько семитысячников. Нашей последней целью стал Эверест.

Капитан внимательно всмотрелся в лицо Фэн Фаня, потом сказал:

– Я так и думал! Это действительно вы! Мне всегда казалось, что ваше лицо мне знакомо. Вы сменили имя?

– Да, раньше меня звали Фэн Хуабэй.

– Несколько лет назад о вас много говорили. Значит, то, что о вас говорили журналисты, правда? – спросил Капитан.

– В основном да. Во всяком случае, те четверо альпинистов, несомненно, погибли из-за меня, – мрачно ответил Фэнь.

Чиркнув спичкой, чтобы раскурить трубку, Капитан продолжал:

– Я думаю, что быть руководителем группы альпинистов почти то же самое, что быть капитаном: самое трудное – решить, когда следует продолжать бороться, а когда надо бы отступить.

– Но если бы я отступил тогда, было бы очень трудно повторить попытку, – тут же ответил Фань. – Восхождение – очень дорогостоящее мероприятие, а мы были всего лишь студентами. Нам нелегко было найти спонсоров. – Он помолчал, глубоко вздохнул. – Проводники, которых мы наняли, отказались идти дальше, и поэтому нам потребовалось гораздо больше времени, чем мы ожидали, чтобы добраться до места, где мы разбили первый базовый лагерь. Прогноз погоды предвещал бурю, но мы изучили снимки и карты и пришли к выводу, что у нас есть еще, по крайней мере, двадцать часов до ее начала. Но потом, когда мы уже разбили второй лагерь на высоте двадцать шесть тысяч футов, мы решили, что сможем подняться на вершину, если выйдем немедленно. Скажите мне, как мы могли тогда отступить? Мы даже не подумали о том, чтобы сдаться, и продолжили восхождение.

– Та звезда становится все ярче, – сказал Капитан, снова глядя вверх.

– Конечно. Небо становится темнее, – отмахнулся Фань.

– Мне кажется, причина не в этом, – заметил Капитан. – Но продолжайте.

– Вероятно, вы знаете, что произошло дальше: когда разразилась буря, мы находились около так называемой китайской лестницы, второго участка подъема по вертикальной стене горы на высоте двадцать восемь с половиной тысяч футов. До вершины было почти рукой подать, и не считая цепочки облаков, выплывающих с другой стороны пика, небо все еще оставалось идеально голубым. Я до сих пор ясно помню, как подумал, что пик Эвереста похож на лезвие ножа, вспоровшего небо, и теперь из раны хлещет светлая кровь. – Это воспоминание заставило Фаня помолчать, потом он продолжил рассказ: – Всего через несколько секунд всякая видимость пропала;

буря обрушилась на нас с ясного неба, подняла тучи снега. Все окутала непроницаемая белизна, не уступающая непроглядному мраку. У меня на мгновение остановилось сердце, я почувствовал, как остальных четырех членов моей группы сдувает со скалы. Они висели на моей веревке, а я держался только на своем ледорубе, воткнутом в трещину в стене. Он просто мог не выдержать веса пятерых человек. Я действовал инстинктивно: перерезал ремень скобы, удерживающей веревку. Я позволил им упасть. – Он заколебался, с трудом сглотнул. – Останки двух из них до сих пор не нашли.

– Значит, погибли четверо, а не все пятеро, – сухо заметил Капитан.

– Да, я поступил в соответствии с правилами безопасности альпинистов. Но все равно, я до сих пор несу этот крест. – Фань снова замолчал, на этот раз его отвлекли не воспоминания, а нечто другое. – Вы правы. В этой звезде есть что-то странное. Она явно становится все ярче.

– Не важно, – сказал Капитан. – Ваше нынешнее... – он сделал паузу, поджал губы, – ...скажем так – «состояние» имеет отношение к тому, что произошло тогда?

– Нужно ли мне говорить об этом? Вы должны помнить всеобщее порицание и убийственное презрение, которые обрушили на меня тогда средства информации, – напомнил ему Фань. – Они говорили, что я поступил безответственно, что я трусливый эгоист, что я пожертвовал своими четырьмя спутниками ради спасения собственной жизни. – Он явно до сих пор страдал. – Я решил, что смогу хотя бы избавиться себя от этого последнего обвинения, поэтому надел снаряжение альпиниста и очки. Приготовившись, я пошел в университетскую библиотеку и залез по трубе на крышу. Я уже собрался прыгнуть вниз, когда услышал голос одного из преподавателей. Я не заметил, что он поднялся на крышу вслед за мной. Он спросил меня, неужели я действительно хочу так легко слезть с крючка, не пытаюсь ли уйти от гораздо более сурового наказания, которое меня ждет. Когда я спросил, что он имеет в виду, он сказал мне, что таким наказанием стала бы жизнь, проведенная как можно дальше от гор. Больше никогда не увидеть гор – разве это не будет гораздо более страшным наказанием? Поэтому я не стал прыгать. Конечно, я вызвал этим еще больше насмешек, но я знал, что

мой преподаватель прав: для меня это было хуже смерти. Восхождение на вершины составляло смысл моей жизни. Только ради этого я изучал геологию. Прожить теперь вдали от предмета моей страсти, испытывая муки совести, показалось мне справедливым наказанием. Именно по этой причине после окончания университета я устроился работать инженером-геологом на ваше судно. В океане, – со вздохом сказал он, – я теперь так далеко от гор, как только возможно.

Капитан долго смотрел невидящими глазами вдаль, не зная, что ответить. Наконец он пришел к выводу, что, наверное, лучше больше не говорить об этом. Словно по подсказке, что-то произошло в небе у них над головой и заставило их резко сменить тему.

– Посмотрите опять на ту звезду, – напряженным голосом произнес Капитан.

– Господи! – воскликнул Фань, тоже глядя вверх. – Она во что-то превращается!

Звезда уже не была точкой, теперь она стала маленьким, но быстро растущим диском. В одно мгновение она превратилась в удивительную сферу, сияющую синим светом.

Быстро приближающиеся шаги заставили их опять посмотреть на палубу. Это был Первый помощник, он бежал прямо к ним.

Еще издавек он крикнул Капитану, задыхаясь:

– Мы только что получили сообщение! Корабль пришельцев приближается к Земле! Наше положение на экваторе позволяет нам ясно видеть его! Смотрите! Вот он!

Все трое подняли взгляд и увидели, что маленькая сфера продолжает быстро увеличиваться. Она уже раздулась до размеров Луны.

– Все станции прервали свои обычные передачи и теперь ведут о ней репортаж! – продолжал трещать Первый помощник. – Этот объект заметили раньше, но только теперь подтвердили его истинную природу. Он не отвечает на все попытки связаться с ним, но его траектория свидетельствует, что его движет какая-то огромная сила и он мчится прямо к Земле. Говорят, что он размером с Луну! – Он прижимал к голове наушник и напряженно слушал.

Корабль пришельцев уже перерос Луну; теперь он увеличился в десять раз, он грозно разрастался в небе и, казалось, был гораздо

ближе, чем Луна. Крепко прижимая пальцем наушник, Первый помощник продолжал:

– Они говорят, что он остановился. Теперь он находится на геосинхронной орбите в двадцати двух тысячах миль над Землей. Он стал геостационарным спутником.

– Геостационарным спутником? Вы хотите сказать, что он собирается просто висеть над нами? – закричал Капитан.

– Собирается! Над экватором, прямо над нами! – подтвердил Первый помощник.

Фэн Фань уставился на этот громадный шар в небе; он выглядел почти прозрачным, наполненным невероятным синим светом. Пока Фань смотрел на него, у него возникало странное впечатление, будто он смотрит на сферу из морской воды. Всякий раз, когда исследовательский зонд с образцами поднимали со дна моря, его охватывало ощущение предстоящей встречи с какой-то тайной, чувство напряженного ожидания. И сейчас, глядя вверх, он чувствовал нечто очень похожее. Будто нечто давно забытое, из незапамятных времен, вернулось на поверхность.

– Смотрите, океан! – закричал Капитан, яростно тыча трубкой назад. – Что происходит с океаном? – Он первым вырвался из гипнотической власти гигантской сферы, действующей на них всех.

Там, куда он указывал, горизонт океана начал искривляться, загибаясь вверх, как синусоидальная волна. Этот громадный взлет воды быстро набирал высоту. Было похоже, что гигантская, хотя и невидимая рука тянется вниз из космоса, чтобы захватить в горсть океан.

– Это масса космического корабля! Его притяжение действует на океан! – воскликнул Фэн Фань, несколько удивленный, что у него сохранились достаточно умственных способностей, чтобы понять, что происходит.

Масса этого корабля, вероятно, равнялась массе Луны, но он находился в десять раз ближе! Им повезло, что он вышел на геосинхронную орбиту, та вода, которую он притягивает, будет оставаться на одном месте. Если бы космический корабль перемещался, он бы поднял и пустил по всей планете такую огромную приливную волну, что она бы смыла города и разрушила континенты.

Колоссальная волна к этому моменту взмыла до самого неба и приобрела форму конуса с плоской вершиной. Эта масса воды сияла синим светом, идущим от корабля в небе, а ее края горели ярко-красным огнем от заходящего солнца, которое сейчас скрылось за высокими волнами. Застывший холодный воздух у вершины конуса охлаждал пену и создавал поток туманных облаков, которые быстро таяли в ночном небе, словно кто-то проделал разрез в темных небесах. Фэн Фань почувствовал, как в его сердце проснулись воспоминания при виде всего этого. Его мысли вернулись назад, ко дню восхождения...

– Дайте мне его высоту! – крикнул Капитан, выдернув его обратно, в настоящий момент.

Через минуту кто-то крикнул:

– Почти тридцать тысяч футов!

Зрелище, которое они наблюдали, было самым устрашающим, подавляющим и великолепным из всех когда-либо открывавшихся глазам людей. Все стоящие на палубе застыли, словно замороженные.

– Должно быть, это судьба... – прошептал Фэн Фань, больше других очарованный его грандиозностью.

– Что вы сказали? – громко спросил Капитан, не отрывая глаз от вздымающейся воды.

– Я сказал, что это, должно быть, судьба, – повторил Фань.

Это и была судьба – это должно было быть судьбой. Он ушел в море, чтобы удалиться от гор, чтобы как можно большее расстояние отделяло горы от него; а теперь он стоял в тени горы, почти на тысячу футов выше самого Эвереста. Это была самая высокая гора на планете.

– Лево на борт! Полный вперед! Нам нужно убраться отсюда! – отдал приказ Капитан Старшему помощнику.

– Убраться отсюда? Это опасно? – спросил озадаченный Фэн Фань.

– Корабль пришельцев уже создал огромную область низкого давления. Сейчас формируется гигантский циклон. Я вам говорю, он может стать самым свирепым ураганом, какой когда-либо видел мир. Если он настигнет «Блувотер», нас просто оторвет от воды и понесет над ней, как лист по ветру. Я лишь молюсь, чтобы мы смогли его обогнать, – объяснил Капитан, у него на лбу явственно выступили капли пота.

В этот момент Первый помощник подал всем знак замолчать. Одной рукой прикрывая наушник, он напряженно слушал, а потом сказал:

– Капитан, ситуация гораздо хуже! Теперь они говорят, что пришельцы явились с целью уничтожить Землю! Самой своей огромной массой их корабль причиняет больше вреда, гораздо больше, чем просто рождает ураган, он вот-вот проделает дыру в атмосфере Земли!

– Дыру? Дыру куда? – спросил Капитан, широко раскрыв глаза.

Первый помощник пересказал то, что только что услышал по радио.

– Сила притяжения космического корабля пробьет верхние слои атмосферы. Из атмосферы Земли, как из проколотого воздушного шарика, вытечет воздух прямо в космос! Вся земная атмосфера исчезнет!

– Сколько у нас есть времени? – спросил Капитан, видя одну грозную опасность за другой.

– Специалисты говорят, что потребуется всего неделя, чтобы атмосферное давление упало до летального уровня. – Первый помощник рапортовал механически, но его безумный взгляд выдавал панику. – Они говорят, когда давление упадет до определенной точки, океаны вскипят, – продолжал он, его голос начал срывать. – Господи, это будет все равно что... – Слушая дальнейшие сообщения, он задрожал. – Все крупные города Земли погрузились в хаос. Человечество обезумело. Повсюду люди врываются в больницы и на заводы и расхватывают весь кислород, который могут достать. – Его глаза раскрывались все шире. – Погодите. Теперь говорят, что на Мыс Канаверал ворвалась обезумевшая толпа, которая пытается захватить жидкий кислород, использующийся в ракетном топливе. – Казалось, мужество покидает Первого помощника вместе с физическими силами. – О, все пропало!

– Неделя? Значит, мы не успеем добраться домой, – ровным голосом произнес Капитан. Казалось, к нему вернулось самообладание. Он быстро снова раскурил свою трубку.

– Да, мы не успеем добраться домой... – эхом отозвался Первый помощник, теперь его голос не выражал никаких чувств.

– Если нам это суждено, то можно с тем же успехом смириться и наилучшим образом использовать оставшееся нам время, – заметил Фэн Фань, в его голосе внезапно прозвучал энтузиазм. Все его тело готовилось к предстоящему событию, его охватило волнение.

– И что вы намереваетесь делать? – спросил Капитан.

– Подняться на гору, – с улыбкой ответил Фань.

– Подняться на гору? Подняться?.. – Лицо Первого помощника вдруг исказилось, на нем выражение изумления сменилось настоящим шоком. – На ту гору? – ахнул он, указывая на водяную гору, нависшую над ними.

– Да. Это сейчас самый высокий пик на планете. Там, где есть гора, всегда найдется тот, кто на нее поднимется, – спокойно ответил Фань.

– И как вы собираетесь на нее взобраться? – спросил Первый помощник.

– Разве не очевидно? Восхождение на гору – это нечто такое, что делают с помощью рук и ног, поэтому я поплыву, – с улыбкой сказал Фань.

– Вы сошли с ума? – закричал Первый помощник. – Как вы собираетесь вплавь подняться на склон водяной горы высотой тридцать тысяч футов? На мой взгляд, ее уклон равен сорока пяти градусам! Это совсем не то, что подниматься на гору. Вам придется плыть без остановки, а если вы остановитесь, хотя бы на секунду, вы соскользнете с нее вниз!

– Я хочу попытаться, – Фань не давал себя отговорить.

– Тогда пусть он это сделает, – решительно произнес Капитан. – Сейчас самое подходящее время, чтобы утолить свою страсть. Как далеко до подножия этой горы?

– Около дюжины миль, – ответил кто-то.

– Возьмите одну из спасательных шлюпок, – сказал Капитан Фэн Фаню. – Не забудьте взять с собой достаточный запас пищи и воды.

– Спасибо! – от всей души поблагодарил его Фань.

– Похоже, сегодня судьба вам улыбается, – произнес Капитан с лукавой улыбкой и хлопнул Фэн Фаня по плечу.

– Я тоже так думаю, – ответил Фань. – Капитан, я вам еще не сказал одну вещь: среди тех четырех альпинистов на Эвересте была моя девушка. Одна только мысль промелькнула в моей голове, когда я

перерезал веревку: я не хочу умирать. Есть еще одна гора, на которую я должен взойти, – сказал он, в его глазах смешались боль и огонь энтузиазма.

Капитан кивнул:

– Вперед.

– А что нам делать? – спросил Первый помощник растерянно.

– Полный вперед, прочь от надвигающегося шторма. Еще один день жизни – это еще один день жизни, – задумчиво ответил Капитан.

Фэн Фань стоял в спасательной шлюпке и смотрел вслед уходящему вдаль судну. Вскоре корабль, который он раньше считал своим пожизненным домом, оказался воистину вне досягаемости.

У него за спиной водяная гора безмятежно возвышалась в синем сиянии инопланетного шара. Если бы он не видел, как шар появился, он мог бы подумать, что эта сфера висит там уже миллион лет. Океан был очень спокойным, его ровную поверхность не нарушала рябь волн. Однако Фэн Фань чувствовал легкий ветерок на лице; он был слабый, но дул по направлению к водяной горе. Подняв парус на спасательной шлюпке, он начал свое плавание к горе. Ветер вскоре окреп и надул парус лодки. Теперь нос спасательной шлюпки разрезал поверхность океана, словно нож, она неслась прямо к цели Фаня.

В конце концов, путешествие длиной в двенадцать миль заняло не больше сорока минут. Как только Фэн Фань начал ощущать, что корпус лодки поднимается по склону водяной горы, он прыгнул за борт в сверкающую синюю воду, освещенную сверху сиянием судна пришельцев.

Сделав несколько гребков, он стал первым человеком, который плывет вверх по горному склону.

Из своего положения он уже не видел вершины. Поднимая голову из жидкой горы, он видел лишь бесконечное пространство водяного склона. Он почти мог представить себе титана, который стоит за горизонтом и поднимает океан, будто огромное водяное одеяло.

Фэн Фань поплыл брассом, стараясь сбросить как можно больше энергии. Предостережение Первого помощника все еще было свежо в его памяти. Быстрый подсчет подсказал ему, что до вершины должно быть примерно восемь миль. На ровной поверхности воды его выносливость помогла бы ему легко проплыть это расстояние, но здесь ему приходилось иметь дело со склоном. Если он прекратит движение

вверх, то соскользнет вниз. Одно это должно сделать достижение вершины почти невозможным. Но это не имело значения; сама попытка подняться на этот водяной Эверест была самым грандиозным свершением из всех, на которые он мог надеяться в своих мечтах альпиниста.

Пока эти чувства обуревали Фаня, у него были и другие, физические ощущения. Он почувствовал, как что-то тащит его тело вверх по склону. Казалось, плавание вверх не требует никаких дополнительных усилий. Оглядываясь назад, он видел спасательную шлюпку, которую оставил у подножия горы. Перед тем как покинуть ее, он спустил парус, и все же она плавала на склоне, странным образом держась на одном месте. Фань решил попробовать кое-что сделать.

Он перестал грести и начал внимательно наблюдать за окружающей его водой. Он не скользил вниз. Напротив, он держался на склоне так, будто склона вовсе не существовало! Фань хлопнул себя по лбу и выругал за глупость и себя, и Первого помощника: если океанская вода на склоне не стекает вниз, почему должен соскользнуть человек? Или лодка, если уж на то пошло?

Силу притяжения, направленную вниз по склону, нейтрализовала огромная масса сферы. Чем дальше вверх будет подниматься Фань, тем меньше будет чувствовать притяжение Земли. Это означает, что угол наклона абсолютно не играет никакой роли. С точки зрения гравитации не существует ни водяного склона, ни горы в океане. Силы, действующие на человека, не отличаются от сил, действующих на ровной поверхности океана.

Теперь он знал, что покорит эту гору.

Он продолжал плыть вверх. Чем выше он поднимался, тем меньше сил тратил, грести ему становится все легче. Причина была в том, что его тело становилось все легче, ему все проще становилось выныривать на поверхность, чтобы сделать вдох. Вокруг Фань видел еще один признак уменьшения гравитации: чем выше он поднимался, тем медленнее оседали океанские брызги. Этот же феномен отражался на формировании и движении волн. Они тоже росли тем медленнее, чем выше он поднимался. На них уже почти не оказывало влияния бурное море, волны становились более тихими и спокойными, чем при нормальной гравитации.

Тем не менее океан вовсе не был спокойным. Ветер набирал силу, и на водяном склоне начали формироваться ряды волн. Освобожденные от большей части земного притяжения, эти волны вздымались очень высоко. Однако они не катились вверх по склону, как полноценные океанские валы; они представляли собой тонкие водяные слои, которые скручивались под собственным весом и медленно опадали. Как ни странно, они напоминали Фаню изящные, тонкие стружки дерева, которые снимает с поверхности океана невидимый рубанок. Волны никак не мешали его движению вверх. Напротив, они имели обратный эффект; поднимаясь к вершине, они уносили его вместе с собой, и он продолжал плыть вверх.

По мере того как притяжение земли ослабевало, стали происходить еще более странные вещи: вместо того чтобы подталкивать Фаню, волны теперь осторожно бросали его вперед. Не успевал он и глазом моргнуть, как чувствовал, что отрывается от поверхности воды и летит над ней, а потом его подхватывала следующая волна, и он снова летел по воздуху. Нежные, но могучие руки океана быстро перебрасывали его и несли вперед и вверх. Вскоре он обнаружил, что в таких странных условиях быстрее всего плыть стилем баттерфляй, и перешел на него.

Ветер вокруг него становился все сильнее. С другой стороны, сила гравитации оказывала на Фэн Фаню все меньшее влияние. Волны здесь легко вздымались на высоту тридцати футов, а потом медленно опадали. Эти громадные валы также стали еще добрее, чем раньше, мягко переходили один в другой и совершенно беззвучно опадали. Единственным оставшимся звуком был вой нарастающего циклона.

Все больше теряющее вес тело Фаня прыгало с одного гребня волны на другой. Во время очередного прыжка он вдруг осознал, что дольше находится в воздухе, чем в воде. Здесь, наверху, он не мог понять, плывет он или парит. Снова и снова набегали тонкие волны и полностью окутывали его, затягивали в туннель, образованный медленно перекачивающейся водой. Медленно вздымающаяся крыша этих туннелей сияла синим светом. Сквозь эту тонкую водяную крышу он видел источник света – гигантский шар пришельцев, висящий в небе. Туннель из воды искажал форму космического корабля; Фэн Фаню казалось, что он видит его сквозь слезы в глазах.

Он взглянул на водонепроницаемые часы, которые носил на левом запястье. Он поднимался всего один час, и при такой превосходящей все его надежды скорости ему потребуется еще только один час, чтобы добраться до вершины.

Фань подумал о «Блувотере». Принимая во внимание нынешнюю скорость ветра, ураган должен всего через несколько секунд достичь максимальной силы. Корабль никак не смог бы обогнать надвигающийся циклон. Фаня поразила мысль, подобная молнии: Капитан совершил большую ошибку: ему следовало направить судно прямо к водяной горе. Поскольку гравитация не действовала вниз по склону, судно могло бы плыть вверх к вершине так же легко, как по ровному океану, и этот пик оказался бы в оке шторма, где безопасно и спокойно! Как только он это понял, он достал из спасательного жилета свой «воки-токи». Но его попытки связаться с кораблем были напрасными, тот не отвечал.

К этому моменту Фэн Фань овладел искусством прыгать с одного гребня волны на другой. Двадцать минут он поднимался таким образом, и уже преодолел две трети пути до вершины. С этого места казалось, что до идеально круглой вершины уже рукой подать. Она сверкала в мягком свете космического корабля пришельцев над ней. Фаню казалось, что эта вершина похожа на планету пришельцев, ожидающую его. В это мгновение свист ветра вдруг превратился в резкий вой. Этот устрашающий шум шел со всех сторон и сопровождался внезапным усилением ветра. Волны высотой в сорок футов – и даже в сто футов, – тонкие, как листы бумаги, высоко вздымались; но они не опадали, их в воздухе рвал в клочья штормовой ветер. Глядя вверх, Фэн Фань видел, что склон над ним покрыт клочьями пены, оставшейся от гребней волн, они плясали на поверхности сумасшедший танец, подгоняемые ветром. Освещенные сиянием шара пришельцев, эти хаотичные всплески сверкали ослепительно-белым светом.

Наконец, Фань совершил свой последний прыжок. Тонкая волна высотой в сто футов подняла его в воздух. Ее разорвал в клочья сильный ветер в тот момент, когда он оторвался от ее гребня, и он почувствовал, что его несет к полосе волн, медленно катящихся перед ним. Эти волны выглядели, как гигантские прозрачные крылья, медленно раскрывающиеся, готовые его обнять. Как только вытянутые

руки Фаня коснулись этих волн, они рассыпались и превратились в белый туман, их сверкающую хрустальную пленку разорвал яростный ветер. Это необычайное зрелище сопровождал странный звук, пугающе похожий на смех. Именно в этот момент падение Фаня прекратилось; его тело теперь обрело легкость, позволяющую ему парить. Бушующий океан внизу начал медленно удаляться, его подбросило в воздух, как перышко во время урагана.

Почти невесомого Фаня швыряли и вертели воздушные вихри. У него закружилась голова, ему казалось, будто сияющий шар пришельцев движется по спирали вокруг него. Когда он наконец сумел побороть головокружение, то понял с испугом, что действительно кружит в воздухе над вершиной водяной горы.

Отсюда, сверху, полосы из гигантских волн, катящихся вверх по склону горы, выглядели всего лишь длинными линиями. Они по спирали поднимались к ее пику, и от этого гора казалась титаническим водяным смерчем. Фэн Фань почувствовал, что круги, которые он описывает над вершиной, становятся все меньше, а скорость движения растет. Его несло прямо в центр циклона.

Когда Фань оказался точно в оке бури, он почувствовал вдруг, что ветер ослабел. Невидимая воздушная рука, державшая его, внезапно разжалась, и он стал падать на водяную гору, прямо в слабое синее сияние вершины.

Он стремительно погрузился внутрь горы, потом почувствовал, что снова поднимается на поверхность. Его окружала темнота, и на мгновение он испугался, что утонет. Охваченный паникой, Фань вдруг осознал, что ему грозит смертельная опасность: последний глоток воздуха он сделал до падения, на высоте тридцать тысяч футов! На такой высоте ему едва ли удалось вдохнуть хоть сколько-нибудь кислорода, а при минимальной гравитации здесь он мог всплывать только очень медленно. Он боялся, что даже если будет грести вверх изо всех сил, запаса воздуха в его легких не хватит для подъема на поверхность.

Фэн Фаня охватило потустороннее ощущение «*deja vu*». Ему показалось, что он снова на Эвересте, в полной темноте, окутанный вихрями снежной бури, полностью во власти смертельного страха. В этот самый мрачный момент Фань увидел свет: несколько серебристых шаров плыло вверх рядом с ним. Самый крупный из шаров был

примерно три фута в диаметре. Глядя на них, он вдруг понял, что это пузыри воздуха. Слабая гравитация позволяла гигантским пузырям возникать в океане. Собрав все оставшиеся силы, он ринулся к самому большому пузырю. Как только его голова проникла внутрь сквозь его серебристую оболочку, он снова смог дышать. Пока Фань медленно приходил в себя от головокружения, вызванного нехваткой кислорода, он обнаружил, что его всего поглотил этот воздушный пузырь. Он оказался в воздушной сфере, полностью окруженной водой, и, глядя вверх, видел сквозь верхнюю часть своего пузыря мерцающую рябь поверхности океана. По мере подъема к поверхности он ощутил, как внезапно уменьшилось давление воды, что вызвало быстрое увеличение его пузыря. По мере того, как пузырь рос, Фэн Фань не мог отделаться от впечатления, что застрял в праздничном прозрачном воздушном шарике, поднимающемся в небо.

Голубое мерцание волн над головой постепенно становилось все ярче, пока в конце концов оно не стало таким ослепительным, что Фаню пришлось отвести взгляд. В тот же момент пузырь лопнул с тихим треском. Фань достиг поверхности; но он продолжал движение вверх, слабая гравитация подбросила его на добрых три фута в воздух. Его падение обратно в воду не было резким, он мягко опустился на поверхность.

Во время этого спуска Фэн Фань заметил многочисленные красивые водяные сферы, падающие вместе с ним. Размеры этих сфер были очень разными, самая крупная размером примерно с футбольный мяч. Все они сияли и переливались синим светом, идущим от гигантского шара над ними. Присмотревшись, Фань увидел, что они состоят из многих слоев, и поэтому искрятся, как хрустальные. Эти сферы образовали брызги воды, вылетевшие из океана, когда он врезался в его поверхность. Низкая гравитация позволяла поверхностному натяжению этих капель свободно принять такую форму. Протянув руку, Фань дотронулся до одной из сфер. Она лопнула со странным металлическим звоном, совершенно не похожим ни на один звук воды, который он ожидал услышать. Не считая этих сфер, вершина водяной горы была совершенно спокойной, волны набегали со всех сторон и сливались с ее склонами. Несомненно, это и был глаз бури, единственное спокойное место в окружающем хаосе.

Фоном этого спокойствия был ужасный рев – завывание циклона. Глядя вдаль, Фэн Фань обнаружил, что он вместе со всей горой воды находится в огромном «колодце». Стенки этого колодца состояли из вращающихся, пенистых вод циклона. Эти непроницаемые массы воды и ветра медленно кружились вокруг водяной горы. Когда Фань взглянул вверх, ему показалось, что они уходят прямо в космос. У верхнего края колодца сиял шар пришельцев. Этот гигантский светильник, висящий в космосе, освещал все внутри колодца. Фань увидел странные облака, образующиеся вокруг него. Они напоминали нити, сплетающие свободную сеть вокруг корабля пришельцев. Эти нити облаков ярко сияли, казалось, они светятся изнутри. Фань мог только догадываться, что они состоят из кристаллов льда, образовавшихся тогда, когда земная атмосфера вырвалась в космос. Хотя казалось, что они окружают космический корабль, между их паутиной и синим шаром должно было быть не меньше двадцати тысяч миль. Если его догадка верна, то атмосфера уже начала вытекать в пространство, и отверстие этого гигантского, вращающегося колодца – не что иное, как смертоносная дыра в оболочке Земли.

«Это не имеет значения, – подумал Фань. – Я добрался до вершины».

Глава 2

Разговор на вершине

Внезапно всепроникающий свет вокруг него изменился. Его мерцание начало тускнеть. Еще раз взглянув вверх, Фэн Фань увидел, что синий свет шара пришельцев погас. Его вдруг осенило, он понял, что это был за свет. Это был фоновый свет пустого экрана; весь корпус огромной сферы пришельцев был одним гигантским экраном. И в тот же момент на этом громадном экране появилось изображение. Это был снимок, сделанный с большой высоты, изображение человека, плывущего в океане, с поднятым к небу лицом. Этим человеком был Фэн Фань. Прошло тридцать секунд, потом изображение исчезло. Фань сразу же понял его смысл; пришельцы показали, что они его видят. Это заставило Фаня почувствовать себя так, будто он действительно стоит на крыше мира.

На экране появились две строчки текста. В них содержались все знаки всех алфавитов, какие только доводилось видеть Фаню. Распознав слова «английский», «китайский» и «японский», он догадался, что это названия всех земных языков. Он также заметил темную рамку, перемещающуюся от одного слова к другому. Все это выглядело очень знакомым. Вскоре его догадка подтвердилась, так как он обнаружил, что эта рамка действительно следует за его взглядом. Он сосредоточил взгляд на иероглифах, обозначающих «китайский», и черная рамка остановилась на них. Он моргнул один раз, но ничего не произошло.

«Возможно, нужен двойной клик», – подумал Фань и моргнул дважды. Темная рамка вспыхнула, и гигантское меню языков на шаре закрылось. Вместо него появилось огромное слово на китайском языке.

– Привет!

– Привет! – крикнул Фань в небо. – Вы меня слышите?

– Мы вас слышим; нет необходимости кричать. Мы способны услышать взмах крыльев комара в любой точке Земли. Мы поймали электромагнитные волны вашей планеты и так выучили ваши языки. Мы хотим немного поболтать с вами.

– Откуда вы прилетели? – спросил Фань уже значительно тише.

На поверхности гигантского шара возник снимок, демонстрирующий плотное скопление черных точек. Эти точки соединялись сложной сеткой линий. От сложности этого изображения у Фаня закружилась голова. Это явно была какая-то карта звездного неба. Разумеется, одна из этих точек замигала серебристым светом, она становилась все ярче. К сожалению, Фэн Фань никак не мог понять, какая это звезда, но он был уверен, что она уже где-нибудь зарегистрирована. Астрономы Земли сумеют это понять. Вскоре шар снова показал изображения значков и букв, но звездная карта не исчезла. Она оставалась фоном, почти как на дисплее какого-то инопланетного компьютера.

– Мы возвели гору. Вы пришли и поднялись на нее.

– Восхождение на горы – мое страстное увлечение, – ответил Фань.

– Дело не в увлечении; мы должны подниматься на горы.

– Зачем? – спросил Фань. – На вашей планете много гор?

Он понимал, что это едва ли может быть самым необходимым занятием для человечества, но ему хотелось знать. Все, кого он знал, считали альпинизм глупым занятием, так почему не поговорить о нем с пришельцами? В конце концов, они только что утверждали, что им нравится восхождение; и, в конце концов, он забрался так далеко совершенно самостоятельно.

– Горы есть повсюду, но мы не поднимаемся на них, как это делаете вы.

Фэн Фань не мог понять, имели они в виду конкретное описание или это абстрактная аналогия. У него не было выхода, и пришлось признаться в своем невежестве.

– Значит, там, откуда вы прилетели, много гор? – Это был скорее вопрос, чем утверждение.

– Мы были окружены горой. Эта гора стала для нас тюрьмой, нам нужно было копать, чтобы подняться на нее.

Этот ответ ничего не объяснил Фаню. Он долго молчал, обдумывая то, что пытались сказать ему пришельцы.

Потом они продолжили.

Глава 3

Планета-пузырь

– Наша планета – очень простой мир. Это сферическое пространство, чуть больше 3500 миль в диаметре в ваших единицах измерения. Это пространство со всех сторон окружают каменные пласты. В каком бы направлении вы ни отправились, вы всегда упираетесь в сплошную каменную стену.

Естественно, это сформировало нашу первую модель космоса: мы предположили, что Вселенная состоит из двух частей. Первая часть – это пространство, диаметром 3500 миль, в котором мы живем; вторая – это окружающие его каменные пласты. Мы полагали, что камни бесконечно тянутся во всех направлениях. Поэтому мы представляли себе нашу планету, как полый пузырь в твердой Вселенной, и поэтому дали ей название Планета-пузырь, а такую космологию называем Теорией Твердой Вселенной. Конечно, эта теория не отрицает возможности существования других пузырей в нескончаемых пластах камней. Однако она не указывала, как близко или как далеко могут находиться эти другие пузыри. Это стало стимулом для наших исследовательских путешествий.

– Но нескончаемые каменные пласты не могут существовать; они бы рухнули под собственной силой тяжести, – возразил Фэн Фань.

– В прошлом мы ничего не знали о силах гравитации. Внутри Планеты-пузыря гравитации не было, и поэтому мы проживали жизнь, не ощущая ее воздействия. Мы узнали о существовании гравитации только много тысяч лет спустя.

– Так эти пузыри были планетами вашей твердой вселенной? Очень интересно, – сказал Фань. – Плотность в нашей Вселенной совершенно противоположная. Ваша вселенная должна быть почти точным негативом реальной Вселенной.

– Реальной Вселенной? Вы по своему невежеству считаете Вселенную только такой, какой знаете ее в данный момент. Вы понятия не имеете, какова реальная Вселенная, и мы тоже.

Получив выговор, Фань решил продолжать свои вопросы.

– На вашей планете был свет, воздух, вода?

– Нет, ничего подобного; и мы ни в чем этом не нуждались. Наш мир состоял полностью из твердых веществ. Там не было ни газов, ни жидкостей.

– Ни газов, ни жидкостей. Как же вы выживали? – спросил Фань.

– Мы – механическая форма жизни. Наши мышцы и кости сделаны из металлов, наш мозг похож на высокоинтегрированные чипы, а электричество и магнетизм – это наша кровь. Мы питались радиоактивной рудой из ядра планеты, а она обеспечивала нас энергией, необходимой для выживания. Нас не создали; мы эволюционировали естественным путем из чрезвычайно простых одноклеточных форм механической жизни, когда совершенно случайно радиоактивная энергия образовала в скалах р-п-переходы. Вместо вашего огня наши древние предки открыли использование электромагнетизма. Фактически мы так и не открыли огонь в нашем мире.

– Значит, там, должно быть, очень темно, – заметил Фань.

– Собственно говоря, там было немного света. Его создавала радиоактивность в стенах нашей планеты. Эти стены были нашим небом. Свет этого «неба» был очень слабым, и он постоянно менялся из-за колебаний радиоактивности. И все-таки это способствовало тому, что в процессе эволюции у нас появились глаза.

Поскольку в ядре нашей планеты отсутствовала гравитация, мы не строили стен. Наши города парили в тусклом, пустом пространстве, которым был наш мир. Они были примерно такой же величины, как ваши города, и издали они показались бы вам светящимися облаками.

Процесс эволюции механической жизни идет намного медленнее, чем эволюция основанной на углероде жизни, но в конце концов мы достигли той же цели другими средствами, и поэтому настал день, когда мы начали изучать нашу вселенную.

– Похоже, вы там страдали от тесноты. Вы именно так себя чувствовали? – спросил Фань, задумавшись над странными откровениями из сферы.

– «Теснота»... Это новое слово. Мы начали испытывать сильное желание увеличить наше пространство, гораздо более сильное, чем любое стремление вашего вида. Наши первые исследовательские путешествия в каменные пласты начались еще в древности. Исследовать мир для нас значило пробивать туннели в стенах в

попытках найти другие пузыри в нашей твердой вселенной. Мы сложили много прекрасных, заманчивых легенд об этих далеких мирах, и почти вся наша литература рассказывала фантастические истории о других пузырях. Вскоре, однако, исследования объявили незаконными и запретили под страхом смерти от короткого замыкания.

– Объявили незаконными? Ваша церковь? – высказал предположение Фань.

– Нет, у нас нет церкви. Цивилизация, которая не видит солнца и звезд, не имеет религии. У нашего сената была очень веская причина запретить рыть туннели: в нашем распоряжении не было того почти безграничного пространства, которое есть у вас. Наше существование было ограничено этим пузырем диаметром в 3500 миль. Весь вынутый из туннелей щебень оставался внутри этого пространства. Так как мы считали, что пласты каменной породы бесконечно тянутся во все стороны, эти туннели могли стать очень длинными – такими длинными, что заполнили бы щебнем все пространство пузыря внутри нашей планеты! Другими словами, мы превратили бы полую сферу в середине нашей планеты в очень длинный туннель.

– Можно было найти решение этой проблемы: просто перемещать недавно вынутый щебень в уже образовавшееся пространство позади горнорабочих, – высказал предположение Фань. – Тогда вы бы потеряли только пространство, которое необходимо исследователям для поддержания жизни и проходки туннеля.

– Действительно, более поздние исследователи применили именно такой метод, который вы описали. Фактически исследователи использовали только маленький пузырь, в котором хватало места для них и их работы. Мы стали называть их «кораблями-пузырями». Но все равно каждое такое предприятие означало груды щебня размером с такой корабль-пузырь в нашем внутреннем пространстве, и нам надо было ждать возвращения такого корабля, чтобы потом вернуть эти камни в стену. Если такой корабль не возвращался, эта маленькая груда камней означала, что мы потеряли еще один небольшой кусочек пространства навсегда. В то время нам казалось, что корабль-пузырь похитил этот участок пространства. Поэтому мы дали нашим исследователям еще одно прозвище – «Похитители пространства».

В нашем мире клаустрофобии каждый дюйм пространства имел огромную ценность, и позже значительная часть нашей планеты была

потеряна после того, как слишком много кораблей-пузырей не смогли вернуться. Именно из-за такой потери пространства исследование с помощью кораблей-пузырей было запрещено в древности. Даже при отсутствии правового запрета жизнь в кораблях-пузырях была полна невообразимых лишений и опасностей. Экипаж такого корабля обычно состоял из нескольких горнорабочих и штурмана. В то время у нас не было бурильной техники, и нам приходилось копать вручную, это можно сравнить с греблей на ваших древних судах. Этим древним шахтерам приходилось копать без устали самыми простыми орудиями, проталкивая свои корабли-пузыри сквозь пласты породы мучительно медленно. Работать подобно машинам в этих крохотных пузырях, окруженных со всех сторон сплошными скальными породами, в ужасной тесноте, в поисках ускользающей мечты – это, несомненно, демонстрация невероятной силы духа.

Поскольку корабли-пузыри должны были возвращаться тем же путем, каким они уходили, обратная дорога обычно была намного легче. Каменная порода на их пути уже была рыхлой. И все равно азарт первооткрывателей часто уводил корабли так далеко, благополучное возвращение становилось невозможным. У таких невезучих исследователей заканчивались силы и припасы, и они застревали на полпути обратно, а корабль-пузырь становился их могилой. Несмотря на все это и даже несмотря на значительно сократившийся масштаб наших исследований, наша Планета-пузырь никогда не отказывалась от мечты найти другие миры.

Глава 4

Красное смещение

– Однажды, в 33281 году Эры пузыря, выражаясь в терминах вашей хронологии, так как наше летоисчисление было бы для вас слишком чужеродным и вы бы его не поняли, крохотное отверстие начало открываться в каменном небе нашей планеты. Маленькая кучка камней выплыла из этого отверстия, их слабый радиоактивный свет сверкал, как свет звезды. Отряд солдат немедленно отправили в полет к этой трещине для ее изучения. (Не забудьте, что на нашей планете нет гравитации.) Они обнаружили исследовательский корабль-пузырь, который вернулся. Этот корабль стартовал восемь лет назад, и мы уже давно потеряли надежду на его возвращение. Этот корабль назывался «Острие иглы», и он проник на 125 миль в глубину скальной породы. Ни один другой корабль никогда не возвращался после того, как забрался так далеко.

«Острие иглы» отправился в путь с экипажем из двадцати членов, но, когда он вернулся, на нем оставался лишь один ученый. Назовем его Коперником. Он съел всех остальных членов команды, включая капитана. В древности такой способ выживания считался самым эффективным для исследователей, отправляющихся в глубокие недра каменной породы.

За нарушение строгих законов, запрещающих исследования на кораблях-пузырях, и за каннибализм Коперника приговорили к смерти в столице. В тот день, когда приговор должны были привести в исполнение, больше 760 тысяч зрителей собралось на центральной площади столицы, чтобы увидеть казнь. Когда они ждали грандиозного зрелища казни Коперника посредством короткого замыкания, сопровождающегося красивым дождем искр, группа ученых выплыла на площадь. Они были членами Академии наук планеты и явились, чтобы объявить о потрясающем открытии: изучая плотность образцов камней, доставленных «Острием иглы», исследователи обнаружили нечто странное. К их огромному удивлению, данные показали, что плотность скальной породы постоянно уменьшалась по мере продвижения корабля сквозь камни.

– На вашей планете нет гравитации. Как вы могли измерить плотность? – перебил Фань.

– Мы использовали инерцию; это несколько сложнее ваших методов. Не важно, в то далекое время наши ученые думали, что «Острые иглы» просто наткнулся на неровный слой каменной породы. Однако в следующем веке легионы кораблей-пузырей отправились во все стороны, проникли глубже, чем это удалось «Острию иглы», и тоже вернулись с образцами. То, что они обнаружили, было невероятным. Плотность уменьшалась во всех направлениях, и существенно! Теория Твердой Вселенной, господствующая на Планете-пузыре в течение двадцати тысяч лет, была потрясена до основания. Раз плотность планеты постоянно уменьшается, если копать в направлении от ее ядра, то разумно считать, что она в конце концов станет равной нулю. Используя собранные данные, наши ученые легко рассчитали, что это должно произойти примерно на расстоянии двадцати тысяч миль.

– О, это очень похоже на то, как Хаббл использовал красное смещение! – воскликнул Фань, вспомнив это понятие.

– Действительно, очень похоже. Поскольку вы не могли представить себе, что скорость красного смещения превосходит скорость света, вы пришли к выводу, что оно означает край вселенной; и нашим предкам было очень легко понять, что зона с нулевой плотностью – это открытое пространство. Так родилась новая модель вселенной. Эта модель позволяла предположить, что плотность породы уменьшается пропорционально расстоянию от Планеты-пузыря, и в конце концов образуется отверстие в пространство, которое продолжается до бесконечности. Эта теория названа Теорией Открытой Вселенной.

Теория Твердой Вселенной тем не менее глубоко укоренилась в нашей культуре, и ее сторонников было больше. Вскоре они нашли способ спасти Теорию Твердой Вселенной: они выдвинули предположение, будто уменьшение плотности означает лишь, что сферический слой более рыхлой породы окружает Планету-пузырь. Если пройти сквозь этот слой, доказывали они, то дальнейшего уменьшения не будет. По их расчетам толщина рыхлого слоя равна двум сотням миль. Проверить эту теорию было, конечно, нетрудно; нужно только прорыть насквозь двести миль скальной породы.

Корабли быстро прошли это расстояние, но падение плотности продолжалось. Тогда сторонники Теории Твердой Вселенной заявили, что их прежние расчеты ошибочны и истинная толщина слоя рыхлой породы равна тремстам милям. Через десять лет один корабль покрыл это расстояние, и снова уменьшение плотности продолжалось за его пределами. Тогда приверженцы традиционных взглядов увеличили слой рыхлой породы до девятисот миль...

В конце концов, невероятное, эпохальное открытие навсегда покончило с Теорией Твердой Вселенной.

Глава 5

Гравитация

Корабль-пузырь, который пересек отметку в двести миль, назывался «Ленточная пила». Это был самый большой исследовательский корабль, когда-либо построенный нами, оборудованный мощным экскаватором и новейшей системой жизнеобеспечения. Его режущие механизмы позволяли ему двигаться быстрее всех предыдущих моделей, созданных за всю нашу историю.

Когда он миновал глубину – или можно ее назвать высотой – в двести миль, главный научный сотрудник – назовем его Ньютоном – сообщил капитану корабля о совершенно загадочном явлении: всякий раз, когда члены экипажа отходили ко сну, они парили посередине судна, но просыпались, лежа на стенке туннеля со стороны их планеты.

Капитан не придавал этому значения; он пришел к выводу, что это результат тоски по дому у парящих во сне членов экипажа, только и всего. В его представлении они хотели вернуться на Планету-пузырь и поэтому всегда устремлялись во сне к дому.

Учтите, однако, что на Планете-пузыре нет воздуха, и в корабле-пузыре тоже. Это значит, что у них могло быть только два способа передвигаться: или отталкиваться от стенки – а это невозможно, когда члены экипажа парят в центре корабля, – или с силой избавляться от экскрементов, выбрасывая их из своих тел с ускорением. Однако Ньютон никогда не находил никаких следов, подтверждавших последнее.

И все равно капитан не хотел верить утверждениям Ньютона. Ему следовало бы поверить, так как именно такое безразличие вскоре привело к тому, что он оказался погребенным заживо. В тот день, когда это произошло, члены команды были совершенно измучены после завершения последней экскавации грунта и поэтому не убрали образовавшийся за день щебень в хвостовую часть корабля. Они планировали перенести камни на следующее утро, после отдыха. Капитан корабля присоединился к горнорабочим, и они все уснули в центре корабля. И все внезапно проснулись, будучи погребенными

заживо! Во сне все они, вместе с камнями, переместились в хвостовую часть корабля-пузыря, ближе к Планете-пузырю. Ньютон очень быстро понял, что все предметы внутри корабля имеют тенденцию перемещаться в сторону планеты. Это движение было очень постепенным и едва заметным при обычных обстоятельствах.

– Значит, ваш Ньютон не нуждался в яблоке, чтобы открыть гравитацию, – пошутил Фань.

– Вы действительно думаете, что это было так просто? Для нас открытие гравитации – гораздо более сложный процесс, чем для подобных вам рас; так и должно было быть, учитывая среду, в которой мы обитали. Когда наш Ньютон открыл направленность притяжения, он невольно решил, что причиной его является пустое пространство Планеты-пузыря диаметром 3500 миль; и поэтому наша первоначальная теория гравитации пострадала от довольно глупого предположения. Мы пришли к выводу, что именно вакуум создает гравитацию, а не масса.

– Я понимаю, как это произошло. В такой сложной среде, как ваша, разумеется, вашему Ньютону было гораздо труднее понять происходящее, чем нашему, – ответил Фань, кивая.

– Так и есть. Нашим ученым потребовалось полвека, пока они подошли к разгадке этой тайны. Только тогда они начали понимать природу гравитации, и вскоре мы получили возможность – используя приборы, похожие на ваши, – измерить гравитационную постоянную. И все равно процесс шел мучительно медленно, и прошло много времени, прежде чем теория гравитации нашла широкое признание в нашем мире. Однако когда это случилось, был вбит последний гвоздь в гроб Теории Твердой Вселенной.

Гравитация не позволяла допустить существования бесконечной, твердой вселенной вокруг нашего пузыря. Теория Открытой Вселенной наконец восторжествовала, и космос, который она описывала, вскоре стал могучей притягательной силой для обитателей нашего мира.

Кроме сохранения энергии и массы, физика Планеты-пузыря также подчинялась закону сохранения пространства. Пространство в Планете-пузыре представляло собой сферу диаметром 3500 миль. Прорытые в слоях скальной породы туннели не увеличили объем доступного пространства; они лишь изменили форму и

местонахождение существующего пространства. Более того, мы жили в среде с нулевой гравитацией, и наша цивилизация парила в пространстве в ядре планеты. Мы ничего не прикрепили к стенам нашей планеты, и это можно было бы сравнить с тем, как вы живете на своей планете. Поэтому пространство было самым драгоценным предметом потребления на Планете-пузыре. Вся история нашей цивилизации была одной долгой и кровавой борьбой за пространство.

Теперь мы неожиданно узнали, что пространство, вполне возможно, бесконечно. Как это могло не свести нас с ума? Мы послали беспрецедентное количество исследователей, отправляли одну волну кораблей-пузырей за другой, и они копали все дальше, прочь от планеты. Они делали все от них зависящее, чтобы достичь того рая нулевой плотности, который, как предсказывала Теория Открытой Вселенной, можно найти за пределами 19 900 миль камня.

Глава 6

Ядро планеты

– На основании всего сказанного, если вы все поняли, вы теперь сумеете сделать вывод об истинной природе нашего мира.

– Ваш мир был полым ядром планеты? – высказал догадку Фань.

– Вы правы. Наша планета имеет приблизительно такой же размер, как Земля; ее радиус примерно равен пяти тысячам миль. Ядро нашей планеты, однако, полое. Это пространство в центре имеет диаметр примерно 3500 миль. Мы – это жизнь внутри этого ядра.

Даже после открытия гравитации все равно прошло еще много столетий, пока мы наконец поняли истинную природу нашей планеты.

Глава 7

Война пластов

После того как Теория Открытой Вселенной полностью утвердилась, нашей реальной целью стало проникнуть в бесконечное пространство за пределами планеты. Нас больше не волновал расход пространства внутри Планеты-пузыря. Массивные груды камней, выкопанные нашими многочисленными кораблями, вскоре заполнили пространство ядра. Эти обломки теперь плавали вокруг городов в виде огромных, плотных облаков. Положение стало настолько опасным, что просто проплыть вокруг города было так же сложно, как пройти по маршруту с препятствиями. И так как сами города тоже двигались в пространстве, на обитателей ядра обрушивались сокрушительные ливни из камней. Только половину пространства, украденного этими камнями, удалось вернуть.

В то время Правительство планеты решило сместить наш сенат. Его политики взяли на себя обязанность следить за пространством ядра и охранять его. Они попытались жестоко наказывать неистовых исследователей, но это почти ничего не дало. Корабли-пузыри большинства ученых уже проникли в глубокие слои нашей планеты.

Вскоре Правительство планеты осознало, что лучшим способом остановить корабли-пузыри было бы использование таких же кораблей-пузырей. Следуя этой логике, правительство начало строить армаду гигантских кораблей для перехвата, нападения и уничтожения кораблей ученых в глубоких слоях скальной породы. Правительственные корабли тогда смогли бы вернуть украденное пространство. Этот план, естественно, встретил сопротивление исследователей, и разразилась длительная Война пластов, которую вели на огромном поле боя в пластах скальных пород.

– Очень интересный способ вести войну! – воскликнул заинтригованный Фань, обращаясь к сфере.

– И очень жестокий, хотя сначала темп боя был вялым, мягко выражаясь. Бурильная техника в то время позволяла кораблям-пузырям двигаться в каменных пластах со скоростью меньше двух миль в час.

Большие корабли ценились больше всего обеими сторонами во время Войны пластов. Опять-таки причина была простой: чем больше корабль-пузырь, тем дольше он может действовать без дозаправки топливом; и также боеспособность корабля прямо пропорциональна его размеру.

Какими бы корабли времен Войны пластов ни были большими, их старались строить наименее широконосими. Опять-таки по очень простой причине: чем уже нос, тем меньший участок скальной породы приходится проходить и тем быстрее корабль продвигается вперед. В результате почти все боевые корабли были очень похожи друг на друга, если смотреть спереди. С другой стороны, корпус и длина у всех кораблей были совершенно разными. Самые большие корабли иногда напоминали очень длинные туннели.

Поле боя во время Войны пластов было, разумеется, трехмерным, и поэтому сражения велись почти так же, как их вели ваши военно-воздушные силы в воздушных боях, хотя у нас все было гораздо сложнее. Когда корабль встречался с противником, то первым делом надо было увеличить ширину его носовой части. Это делалось для того, чтобы добиться самого широкого фронта для использования вооружения; в этой новой конфигурации корабль способен был приобретать форму, напоминающую гвоздь.

При необходимости носовую часть корабля-пузыря можно было разделить на много секций, и тогда она становилась похожей на когтистую лапу, готовую нанести удар. Такая конфигурация позволяла кораблю атаковать одновременно по многим направлениям. Сложность Войны пластов проявлялась также в использовании еще одной тактики: каждый корабль мог при необходимости делиться на много кораблей меньших размеров. Корабли также могли соединяться с другими судами и быстро превращаться в один гигантский корабль. Каждый раз при встрече с боевыми соединениями противника вопрос о том, объединяться или разделяться, становился предметом глубокого тактического анализа.

Что интересно, Война пластов почти не повлияла на тягу к дальнейшим исследованиям. Фактически война подстегнула техническую революцию, которая сыграла важную роль в наших будущих достижениях. Она не только стала причиной создания очень эффективных экскаваторов, но также привела к изобретению

сейсмокопков. Эта технология могла использоваться для создания средств связи в каменных пластах и могла служить некой формой радара. Мощные сейсмические волны также применялись в качестве оружия. Самые сложные устройства сейсмической связи даже передавали изображения.

Самый большой боевой корабль, который мы построили, назывался «Линейный мир». Его постройку заказало Правительство планеты. В стандартной конфигурации длина «Линейного мира» была больше девяноста миль. Он соответствовал полученному названию: маленький, очень вытянутый в длину мир, автономный. С точки зрения его экипажа, служить на нем было все равно что для вас стоять в туннеле между Францией и Англией под Ла-Маншем; каждые несколько минут мимо проносились высокоскоростные поезда, уносящие выкопанную породу на корму корабля. Разумеется, «Линейный мир» мог сам разделиться на армаду судов, но в большинстве случаев он действовал как один боевой корабль. Естественно, он не всегда оставался в своей конфигурации «туннеля». При движении его вытянутый корпус мог сильно изгибаться, образуя замкнутую петлю, или даже пересекать свою собственную траекторию, создавая причудливые формы нанесения ударов по противнику. «Линейный мир» был оборудован новейшими экскаваторами, что позволяло ему двигаться вдвое быстрее обычных кораблей-пузырей, развивать крейсерскую скорость до четырех миль в час. В бою он мог даже маневрировать со скоростью более шести миль в час! Более того, необычайно мощный сейсмокоп был установлен в его корпусе, что позволяло ему засекал корабли противника на расстоянии более трехсот миль. Его сейсмическое волновое вооружение имело диапазон поражения в 3300 футов, и все живое и неживое внутри корабля-пузыря оказывалось разорванным в клочья или раздавленным. Время от времени «Линейный мир» возвращался на Планету-пузырь с грузом пространства, отвоеванного у исследователей.

Именно сокрушительные удары «Линейного мира» приблизили конец движения исследователей. Казалось, эпоха исследований вот-вот завершится.

Во время Войны пластов исследователи постоянно терпели поражения. Вероятно, еще важнее было то, что им не давали

построить или сформировать корабль длиннее пяти миль. Любой более крупный корабль быстро обнаруживали сейсмокопы, установленные на «Линейном мире» и на стенах Планеты-пузыря. А как только его обнаруживали, его быстро уничтожали. И поэтому, если они хотели продолжать серьезные исследования, было необходимо уничтожить «Линейный мир».

После длительной подготовки и планирования более ста боевых кораблей Союза Исследователей, основанного почти побежденными исследователями, окружили и атаковали «Линейный мир». Каждый из этих кораблей был не длиннее трех миль. Сражение произошло в тысяче миль от Планеты-пузыря и получило название «Тысячемильная битва».

Сначала Союз собрал двадцать кораблей и объединил их в один корабль длиной в двадцать миль на расстоянии тысячи миль от Планеты-пузыря, провоцируя «Линейный мир» на атаку. «Мир» проглотил наживку и поспешил напасть, приняв конфигурацию туннеля. Когда он мчался к своей жертве, Союз выпрыгнул из засады. Более ста кораблей ринулись вперед, одновременно атакуя «Линейный мир» со всех сторон. Могучий девяностомильный корабль был расколот на пятьдесят секций. Тем не менее каждая из этих секций могла вести бой как самостоятельный боевой корабль. Вскоре более двухсот кораблей с обеих сторон уже вели яростную битву, рыли туннели в скальной породе в хаотичной и жестокой схватке. Боевые суда непрерывно соединялись и разделялись, и в конце концов сливались в аморфное облако судов, ведущих яростное сражение. В заключительной фазе этой битвы поле боя, размером в сто пятьдесят миль, превратилось в неузнаваемые соты из рыхлой породы и пустого пространства, оставшегося после уничтоженных кораблей. Тысячемильная битва создала запутанный трехмерный лабиринт в 2250 милях ниже поверхности нашей планеты.

Яростный, непрерывный грохот сражения сотрясал это хаотичное поле боя, казалось, целую вечность. В таком отдалении от ядра планеты гравитация оказывала заметное влияние на ход сражения: исследователи были гораздо лучше знакомы с таким влиянием, чем правительственные войска. В этом колоссальном лабиринте боя именно это постепенно решило ход сражения в пользу Союза Исследователей. В результате они одержали решающую победу.

Глава 8

Под океаном

После этой битвы Союз Исследователей собрал все оставшееся после битвы пространство в одну сферу диаметром шестьдесят миль. В этом новом пространстве Союз провозгласил независимость от Планеты-пузыря. Несмотря на это заявление, Союз продолжал на расстоянии координировать свои усилия с движением исследователей Планеты. Постоянный поток их кораблей устремлялся из ядра и присоединялся к флоту Союза, унося с собой значительный объем пространства. Поэтому территория Союза Исследователей непрерывно росла, и это позволило им превратить свою территорию в полностью оснащенную всем необходимым базу для движения вперед. Правительство планеты, обессиленное многолетней войной, оказалось неспособным это остановить. В конце концов у них не осталось другого выхода, и они признали легитимность движения исследователей.

По мере проникновения во все более высокие слои исследователям стали встречаться все более пористые породы. И это было не единственное преимущество; растущая сила тяжести также намного облегчала уборку образовавшихся отходов, и эта только что обретенная среда приносила все новые успехи. На восьмой год после окончания войны первый корабль под названием «Спираль» пересек оставшиеся 2250 миль, и этим завершилось путешествие, длиной пять тысяч миль от центра планеты и 3250 миль от края Планеты-пузыря.

– Ого! Это весь путь до поверхности! Наверное, вы были очень взволнованы, когда увидели великие равнины и настоящие горы! – воскликнул Фань, захваченный рассказом пришельцев.

– Ничего интересного не было; корабль «Спираль» достиг морского дна.

Шокированный Фань уставился на сферу пришельцев.

– Когда это произошло, изображения сейсмического коммуникатора начали дрожать и внезапно совсем исчезли. Коммуникатор перестал действовать. Корабль-пузырь, который рыл туннель сквозь камень под ним, ловил на сеймоскопе только один

странный звук: шум, который в открытом пространстве звучал бы так, будто с чего-то сдирают кору. Этот звук издавали тонны воды, врывающиеся в вакуум «Спирали». Ни одна форма механической жизни, как и техника Планеты-пузыря, не была рассчитана на контакт с водой. Мощный электрический ток, возникший при коротком замыкании, которое уничтожало живые существа и оборудование, почти мгновенно превратил в пар все, к чему прикасалась вода. Под напором воды экипаж и инструменты «Спирали» взорвались подобно бомбе.

После этого происшествия Союз отправил больше десятка кораблей-пузырей во все стороны от Планеты, но всех их постигала та же судьба, когда они достигали высоты, которую, казалось, преодолеть невозможно. Ни один из экипажей не смог оправдать свою жертву, отправив сведения, которые могли бы позволить нам понять природу этого таинственного звука. Дважды на мониторах можно было увидеть странную кристаллическую волну, но мы никак не могли понять ее природу. Следующие корабли пытались просканировать то, что лежало выше, при помощи сейсмометров, но их приборы давали искаженные данные; отраженные сейсмические волны показывали: то, что лежит дальше, не является ни пространством, ни скальной породой.

Эти открытия до основания потрясли Теорию Открытой Вселенной, и академические круги начали обсуждать возможность новой модели. Эта новая модель предполагала, что Вселенная ограничена радиусом в пять тысяч миль. Они пришли к выводу, что погибшие корабли исследователей соприкоснулись с краем Вселенной и погибли, когда их всосало за этот край.

Движение исследователей столкнулось со своим самым большим испытанием. До инцидента с кораблем «Спираль» пространство, добытое погибшими кораблями исследователей, всегда можно было сохранить, хотя бы теоретически. Теперь же наш народ вышел на край Вселенной. То пространство, которое она жадно поглощала, казалось навсегда потерянным. Это потрясло даже самых стойких исследователей. Вспомните, что в нашем мире, находящемся в глубине пластов скальной породы, потерянное пространство невозможно было снова обрести. Помня об этом, Союз решил отправить на поиски последнюю группу из пяти кораблей-пузырей. Когда эти суда достигли высоты в три тысячи миль, они стали продвигаться дальше с

максимальной осторожностью. Если бы их постигла та же судьба, что и их предшественников, это означало бы конец движения исследователей.

Два корабля погибли. Однако третий, под названием «Каменный мозг», медленно рыл туннель вверх, проходя каждый фут скальной породы с исключительной осторожностью. Когда корабль достиг морского дна, воды океана не залили весь корабль, и поэтому он не разрушился сразу весь, как это происходило раньше. Морская вода просачивалась в крохотную трещину и лилась мощной, но узкой струей под напором колоссального наружного давления. Бимсы судна «Каменный мозг» были шириной 825 футов. По стандартам исследовательских кораблей это считалось большим размером, но оказалось невероятной удачей. Из-за размеров корабля прибывающей морской воде потребовался час, пока она заполнила внутренние помещения корабля. До соприкосновения с потоком воды сейсмоскоп корабля зарегистрировал структуру океана над ним и успешно передал многочисленные данные и изображения ученым. Именно в тот день народ ядра впервые увидел жидкость.

Можно себе представить, что в Планете-пузыре могла в древности быть жидкость, но это было не что иное, как кипящая магма. Когда бурная геология в период формирования нашей планеты наконец-то успокоилась, эта магма, должно быть, полностью отвердела. В ядре нашей планеты не осталось ничего, кроме твердого вещества и пустого пространства.

Но все равно наши ученые давно предсказывали теоретическую возможность существования жидкостей, но никто реально не верил, что это легендарное вещество может действительно существовать во Вселенной. Теперь, однако, на этих переданных изображениях ученые ясно увидели его своими собственными глазами. И то, что они увидели, повергло их в шок: их шокировала белая, мощная струя, медленный подъем поверхности воды и картина того, как это дьявольское вещество принимает любую форму, льнет к любой поверхности, бросая вызов всем законам природы. Они видели, как оно просачивается даже в самые крохотные трещины, и стали свидетелями того, как оно меняет саму природу камня, делает его темным, соприкасаясь с ним, и в то же время заставляет мерцать, как металл. Однако больше всего их завораживало то, что хотя

большинство вещей исчезало в этом странном веществе, некоторые обломки членов экипажа и оборудования всплывали на поверхность! Казалось, ничто не отличало то, что всплывало, от того, что тонуло. Народ ядра дал этой странной жидкости название: «аморфный камень».

С этого момента исследователи опять стали добиваться многочисленных успехов. Сначала инженеры Союза Исследователей сконструировали некое подобие дренажной трубы. По существу, это был полый бур длиной 650 футов. После того как бур проходил последние пласты породы, его верхний конец можно было открыть наподобие клапана, и вода океана текла по трубе. Вторым клапан установили в нижней части дренажной трубы.

Еще один корабль-пузырь поднялся на высоту три тысячи миль. Затем он начал сверлить этой дренажной трубой последние слои перед морским дном. Задача была несложной: в конце концов, техника бурения была хорошо знакома обитателям ядра. Однако еще один кусочек головоломки нуждался в технологии, о которой мы прежде никогда и не думали: в герметизации.

Так как на Планете полностью отсутствовали жидкости и газы, мы никогда не нуждались в технике герметизации, и даже не могли себе ее представить. В результате клапан в нижней части дренажной трубы оказался далеко не водонепроницаемым. Еще до того, как его открывали, он начинал пропускать воду внутрь корабля. Тем не менее нам и здесь очень повезло; если бы клапан открыли полностью, напор воды был бы гораздо сильнее, чем та струйка, которая просочилась через трещину в камне и попала в «Каменный мозг». Вода ворвалась бы в виде сконцентрированного потока воды, такого мощного, что разрезала бы все на своем пути, как луч лазера. А теперь вода просочилась сквозь пористый клапан гораздо более управляемой струйкой. Вы можете себе представить, как завораживающе подействовал на экипаж корабля вид тонкой струйки воды, текущей внутрь у них на глазах. Эта жидкость была для них совершенно незнакомой территорией, почти как электричество для людей когда-то в прошлом.

Осторожно наполнив металлический контейнер странной жидкостью, экипаж корабля вернулся в более низкие пласты, бросив в скальной породе дренажную трубу. Когда корабль вернулся,

исследователи со всеми предосторожностями хранили странный образец в контейнере, стараясь его ничем не потревожить. Внимательно наблюдая за ним, они вскоре сделали первое новое открытие: аморфный камень был прозрачным! Когда они в первый раз увидели, как морская вода ворвалась сквозь трещину в камне, она, естественно, была сильно загрязнена осадочными породами и илом. Народ ядра принял это за естественное состояние аморфного камня. После этого открытия корабль продолжил спуск, и по мере спуска температура на борту повышалась.

Исследователи вдруг очень испугались, столкнувшись с еще более ужаснувшим их открытием: аморфный камень был живым! Его поверхность взволновалась, начала кипеть от гнева, теперь он весь покрылся бесчисленными лопающимися пузырьками. Но прибывающая жизненная сила этого монстра, кажется, поглотила все его существо, его тело растворилось и превратилось в призрачную белую тень. Когда аморфный камень в контейнере преобразовался в это новое призрачное состояние, исследователи почувствовали, как их тела охватило странное чувство. За считанные секунды искры короткого замыкания вспыхнули внутри их тел, и их жизнь закончилась мучительным фейерверком.

Сейсмические волны транслировали это ужасное зрелище в Союз Исследователей до того самого момента, пока мониторы тоже не стали темными. Быстро отправленный на помощь корабль постигла такая же участь. Как только он соприкоснулся с обреченными судами, его экипаж также окутали искры фейерверка, и весь его экипаж умер в мучениях. Казалось, что аморфный камень превратился в духа смерти, нависшего над всем пространством. Однако ученые заметили, что вторая серия коротких замыканий оказалась совсем не такой интенсивной, как первые гибельные взрывы. Они пришли к выводу: по мере увеличения площади пространства плотность аморфной тени смерти уменьшается.

Произошло много ужасных смертей, и было потеряно много жизней, но в конце концов Народ ядра открыл еще одно состояние материи, с которым раньше никогда не встречался: газообразное.

Глава 9

К звездам

Эти важные открытия даже подвигли Правительство планеты на воссоединение со своими старыми врагами, Союзом Исследователей. Теперь Планета-пузырь тоже предоставила свои ресурсы для общего дела, и начался период интенсивных исследований, который быстро принес результаты. Последний прорыв был уже близок.

Несмотря на то что мы стали лучше понимать природу водяного пара, нам все еще недоставало технологии герметизации, которая позволила бы ученым ядра защитить народ и технику. Тем не менее мы узнали, что на высоте больше 2800 миль аморфный камень остается мертвым и инертным, неспособным вскипеть. Чтобы изучить это странное новое состояние, Правительство планеты и Союз Исследователей построили лабораторию на высоте 2900 миль. И оборудовали ее постоянно действующей дренажной трубой. Здесь эксперты принялись всерьез изучать аморфный камень.

– Только тогда вы смогли заняться работой Архимеда, – вставил Фань.

– Вы совершенно правы, но вы не должны забывать, что наши далекие предки уже проделали работу Фарадея.

Побочным продуктом работы наших ученых в Лаборатории по изучению камня было их открытие давления воды и плавучести. Им также удалось разработать и усовершенствовать технологию герметичности, необходимую при работе с жидкостями. Теперь мы наконец поняли, что герметичная изоляция аморфного камня должна быть невероятно простым делом, это гораздо проще, чем бурить пласты камня. Для этого потребуется лишь достаточно герметичное и устойчивое к внешнему давлению судно. При отсутствии экскаваторов такое судно способно подниматься со скоростью, которая казалась почти невероятной Народу ядра.

– Вы построили ракету Планеты-пузыря, – с улыбкой заметил Фань.

– Скорее торпеду. Эта торпеда представляла собой металлический, выдерживающий давление контейнер в форме яйца без

какого-либо приводного механизма или двигателя. Ею управлял один пилот. Назовем этого пионера Гагариным. Установка для запуска этой торпеды была построена в просторном зале, вырытом на высоте три тысячи миль. За час до запуска Гагарин вошел в торпеду, и судно герметично закрыли. После проверки функционирования всех приборов и систем жизнеобеспечения автоматический экскаватор начал прокладывать дорогу сквозь оставшиеся тридцать футов каменного грунта, отделяющего зал запуска от морского дна над ним. С оглушительным ревом потолок рухнул под напором аморфного камня. Торпеда сразу же полностью погрузилась в море жидкости. Когда хаос немного успокоился, Гагарин смог наконец увидеть окружающий мир сквозь прозрачный иллюминатор из стали и камня. С изумлением он осознал, что два прожектора стартовой установки посылают лучи света сквозь аморфный камень. Внутри Планеты-пузыря, где отсутствует воздух, свет не мог рассеиваться и испускать лучи. Впервые один из нас видел свет таким образом. В тот же момент сейсмические волны передали Гагарину команду на запуск, и он потянул за спусковой рычаг.

Петли якоря, прижимающие дно торпеды к камню, открылись, и торпеда начала медленно подниматься со дна моря. Поглощаемая аморфным камнем, она поднималась, всплывая все быстрее.

Учитывая давление на уровне морского дна, нашим ученым было легко рассчитать, что океанское дно покрывает примерно шесть миль аморфного камня. Если не произойдет ничего неожиданного, торпеда всплывет на поверхность приблизительно за пятнадцать минут. Что она там встретит, никто не знал.

Торпеда взлетела вверх без помех. В свой иллюминатор Гагарин не видел ничего, кроме беспросветной тьмы. Только иногда ему удавалось заметить пылинку, проносящуюся мимо иллюминатора, и он понимал, как быстро поднимается.

Очень скоро Гагарина охватила паника. Он всю жизнь провел в твердом мире. Когда он сейчас вышел впервые в пространство, заполненное аморфным камнем, ощущение полной беспомощности и пустоты грозило захлестнуть все его существо. Пятнадцать минут показались ему бесконечностью. Гагарин изо всех сил старался сосредоточиться и думать только о ста тысячах лет исследований, которые привели к этому моменту.

И как раз в ту секунду, когда он уже готов был сломаться, его торпеда вынырнула на поверхность океана нашей планеты.

Под влиянием инерции торпеда взлетела на добрых тридцать футов над поверхностью воды, а потом рухнула обратно в море. Глядя в иллюминатор во время падения, Гагарин видел бескрайний аморфный камень, простирающийся в бесконечность, сверкающий странными искрами. Но он не успел увидеть, откуда идет этот свет; торпеда тяжело упала в океан с громким всплеском, и брызги аморфного камня разлетелись во все стороны.

Торпеда остановилась, она плавала на поверхности океана, как лодка, мягко покачиваясь на волнах.

Гагарин осторожно открыл люк торпеды и медленно приподнялся над судном. Он сразу же почувствовал порыв океанского ветра и после нескольких секунд растерянности понял, что это газ. Дрожь страха пробежала по его телу, когда он вспомнил поток водяного пара, который когда-то видел сквозь трубу из камня и стали в лаборатории. Кто мог предвидеть, что где-либо во Вселенной может быть так много газа? Вскоре Гагарин понял, что этот газ очень отличается от газа, испускаемого кипящим аморфным камнем. В отличие от последнего он не вызвал короткого замыкания в его теле.

В своих воспоминаниях он позже так описал эти события:

«Я почувствовал, как мое тело нежно погладила гигантская невидимая рука. Казалось, она протянулась вниз из огромного, бескрайнего и совершенно неизвестного места; и это место теперь было передо мной, оно превращало меня в нечто совершенно новое».

Гагарин поднял голову, и в тот момент, в том месте, он наконец получил награду за сто тысяч лет исследований нашей цивилизации: он увидел величественное, сверкающее чудо звездного неба.

Глава 10

Всеобщность гор

– Для вас это было действительно непросто. Вам пришлось вести исследования столько лет, чтобы добраться до нашей точки старта! – воскликнул Фань в восхищении.

– Вот поэтому вы должны считать себя очень счастливой цивилизацией.

Как раз в тот момент количество кристаллических облаков, образованных улетающей атмосферой, сильно возросло. Небеса сияли и искрились, расцвел блестящий радужный венок, когда сияние от корабля пришельцев растеклось по кристаллам льда. Внизу продолжал с грохотом вращаться гигантский колодец циклона. Он напоминал Фаню массивную машину, постепенно превращающую планету в пыль. Однако на вершине горы все полностью замерло. Даже крохотные волны ряби на ее поверхности исчезли. Океан застыл, как зеркало. И опять Фэн Фаню это напомнило о горных озерах в Северном Тибете...

Он с усилием заставил себя снова вернуться в реальный мир.

– Зачем вы сюда прилетели? – спросил он у сферы над своей головой.

– Мы просто пролетали мимо и хотели посмотреть, есть ли здесь разумная жизнь, с которой можно поговорить. Мы беседуем с тем, кто первым поднимется на эту гору.

– «Там, где есть гора, кто-нибудь обязательно поднимется на нее», – нараспев произнес Фань и кивнул головой.

– Действительно, разумной жизни свойственно взбираться на горы, стремиться подняться как можно выше и видеть как можно дальше. Это стремление никак не связано с требованиями выживания. Например, если бы ты стремился только выжить, ты бы бежал от этой горы со всех ног, как можно быстрее и дальше. Вместо этого ты решил подплыть к ней и взобраться на нее. Причина, по которой эволюция одаривает всякую разумную жизнь желанием подняться выше, гораздо глубже, чем простые основные потребности, хотя мы до сих пор не

понимаем ее настоящую цель. Горы есть повсюду, и мы все стоим у подножия гор.

– Я сейчас на вершине горы, – перебил Фэн Фань. Он не мог стерпеть, чтобы кто-то, даже инопланетяне, усомнился в его славе человека, поднявшегося на самую высокую гору на этой планете.

– Ты стоишь у подножия горы. Мы всегда у подножия. Скорость света – это подножие горы, и три измерения пространства являются подножием горы. Вы пленники глубокого ущелья из скорости света и трехмерного пространства. Разве вы не чувствуете... тесноты?

– Мы такими родились. Это то, что нам знакомо, – задумчиво ответил Фань.

– Значит, то, о чем я расскажу тебе дальше, может показаться совершенно незнакомым. Посмотри сейчас на Вселенную. Что ты чувствуешь?

– Она обширна, безгранична, что-то вроде этого, – ответил Фань.

– Она кажется тебе маленькой?

– Как я могу так думать? Вселенная перед моим взором простирается в бесконечность; ученые могут заглянуть в космос на двадцать миллиардов световых лет, – объяснил Фань.

– Тогда я тебе скажу: это не более, чем планета-пузырь радиусом в двадцать миллиардов световых лет.

Фань не нашел слов для ответа.

– Наша Вселенная – это пустой пузырь, пузырь внутри чего-то более прочного.

– Как это возможно? Разве это твердое вещество не рухнуло бы сразу же под действием собственной гравитации? – спросил сбитый с толку Фань.

– Нет, по крайней мере, пока нет. Наш пузырь продолжает расширяться в этом суперуниверсальном твердом веществе. Гравитационный коллапс – это проблема только для ограниченного твердого пространства. Однако если окружающее твердое пространство практически безгранично, тогда гравитационный коллапс не будет проблемой. Это, конечно, всего лишь догадка. Кто может знать, имеет ли эта твердая супервселенная свои границы?.. Так много простора для рассуждений. Например, можно выдвинуть теорию, что при таком огромном масштабе гравитации противодействует какая-то другая сила, так же как электромагнетизму

противодействуют силы ядра в микроскопическом масштабе. Мы не чувствуем этой силы, но, когда мы находились внутри Планеты-пузыря, мы не чувствовали гравитации. На основании собранных данных мы видим, что форма пузыря Вселенной близка к форме, которую предполагали ваши ученые. Просто вы пока не знаете, что лежит за его пределами.

– Что такое это твердое вещество? Это?.. – Фань на секунду заколебался. – Камень? – выговорил он наконец.

– Мы не знаем, но мы узнаем это через пятьдесят тысяч лет, когда доберемся до места назначения.

– Куда именно вы направляетесь? – спросил Фань.

– К краю Вселенной. Наш корабль-пузырь называется «Острие иглы». Ты помнишь это название?

– Помню, – ответил Фань. – Так назывался корабль, который первым открыл закон уменьшения плотности на Планете-пузыре.

– Правильно. Мы не знаем, что мы найдем.

– Есть ли в супервселенной другие пузыри? – спросил Фань.

– Ты уже загадываешь очень далеко вперед.

– Как можно иначе? – ответил Фань.

– Подумай о множестве маленьких пузырьков в очень большой массе камня. Они там, но их очень трудно найти. И все равно мы отправимся их искать.

– Вы поистине удивительные создания, – улыбнулся Фань, испытывая глубокое восхищение перед бесстрашными инопланетянами.

– Прекрасно, наша маленькая беседа была очень приятной, но нам надо спешить; пятьдесят тысяч лет – очень долгий срок, и мы зря тратим время, так сказать. Приятно было познакомиться: и запомни – горы есть повсюду.

Из-за плотности облаков из ледяных кристаллов последние слова прозвучали нечетко, их поглотили облака. И с этими последними словами гигантский шар тоже начал медленно тускнеть, он уменьшался в размерах и исчезал в небе. Вскоре он сжался до размеров точки, стал еще одной звездой в бескрайнем небе. Он улетал гораздо быстрее, чем прилетел, и через несколько секунд совсем пропал за западным горизонтом.

Все пространство между небом и океаном снова стало угольно-черным. Облака из ледяных кристаллов и колодец циклона поглотила тьма, остался только след от кружащегося черного хаоса, едва заметный в небе над головой. Фэн Фань слышал, как быстро стихает рев бури. Вскоре он превратился в едва слышный шепот, и даже этот шепот затих. Остался только шум волн.

Фэн Фань внезапно почувствовал, что он падает. Оглядываясь вокруг, он увидел, что океан начал постепенно меняться. Идеально округлая вершина водяной горы становилась плоской, будто раскрывался гигантский зонт. Он понимал, что водяная гора разрушается и он падает с высоты добрых тридцать футов. Через несколько минут вода, в которой он плавал, прекратила падение, достигнув уровня морского дна. Инерция падения унесла его глубоко вниз.

К счастью, он на этот раз погрузился не очень глубоко и быстро вынырнул на поверхность.

Оказавшись на поверхности, он понял, что водяная гора полностью исчезла в океане, от нее не осталось никакого следа, будто ее никогда и не было. Циклона тоже больше не существовало, хотя он до сих пор ощущал налетающие порывы ураганного ветра, поднимающего большие волны. Вскоре поверхность океана должна снова успокоиться.

Когда облака кристаллов рассеялись, величественное звездное небо снова засияло над его головой.

Фэн Фань смотрел на звезды и думал о той далекой планете, очень, очень далекой, – такой отдаленной, что даже свет того дня, наверное, выбился из сил, пока добрался до Земли. Там, в океане далекого прошлого, Гагарин с Планеты-пузыря поднял голову к звездам, как это сделал сейчас Фань; и сквозь одиночество пространства, сквозь бесплодность времени он ощутил, как прочное родство соединило их души.

Фань внезапно почувствовал приступ тошноты, его вырвало. По вкусу рвоты он понял, что это кровь. На расстоянии многих миль над уровнем моря, на вершине водяной горы, у него началась горная болезнь. Отек легких вызвал кровотечение. Он сразу же понял серьезность своего положения. Внезапное увеличение силы тяжести лишило его сил, он не мог двигаться. Только спасательный жилет

держал его на плаву. Он понятия не имел о судьбе «Блуводера», но был почти уверен, что никаких судов не могло быть на расстоянии по крайней мере полумили от него.

Когда Фэн Фань находился на вершине, он чувствовал, что его жизнь пришла к завершению. Там, наверху, он мог уйти с миром. Теперь неожиданно он стал бояться умереть больше, чем любой другой житель этой планеты. Он поднимался на скалистую крышу нашей планеты, а теперь он еще и взошел на самый высокий водяной пик, когда-либо существовавший на планете.

На какую гору он мог бы еще взойти?

Ему нужно выжить; он должен это узнать. Первобытный страх перед метелью Гималаев вернулся. Когда-то этот страх заставил его перерезать веревку, соединяющую его со спутниками и возлюбленной. Он решил их судьбу. Теперь он знал, что поступил правильно. Если бы у него еще осталось нечто такое, что он мог предать, чтобы спасти свою жизнь, он бы совершил это предательство.

Он должен жить. Где-то там есть целая вселенная гор.

Солнце Китая

Пролог

Шуй Ва взял маленький сверток из дрожащих рук матери. В нем лежала пара туфель на толстой подошве, сшитая ею самой, три приготовленные на пару булочки, две куртки в многочисленных заплатках и двадцать юаней. Отец сидел на корточках у дороги и молча курил трубку с длинным чубуком.

– Наш сын покидает дом. Если ты сделаешь доброе лицо, это тебя убьет? – упрекнула его Ма. Не получив ответа, она прибавила: – Прекрасно, не отпускай его. У тебя есть деньги, чтобы построить ему дом и найти жену?

– Так пускай едет! На восток, на запад, все они уезжают в конце концов! Лучше бы я вырастил выводок щенков! – рявкнул Па, не поднимая глаз.

Шуй посмотрел на деревню, в которой родился и вырос. Обреченные на вечную засуху жители деревни еле выживали с теми каплями воды, которую им удавалось собрать в цистерны. У семьи Шуя не было денег на строительство цистерны из цемента, и им приходилось довольствоваться земляной. В жаркие дни вода воняла. В прошлые годы грязную воду еще можно было пить после кипячения, она была только слегка горьковатой и вяжущей на вкус. Но в это лето даже от кипяченой воды у них начинался понос. От местного военного врача они слышали, что в воду просочился из земли какой-то токсичный минерал.

Бросив последний взгляд на отца, Шуй повернулся и зашагал прочь. Он не оглядывался. Не ожидал, что Па будет смотреть ему вслед. Когда Па чувствовал себя несчастным, он сидел, сгорбившись, со своей трубкой часами, не двигаясь, будто превратившись в комок грязи на желтой земле. Но он все равно ясно видел лицо Па, или, наверное, лучше сказать, что он по нему шагал. Вокруг него простирался Северо-Западный Китай, обширное пространство выжженной охры, испещренное трещинами и оврагами в результате эрозии. Разве лицо старого крестьянина чем-то от него отличалось? Деревья, почва, дома, люди – все было почерневшим, пожелтевшим, изборожденным морщинами. Он не видел глаз на этом лице, которое

тянулось до горизонта, но чувствовал их присутствие, они смотрели в небо. В юности их взгляд был полон тоски по дождю; в старости стал остекленевшим.

Собственно говоря, это гигантское лицо всегда было хмурым и бесстрастным. Он не верил, что эта земля когда-либо была молодой.

Налетел внезапный порыв ветра, и дорогу из деревни окутала желтая пыль. Шуй шел по этой дороге, делая первые шаги к своей новой жизни. Эта дорога должна была привести его в такие места, которые ему не снились даже в самом фантастическом сне.

Цель жизни № 1

Выпить воды, которая не горчит, заработать немного денег

– О, здесь так много огней!

К тому времени, когда Шуй подошел к скопищу многочисленных маленьких нелегальных угольных карьеров и обжиговых печей, из которых состоял квартал шахтеров, уже опустилась ночь.

– Здесь? Вряд ли. Вот в городе, там много огней, – сказал Го Цян, который вышел его встречать. Го был из той же деревни, что и Шуй, но он ушел из нее за много лет до него.

Шуй последовал за Го на ночевку в барак для рабочих. Во время ужина он с восторгом обнаружил, что вода имеет приятный сладкий вкус. Го сказал ему, что в этом районе пробурили глубокий колодец, поэтому вода, естественно, хорошая.

– Ты пойдешь в город, – прибавил он, – вот где сладкая вода!

Перед сном Го вручил Шую твердый узелок, который должен был служить ему подушкой. Он развернул его и увидел круглые палочки, покрытые черным пластиком. Отогнув пластик, он увидел, что палочки имеют желтоватый цвет и напоминают мыло.

– Динамит, – пробормотал Го, потом перевернулся на другой бок и захрапел. Шуй заметил, что голова Го покоится на такой «подушке». Под кроватью лежала стопка динамита, а пучок взрывателей болтался у него над головой. Позже Шуй узнал, что в бараке хранится столько динамита, что, если он взорвется, вся деревня взлетит в небо. Го работал взрывотехником на руднике.

Работа на рудниках была тяжелой и утомительной. Шуй бегал туда-сюда, копал уголь, возил тачки, ставил опоры и выполнял различные другие задания. Он смертельно уставал к концу каждого дня. Но Шуй с детства привык к тяжелому труду, и он его не пугал. Пугали его условия в руднике. При спуске туда ему казалось, что он зарывается в темный муравейник. Сначала это ему казалось кошмарным сном наяву, но потом он привык и к этому. Ему платили сдельно, и он мог зарабатывать по 150 юаней в месяц. Мог даже заработать 200, если работа была хорошей. Его это вполне устраивало.

Но что устраивало Шуя больше всего, так это вода. После первого рабочего дня все его тело стало черным от сажи, и он пошел с другими рабочими в душевую. Войдя туда, он смотрел, как они тазиками набирают воду из большого бассейна. Потом ополаскивают тело, а вода стекает ручьями, оmyвая их с головы до ног, и черные струйки текут по земле. Он был поражен до глубины души. «Ма, как они могут вот так, зря, тратить такую вкусную воду?» По мнению Шуя, именно вкусная, свежая вода делала этот пыльный, почерневший мир несказанно прекрасным.

Однако Го настаивал, чтобы Шуй шел в город. Он до этого был там разнорабочим, но украл что-то на стройплощадке, и его записали в бродяги и отправили домой, по месту жительства. Он заверил Шуя, что тот сможет заработать в городе больше денег. Более того, он может это сделать, не угробив себя работой, как на руднике.

Шуй колебался, но пока он пытался принять решение, с Го произошел несчастный случай. Он убирал неразорвавшийся брусок динамита, а тот взорвался. Го пришлось выносить из рудника, все его тело было иссечено осколками камня. Перед смертью он повернулся к Шую и прохрипел:

– Иди в город... Там больше огней...

Цель жизни № 2

Идти в город, где больше огней и вода вкуснее, заработать больше денег

– Здесь ночью светло как днем! – воскликнул Шуй. Го не ошибся. В городе и правда огней больше. В тот момент он шел вслед за Младшим, неся на спине сундук с кремом для обуви. Они шли по главной магистрали столицы провинции к железнодорожной станции. Младший был родом из деревни по соседству с домом Шуя и когда-то работал в столице провинции вместе с Го. Несмотря на указания Го, Шуй потратил много времени, чтобы его отыскать. Оказалось, что Младший уже не работает на стройке, он переключился на чистку обуви. Но удача сопутствовала Шую: он не только нашел чистильщика обуви, но один из соседей по квартире Младшего, который занимался тем же, только что уехал домой по личным делам. Младший быстро познакомил Шуя с процессом чистки обуви, а потом велел ему взять сундучок этого соседа и следовать за ним.

По дороге Шуй решил, что не видит смысла в своей новой профессии. Он понимал необходимость чинить обувь. Но чистить туфли? У любого человека, который тратит один юань на чистку – а на хорошую чистку даже три юаня, – не все в порядке с головой. Однако возле станции первый клиент появился даже раньше, чем они установили свой прилавок. К своему удивлению, до одиннадцати часов того вечера Шуй заработал четырнадцать юаней!

А вот у Младшего было кислое лицо, когда они вернулись домой. Он ворчал, что в этот день дела шли плохо, и Шуй догадался, что тот считает, будто Шуй перехватил у него клиентов.

– Что это за большие металлические ящики под окнами? – спросил Шуй, указывая на здание перед ними.

– Воздушные кондиционеры. У них там внутри уже наступила весна.

– Это невероятный город! – воскликнул Шуй, вытирая пот с лица.

– Жизнь здесь трудная. Легко заработать денег на чашку риса, но если ты хочешь жениться и устроиться, то забудь об этом, – сказал

Младший, выпятив подбородок в сторону здания. – Квартира там стоит две-три тысячи за квадратный метр!

– Что такое квадратный метр? – простодушно спросил Шуй.

Младший презрительно покачал головой и ничего не ответил.

* * *

Шуй снимал временное жилье в складчину вместе с десятком других мужчин. Большинство из них были мигрантами, неквалифицированными рабочими или крестьянами, торгующими своими продуктами в городе. Но человек, который занимал соседний с Шуем матрас, оказался настоящим городским жителем, хоть и не из этого города. Он ничем не отличался от других. Питался не лучше остальных и ночью тоже раздевался до пояса, чтобы насладиться прохладным вечерним воздухом. Однако каждое утро он надевал отличный костюм и кожаные туфли. Когда он выходил из дома, то выглядел совсем другим человеком. Все равно что видеть, как золотой феникс взмывает в небо из курятника.

Этого человека звали Чжуан Юй. Другие соседи относились к нему хорошо, в основном потому, что он привез с собой одну вещь. Шую она напоминала большой зонт, только сделанный из зеркал. Внутри он был очень блестящий и отражал свет. Чжуан сначала ставил перевернутый зонт на землю под лучи солнца. Затем вешал горшок с водой на кронштейн, туда, где должна быть ручка. Отраженный свет нагревал дно горшка, и вода быстро закипала. Позднее Шуй узнал, что это называется «солнечная печь». Ее использовали для того, чтобы кипятить воду и готовить еду, что экономило довольно много денег. В облачные дни, однако, она была бесполезна.

У зонтика, называемого «солнечной печью», не было спиц; он был сделан из очень тонкой материи. Шуй как замороженный наблюдал, как Чжуан складывал зонтик. Длинный и тонкий металлический провод шел от верхушки «печи» в квартиру. Чтобы ее выключить, Чжуан просто выдергивал вилку из розетки. Зонтик падал на землю с легким шорохом и вдруг превращался в полоску серебряной ткани. Шуй однажды поднял эту ткань и внимательно ее осмотрел. Она была мягкой и гладкой, и такой легкой, что казалась совсем невесомой. Его

собственное искаженное изображение отражалось на ее поверхности, переливающейся радужной пленкой, как у мыльного пузыря. Как только он разжал пальцы, серебряная ткань проскользнула между ними и бесшумно упала на землю, подобно горсти воздушной ртути. Когда Чжуан опять включил вилку в розетку, ткань лениво раскрылась, как полностью распустившийся лотос. Через короткое время она опять приобрела форму перевернутого зонта. Когда он опять прикоснулся к ее поверхности, она оказалась тонкой и твердой. Слегка постучав по ней пальцами, он услышал приятный металлический звон. В таком состоянии ткань была очень прочной, она могла выдержать вес полного горшка или чайника, если ее устанавливали на земле.

– Это один из видов наноматериала, – сказал Чжуан Шую. – Поверхностный слой имеет отличную отражательную способность и очень прочный. Важнее всего то, что он мягкий и гибкий при обычных условиях, но становится жестким под воздействием слабого электрического тока.

Позже Шуй узнал, что эта «нанозеркальная» пленка была одним из научных достижений самого Чжуана. Подав заявку на патент, он вложил все свои деньги в продвижение этого нового материала, мечтая вывести на рынок продукты, сделанные из него. Но никто не проявил никакого интереса к его изобретению, даже к портативной солнечной плите, и он потерял весь свой капитал. Теперь он был так беден, что ему пришлось занять у Шуя деньги на оплату жилья. Но несмотря на то что он пал так низко, он упорно не сдавался. День за днем он ходил по городу в поисках рынка сбыта для своего нового материала. Он рассказал Шую, что это тринадцатый город, который он посетил с этой целью.

Кроме «солнечной печки» у Чжуана имелся еще кусок нанопленки поменьше. Обычно он лежал на тумбочке возле его кровати и был похож на маленький серебряный носовой платок.

Каждое утро перед выходом из дома Чжуан нажимал крохотный выключатель, и серебряный платочек сразу же становился твердым и превращался в тонкую панель. Он использовал его как зеркальце, перед которым одевался и причесывался. Однажды утром, расчесывая волосы и глядя в зеркало, он искоса взглянул на Шуя, который только что встал с постели.

– Тебе нужно обратить внимание на свою внешность, – заметил он. – Регулярно умываться, немного подстричь волосы. Не говоря уже об одежде. Ты не можешь выделить немного денег на новую одежду?

Шуй потянулся за зеркалом и поднес его к лицу. В конце концов он рассмеялся и покачал головой. Слишком много усилий для чистильщика обуви.

– В современном обществе масса возможностей, – произнес Чжуан, наклонившись к Шую. – В небесах полно золотых птиц. Возможно, когда-нибудь ты протянешь руку и схватишь одну из них, но только если научишься принимать себя всерьез.

Шуй огляделся, но не увидел ни одной золотой птицы. Он покачал головой и сказал:

– Я не получил никакого образования.

– Это, конечно, прискорбно, но кто знает? Может быть, это окажется твоим преимуществом. Величие нашей эпохи в ее непредсказуемости. Чудо может случиться с любым человеком.

– Вы ведь учились в университете, правда? – неуверенно спросил Шуй.

– У меня докторская степень по физике твердого тела. До того как я ушел в отставку, я был профессором.

После ухода Чжуаня Шуй долго сидел с открытым ртом. В конце концов он покачал головой. Если такой человек, как Чжуан Юй, не смог поймать золотую птицу в тринадцати разных городах, то у него самого нет никаких шансов. Ему показалось, что Чжуан над ним подшутил, но в любом случае этот парень сам был смешон и достоин сожаления.

В тот вечер, пока некоторые спали, а некоторые играли в покер, Шуй и Чжуан отправились смотреть телевизор в маленький ресторан недалеко от их жилья.

Уже наступила полночь, и передавали новости. На экране было только изображение якоря и больше ничего.

– Сегодня днем на пресс-конференции представитель Госсовета объявил, что официально дан старт поразительному китайскому Солнечному проекту. Это самый крупный технический проект в области экологии после Зеленой китайской стены^[3], ожидают, что он коренным образом преобразит почву нашей страны...

Шуй уже слышал об этом проекте и знал, что в небе собираются построить еще одно солнце. Второе солнце должно принести больше дождей в засушливые северо-западные районы.

Все это показалось Шую слишком неестественным. Ему хотелось спросить об этом у Чжуана, как обычно, когда он сталкивался с подобными вещами. Однако когда он повернул голову, то увидел, что его друг широко раскрытыми глазами уставился на экран, с открытым ртом, будто этот экран вынул душу из его тела.

Шуй помахал рукой перед его лицом, но тот не реагировал. Чжуан пришел в себя только через много времени после конца передачи.

– Действительно, – пробормотал он в задумчивости, – как я не подумал о Китайском солнце?

Шуй с недоумением смотрел на него. Если даже он знал о нем, то Чжуан никак не мог не знать о Китайском солнце. Кто в Китае не слышал о нем? Конечно, он о нем знал, просто до сих пор не думал об этом. Но какая новая возможность привлекла его внимание? Какое этот проект мог иметь отношение к Чжуан Юю, бродяге, живущему в душной, убогой квартире?

– Ты помнишь, что я сказал сегодня утром? – спросил Чжуан. – Как раз сейчас золотая птица пролетела передо мной, и она огромная. Она все время кружилась над моей головой, а я ее никогда не замечал, черт возьми!

Шуй продолжал смотреть на него в полном недоумении.

– Я еду в Пекин, – заявил Чжуан, поднимаясь. – Успею на поезд в 2:30. Поедем со мной, брат!

– В Пекин? Что я там буду делать?

– Пекин такой большой, там можно делать что угодно, – ответил тот. – Даже если ты просто чистишь обувь, ты там заработаешь больше, чем здесь!

И вот так, в ту же ночь, Шуй и Чжуан сели на поезд, переполненный пассажирами так, что не осталось ни одного свободного места. Всю ночь поезд катил по обширным равнинам Запада, мчался к восходящему солнцу.

Цель жизни № 3

Переехать в более крупный город, повидать новые места, заработать еще больше денег

Когда Шуй увидел столицу в первый раз, ему стало ясно одно: чтобы понять некоторые вещи, нужно их увидеть. Одной силы воображения мало. Например, он много раз представлял себе ночь в Пекине. Сначала он просто удваивал или утраивал количество огней в своей деревне или в районе рудников; переехав в столицу провинции, он повторил этот трюк с огнями, которые увидел там. Но когда автобус, в который они с Чжуаном сели у вокзала Западной железной дороги в Пекине, свернул на проспект Чанган, он понял, что мог бы умножить огни столицы провинции на тысячу и все-таки не получил бы представления о ночном Пекине. Конечно, огни Пекина не были в тысячу раз ярче огней столицы провинции, но центр провинциальной столицы никогда не сравнился бы с центром Пекина.

Шуй и Чжуан переночевали в дешевом мотеле в подвальном помещении, а утром каждый пошел по своим делам. Перед расставанием Чжуан пожелал Шую удачи и сказал, что, если у Шуя возникнут неприятности, он всегда может его найти. Но когда Шуй попросил у него номер телефона или адрес, Чжуан признался, что их у него нет.

– Так как же я вас найду? – спросил Шуй.

– Ты подожди немного. Вскоре ты узнаешь, где я, посмотрев на экран телевизора или заглянув в газету.

Глядя вслед удаляющемуся Чжуану, Шуй озадаченно качал головой. Какой загадочный ответ! У этого человека нет ни копейки. Сегодня он не смог оплатить комнату в мотеле, а завтраком его угостил Шуй. До отъезда в Пекин он даже отдал свою «солнечную печку» хозяину квартиры вместо платы за жилье. Теперь он ничем не лучше нищего мечтателя.

Расставшись с Чжуаном, Шуй сразу же отправился искать работу, но город так потряс его, что он скоро забыл о своей цели. Весь день он бесцельно бродил по городским улицам. Ему казалось, что он гуляет по волшебной стране, и он совершенно не ощущал усталости. Когда

наступили сумерки, он стоял перед одним из новых символов столицы. Строительство пятисотметровой башни «Единство»^[4] завершилось только в прошлом году. Шуй запрокинул голову, чтобы посмотреть на стеклянную пропасть, поднимающуюся выше облаков. На ее поверхности гаснущий свет заката и быстро разгорающееся море огней внизу разыгрывали захватывающую дух игру света и тени. Шуй смотрел, пока у него не разболелась шея. В тот момент, когда он уже повернулся, собираясь уйти, вспыхнули огни самой башни. Волшебное зрелище заворожило Шуя, он замер и стоял, устремив взгляд в небо.

– Ты уже давно смотришь, не отрываясь. Тебя интересует такая работа?

Шуй обернулся посмотреть, кто с ним заговорил. Это был молодой человек. Он был одет так же, как любой другой житель города, но в руке держал желтую каску.

– Какая работа? – спросил озадаченный Шуй.

– А куда ты только что смотрел? – вместо ответа задал вопрос этот человек и показал вверх рукой, в которой держал каску.

Шуй поднял голову и взглянул туда, куда тот указывал. К своему удивлению, он заметил нескольких людей высоко на стеклянной стене башни. С земли они казались маленькими черными точками.

– Что они делают на такой высоте? – спросил Шуй, напрягая глаза, чтобы лучше их рассмотреть. – Мойют стекло?

Мужчина кивнул.

– Я менеджер по персоналу компании мойщиков окон «Синее небо». Наша компания предоставляет главным образом услуги по мытью стекол высотных зданий. Хочешь заняться такой работой?

Шуй снова поднял голову. Глядя на напоминающие муравьев черные точки в вышине, он почувствовал, как у него закружилась голова.

– Мне кажется... это страшно.

– Если ты имеешь в виду безопасность, то можешь не волноваться. Эта работа кажется опасной, и поэтому нам трудно найти желающих. В данный момент у нас нехватка рабочих. Но я тебе гарантирую, что у нас очень надежные меры безопасности. Пока будешь соблюдать все требования, тебе ничего не грозит. А мы платим больше, чем другие компании такого профиля. Ты сможешь

зарабатывать тысячу пятьсот в месяц плюс бесплатный обед в рабочие дни, и компания купит тебе личную страховку.

Шуй был ошеломлен такой суммой. Он в изумлении уставился на менеджера. Тот неверно истолковал его молчание.

– Прекрасно, я отменю для тебя испытательный срок и накину еще три сотни. Это восемнадцать сотен в месяц. Больше дать не могу. Основная плата за такую работу обычно была четыре или пять сотен юаней плюс дополнительные разовые работы. Теперь мы платим фиксированную ежемесячную зарплату, что сравнительно неплохо.

Так Шуй стал мойщиком стекол небоскребов, или «человеком-пауком», как их еще называли.

Цель жизни № 4

Стать жителем Пекина

Вместе с четырьмя другими мойщиками окон Шуй осторожно спустился с верхнего этажа башни «Аэроспейс». У них ушло сорок минут, чтобы подняться на восемьдесят третий этаж, где они закончили работу вчера. Одной из самых трудных задач для людей-пауков была работа на наклонных фасадах, угол наклона которых к земле был меньше девяноста градусов. Архитектор башни «Аэроспейс», демонстрируя свою патологическую креативность, спроектировал все здание наклонным. Верх башни опирался на тонкую колонну, вкопанную в землю. По мнению прославленного архитектора, наклонная конструкция должна создавать у зрителя впечатление, будто он взлетает в небо. Его замысел показался разумным, и этот небоскреб славился во всем мире как достопримечательность Пекина. Однако пекинские мойщики окон привычно осыпали архитектора и восемь поколений его предков изощренными проклятиями. Для них мыть эту башню было кошмаром. Одна из сторон целиком представляла собой наклонную плоскость высотой четыреста метров, которая встречалась с землей под углом шестьдесят пять градусов.

Добравшись до своего рабочего места, Шуй посмотрел вверх. Ему показалось, что огромная стеклянная поверхность над его головой падает на него. Одной рукой он снял крышку с контейнера с моющим средством. В другой руке он сжимал ручку присоски. Такая присоска была специально сделана для мытья поверхностей, отклоняющихся от вертикали, но все равно ее трудно было использовать, и часто она подводила. Когда это случалось, человек-паук отрывался от стены и повисал, раскачиваясь, на страховочном тросе. Это происходило часто во время работы на башне «Аэроспейс», и каждый раз у мойщика душа от страха готова была расстаться с телом. Только вчера у товарища по работе Шуя присоска оторвалась, и он повис далеко от стены здания. Когда он летел обратно к стене, его подхватил порыв ветра и швырнул в окно здания, разбив его телом большую стеклянную панель. Лоб и руки изрезало на полоски, а стоимость

замены дорогого архитектурного стекла с покрытием съела его зарботок за целый год.

Шуй пополнил ряды людей-пауков более двух лет назад, но работа не становилась легче со временем. Ветер второй категории по шкале Бофорта превращался в ветер пятой категории на высоте ста метров. На зданиях выше пятисот метров ветер был еще сильнее. То, что эта работа опасная, и говорить не стоило. Найти смерть, рухнув на улицы внизу, было обычной судьбой человека-паука. Зимой сильный ветер резал, как острый нож, а раствор плавиковой кислоты, повсеместно применяемой для мытья окон, был таким коррозионным, что их ногти чернели и отваливались. Для защиты от моющего вещества людям-паукам приходилось носить водоотталкивающие куртки, штаны и сапоги даже летом. Когда они мыли стекло с покрытием, слепящее солнце обжигало спину, а отраженный свет спереди так слепил, что трудно было держать глаза открытыми. У Шуя было такое ощущение, будто его поместили в солнечную печку Чжуана.

Но Шуй любил свою работу. Последние два года стали самым счастливым временем в его жизни. Несомненно, помогало то, что зарплату люди-пауки получали большую по сравнению с другими неквалифицированными рабочими-мигрантами, которые стекались в Пекин. Однако еще важнее было то, что работа вызывала у него прекрасное чувство удовлетворения. Он получал удовольствие от работы, на которую неохотно соглашались его товарищи: мыть только что построенные супернебоскребы. Каждое из этих зданий было высотой по крайней мере двести метров, а самое высокое имело в высоту более пятисот метров. Когда Шуй висел у стен этих небоскребов, он наслаждался великолепными видами Пекина, раскинувшегося внизу. Так называемые высотки, построенные в прошлом веке, отсюда казались приземистыми. Те, что немного подальше, выглядели кучками палок, воткнутых в землю. «Запретный город» в центре казался построенным из игрушечных золотых кубиков. С такой высоты он не слышал шума Пекина и мог окинуть город одним взглядом. Город тихо дышал под ним, как громадный организм, в окружении паутины дорожных артерий. Иногда небоскреб, который он мыл, проплывал сквозь облака. Мир ниже его талии могла окутывать темнота, и мог поливать ливень, а над его головой ярко

сияло солнце. Глядя на бесконечное море облаков, несущихся у него под ногами, Шуй всегда чувствовал себя так, будто завывающий ветер дул сверху сквозь него.

Опыт открыл Шую философскую истину: кое-что становится понятным, только когда смотришь сверху. Когда его поглощали улицы столицы, все вокруг казалось безнадежно сложным. На уровне земли город был похож на бесконечный лабиринт. Здесь, наверху, он становился всего лишь муравейником с десятью миллионами обитателей, а мир вокруг был таким огромным!

Когда Шуй получил первый чек за работу, он прошелся по огромному торговому центру. Поднявшись в лифте на четвертый этаж, он увидел странную сцену. В отличие от полных народу этажей внизу, этот зал был пустым, не считая нескольких огромных низких столов. Их широкие столешницы были усыпаны группами строений не больше книги. Пространство между этими строениями заполняла ярко-зеленая трава, усеянная белыми павильонами и извилистыми коридорами. Эти маленькие сооружения были красивыми, казалось, они вырезаны из слоновой кости или из сыра. Вместе с зеленой лужайкой они создавали изящный, миниатюрный мир. По мнению Шуя, это напоминало модель рая. Сначала он догадался, что это какие-то игрушки, но не заметил в зале детей. Выражение лиц всех взрослых у столов было серьезным и внимательным. Завороженный Шуй долго стоял возле одного из этих крохотных райских пейзажей и рассматривал его. Только после того, как привлекательная молодая женщина подошла к нему и поздоровалась, он понял, что это офис агентства по торговле недвижимостью. Он наугад указал на одно строение и спросил, сколько стоит квартира на верхнем этаже. Агент рассказала ему, что это квартира с тремя спальнями и одним салоном, и она стоит тридцать пять сотен юаней за квадратный метр, общая стоимость такой квартиры доходит до трехсот восьмидесяти тысяч юаней. Шуй резко втянул воздух, услышав эту цифру, но следующее утверждение женщины значительно смягчило огромную цифру:

– Вы можете платить частями, по тысяче пятьсот или две тысячи юаней в месяц.

– Я родом не из Пекина. Я все равно могу ее купить? – осторожно спросил он.

Агент по продажам сверкнула обаятельной улыбкой.

– Вы такой забавный. Систему регистрации жилья отменили много лет назад. Существуют ли сейчас «настоящие» жители Пекина? Если вы поселились здесь, разве это не делает вас жителем Пекина?

После того как Шуй вышел из торгового центра, он долго бесцельно бродил по улицам. Вокруг него сверкала мозаика огней ночного Пекина. В руке он держал многоцветные проспекты, которые дала ему агент по продажам, и он часто останавливался и смотрел на них. Всего два года назад, в той убогой комнате далекого города на западе, даже иметь квартиру в столице провинции казалось сказкой. Теперь ему еще было далеко до покупки квартиры в Пекине, но это уже не казалось сказкой. Это была мечта, и, как те изящные маленькие модели, она стояла у него перед глазами. Он мог протянуть руку и дотронуться до нее.

В это мгновение кто-то постучал в окно, которое мыл Шуй, прервав его мечты. Это было обычной помехой. Офисных сотрудников появление высотных мойщиков окон невероятно раздражало. Будто мойщики действительно были ненормально большими пауками, как предполагало их прозвище, и нечто гораздо большее, чем стеклянная панель отделяло рабочих от тех, кто находится внутри.

Когда мойщики окон работали снаружи, люди внутри жаловались, что они слишком шумят, или что заслоняют солнечный свет, или еще приводили миллион причин, почему мойщики мешают их нормальной работе. Стекло на башне «Аэроспейс» было наполовину отражающим, и Шую пришлось напрягать зрение, чтобы что-то увидеть сквозь него. Когда он наконец разглядел человека внутри, то с изумлением узнал Чжуан Юя.

После того как они расстались, Шуй часто беспокоился о Чжуане. В его воображении этот человек по-прежнему оставался щеголевато одетым бродягой, шаг за шагом энергично прокладывающим себе дорогу в большом городе. Затем, однажды вечером, поздней осенью, когда Шуй сидел в своей спальне и молча беспокоился, есть ли у Чжуана одежда на зиму, он увидел его по телевизору. Проект «Солнце Китая» начал тогда процесс выбора основной технологии для осуществления этого проекта: материала, который будет использован для сооружения отражателя. В конце концов нанозеркальная пленка Чжуана была отобрана из десятка других материалов. За одну ночь бродяга, увлеченный наукой, превратился в одного из ведущих ученых

проекта «Солнце Китая», получившего признание во всем мире. После этого, хотя Чжуан часто появлялся в новостях, Шуй постепенно забыл о нем. Он считал, что теперь у них нет ничего общего.

Когда Шуй вошел в просторный кабинет, он увидел, что Чжуан ничуть не изменился за прошедшие два года. Он даже носил тот же костюм. Теперь Шуй видел, что наряд, который когда-то казался ему таким роскошным, был на деле очень убогим. Он рассказал Чжуану все о своей жизни в Пекине.

– Похоже, мы оба добились здесь успеха, – улыбаясь, закончил он.

– Да-да, большого успеха! – согласился Чжуан, взволнованно кивая. – По правде говоря, в то утро, когда я говорил тебе о счастливых шансах, которые дает наше время, я почти во всем разуверился. В основном я говорил это ради собственного блага, но в наши дни в мире полно таких счастливых шансов!

Шуй тоже кивнул.

– Повсюду летают золотые птицы.

Шуй окинул взглядом большой, современного вида кабинет Чжуана. Несколько необычных предметов выделялись среди остальной обстановки. Голографическое изображение ночного неба занимало весь потолок помещения; каждый, кто стоял в центре комнаты, чувствовал себя так, будто перенесся во внутренний двор под сверкающие звезды. На фоне звезд висела изогнутая серебряная тарелка. Это было зеркало, очень похожее на «солнечную печку» Чжуана, но Шуй понимал, что в реальности она, наверное, в двадцать или тридцать раз больше Пекина.

В углу потолка находился шарообразный светильник. Как и зеркало, он свободно парил в воздухе без какой-либо видимой опоры и излучал яркий желтый свет. Зеркало отражало его лучи и направляло их на глобус рядом с письменным столом Чжуана, создавая на его поверхности круг света. Светильник медленно пересекал потолок, зеркало вращалось, следя за ним, и непрерывно посылало свет на глобус. Звездное небо, зеркало, светильник, глобус и пятно света на нем создавали абстрактную и таинственную фреску.

– Это «Солнце Китая»? – с благоговением спросил Шуй, указывая на зеркало.

Чжуан кивнул.

– Это отражатель диаметром тридцать тысяч квадратных километров. С геостационарной орбиты на высоте тридцать шесть тысяч километров он будет посылать отраженный свет Солнца на Землю. С ее поверхности это будет выглядеть, как еще одно солнце на небе.

– Я кое-чего не понимаю. Как дополнительное солнце на небе вызовет больше дождей?

– Искусственное солнце может повлиять на погоду многими различными способами. Например, оно может нарушить термодинамическое равновесие атмосферы, повлиять на циркуляцию в атмосфере, увеличить испарение океана или сместить погодный фронт, – ответил Чжуан. – Но это не все объясняет. Фактически орбитальный отражатель является только одной частью проекта «Солнце Китая». Другая часть – это сложная модель движения атмосферы, которую создают многочисленные суперкомпьютеры. Она способна точно смоделировать движение в любом данном участке атмосферы, а потом определить критическую точку. Если тепло от искусственного солнца направить в эту точку, воздействие будет достаточно мощным, чтобы полностью преобразить климат в выбранной точке на некоторое время. – Он помолчал. – Это процесс крайне сложный, и он вне моей компетенции. Я и сам не совсем его понимаю.

Шуй решил задать еще один вопрос, на который Чжуан наверняка мог ответить. Он понимал, что это глупый вопрос, но собрался с духом и все равно его задал.

– Как может нечто такое большое висеть в небе и не падать?

Чжуан несколько долгих секунд смотрел на Шуя. Наконец он бросил взгляд на свои часы, а потом похлопал Шуя по плечу.

– Пойдем. Я угощу тебя ужином. Объясню, почему «Солнце Китая» не упадет, пока будем есть.

Объяснить это оказалось не так легко, как надеялся Чжуан. Он был вынужден отложить в сторону эту тему и начать с основ. Хотя Шуй знал, что живет на круглой планете, традиционная китайская модель небесного купола над квадратной Землей все же глубоко укоренилась в его сознании. Чжуану стоило больших усилий заставить Шуя понять, что планета, на которой он живет, представляет собой маленький каменный шар, плывущий в бесконечной пустоте. Хотя

Шуй не приблизился к пониманию того, почему «Солнце Китая» не упадет, в тот вечер его представление о Вселенной сильно изменилось. Он вступил в свою собственную эру Птолемея. Во время второго ужина вместе с Шуем в придорожном кафе Чжуан успешно втощал его в эру Коперника. В следующие два вечера Шуй с трудом преодолел эру Ньютона и приобрел элементарное представление о всемирной гравитации. После этого с помощью глобуса в своем кабинете Чжун открыл для Шуя Космическую эру. Во время следующего национального праздника Шуй в конце концов усвоил, что значит геосинхронная орбита. Наконец-то он понял, почему Солнце Китая не упадет вниз.

В тот день Чжуан повел Шуя на экскурсию в Центр управления Солнцем Китая. В этом центре на огромном мониторе можно было наблюдать панораму строительства Солнца Китая на геосинхронной орбите. Несколько тонких серебристых панелей парило в космической черноте, таких огромных, что космические челноки, висащие рядом с ними, казались крохотными комариками.

Но больше всего потрясло Шуя изображение на другом мониторе. Он увидел Землю с высоты тридцати шести тысяч километров. Континенты плыли в океанах подобно большим обрывкам бурой упаковочной бумаги. Горные цепи смотрелись складками на этой бумаге, облака выглядели как пятна сахарной пудры, рассыпанной на ее поверхности.

Чжуан показал Шую, где находится его родная деревня и Пекин. Тот долгую минуту пристально смотрел на монитор, потом выпалил:

– Люди там, наверху, должны думать по-другому.

Основное строительство Солнца Китая закончилось три месяца спустя. Когда наступила ночь Национального дня Китая, отражатель повернули в сторону темной стороны Земли и направили луч колоссального прожектора на Пекин и Тяньцзин. В ту ночь, стоя в толпе из нескольких сотен тысяч людей, собравшихся на площади Тяньаньмэнь, Шуй стал свидетелем величественного восхода солнца. На западной части неба появилась звезда, она разгоралась все ярче, окруженная голубым сиянием. По мере того как светимость Солнца Китая приближалась к максимальной, этот ореол разрастался и заполнил полнеба. По его краям чисто-голубой свет переходил в желтый, а после в оранжево-красный и темно-пурпурный, создавая

радужное кольцо, его потом назвали «Венок Рассвета». К тому моменту, когда Шуй вернулся в свое общежитие, уже было четыре часа утра. Когда он лежал на своей узкой верхней койке, свет Солнца Китая струился в окно, освещая плакаты риелторов, приклеенные к стене над подушкой. Он сорвал эти глянцевые листы. В божественном сиянии Солнца Китая идеал, который когда-то так восхищал его, казался теперь скучным и незначительным.

* * *

Два месяца спустя менеджер компании мойщиков окон пришел к Шую. Он сказал ему, что директор Чжуан из Центра управления Солнцем Китая хочет его видеть. Шуй не встречался с Чжуаном с тех пор, как закончил свою работу на башне «Аэроспейс».

– Ваше солнце – это и правда нечто! – воскликнул Шуй с искренним восхищением, встретившись с Чжуаном в его кабинете в башне «Аэроспейс».

– Это наше солнце, и особенно твое! – ответил Чжуан. – Сейчас ты его не видишь из Пекина, потому что оно посыпает снегом твою деревню!

– Мои родители писали мне, что у них этой зимой выпало больше снега, чем обычно!

– Однако у Солнца Китая появилась большая проблема, – сказал Чжуан, указывая на большой монитор у себя за спиной. Два изображения в одном круглом пятне света виднелись на экране. – Эти снимки Солнца Китая были сделаны с одного и того же места с интервалом два месяца. Ты видишь разницу?

– Тот, что справа, ярче.

– Видишь, уменьшение отражательной способности можно заметить невооруженным глазом всего через два месяца.

– Как это может быть? Разве зеркало запылилось?

– В космосе нет пыли, но есть солнечный ветер, или поток частиц, испускаемых солнцем. Со временем этот ветер изменит зеркальную поверхность Солнца Китая. Отражатель покроется тонким слоем частиц, и его отражательная способность уменьшится. Через год он будет выглядеть так, будто покрыт водяным паром. Потом Солнце

Китай превратится в Луну Китая, оно станет бесполезным, – объяснил Чжуан.

– Вы раньше об это не подумали?

– Конечно, мы об это думали! – Чжуан помолчал. – Давай поговорим о тебе. Как насчет того, чтобы поменять работу?

– Поменять работу? А что я еще умею делать?

– Ты будешь продолжать работать мойщиком-высотником, но уже у нас.

Озадаченный, Шуй оглядел комнату.

– Разве вашу башню недавно не вымыли? Зачем вам специально нанимать мойщика окон на небоскребах?

– Нет, мы не хотим, чтобы ты мыл здания. Мы хотим, чтобы ты мыл Солнце Китая.

Цель жизни № 5

Лететь в космос, мыть «Солнце Китая»

Состоялось совещание главных директоров оперативного отдела проекта «Солнце Китая», посвященное созданию бригады мойщиков отражателя. Чжуан представил Шуя всем собравшимся и объяснил им его профессию. Когда кто-то задал вопрос о его образовании, Шуй честно ответил, что окончил только три класса начальной школы.

– Но я узнаю иероглифы и читаю без труда, – сказал он собравшимся.

Зал заседаний покотился со смеху.

– Директор Чжуан, это шутка? – негодуяще выкрикнул кто-то.

– Я не шучу, – невозмутимо ответил Чжуан. – Если мы соберем бригаду из тридцати мойщиков, им потребуется шесть месяцев для того, чтобы вымыть все Солнце Китая, работая круглые сутки. На деле же нам необходимо, по крайней мере, от шестидесяти до девяноста человек, работающих посменно. Если новый закон об охране аэрокосмических работников вступит в действие, как запланировано, нам может потребоваться даже больше – сто двадцать или сто пятьдесят мойщиков. Реально ли отправить сто пятьдесят астронавтов с докторской степенью в космос и выделить три тысячи часов полетов в космос на реактивных истребителях для такой работы?

– Наверняка мы сможем найти более квалифицированных кандидатов! Высшее образование практически повсеместно доступно в городах в наше время. Как можно отправлять в космос неграмотного деревенского парня?

– Я не неграмотный! – возразил Шуй.

Говоривший не обратил на него внимания и продолжал обращаться к Чжуану.

– Вы обесцениваете этот великий проект!

Другие участники закивали в знак согласия.

Чжуан тоже кивнул.

– Я знал, что вы можете так среагировать. Дамы и господа, кроме этого мойщика окон, у всех вас есть докторская степень. Ну, хорошо,

давайте посмотрим на качество вашей работы мойщиками! Прошу вас пройти со мной.

Десять озадаченных участников совещания вышли вслед за Чжуаном из зала заседаний и сели в лифт. В башне установили три типа лифтов: стандартные, быстрые и экспресс-лифты. Они вошли в самый скоростной лифт и взлетели на верхний этаж здания с головокружительной быстротой.

– Я впервые поднимаюсь на этом лифте, – заметил кто-то. – Я чувствую себя так, будто взлетаю в ракете!

– После того как мы выйдем на геосинхронную орбиту, все на собственном опыте почувствуете, каково это – мыть Солнце Китая, – сказал Чжуан, чем заслужил странные взгляды окружающих его людей.

После того как они вышли из лифта, Чжуан повел их вверх по узкой лестнице. Наконец они вышли через низкую металлическую дверь на открытую крышу башни. И там их сразу встретили яркий солнечный свет и сильный ветер. Голубое небо над головой выглядело даже более чистым, чем обычно, и директора озирались вокруг, любуясь панорамой Пекина. Еще одна маленькая группа людей стояла и ждала их. Шуй с удивлением увидел менеджера их компании и своих товарищей – людей-пауков!

– Теперь каждый попробует себя в профессии Шуя! – громко объявил Чжуан.

Мойщики окон подошли и надели на директоров страховочные ремни. Потом они подвели их к краю крыши и осторожно помогли им встать на узкие платформы, которые обычно служили рабочим местом для десятка или больше мойщиков. Эти платформы медленно опускали, пока они не повисли на пять или шесть метров ниже края крыши, где остановились. Вопли неподдельного ужаса донеслись с того места, где висели директора у стеклянной стены башни.

– Дамы и господа, давайте продолжим заседание с того места, где мы остановились! – крикнул Чжуан вниз своим коллегам, перегнувшись через край крыши.

– Негодяй! Быстро вытащите нас наверх!

– Каждый из вас должен вымыть стеклянную панель перед тем, как я позволю вам подняться наверх!

Это требование было невозможно выполнить. Стоящие внизу люди могли только отчаянно цепляться за свои страховочные ремни или за веревки, держащие платформы, не смея сдвинуться с места. Они были совершенно неспособны оторвать одну руку и взять скребок для мытья окон или снять крышку с ведра с моющим средством. Каждый день эти чиновники аэрокосмической корпорации имели дело с работой на высоте десятков тысяч километров, но только в виде чертежей и документов; а сейчас они лично почувствовали высоту в четыреста метров и сходили с ума от страха.

Чжуан встал и подошел к тому месту, где внизу находился полковник ВВС. Он единственный из десятка людей, повисших вдоль стены здания, остался спокойным и собранным. Полковник начал мыть стекло, его движения были размеренными и осмысленными. Однако больше всего Шуя поразило то, что этот человек работал двумя руками, он не держался ни за какие предметы, которые могли служить ему опорой. И хотя его платформа не билась о стену под напором сильного ветра, такого мастерства мог добиться только мойщик-ветеран. Когда Шуй узнал этого человека, это зрелище перестало удивлять его: это был астронавт, который летал на космическом корабле «Шэньчжоу» больше десяти лет назад.

– Полковник Чжан, если говорить объективно, вы считаете, что стоящая перед вами задача легче, чем выход в космос на орбите?

– С точки зрения необходимых для этого физических возможностей и мастерства, разница небольшая, – ответил бывший астронавт.

– Хорошо сказано. На основании исследований, проведенных в Аэрокосмическом тренировочном центре, можно сделать вывод, что с эргономической точки зрения есть много общего между мытьем небоскребов и мытьем отражателя в космосе. И там, и там требуются люди, способные постоянно сохранять самообладание перед лицом опасности во время выполнения монотонной, физически тяжелой работы. Обе задачи требуют постоянной бдительности, так как малейшая небрежность может привести к несчастному случаю. Для астронавта это отклонение от орбиты, потеря инструментов или материалов, или сбой в его системе жизнеобеспечения. Для человека-паука это разбитое стекло, потеря инструментов или моющего средства, разрыв или соскальзывание ремней безопасности. С точки

зрения физической силы, технических навыков и психологической устойчивости, люди-пауки обладают всей необходимой квалификацией для работы в качестве мойщиков отражателя.

Бывший астронавт поднял голову и кивнул Чжуану.

– Мне это напомнило старую притчу о торговце маслом, который умел наливать масло в бутылку через квадратную дырочку в медной монете. Он был ничуть не менее умелым, чем генерал, который всегда без промаха попадал в яблочко. Единственная разница между ними была в их социальном положении.

– Колумб открыл Америку, а Кук открыл Австралию, но эти новые земли осваивали обычные люди, пионеры, которые вышли из самых низших слоев общества Европы, – прибавил Чжуан. – Освоение космоса происходит точно так же. В плане на следующую пятилетку мы назначили околоземное пространство вторым западным рубежом. Эра исследования закончилась, и аэрокосмическая промышленность больше никогда не будет полем деятельности только элитного меньшинства. Отправка на орбиту обычных людей – это первый шаг к индустриализации космоса!

– Хорошо! Прекрасно! Вы доказали свою правоту! Теперь быстро поднимите нас наверх! – охрипшими голосами кричали снизу его коллеги.

Во время спуска на лифте управляющий компании мойщиков наклонился к Чжуану и прошептал ему на ухо:

– Директор Чжуан, вы там произнесли трогательную и страстную речь, но не перегнули ли вы немного палку? Но конечно, трудно обсуждать основную насущную проблему перед Шуем и моими парнями.

– А? – Чжуан бросил на него вопросительный взгляд.

– Все знают, что проект «Солнце Китая» – это квазикommerческая операция. На полпути к завершению нехватка финансирования чуть не привела к закрытию проекта, а теперь у вас почти не осталось бюджета на обслуживание. В коммерческом аэрокосмическом секторе годовая зарплата квалифицированного астронавта составляет более миллиона юаней. Мои ребята сэкономят вам десятки миллионов ежегодно.

Чжуан загадочно улыбнулся.

– Вы считаете, что такая ничтожная сумма стоила бы риска? Сегодня я намеренно сократил образовательный стандарт, необходимый мойщикам отражателя, чтобы создать прецедент. Потом я смогу нанять обыкновенных выпускников университета для работы на орбите, необходимой для функционирования Солнца Китая. Таким образом, мы сэкономим намного больше денег, чем какие-то несколько десятков миллионов. Как вы сказали, это единственно возможный для нас курс. У нас и правда не осталось никаких денег.

– Вырасти, выйти в космос – это было такое романтическое устремление. Я хорошо помню, что, когда Дэн Сяопин посетил Космический центр Джонсона, он назвал американского астронавта богом. Теперь, – сказал управляющий с горькой улыбкой, качая головой и хлопая Чжуана по спине, – я ничем не лучше и не хуже вас.

Чжуан повернулся, посмотрел на молодого человека-паука, а затем сказал менеджеру, повысив голос:

– Но, сэр, жалованье, которое я предлагаю, в восемь-десять раз выше, чем то, которое вы им платите!

На следующий день Шуй и шестьдесят его товарищей-мойщиков прибыли в Национальный аэрокосмический тренировочный центр в Шицзиншане. Все они, до единого, были крестьянскими мальчишками, которые приехали в Пекин из отдаленных уголков обширных сельских районов Китая в поисках работы.

Пахари Зеркала

В Космическом центре Сичан носовой конус космического челнока «Горизонт» вынырнул из белых облаков, образованных выхлопом двигателей. С громовым ревом устремился челнок в чистое голубое небо. Шуй и еще четырнадцать других мойщиков отражателя сидели, привязанные ремнями к креслам в кабине. После трех месяцев тренировок на земле их отобрали из шестидесяти кандидатов для первой бригады, которая приступит к работе в космосе.

Для Шуя перегрузка во время взлета оказалась вовсе не такой ужасной, как о ней рассказывали. Она даже вызвала у него привычное чувство комфорта. Это было ощущение, что тебя крепко обнимают материнские руки, как в детстве. В правом верхнем углу иллюминатора голубое небо начало синеть. За стенками кабины послышался слабый взрыв, это были отстрелены крепления, удерживавшие стартовые ракетные двигатели. Когда ракеты остались позади, оглушительный рев двигателей сменился непрерывным тихим жужжанием, напоминающим комариный писк. Небо стало темно-лиловым, а затем совсем черным. Появились звезды, немигающие и очень яркие.

Жужжание внезапно прекратилось, и кабину окутала тишина. Кресло Шуя перестало вибрировать, исчезло давление, прижимающее его торс к спинке кресла. Они вошли в область микрогравитации. Шуй и другие мойщики до этого тренировались в огромном плавательном бассейне, готовясь к невесомости. Действительно, теперь он чувствовал себя так, словно плавает в воде.

Но пока еще отстегивать ремни было опасно. Гул двигателей возобновился, и ускорение снова вжало людей в спинки кресел. Начался долгий маневр выхода на орбиту. Звездное небо и океан сменяли друг друга в крошечном иллюминаторе. Кабину на мгновение заливал то синий свет, отражаемый Землей, то белый свет Солнца. Каждый раз, когда в иллюминаторе появлялась Земля, кривизна горизонта становилась все более явной, и все больше поверхности планеты можно было увидеть. От старта до финиша прошло шесть часов, после чего маневры вывели их на геосинхронную орбиту.

Постоянная смена неба и земли за стеклом иллюминатора гипнотически подействовала на Шуя, и он неожиданно уснул. Его резко разбудил голос командира в наушнике. Он сообщил им, что маневр выхода на орбиту закончен.

Один за другим его спутники выплывали из своих кресел и прижимали лица к иллюминаторам, чтобы выглянуть наружу. Шуй отстегнул свой привязной ремень и, делая гребки руками, как пловец, неуклюже поплыл по воздуху к ближайшему иллюминатору. В первый раз он увидел Землю целиком собственными глазами. Однако большая часть людей собралась у иллюминаторов на другой стороне кабины. Он оттолкнулся ногой от шпангоута и стремительно перелетел к ним. Но он еще не умел управлять своей скоростью, поэтому врезался головой в противоположную стенку. Глядя в окно, он понял, что «Горизонт» уже находится прямо под Солнцем Китая. Отражатель занимал большую часть звездного неба. Их космический шаттл казался маленьким комариком, пойманным серебряным куполом. Так как «Горизонт» продолжал приближаться к нему, Шуй постепенно оценил всю огромность отражателя. Его зеркальная поверхность заняла все поле зрения, а кривизна стала незаметной, будто они летели над бескрайней серебряной равниной. Отражение «Горизонта» появилось на ее поверхности, а расстояние продолжало сокращаться. Шуй уже видел длинные швы на серебристой поверхности, которые образовали сетку, похожую на линии широты и долготы на карте. Эта сетка была его единственным ориентиром для определения относительной скорости шаттла. Через некоторое время линии долготы перестали напоминать параллели. Они начали сходиться в одном направлении, сначала постепенно, а потом все более резко, будто «Горизонт» направлялся к полюсу на огромной карте. Вскоре стал виден и сам полюс. Все линии долготы сошлись в одной черной точке. Когда шаттл начал снижаться к этой точке, Шуй с изумлением понял, что это в действительности гигантская башня, возвышающаяся над серебряной равниной. Он знал, что этот герметично изолированный цилиндр – Станция управления Солнцем Китая. В следующие три месяца она будет их единственным домом в пустоте космоса.

* * *

Вот так люди-пауки начали свою новую жизнь в космосе. Каждый день – Солнце Китая совершало оборот вокруг Земли за двадцать четыре часа – они выводили маленькие, похожие на трактора машины на зеркальную поверхность и полировали ее. Они водили свои трактора взад и вперед по огромному пространству отражателя, словно пахали серебряную землю. Поэтому западная пресса придумала для людей-пауков более поэтичное прозвище. Теперь они стали «пахарями зеркала».

Мир, в котором жили эти пахари, был очень странным. Под их ногами лежала серебряная равнина. Хотя кривизна отражателя заставляла эту равнину медленно подниматься вдаль со всех сторон, она была настолько обширной, что казалась плоской и спокойной, как неподвижная водная гладь. Над головой они видели и Землю, и Солнце. Последнее выглядело гораздо меньшим, чем Земля, будто было сияющим спутником планеты. На поверхности Земли, закрывавшей большую часть неба, они видели медленно перемещающийся круг света. Особенно эффектно он выглядел, когда выплывал на ночное полушарие. Это был участок, освещенный Солнцем Китая. Отражатель мог менять размер пятна света, регулируя свою форму. Когда серебряная равнина круто поднималась вдаль, пятно становилось меньше и ярче. Когда наклон был более пологим, пятно увеличивалось и тускнело.

Работа мойщиков отражателя была очень трудной. Вскоре они поняли, что полировка отражателя гораздо более монотонная и изнурительная работа, чем мойка небоскребов на Земле. Вернувшись в конце дня на Станцию управления, они часто чувствовали себя настолько измученными, что даже не могли снять скафандры. Когда новые рабочие прибыли с Земли, на станции стало тесно, и они жили, как экипаж на борту подводной лодки. Тем не менее они считали, что им повезло, если они вообще смогли вернуться на станцию. Самая дальняя точка на отражателе отстояла от станции почти на сотню километров. Мойщики, работающие на внешнем ободе отражателя, часто не успевали добраться обратно после дневной работы и вынуждены были проводить «ночь» в «пустыне». Выпив жидкий ужин из скафандра, они засыпали, повиснув в пространстве.

Вдобавок ко всему эта работа была невероятно опасной. Никогда прежде в истории полетов человека в космос так много людей не

выходило в открытый космос. В «пустыне» самая незначительная неисправность космического скафандра могла означать гибель. Следовало еще беспокоиться о микрометеоритах, космическом мусоре и солнечных бурях. Инженеры Станции управления горько сетовали на такие условия жизни и работы, но пахари зеркала, родившиеся в нужде, приспособлялись к новым обстоятельствам без жалоб.

На пятый день пребывания в космосе Шую позвонили из дома. Он работал в пятидесяти километрах от станции управления, и луч Солнца Китая был направлен на его родную деревню.

Он услышал голос Па.

– Ва, ты на том солнце? Оно сейчас сияет прямо над нашей головой. Ночью светло как днем!

– Да, Па, я прямо над вами, – ответил Шуй.

Потом заговорила Ма:

– Ва, там жарко?

– Можно сказать, что одновременно и жарко, и холодно. Сейчас там, где нет моей тени, в десять раз жарче, чем у нас в деревне летом, но там, где моя тень, в десять раз холоднее, чем у нас зимой.

– Я вижу нашего Ва, – сказала Ма, обращаясь к Па. – Вон та черная точка на Солнце, вон он!

Шуй понимал, что это невозможно, но по его щекам потекли слезы, и он сказал:

– Па, Ма, я вас тоже вижу. На Азиатском континенте, где вы находитесь, я вижу две черные точки! Завтра одевайтесь потеплее. Я вижу холодный фронт, который надвигается с севера!

* * *

Три месяца спустя прибыла вторая бригада мойщиков на смену первой, а Шуй и его товарищи вернулись на Землю, получив трехмесячный отпуск. Когда они приземлились, каждый из них первым делом купил мощный телескоп. Когда они вернулись на Солнце Китая через три месяца, то использовали свои покупки для наблюдения за планетой под ними во время перерывов в работе. Чаще всего они обращали свои телескопы в сторону дома, но с высоты почти сорок тысяч километров невозможно было увидеть их деревни. Один

из парней фломастером написал на отражателе простой, неуклюжий стишок:

С этой серебряной земли смотрю на дом далекий.

На краю села моя мать на Солнце Китая глядит.

Его диск – это глаз ее сына.

Под его взглядом земля зеленеет.

Пахари зеркала делали выдающуюся работу. Со временем они начали брать на себя гораздо больше обязанностей, чем работа мойщиков зеркала. Сначала они просто ремонтировали повреждения, нанесенные отражателю ударами метеоритов, но потом им стали поручать более сложные задания: проверять и укреплять участки, которые могли пострадать от чрезмерного напряжения.

Двигаясь по орбите, Солнце Китая постоянно переориентировалось. Такую регулировку осуществляли три тысячи двигателей, размещенных на задней поверхности отражателя. Реальная зеркальная поверхность отражателя была очень тонкой и соединялась со всей конструкцией многочисленными тонкими балками. Когда запускали двигатели, отдельные участки поверхности отражателя испытывали избыточное напряжение. Если мощность двигателей вовремя не скорректировать или если это место не укрепить, избыточное напряжение могло разорвать зеркальную поверхность. Чтобы обнаружить и укрепить точки напряжения, требовались и большое мастерство, и большой опыт.

Не считая периодов переориентации и изменения формы отражателя, возможность избыточного напряжения возникала во время «орбитальной стрижки» или «корректировки запаздывания, вызванного давлением радиации и солнечным ветром». Солнечный ветер и радиация вместе довольно сильно влияли на огромную поверхность отражателя. На каждый квадратный километр отражателя действовало давление величиной примерно два килограмма и вызвало его отклонение от орбиты в сторону от Земли. Центр управления на Земле постоянно следил за такими отклонениями, сравнивая измененную траекторию с запланированной орбитой на большом экране. На экране это выглядело так, словно длинные, волнистые волосинки отходили от штатной орбиты, поэтому эта операция получила такое странное прозвище.

Ускорение отражателя было намного больше во время орбитальной стрижки, чем во время изменения формы или переориентации, и работа пахарей зеркала в этот период была крайне важной. Пролетая над серебряной равниной, они высматривали любую аномалию на его поверхности и обеспечивали срочное укрепление в нужных местах. Они прекрасно с этим справлялись, и им соответственно повысили зарплату. Но больше всех наградили Чжуан Юя, который занял самую высокую должность в руководстве проектом «Солнце Китая»; при этом не пришлось нанимать ни одного выпускника университета.

Тем не менее пахарям зеркала было понятно, что они станут первой и последней бригадой космических работников, имеющих только начальное образование. Те, кто придет им на смену, будут выпускниками университетов по крайней мере. И все же они выполнили свою задачу, как и предвидел Чжуан. Они доказали, что мастерство, опыт и способность адаптироваться к неблагоприятным условиям «синих воротничков» важнее при освоении космического пространства, чем знания и креативность. Обычные люди полностью соответствовали этой задаче.

Однако космос изменил образ мышления пахарей зеркала. Никто, кроме них, не обладал привилегией смотреть на Землю с высоты тридцать шесть тысяч километров каждый день. Одним взглядом они могли окинуть всю планету. Для них «всемирная деревня»^[5] перестала быть просто метафорой, а стала реальностью, которую они видели собственными глазами.

В качестве первых рабочих в космосе пахари зеркала были мировой сенсацией, но промышленное освоение околоземной орбиты теперь шло полным ходом. Были заказаны мегапроекты, в том числе огромные солнечные электростанции, которые отправляли микроволны энергии вниз, на планету, заводы по обработке материалов в условиях микрогравитации и многое другое. Началось даже строительство орбитального города, способного вместить сто тысяч жителей. Промышленные рабочие стаями слетались в космос. Они тоже были обычными людьми, и поэтому постепенно мир забыл о пахарях зеркала.

Прошло несколько лет. Шуй купил дом в Пекине, женился и стал отцом. Полгода в году он проводил дома, вторую половину в космосе. Он любил свою работу. Долгие дежурства на этом серебряном зеркале в тридцати тысячах километров над Землей наполняли его сердце отстраненным покоем. Ему казалось, что он обрел идеальную жизнь, и будущее представлялось ему таким же ровным и гладким, как равнина под ним. Но потом произошло то, что лишило его покоя и полностью изменило курс его душевного странствия. Шуй встретил Стивена Хокинга.

Никто не ожидал, что Хокинг доживет до ста лет^[6]. Это было медицинское чудо, но еще и свидетельство силы его воли. После того как на низкой околоземной орбите построили первый комплекс для продления жизни в условиях низкой гравитации, он стал его первым обитателем. Однако перегрузки при запуске едва не стоили ему жизни. Так как ему пришлось бы испытать те же перегрузки во время возвращения на Землю, об обратном полете не могло быть и речи, по крайней мере, пока не изобретут космический лифт, антигравитационный пассажирский модуль или тому подобный космический аппарат. Фактически врачи посоветовали ему постоянно жить в космосе, так как невесомость идеально подходит для его организма.

Сначала Хокинг мало интересовался Солнцем Китая. Только возможность понаблюдать за анизотропией фона космической радиации побудила его подвергнуться воздействию перегрузок во время полета с околоземной орбиты на геосинхронную (хотя, конечно, эти перегрузки были гораздо меньше, чем во время запуска в космос). Станция наблюдения была установлена на обратной стороне Солнца Китая, так как отражатель блокировал любые помехи от Солнца и Земли. Но когда наблюдение закончилось, станцию наблюдения демонтировали, а команда наблюдателей улетела, Хокинг не захотел лететь обратно. Он сказал, что ему здесь нравится и он хотел бы остаться еще ненадолго. Что-то привлекло его внимание к Солнцу Китая. Пресса с большим успехом изощрялась в догадках по этому поводу, но только Шуй знал всю правду.

Самое больше удовольствие Хокинг получал от жизни на Солнце Китая во время ежедневных экскурсий по поверхности отражателя. К изумлению многих, он просто по нескольку часов в день парил над обратной стороной отражателя. Шую, который к тому времени стал самым опытным специалистом по прогулкам в пространстве, поручили сопровождать профессора во время его прогулок. В то время слава Хокинга соперничала со славой Эйнштейна, даже Шуй слышал о нем. Тем не менее Шуй испытал шок, когда они в первый раз встретились в Центре управления. Он и представить себе не мог, что человек с такими ограниченными возможностями сумел добиться столь многого, хотя он не имел ни малейшего представления о великих достижениях ученого. Однако во время их экскурсий Хокинг никак не позволял ему догадаться о своем параличе. Возможно, именно его опыт управления электрической инвалидной коляской позволял ему управлять микродвигателями космического скафандра так же ловко, как это делает здоровый человек. Хокингу было трудно общаться с Шуем. У него был имплант, позволявший ему управлять синтезатором речи при помощи волн мозга, поэтому говорение было не таким трудным делом, как в прошлом веке. Тем не менее его слова все равно должны были проходить через устройство, которое обеспечивало перевод на китайский язык в реальном времени, чтобы Шуй мог его понимать. Начальники Шуя проинструктировали его, чтобы он никогда сам не заводил разговор с профессором и не нарушал его размышлений. Однако Хокинг был всегда рад побеседовать с ним.

Сначала он попросил Шуя рассказать о своей жизни, а потом начал вспоминать о своем собственном детстве. Хокинг говорил Шую о своем холодном, большом доме в Сент-Олбанс; зимой в ледяной просторной гостиной гремела музыка Вагнера. Он рассказал ему о цыганском фургоне, который его родители поставили в поле возле Осмингтон-Миллза, и как он с младшей сестрой Мери ездил в нем к побережью. Он говорил о том времени, когда они с отцом посетили Айвингхо Бикон^[7] в Чилтернских холмах. Шуй поражался памяти столетнего старика, но еще больше его изумляло то, что они употребляли в разговоре одни и те же слова. Профессора очень радовали рассказы Шуя о жизни в его родной деревне. Когда они парили у внешнего края отражателя, он просил Шуя показать ему ее местоположение.

Через какое-то время темой их бесед неизбежно стал космос. Шуй опасался, что на этом их разговоры и закончатся, но этого не произошло. Для профессора было отдыхом рассказывать о сложных физических проблемах и о космологии таким языком, который способны понять даже обычные люди. Он рассказал Шую о Большом взрыве, черных дырах и квантовой гравитации. Когда Шуй возвращался на станцию, он начинал сражаться с тонкой книжечкой, которую Хокинг написал в прошлом веке, консультировался с инженерами станции и учеными, когда встречал нечто такое, чего не понимал. Но он понял гораздо больше написанного в этой книге, чем от него ожидали.

Однажды они вдвоем отправились к краю отражателя.

– Знаешь, почему мне нравится это место? – спросил профессор у Шуя, глядя на серебристую Землю за краем отражателя. – Это громадное зеркало отделяет нас от Земли внизу. Оно позволяет мне забыть о планете и полностью сосредоточиться на космосе.

– Мир внизу – сложный, – согласился Шуй, – когда смотришь на него из такой дали, Вселенная кажется такой простой, это просто звезды, разбросанные в пространстве.

– Да, мой мальчик, действительно, – согласился профессор.

Как и лицевая поверхность отражателя, его тыльная поверхность была тоже зеркальной. Их отличало только то, что задняя поверхность была усеяна точками двигателей, которые регулировали ориентацию и форму отражателя. Они напоминали маленькие черные башенки. Во время ежедневных прогулок Шуй и Хокинг неторопливо плыли вперед, очень низко над поверхностью. Они часто отплывали далеко от Станции управления к внешнему краю. Когда Луны не было видно, черная поверхность отражателя становилась очень черной, а ее поверхность отражала звездное небо. По сравнению с лицевой поверхностью горизонт здесь был ближе, а его кривизна более заметна. Но свет звезд, линии широты и долготы, образованные опорными балками, проплывали под их ногами, будто они летели над поверхностью крохотной, спокойной планеты. Каждый раз, когда отражатель переориентировали или меняли его форму, двигатели на черной поверхности включались. Освещенная бесчисленными струями огня, поверхность этой крошечной планеты выглядела еще более

прекрасной и таинственной. А над головой всегда сиял Млечный Путь, яркий и неизменный.

Именно здесь Шуй познакомился впервые с самыми большими тайнами космоса. Он узнал, что звездное небо, заполняющее поле его зрения, состоит из ничтожных пылинок в невообразимом пространстве Вселенной и что все они всего лишь угольки, оставшиеся после взрыва, случившегося десять миллиардов лет назад.

Много лет назад, когда Шуй впервые шагнул в качестве человека-паука на крышу небоскреба, он увидел весь Пекин. Прилетев на Солнце Китая, он увидел всю Землю. Теперь Шуй переживал третий великий момент в своей жизни. Стоя на крыше космоса, он видел то, что выходило за рамки его самых смелых мечтаний. Хотя он приобрел лишь поверхностное понимание этих далеких миров, они все равно манили его к себе с непреодолимой силой.

Однажды Шуй высказал свои сомнения инженеру на станции.

– Люди совершили посадку на Луне в шестидесятых годах. А что дальше? Мы и сейчас еще не ступили на Марс. Мы даже больше не посещаем Луну.

– Люди – создания практичные, – ответил инженер. – То, что мы делали под влиянием идеализма и веры в середине прошлого столетия, оказалось нежизнеспособным в долгосрочной перспективе.

– А что плохого в идеализме и вере?

– В них нет ничего плохого, в самих по себе, но интересы экономики важнее. В шестидесятые годы человечество не жалело расходов на космические полеты и несло огромные убытки, а Земля в то время погрязла в нищете. Такие обычные люди, как ты и я, вообще никогда бы не попали в космос, пусть даже мы не улетели дальше околоземной орбиты. Приятель, не позволяй Хокингу тебя отравить. Обычные люди не должны играть с теми вещами, с которыми играет он.

Этот разговор изменил Шуя. Внешне он оставался спокойным, работал так же много, как всегда, но глубоко внутри он уже видел новые горизонты.

Пролетело двадцать лет. С высоты тридцать шесть тысяч километров Шуй и его соотечественники ясно видели два десятилетия перемен, постепенно произошедших на земном шаре. Они наблюдали, как проект «Зеленая китайская стена» вызвал появление зеленой ленты, пересекающей северо-запад Китая, и как постепенно зеленела желтая пустыня. Их родные деревни больше никогда не будут испытывать нехватку дождя и снега. Сухие русла рек на окраинах деревень снова наполнились чистой, прозрачной водой.

Все это было заслугой Солнца Китая. Оно сыграло главную роль в великой кампании по преобразованию климата северо-запада Китая. И не только в этом, оно также совершило множество незапланированных новаторских свершений: однажды оно растопило снег на горе Килиманджаро и смягчило засуху в Африке; в другой раз оно превратило город проведения Олимпиады в поистине никогда не спящий город.

Но с появлением новых технологий методы манипулирования погодой с помощью Солнца Китая начали казаться неуклюжими и чреватými слишком большими побочными эффектами. Солнце Китая выполнило свою задачу.

Министерство космической промышленности устроило пышную церемонию награждения первой группы промышленных рабочих на орбите. Эти шестьдесят человек были награждены не только за двадцать лет исключительно тяжелого труда, но, что важнее, за их необычное достижение: они прилетели в космос юношами, получившими только начальное или среднее образование. Своим поступком они распахнули двери в космос перед всеми людьми. Экономисты единодушно признали, что это стало настоящим началом индустриализации космоса.

Эта церемония привлекла широкое внимание прессы. В дополнение к вышеупомянутым причинам история пахарей зеркала стала легендой в душах людей. Она дала возможность испытать ностальгию в том возрасте, когда что-то быстро приобретают, а потом забывают.

Эти простые и честные парни теперь уже стали людьми среднего возраста, но, казалось, они не слишком сильно изменились. Публика все еще узнавала их на экранах голографических телевизоров. С годами большинство мужчин получили какое-нибудь высшее

образование, а некоторые даже стали космическими инженерами. Однако в своих собственных глазах и в глазах публики они остались той же группой рабочих-мигрантов из сельской местности.

Шуй выступил с речью от имени своих товарищей.

– После завершения создания системы электромагнитного конвейера стоимость полета на околоземную орбиту равна лишь половине стоимости перелета через Тихий океан, – сказал он. – Космическое путешествие стало обычным, будничным делом. Новые поколения с трудом представляют себе, что значил полет в космос для обычного человека двадцать лет назад, как такая возможность его возбуждала, как заставляла кипеть его кровь. Нам очень повезло.

Мы обычные люди, и о нас можно сказать так мало. За свой необычный опыт мы должны благодарить только Солнце Китая. За последние двадцать лет оно стало нашим вторым домом. В нашей душе оно стало чем-то вроде миниатюрной Земли. Сначала швы на зеркальной поверхности отражателя для нас служили линиями долготы и широты Северного полушария. Когда мы отмечали свое местоположение, мы выражали свои координаты в градусах северной широты или восточной и западной долготы. Позже, когда мы хорошо познакомились с отражателем, мы постепенно отказались от континентов и океанов на нем. Мы говорили, что мы в Москве или в Пекине. Каждая наша родная деревня имела соответствующее положение на поверхности отражателя, и мы мыли эти участки старательнее всего.

Шуй на мгновение задумался.

– Мы выполняли трудную работу на этой маленькой серебряной Земле, и мы выполняли свой долг. Всего пять мойщиков отражателя отдали свою жизнь за Солнце Китая. Некоторые не успели укрыться от солнечных магнитных бурь, другие попали под удар метеоритов или космического мусора. Скоро наша серебряная планета, где мы жили и работали два десятилетия, исчезнет. Трудно выразить наши чувства словами.

Шуй умолк. Чжуан, который получил повышение и занял пост министра космической промышленности, продолжил его речь.

– Я хорошо понимаю, как вы должны себя чувствовать, но рад возможности заявить всем, что Солнце Китая не исчезнет! Как все вы знаете, надеюсь, такой крупный объект нельзя сжечь в атмосфере, как

обычно поступали в прошлом веке. Но есть другой, весьма элегантный способ найти место последнего упокоения для Солнца Китая. Если мы просто перестанем проводить орбитальные стрижки и сделаем соответствующие поправки его ориентации, солнечный ветер и давление радиации придаст ему ускорение, он получит вторую космическую скорость. В конце концов оно уйдет с околоземной орбиты и станет спутником Солнца. Возможно, в будущем, через много лет, его снова обнаружат межпланетные космические корабли. Мы можем превратить его в музей и вернуться на эту серебряную равнину, к воспоминаниям об этих незабываемых годах.

Лицо Шуя осветилось внезапным волнением.

– Министр, вы действительно считаете, что такой день наступит? – спросил он громко у Чжуана. – Вы действительно думаете, что межпланетные космические корабли будут построены?

Чжуан уставился на него, не находя слов.

– В середине прошлого века, – продолжал Шуй, – когда Армстронг оставил первый след на Луне, почти все люди верили, что человек совершит посадку на Марсе в следующие десять – двадцать лет. Теперь прошло много десятков лет. Никто не вернулся на Луну, не говоря уже о Марсе. Причина проста: это невыгодное предложение.

После окончания холодной войны экономика управляет нашей повседневной жизнью, и под ее руководством человечество шагало семимильными шагами. Сегодня мы уничтожили войну и бедность, возродили окружающую среду. Поистине Земля превращается в рай. Это укрепило нашу веру в эффективность экономического принципа. Он стал главным, проник в наш ДНК. Нет сомнения, что общество людей стало экономическим обществом. Больше никогда мы не предпримем никаких действий, которые принесут меньше, чем в них вложено. Развитие Луны не имеет экономического смысла, широкомасштабное исследование людьми планет сочли бы экономическим преступлением, а что касается межпланетных полетов, это просто безумие! Теперь человечество знает только вложение, выход и потребление.

Чжуан кивнул.

– В этом столетии исследование космоса людьми было ограничено околоземным пространством. Это факт, – сказал он. – В

основе этого решения лежит много причин, но они выходят за рамки сегодняшнего разговора.

– Нет, они остаются в рамках нашего разговора! Нам дали такую возможность. Если мы потратим немного денег, мы сможем покинуть околоземное пространство и пуститься в великое путешествие в космос. Точно так же, как солнечная радиация может столкнуть Солнце Китая с орбиты вокруг Земли, она может отправить его в более далекие края.

Чжуан рассмеялся и покачал головой.

– О, ты хочешь использовать Солнце Китая как солнечный парус? Это теоретически возможно. Тело отражателя тонкое и легкое, а площадь его поверхности большая. После долгого периода ускорения под давлением радиации он бы стал самым быстрым космическим кораблем из всех, когда-либо созданных человеком. Однако я говорю только теоретически. В реальности корабль с одним лишь парусом не сможет уплыть далеко. Ему нужен экипаж. Парусное судно без экипажа будет дрейфовать в океане кругами, и даже не выплывет из гавани – я вспоминаю «Остров сокровищ» Стивенсона, где приведено яркое описание такого судна. Возвращение из длительного путешествия при помощи давления радиации на парус требует точного, сложного управления ориентацией отражателя. Но Солнце Китая спроектировано для работы на орбите вокруг Земли. Без управления человеком оно полетит по произвольной траектории и будет вслепую дрейфовать в пространстве. Это не позволит ему улететь далеко.

– Да, но у него на борту будет экипаж. Я стану его пилотом, – спокойно ответил Шуй.

В этот момент система, измеряющая количество зрителей, показала, что рейтинг канала резко вырос. Глаза людей всего мира смотрели на них.

– Но ты не сможешь управлять Солнцем Китая в одиночку. Для управления его ориентацией требуется, по крайней мере...

– ...По крайней мере двенадцать человек, – перебил его Шуй. – Принимая во внимание факторы межпланетного путешествия, по крайней мере пятнадцать или двадцать. Я думаю, мы найдем столько добровольцев.

Чжуан беспомощно рассмеялся.

– Не ожидал, что сегодня разговор примет такой оборот.

– Министр Чжуан, больше двадцати лет назад вы не раз меняли течение моей жизни.

– Но я никогда, никогда не представлял себе, что ты зайдешь так далеко, гораздо, дальше, чем я. – Чжуан глубоко вздохнул. – Ну, это очень интересно. Продолжим нашу дискуссию! Ах, – произнес он, нахмурившись, – боюсь, твоя идея неосуществима. Самой разумной целью такого полета был бы Марс, но ты не учел того, что Солнце Китая не способно совершить посадку. Если ты хочешь это сделать, то это потребует колоссальных расходов, и твой план потеряет экономическую эффективность. Если же ты не хочешь садиться, то все это предприятие будет равнозначно запуску беспилотного зонда. И какой в этом смысл?

– Солнце Китая полетит не к Марсу.

Чжуан в растерянности посмотрел на Шуя.

– Тогда куда же? К Юпитеру?

– И не к Юпитеру. Еще дальше.

– Дальше? К Нептуну? Плутону? – Чжуан вдруг замолчал. Он долго с недоверием смотрел на Шуя. – Боже мой, ты же не хочешь сказать...

Шуй твердо кивнул.

– Да, Солнце Китая полетит за пределы Солнечной системы и станет первым межзвездным космическим кораблем!

Жители всей планеты смотрели в свои телевизоры, так же широко открыв рты от удивления, как Чжуан.

Чжуан уставился прямо перед собой и рассеянно кивал головой.

– Ну, если не шутишь, позволь мне быстро прикинуть... – сказал он, полузакрыв глаза и делая в уме подсчеты. – Я посчитал. Используя давление солнечной радиации, Солнце Китая разгонится до одной десятой скорости света. Принимая во внимание время, необходимое для разгона, он достигнет Проксимы Центавра через сорок пять лет. Там Солнце Китая будет использовать давление радиации Проксимы Центавра для снижения скорости. Завершив обзор системы Альфа Центавра, вы начнете набирать скорость в противоположном направлении и вернетесь в Солнечную систему еще через несколько десятков лет. Это кажется чудесным планом, но фактически это мечта, которую невозможно осуществить.

– Опять ошибаетесь, – ответил Шуй. – Когда мы достигнем Проксимы Центавра, Солнце Китая не будет уменьшать скорость. Мы проскочим мимо нее со скоростью тридцать тысяч километров в секунду, используя давление радиации, и полетим еще быстрее по направлению к Сириусу. Если удастся, мы продолжим прыгать, как лягушки, через пространство, к третьей звезде, к четвертой...

– Какую игру ты тут затеваешь? – воскликнул Чжуан, теряя терпение.

– Мы попросим у Земли только высоко надежную, но небольшую экологичную систему жизнеобеспечения...

– И вы используете эту систему для поддержания жизни двадцати человек в течение более ста лет?

– Позвольте мне закончить, – ответил Шуй. – И систему криогенной гибернации. Мы проведем большую часть полета в состоянии сна и включим систему жизнеобеспечения только во время приближения к Проксиме Центавра. При современном уровне техники этого будет достаточно, чтобы позволить нам путешествовать в космосе более тысячи лет. Конечно, эти две системы обойдутся недешево, но для них нужна всего одна тысячная капитала, необходимого для постройки с нуля пилотируемого межзвездного зонда.

– Даже если бы ты не запросил ни цента, планета не может допустить, чтобы двадцать человек совершили самоубийство.

– Это не самоубийство, это исследование, – возразил Шуй. – Может быть, мы даже не сможем улететь дальше пояса астероидов, который прямо перед нами, но, возможно, мы доберемся до Сириуса или дальше. Если не попытаемся, как мы об этом узнаем?

– Но в этой экспедиции есть нечто такое, что отличает ее от исследовательского полета, – в свою очередь возразил Чжуан. – Нет возможности вернуться назад.

– Да, мы не вернемся, – кивнул Шуй. – Некоторым людям достаточно жены, детей и теплой постели, и они никогда не смотрят в ту сторону мира, которая не имеет к ним отношения. Но другие всю жизнь пытаются увидеть то, чего человечество никогда раньше не видело. Я побывал в рядах и тех и других и имею право выбрать ту жизнь, какую мне хочется, – закончил он. – И в нее входит жизнь до

конца своих дней на зеркале, которое полетит в пространство на расстояние десяти световых лет от Земли.

– Один последний вопрос, – сказал Чжуан. – Через тысячу лет, когда вы будете мчаться мимо звезд со скоростью десятков или сотен тысяч километров в секунду, пройдут десятки или даже сотни лет, пока человечество получит слабые радиосигналы, посланные вами. Стоит ли приносить такую жертву?

Шуй с улыбкой объявил всей планете:

– Когда Солнце Китая вылетит за пределы Солнечной системы, люди перестанут думать лишь о своих удобствах, они снова поднимут глаза к звездному небу. Мы вспомним нашу мечту о космических путешествиях и возродим стремление исследовать межзвездное пространство.

Цель жизни № 6

Лететь к звездам, снова заставить человечество посмотреть в глубины космоса

Чжуан стоял на крыше башни «Аэропейс» и смотрел на Солнце Китая, быстро летящее по небу. Его свет отражали небоскребы столицы, они отбрасывали бесчисленные быстро перемещающиеся тени, словно Пекин стал лицом, поднятым вверх, чтобы следить за Солнцем Китая.

Это был последний виток Солнца Китая вокруг Земли. Зеркало уже набрало вторую космическую скорость и вскоре покинет пределы поля гравитации планеты и выйдет на орбиту вокруг Солнца. На борту первого межзвездного пилотируемого космического корабля находилось двадцать человек. Кроме Шуя, остальные были выбраны из более чем миллиона добровольцев. В их число вошли еще три других пахаря зеркала, которые много лет работали вместе с ним. Солнце Китая добился своей цели еще до того, как начал путешествие. Он возродил энтузиазм человечества к исследованию космоса за пределами Солнечной системы.

Мысли Чжуана вернулись на двадцать три года назад, в ту душную летнюю ночь в городе на северо-западе Китая, когда они с крестьянским мальчиком из засушливого сельского района сели в ночной поезд, идущий в Пекин.

На прощание Солнце Китая поочередно направило свой световой луч на каждый из крупных городов, позволив человечеству в последний раз взглянуть на его сияние. Напоследок световое пятно остановилось на северо-западном районе Китая. В центре его лежала деревушка, где родился Шуй.

На обочине дороги на ее окраине стояли родители Шуя вместе с соседями и смотрели, как летит на восток Солнце Китая.

Па закричал в телефон:

- Ва, ты летишь куда-то очень далеко?
- Да, Па, – ответил Шуй из космоса. – Боюсь, я не приеду домой.
- Это очень далеко? – спросила Ма.
- Очень далеко, Ма, – ответил Шуй.

– Дальше, чем Луна? – спросил Па.

Шуй несколько секунд молчал. Потом, гораздо более тихим голосом, чем до этого, ответил:

– Да, Па, немного дальше Луны.

Родители Шуя не особенно огорчились. Их сын совершит великие поступки в том месте, которое дальше Луны! Кроме того, время теперь необычное. Даже из самых отдаленных уголков Земли они могут в любой момент поговорить с ним, могут даже видеть его на своем маленьком экране телевизора. Все равно что говорить с ним лицом к лицу. Им не приходило в голову, что задержки будут становиться все большими, что ответы Шуя на их заботливые расспросы будут приходить все медленнее. Сначала это будет всего несколько секунд, но со временем паузы удлинятся. Через несколько лет пройдет много часов прежде, чем они получат ответ.

И в конце концов их сын исчезнет. Им скажут, что Шуй погрузился в сон и проснется только через сорок лет.

После этого родители Шуя будут продолжать обрабатывать участок когда-то бесплодной, а теперь плодородной земли и доживать остаток своей когда-то полной непосильного труда, а сейчас вполне приятной жизни. Последним их желанием будет, чтобы сын вернулся и увидел свою родину еще более прекрасной.

Когда Солнце Китая покинуло орбиту Земли, оно постепенно тускнело на восточной стороне неба, его голубой ореол сжимался и корабль превратился в точку, а потом растворился в ночи. Потом наступил рассвет, и его полностью поглотило сияние утреннего Солнца.

Утреннее солнце также осветило тропинку, которая вела из деревни. Белые тополя теперь обрамляли эту тропинку, а невдалеке вдоль нее текла маленькая речушка. В тот день двадцать четыре года назад, рано утром, освещенный тем же восходящим солнцем, крестьянский сын из северо-западного сельского района постепенно исчез из виду на этой самой дороге, полный неясных надежд.

Сейчас в Пекине день был в самом разгаре, но Чжуан все стоял на крыше башни «Аэропейс», глядя в ту точку неба, где исчезло Солнце Китая. Оно пустилось в бесконечное путешествие, откуда нет возврата. Сначала Солнце Китая пересечет орбиту Венеры и подойдет как можно ближе к Солнцу, чтобы воспользоваться возросшим давлением

радиации и увеличить до максимального расстояние, на котором оно будет наращивать ускорение. Для этого корабль выполнит ряд сложных маневров перехода на новую орбиту, почти так же, как океанские суда Эры Мореплавания маневрировали против ветра. Через семьдесят дней он минует орбиту Марса. Через сто шестьдесят дней он промчится мимо Юпитера. Через два года вылетит за пределы орбиты Плутона и станет межзвездным космическим кораблем, а его экипаж погрузится в сон. Через сорок лет он пролетит мимо альфы Центавра, и его экипаж ненадолго разбудят. Через сто лет после начала полета до Земли дойдет информация, полученная во время исследования ими альфы Центавра. К тому моменту Солнце Китая уже будет мчаться к Сириусу. Благодаря ускорению, которое обеспечат три солнца альфы Центавра, он будет двигаться со скоростью, равной пятнадцати процентам скорости света. Еще шестьдесят лет спустя после старта с Земли он доберется до Сириуса. Когда он пролетит мимо звездной системы Сириуса А и Сириуса В, его скорость возрастет до двадцати процентов от скорости света, и он устремится еще дальше в ночное небо. Учитывая срок службы бортовых систем криогенного сна, Солнце Китая, возможно, доберется до Эпсилон Эридана или – хотя вероятность этого очень невелика – даже до 79-й Кита. В обеих звездных системах, как полагают, есть планеты.

Никто не знал, как далеко улетит Солнце Китая и какие чужие миры увидят Шуй и его спутники. Возможно, когда-нибудь они отправят на Землю сообщение, но пройдет больше тысячи лет, прежде чем они получат ответ.

Как бы то ни было, Шуй всегда будет помнить страну под названием Китай на своей родной планете. Он будет всегда помнить маленькую деревню на засушливом северо-западе этой страны. Он всегда будет помнить тропинку, которая вела из этой деревни, тропинку, с которой началось его путешествие.

Ради блага человечества

Бизнес – это бизнес, ни более ни менее. Таким принципом руководствовался Гладкоствольный в своей работе, но этот клиент сбил его с толку.

Во-первых, этот клиент нарушил все правила при заключении договора. Он хотел поговорить лично, что было крайне необычно в таком бизнесе. Гладкоствольный помнил неоднократные предостережения своего наставника три десятка лет назад: отношения с клиентами должны быть такими же, как у лба с затылком; они никогда не должны встречаться. Это, конечно, наиболее соответствовало интересам обеих сторон.

Еще больше Гладкоствольного удивил выбор места встречи. Пышный Президентский зал в самом роскошном пятизвездочном отеле города был чересчур эффектным местом для подобных сделок. Заказчик заявил, что в контракт входит обработка трех объектов. Это его не смутило – он не возражал против небольшой дополнительной работы.

Служащий открыл перед ним позолоченные двери Президентского зала. Перед тем как войти, Гладкоствольный незаметно сунул руку под куртку и расстегнул кобуру под левой подмышкой. По правде говоря, в этом не было необходимости – никто не попытался бы выкинуть что-то неожиданное в таком месте.

Зал сверкал зелеными и золотыми огнями, он был бесконечно далек от реального мира за стенами отеля. Солнце здесь заменяла огромная хрустальная люстра, льющая свет на бескрайнюю равнину алого ковра. На первый взгляд зал казался пустым, но Гладкоствольный быстро обнаружил людей, сгрудившихся вокруг двух французских окон в углу зала. Они подняли тяжелые шторы и смотрели в небо за окнами. Он окинул их взглядом и насчитал тринадцать человек. Гладкоствольный ждал встречи с клиентом, а не с клиентами. Его наставник также говорил, что клиенты похожи на любовниц: можно иметь несколько любовниц, но никогда не следует позволять им встречаться.

Гладкоствольный хорошо знал, на что они смотрят: на космический корабль Старших братьев. Он летел обратно над южным полушарием и был ясно виден в небе. Прошло три года с тех пор, как цивилизация Творцов покинула Землю. Их грандиозный космический визит значительно развил способность человечества общаться с инопланетными цивилизациями. Более того, флот Творцов из двадцати тысяч космических кораблей затмил небо, но только один корабль с планеты Старших братьев прибыл на Землю. Он был не такой странной формы, как корабли Творцов. Цилиндрический, с закругленными концами, он напоминал межгалактическую капсулу лекарства от простуды.

Увидев вошедшего Гладкоствольного, тринадцать клиентов отошли от окон и вернулись к большому круглому столу в центре зала. Когда Гладкоствольный узнал лица некоторых из присутствующих, великолепный зал вдруг показался ему убогим. Самым выдающимся из них был Чжу Ханьян из «СиноСис Групп», чья операционная система «Ориент-3000» сейчас использовалась вместо устаревшей операционной системы «Виндоуз» во всем мире. Остальные входили в список пятидесяти самых богатых в мире людей. Их годовой доход, вероятно, был равен ВВП средней страны.

Этих людей нельзя даже сравнить с Братом Зубастым, подумал Гладкоствольный. Брат Зубастый сколотил свое состояние за одну ночь; эти же люди были наследниками династий, лощеными потомками многих поколений богачей. Они были аристократами этого века, привыкшими к богатству и власти, которыми обладали. И можно сравнить с изящным кольцом с бриллиантом, надетым на тонкий палец Чжу Ханьяна: оно не бросается в глаза, только иногда сверкает теплым лучом, но стоит почти в десять раз больше, чем те блестящие золотые побрякушки размером с лесной орех, которые украшают пальцы Брата Зубастого.

Но сейчас эти тринадцать финансовых князьков собрались, чтобы нанять профессионального киллера для убийства трех человек, и по условиям его контракта это была только первая партия.

Гладкоствольный не обратил внимания на кольцо с бриллиантом. Он не отрывал глаз от трех фотографий в руке Чжу – это явно были те самые объекты, которые предстояло обработать. Чжу перегнулся через

стол и подтолкнул к нему фотографии, которые скользнули по крышке стола.

Опустив глаза, Гладкоствольный снова почувствовал, как его охватило смутное чувство разочарования. Его наставник говорил, что в их бизнесе разумно заранее знакомиться с теми объектами, которые могли подвергнуться обработке в будущем. В этом городе, по крайней мере, Гладкоствольный именно так и поступал. Но сейчас он совершенно не узнавал тех троих, снимки которых лежали перед ним. Фотографии были сделаны длиннофокусным объективом, и эти оборванные, грязные объекты едва ли принадлежали к особям того же вида, что и благородные граждане, сидящие перед ним. При близком рассмотрении он увидел, что одно из трех лиц принадлежит женщине. Она была еще молода и выглядела опрятнее, чем двое других. Ее волосы, хоть и покрытые пылью, были аккуратно причесаны. Выражение ее глаз было необычным. Гладкоствольный обращал внимание на выражение лиц людей – занимающиеся этим бизнесом люди всегда так поступают. Обычно он видел одно из двух выражений: желание или оцепенение. Но ее глаза были полны редкостной безмятежности. Сердце Гладкоствольного слегка дрогнуло, но это чувство ушло так же быстро, как и пришло, подобно легкому туману, унесенному ветром.

– Это задание Совет по ликвидации общественного богатства доверяет вам. Это постоянный комитет Совета, а я его председатель, – сказал Чжу.

Совет по ликвидации общественного богатства? Это было странное название. Не считая того, что так называется организация, состоящая из самых состоятельных лиц планеты, Гладкоствольный не мог понять смысла этого названия. Не зная других подробностей, невозможно, наверное, разгадать ее истинные цели.

– Их местонахождение написано на обороте. У них нет постоянного адреса, так что это приблизительные данные. Вам придется их поискать, но найти их, наверное, будет нетрудно. Деньги уже отправлены на ваш счет. Подтвердите получение, прошу вас, – распорядился Чжу.

Подняв взгляд, Гладкоствольный увидел, что выражение на лице Чжу никак нельзя назвать благородным. Глаза его были тусклыми и

пустыми. К некоторому удивлению Гладкоствольного, в них не было ни следа желания.

Гладкоствольный достал свой сотовый телефон и проверил свой счет. Подсчитав длинную цепочку нулей после цифр, он спокойно произнес:

– Первое, не так много. Остается первая назначенная мною цена. Второе, вы платите половину перед, а вторую после выполнения.

– Прекрасно, – неодобрительно фыркнул Чжу.

Гладкоствольный нажал несколько кнопок.

– Лишние средства возвращены. Подтвердите получение, прошу вас, сэр. У нас тоже есть профессиональные стандарты.

– Действительно. В наши дни ваш род занятий пользуется очень большим спросом. Но мы ценим ваш профессионализм и чувство собственного достоинства, – с обаятельной улыбкой сказала Сюй Сюепин. Она занимала пост директора Группы дальнего источника, самой крупной в Азии организации по развитию энергетики, возникшей в результате полной либерализации рынка электроэнергии.

– Это первый заказ, поэтому, пожалуйста, выполните его чисто, – произнес офшорный нефтяной барон Сюе Тонг.

– Быстрое охлаждение или охлаждение с задержкой? – спросил Гладкоствольный и быстро прибавил: – Могу объяснить, если нужно.

– Мы понимаем, и это не важно. Делайте, как считаете нужным, – ответил Чжу.

– Метод подтверждения? Видео или физический образец?

– Ни в том, ни в другом нет необходимости. Просто выполните задание – у нас есть свои способы проверки.

– Это все?

– Да, вы можете идти.

* * *

Выйдя из отеля, Гладкоствольный увидел космический корабль Старших братьев, медленно проплывающий по узкой полоске неба между высокими зданиями. Корабль казался еще более огромным, чем раньше, а его скорость возросла. Очевидно, он перешел на более низкую орбиту. На гладких боках корабля переливались радужные

узоры, которые гипнотически воздействовали на тех, кто смотрел на них слишком долго. Фактически поверхность корабля была идеальным зеркалом, а узоры, которые видели стоящие на земле, были всего лишь искаженными отражениями Земли под ним. Гладкоствольному казалось, что корабль сделан из чистого серебра, что он прекрасен. Он предпочитал золоту серебро. Серебро спокойное, холодное.

Перед отлетом, три года назад, Творцы сказали людям, что они создали всего шесть планет Земля; те четыре, которые остались сейчас, находятся на расстоянии двухсот световых лет друг от друга. Они призывали жителей Земли отдать все силы развитию техники: нам необходимо уничтожить наши братские планеты, иначе нас самих уничтожат. Но это предостережение пришло слишком поздно.

Эмиссары с одной из этих планет, Первой Земли, прилетели в Солнечную систему вскоре после отлета Творцов и оставили свой корабль на околоземной орбите. Цивилизация Первой Земли была в два раза старше человечества, и поэтому жители этой Земли называли их Старшими братьями.

Гладкоствольный достал свой сотовый и проверил баланс банковского счета еще раз. *Брат Зубастый, я теперь так же богат, как ты, но мне все равно кажется, будто я что-то упускаю. А ты всегда считал, что владеешь всем, и все, что ты делал, было лишь отчаянной попыткой сохранить это.* Он покачал головой, будто хотел прогнать из своих мыслей это темное облако. Плохая примета – сейчас вспомнить о Брате Зубастом.

* * *

Брат Зубастый получил свое прозвище из-за пилы, с которой он никогда не расставался. Ее полотно было тонким и гибким, а зубья острые как бритвы. Ручка вырезана из твердого коралла и украшена прекрасными узорами «укиё-э»^[8]. Он носил пилу, обернув ее вокруг талии, и в моменты досуга снимал и проводил скрипичным смычком по тыльной стороне полотна. Сгибая полотно и проводя смычком по участкам различной ширины, он умел извлекать призрачную, меланхоличную музыку, она повисала в воздухе, напоминая скорбные вопли призраков. Конечно, Гладкоствольный слышал рассказы и о

другом применении пилы, но он только один раз видел, как Брат Зубастый пустил ее в ход. Это произошло во время игры в кости с высокими ставками на старом складе. Заместитель Брата Зубастого, по имени Полкирпича, играл по-крупному и проиграл все, даже дом отца. С налитыми кровью глазами он предложил поставить на кон обе свои руки и сделал ставку «дважды или ничего».

Брат Зубастый погремел костями в стаканчике и улыбнулся ему. Руки Полкирпича, сказал он, неприемлемая ставка. В конце концов, жить ему еще долго, а если он лишится рук, как они смогут играть в кости?

– Поставь на кон ноги, – предложил он.

И Полкирпича поставил обе ноги, а когда опять проиграл, Брат Зубастый снял с талии пилу и отпилил ему обе ноги по колено.

Гладкоствольный хорошо помнил скрип пилы, вгрызающейся в сухожилия и кости. Брат Зубастый поставил ногу на горло Полкирпича, чтобы заглушить его ужасные вопли, и только звуки режущей плоть пилы эхом разносились по темному, похожему на пещеру складскому помещению. Когда пила весело запела, дойдя до коленных чашечек, ее звук приобрел богатый, звонкий тембр. Фрагменты снежно-белой кости в луже ярко-красной крови образовали красивую, даже привлекательную композицию.

Эта странная красота потрясла Гладкоствольного до глубины души. Каждая клеточка его тела была очарована пением пилы, врезающейся в плоть. Вот это жизнь, черт возьми! Это случилось в его восемнадцатый день рождения, и это был лучший из всех возможных ритуалов посвящения во взрослую жизнь.

Закончив пилить, Брат Зубастый вытер кровь со своей любимой пилы и снова обернул ее вокруг талии. Полкирпича и его ноги уже унесли. Указывая на кровавый след, он произнес:

– Скажите Кирпичу, что отныне я буду его содержать.

Хотя Гладкоствольный был еще молод, он стал доверенным лицом Брата Зубастого в его свите. Следуя за этим человеком во время его восхождения к вершинам власти с самых юных лет, он часто сам становился участником кровопролития. Когда Брат Зубастый наконец сколотил себе состояние в кровавых сточных канавах общества и задумал перевести свою деловую империю в более уважаемое русло, его самые верные сподвижники получили должности

Председателя комитета, Вице-президента и другие подобные звания. Только Гладкоствольный продолжал служить Брату Зубастому телохранителем.

Те, кто знал Брата Зубастого, понимали, что такая должность подразумевает немалый уровень доверия. Этот человек был крайне осторожен, вероятно, причиной тому стала судьба, постигшая его крестного отца. Крестный отец Брата Зубастого тоже отличался крайней осторожностью; по словам Брата Зубастого, этот человек обернул бы себя в железо, если бы мог. Много лет он прожил без каких-либо инцидентов, потом сел в самолет и занял отведенное ему место, с обеих сторон сидели самые доверенные из его телохранителей. Когда самолет совершил посадку, в Чжухайе, стюардессы заметили, что эти три человека остались сидеть, будто глубоко задумались. Но когда пригляделись, то увидели, что их кровь уже растеклась по проходу мимо десяти рядов кресел. Длинные, сверхтонкие стальные иглы пронзили спинки их кресел, сердца каждого из телохранителей пронзили по три иглы. Что касается крестного отца Брата Зубастого, то его проткнули четырнадцатью иглами, уподобив бабочке, тщательно прикрепленной булавками к витрине с образцами. Количество игл, несомненно, служило посланием. Возможно, оно намекало на четырнадцать миллионов украденных юаней или на четырнадцать лет, которые выждал убийца перед мстью... Как и у его крестного отца, продвижение Брата Зубастого к вершине не обошлось без приключений. Теперь его жизнь в обществе напоминала поход через лес из спрятанных клинков или болото, усеянное ямами-ловушками. Он поистине отдавал свою жизнь в руки Гладкоствольного.

Однако новый статус Гладкоствольного оказался под угрозой после появления мистера К. Мистер К был русским. В то время стало модным среди тех, кто мог себе это позволить, нанимать в качестве телохранителей бывших офицеров КГБ. Таким человеком на службе можно похвалиться, как любовницей-кинозвездой. Те, кто вращался в кругах Брата Зубастого, с трудом выговаривали его русское имя, и просто звали новенького «КГБ». Со временем они сократили его до мистера К. Мистер К не имел отношения к КГБ. Большинство бывших офицеров КГБ были офисными гражданскими служащими, и даже те, кто действовал на переднем крае тайных конфликтов, не обучались

искусству личных телохранителей. Мистер К раньше работал в Центральном бюро безопасности Советского Союза в качестве телохранителя Андрея Громыко, тогдашнего министра иностранных дел, известного на Западе как «мистер Нет». Он был настоящим специалистом, истинным экспертом, который дает клиентам возможность дышать. Брат Зубастый нанял его с жалованьем вице-председателя не из желания похвастать, но из-за истинного страха за свою собственную безопасность.

С момента появления Мистера К стало ясно, что он совсем не похож на других телохранителей. За ужином другие телохранители ели и пили больше своих богатых нанимателей и совершенно не стеснялись прерывать их деловые разговоры. Когда грозила настоящая опасность, они либо бросались в бой со всем мастерством уличных головорезов, либо бросали клиента в пыли и в панике удирали. Мистер К резко отличался от них: на банкетах и переговорах он тихо стоял за спиной Брата Зубастого, его массивная фигура была неподвижна, как стена, готовая перехватить любую потенциальную угрозу. Хотя у мистера К пока не было возможности защитить своего клиента в кризисной ситуации, его профессионализм и преданность не давали повода усомниться, что, если такая ситуация возникнет, он выполнит свой профессиональный долг с большим мастерством. Гладкоствольный сам был лучшим профессионалом, чем другие телохранители, и не имел их явных недостатков, но он хорошо сознавал огромную разницу между собой и мистером К. Например, прошло много времени, пока он понял, что мистер К носит черные очки в любое время дня не для того, чтобы выглядеть крутым, а чтобы скрыть свой взгляд.

Несмотря на то что мистер К быстро освоил китайский язык, он держался в стороне от членов внутреннего круга своего нанимателя. Он старательно держал дистанцию до тех пор, пока однажды не пригласил Гладкоствольного зайти в его спартанскую комнату. Там он налил два стакана водки и сказал Гладкоствольному по-китайски, запинаясь:

- Я хочу научить тебя говорить.
- Говорить?
- На иностранном языке.

И Гладкоствольный начал учиться у мистера К иностранному языку. Только через несколько дней он понял, что учит английский, а не русский язык. Гладкоствольный был способным учеником, и когда они смогли общаться и на английском, и на китайском, мистер К сказал ему:

– Ты не такой, как другие.

– Знаю, – кивнул Гладкоствольный.

– Тридцатилетний опыт научил меня точно выделять таких людей из всех остальных. У тебя редкий талант, и когда я увидел тебя в первый раз, у меня мороз прошел по коже. Легко сохранять хладнокровие во время работы, но трудно оставаться всегда хладнокровным, никогда не оттаивать. Ты можешь стать одним из лучших в этом деле, если не зароешь свой талант.

– Что я могу сделать?

– Во-первых, поучиться за границей.

Брат Зубастый с готовностью согласился на предложение мистера К полностью оплатить расходы Гладкоствольного. Он надеялся избавиться от Гладкоствольного с момента появления мистера К, но в компании не было вакантной должности.

Вот так однажды зимней ночью этот парень, осиротевший в детстве и выросший в криминальных слоях общества, сел на пассажирский реактивный самолет и отправился в чужую, далекую страну.

* * *

Сидя за рулем потрепанного автомобиля «Сантана», Гладкоствольный ездил по городу, осматривая все места, названия которых были написаны на фотоснимках. Его первой остановкой была «Блоссом-Плаза». Он быстро нашел человека с фото. Тот копался в мусорном баке, когда приехал Гладкоствольный, и через несколько минут потащил свой раздутый пакет для мусора к ближайшей скамейке. Плодами его поисков оказались большая и почти нетронутая коробочка с едой на вынос, всего один раз надкушенная свиная сосиска, несколько идеальных ломтиков хлеба и полбутылки колы. Гладкоствольный ожидал, что он будет есть руками, но с удивлением

увидел, как бродяга достал маленькую алюминиевую ложку из кармана грязного пальто, которое носил, несмотря на летнюю жару. Он неторопливо разделался со своим ужином, а потом выбросил остатки обратно в мусорный бак. Оглядывая площадь, Гладкоствольный увидел, что со всех сторон вокруг нее начали вспыхивать огни города. Он был хорошо знаком с этим районом, но чувствовал, здесь явно чего-то не хватает. Потом его осенило, он понял, почему этот человек имел возможность неторопливо поесть. Площадь служила обычным местом сбора бездомных всего города, но в данный момент он не видал никого из них, кроме своей мишени. Куда они подевались? Неужели их всех уже обработали?

Гладкоствольный поехал дальше, по адресу на втором снимке. Под эстакадой на окраине города слабый желтый свет лился из хижины, кое-как собранной из гофрированного картона. Гладкоствольный осторожно толкнул сломанную дверь хижины и чуть приоткрыл ее. Сунув голову внутрь, он неожиданно оказался в фантастическом многоцветном мире. Стены хижины были увешаны картинами маслом всевозможных размеров, они создавали отдельный мир искусства. Глаза Гладкоствольного проследили за струйкой дыма и увидели странствующего художника, который лежал, раскинувшись, под сломанным мольбертом, напоминая медведя в зимней спячке. У него были длинные волосы, а его перепачканная красками футболка была такой просторной, что больше походила на платье. Он курил дешевую сигарету из пачки с изображением нефритовой бабочки. Он рассматривал плоды своего творчества взглядом, полным удивления и растерянности, будто видел их впервые. Гладкоствольный догадался, что большую часть времени он проводил, любясь собственными произведениями. Такая разновидность голодающих художников не вызывала удивления в девяностых годах прошлого века, но сейчас их осталось мало, и они встречались редко.

– Все в порядке. Заходите, – произнес художник, не отрывая глаз от картин. Его тон был бы более уместен в императорском дворце, а не в хижине. Как только Гладкоствольный вошел, художник спросил:

– Вам нравятся мои картины?

Гладкоствольный огляделся вокруг и увидел, что большая часть рисунков представляла собой просто хаотичные пятна цвета – если бы краску расплескали прямо на холст, он выглядел бы более

упорядоченным по сравнению с этими картинами. Но имелось также несколько картин в очень реалистичном стиле, и взгляд Гладкоствольного быстро привлекла одна из них: почти все пространство на этом полотне занимала желтая, растрескавшаяся земля. Несколько мертвых растений, торчащих из трещин, выглядели так, словно увяли сотни лет назад, если в этом мире тогда вообще существовала вода. На выжженной земле лежал череп. Хотя он выгорел добела и покрылся трещинами, два зеленых, живых ростка выросли из его рта и одной глазницы. Создавая резкий контраст с засухой и смертью, окружающими их, эти растения были зелеными и пышными, и крохотный, нежный цветок венчал стебель одного из них. В другой глазнице черепа сохранилось глазное яблоко. Его зрачок смотрел в небо, а взгляд был полон такого же изумления и растерянности, как и взгляд художника.

– Мне нравится вот эта, – сказал Гладкоствольный, указывая на картину.

– Она называется «Пустошь номер 2». Вы ее купите?

– Сколько?

– А сколько у вас есть?

Гладкоствольный вытащил свой бумажник и вынул все лежавшие в нем банкноты по сто юаней. Он протянул их художнику, но тот взял всего две банкноты.

– Она больше не стоит. Теперь она ваша.

Гладкоствольный завел машину и взял третью фотографию, чтобы посмотреть последний адрес. Через секунду он выключил зажигание, так как пункт его назначения находился прямо рядом с эстакадой: вдоль нее тянулась самая большая городская свалка мусора. Он достал бинокль и стал смотреть сквозь лобовое стекло, высматривая свою цель среди падальщиков, копающихся в мусорных кучах.

Триста тысяч мусорщиков зарабатывали на жизнь, роясь в отбросах огромного города. Они образовали свой собственный класс, состоящий из четко очерченных каст. Мусорщики наивысшего ранга имели право входить в самые фешенебельные районы города, застроенные виллами. Там, в мусорных баках изящной формы, можно было ежедневно набрать много сорочек, носков и простынь, использованных один раз, – в этих районах такие вещи считались товарами однократного использования. В отходы попадали самые

разные предметы: слегка поцарапанные туфли и ремни из лучшей кожи, гаванские сигары, выкуренные наполовину, дорогой шоколад, надкушенный только чуть-чуть с уголков... Но сбор подобных отходов требовал таких внушительных взяток местным охранникам, которые могли позволить себе немногие, и те, кто мог, становились аристократами среди падальщиков.

Мусорщики среднего ранга собирались вокруг многочисленных перевалочных пунктов городских отходов, первой остановки на пути муниципальных отходов. Там быстро расхватывали самый ценный мусор: негодную электронику, металлолом, нетронутые изделия из бумаги, выброшенные медицинские приборы и просроченные лекарства. Однако такие площадки были доступны не для всех. Каждая станция была владением одного мусорного босса. Любого падальщика, попавшего туда без их разрешения, жестоко наказывали: совершивших мелкое нарушение зверски избивали и выдворяли, а серьезные нарушители могли лишиться жизни.

Мало ценных предметов оставалось в отходах, прошедших через перевалочные пункты и попавших на свалки на окраинах города, и все-таки именно эти отходы кормили самое большое количество людей. Это были мусорщики самого нижнего ранга, именно они сейчас были перед Гладкоствольным. Не имеющий ценности, не пригодный для переработки сломанный пластик и рваная бумага – это все, что оставалось для падальщиков из самых низких слоев общества мусорщиков. Еще там имелись остатки гнилой еды, которую можно выудить из мусора и продать на корм свиньям на соседние фермы по десять юаней за кило. В отдалении сверкал огромный город, подобно гигантскому бриллианту, его сияние окружало мерцающим ореолом зловонную гору отбросов. Мусорщики приобщались к роскоши города, просеивая отбросы. Часто среди гниющей еды можно было откопать жареного молочного поросенка, у которого съели только ноги, едва тронутого морского окуня, целые тушки кур... Недавно стала обычной находка целых «шелковых» цыплят благодаря популярности нового блюда под названием «цыплята из белого нефрита». Это блюдо готовили так: вспарывали курам животы и набивали их тофу, а потом тушили на медленном огне. Настоящим деликатесом были ломтики тофу; куры, хоть и вкусные, служили просто футлярю. Как в случае с листьями тростника, в которые

заворачивают рисовые клецки, любой гурман, у которого хватило глупости съесть самого цыпленка, становился объектом насмешек более разборчивых эпикурейцев...

Последний на этот день мусоровоз въехал на свалку. Когда он вывалил свой груз на землю, несколько стервятников ринулись на кучу отходов и быстро исчезли из виду в облаке пыли и отбросов. Как будто они перешли в новую фазу эволюции и на них не действовали вонь кучи мусора, микробы и токсичная грязь. Конечно, это была иллюзия, ее сохраняли те люди, которые видели, как живут мусорщики, а не как они умирают. Вместе с трупами насекомых и крыс тела мусорщиков валялись повсюду на свалке. Здесь они тихо умирали и вскоре оказывались погребенными под новым мусором.

В тусклом свете прожекторов на краю свалки все мусорщики казались запыленными, неясными тенями, но Гладкоствольный быстро обнаружил среди них свою цель. Быстрота, с которой он ее заметил, частично объяснялась его острым зрением, но была и другая причина: сегодня на свалке было значительно меньше мусорщиков, как и бродяг на Блоссом-Плаза. «Что происходит?» Гладкоствольный наблюдал за своей мишенью в бинокль. На первый взгляд она ничем не отличалась от любого другого обитателя свалки. Ее талию обвивала веревка, и она держала в руках большую плетеную сумку и грабли на длинной ручке. Не в силах протиснуться сквозь толпу других мусорщиков, она могла действовать только на периферии, просеивая остатки отбросов.

Гладкоствольный опустил бинокль, на мгновение задумался и слегка покачал головой. Перед ним разворачивалось нечто действительно фантастическое: бездомный мужчина, голодный бродяга-художник и девушка, живущая сбором отбросов – трое самых бедных, самых слабых людей в мире, – почему-то представляли угрозу для самых богатых и самых могущественных плутократов на свете. Угрозу настолько большую, что они сочли необходимым нанять киллера, чтобы решить эту проблему.

«Пустошь номер два» лежала на заднем сиденье. В темноте единственный глаз черепа впился в Гладкоствольного, как шип в тело.

Со свалки донесся хор панических воплей, и Гладкоствольный увидел, что мир вокруг его автомобиля утонул в голубом сиянии. Свет шел с востока, где над горизонтом быстро восходило голубое солнце. Это был космический корабль Старших братьев, появившийся в

Южном полушарии. Обычно космический корабль не излучает собственного света; но ночью солнечный свет, отражающийся от его боков, заставляет его светиться подобно маленькой луне. Однако часто он внезапно озарял планету голубоватым сиянием, вызывая у всех людей непонятный ужас. На этот раз сияние космического корабля было ярче, чем когда-либо раньше, возможно, потому что он летел по более низкой орбите, чем обычно. Голубая луна вошла над городом, и тени небоскребов вытянулись до самой свалки, как жадные руки гигантов. По мере того как космический корабль поднимался над горизонтом, тени постепенно укорачивались.

Девушку, стоящую на мусорном полигоне, осветило сияние космического корабля Старших братьев. Гладкоствольный опять поднял бинокль и убедился, что это действительно его цель. Она стояла на коленях с сумкой, на ее поднятом вверх лице отразилась легкая тревога, но в остальном оно оставалось таким же безмятежным, как на фотографии Гладкоствольного. Сердце киллера опять дрогнуло, но это прошло так же быстро, как и раньше. Он понимал, что это ощущение пришло откуда-то из глубины его души, и сожалел, что снова утратил его.

Космический корабль быстро пересек небосвод и исчез за западным горизонтом, оставив призрачное голубое свечение на небе.

Мусорный полигон опять погрузился во тьму, и огни города снова засверкали. Мысли Гладкоствольного вернулись к нынешней головоломке: тринадцать самых богатых людей на Земле пожелали убить трех самых бедных. Это было более чем абсурдно, и любое возможное объяснение было выше его понимания. Но его мыслям не удалось унести далеко, он резко затормозил их. В приступе раскаяния Гладкоствольный ударил по рулю, так как вдруг осознал, что нарушил основное правило своей профессии. Слова наставника возникли перед его мысленным взором, это был основной принцип их профессии: оружие все равно, на кого оно направлено.

* * *

До этого дня Гладкоствольный даже не знал, в какой зарубежной стране он учился, не говоря уже о точном местонахождении академии.

Знал только, что первый перелет совершил в Москву. Там его встретили несколько человек, которые говорили по-английски без малейшего русского акцента. Его заставили надеть непрозрачные темные очки, и, под видом слепого, он проделал остаток путешествия в темноте. Совершив еще один трехчасовой перелет, а потом поездку на автомобиле в течение целого дня, Гладкоствольный прибыл в академию и не мог бы с уверенностью утверждать, что все еще находился в тот момент в России.

Академия была расположена далеко в горах и обнесена высокими стенами. Учащимся ни при каких обстоятельствах не разрешалось покидать ее до окончания обучения. После того как ему позволили снять темные очки, Гладкоствольный обнаружил, что здания академии построены в двух различных стилях: первый тип строений был серым и лишенным каких-либо отличительных особенностей, а второй был очень странным как по виду, так и по форме. Позднее он узнал, что строения второго типа были собраны из гигантских строительных блоков, и по желанию их можно было перестроить для создания большого количества моделей боевой обстановки. Все это заведение являлось, в сущности, одним большим, современным полигоном.

Торжественное первое собрание было единственным мероприятием, на котором встретились все учащиеся, и их было чуть больше четырехсот человек. Седовласый директор, с властными манерами классического ученого, обратился к ним со следующей речью:

– Учащиеся, в следующие четыре года вы получите теоретические познания и практические навыки, необходимые для нашего рода деятельности, – того вида деятельности, названия которого мы никогда не произносим вслух. Это одна из самых древних профессий человечества, и этой профессии обеспечено славное будущее. В небольшом масштабе наша работа, и только наша работа, способна решать трудные проблемы отчаявшихся клиентов; но в широком масштабе наша работа способна изменить историю.

В прошлом различные правительственные организации предлагали нам крупные суммы денег за обучение бойцов для ведения партизанской войны. Мы отказали им всем, потому что обучаем только независимых профессионалов. Да, *независимых*, от всего, кроме денег. После сегодняшнего дня вы должны считать себя оружием. Ваш долг –

выполнять функцию оружия и демонстрировать его красоту в процессе. Оружие все равно, на кого оно направлено. Человек А поднимает оружие и стреляет в человека Б; Б вырывает у него оружие и стреляет в А – оружие не замечает разницы между этими двумя людьми и выполняет оба задания с одинаковым уровнем мастерства. Это самый главный принцип нашей профессии.

Во время этой церемонии Гладкоствольный также узнал несколько самых распространенных терминов своей новой профессии: их основной бизнес называется «обработкой», их мишени – «объектами» или «работой», смерть именовалась «охлаждением».

Учебные курсы в академии в зависимости от радиуса действия обозначались буквами Д, С и К, то есть дальнего радиуса действия, среднего радиуса действия и короткого радиуса действия. Дисциплину Д изучал самый таинственный и дорогой учебный курс. Те немногие студенты, которые выбрали эту специальность, общались только между собой и редко вступали в разговоры со студентами курсов С и К. Преподаватели Гладкоствольного также советовали ему и его соученикам держаться подальше от студентов Д-курса:

– Они аристократы нашей профессии, так как наиболее вероятно, что именно они изменят ход истории.

Знания, получаемые студентами Д, были обширными и глубокими, а снайперские винтовки, которые им полагались, стоили сотни тысяч долларов и были длиной почти два метра в полной сборке. Д-специалисты обрабатывали объекты со среднего расстояния в тысячу метров, хотя, по слухам, могли попасть в цель и с трех тысяч метров. Обработка на расстоянии более тысячи пятисот метров представляла собой сложную операцию, и в подготовительную работу такой операции входило размещение ряда «музыкальных подвесок» на определенном расстоянии друг от друга вдоль траектории выстрела. Искусно сделанные микроскопические анемометры по радио передавали данные на защитные очки стрелка, помогая ему учитывать скорость и направление ветра вдоль всей траектории выстрела.

С-специалисты обрабатывали элемент на расстоянии от десяти до трехсот метров. Это был самый традиционный курс, и на нем обучалось самое большое количество студентов, которые обычно использовали стандартные винтовки. Хотя С-специалисты редко

нуждались в работе, эта дисциплина считалась неинтересной и лишенной таинственности.

Гладкоствольный посещал курс К, где учился обрабатывать объект с дистанции менее десяти метров. К оружию на курсе К не предъявлялось таких жестких требований, и эти специалисты обычно использовали пистолеты или даже клинки и другое оружие рукопашного боя. Из этих трех специальностей К, несомненно, была наиболее опасной, но также и наиболее романтической.

Директор был мастером этой дисциплины, и он лично преподавал на курсах К. Но, ко всеобщему удивлению, первым предметом, с которого он начал, была английская литература.

– Вы должны сначала понять важность К курса, – серьезно произнес директор, глядя на озадаченных учеников, сидящих перед ним. – На курсах Д и С объект и обработчик никогда не встречаются, и элемент обрабатывается и охлаждается, не осознав своего бедственного положения. Возможно, это благословение судьбы для объекта, но не обязательно для клиента. Некоторым клиентам нужно, чтобы их цели знали, кто заказал их обработку и почему, и наша задача их информировать об этом. В этот момент мы являемся не самими собой, а инкарнацией клиента. Мы должны торжественно и безупречно передать его или ее последнее сообщение объекту, и таким образом заставить его испытать максимально возможное психологическое потрясение и страдание перед обработкой. В этом романтика и красота дисциплины К – в выражении ужаса и отчаяния в глазах объекта непосредственно перед охлаждением. В нашей работе нет большего удовольствия, чем это; но для этого мы должны культивировать у себя умение подбирать нужные слова и выражаться литературно.

Поэтому Гладкоствольный в течение одного года изучал литературу. Он читал поэмы Гомера, учил наизусть Шекспира и изучал произведения многих других древних и современных авторов. Он считал, что это самый плодотворный год в его зарубежном образовании. Он был более или менее знаком с предметами, которые последовали за этим, и если бы не овладел ими в институте, то мог бы обучиться им в другом месте. Но здесь ему представилась единственная возможность глубоко изучить литературу. При помощи литературы он заново открыл для себя человечество и удивлялся

тонкостям человеческой природы. Раньше, убивая, он чувствовал себя так, словно разбивает грубо слепленный горшок, наполненный красной жидкостью; теперь он с изумлением узнал, что разбивает изящный сосуд из нефрита, что только наполняло его действия волнением и восторгом.

Следующим учебным курсом была анатомия человека. По сравнению с двумя остальными дисциплинами, еще одним большим преимуществом К-курса была возможность управлять временем, необходимым для охлаждения объектов во время обработки. Использовались технические термины «быстрое охлаждение» и «отложенное охлаждение». Многие клиенты заказывали «отложенное охлаждение» и запись всего процесса, как дорогой памятный подарок, которым можно потом наслаждаться вечно. Конечно, это требовало точных технических навыков и большого опыта, и знание анатомии человека было необходимо.

Потом началось его настоящее обучение.

* * *

Мусорщики постепенно разошлись со свалки, и осталась только его мишень и еще несколько человек. Гладкоствольный тут же принял решение обработать этот объект до того, как ночь закончится. Приступить к работе в начальный период наблюдения шло вразрез со стандартной практикой, но бывали исключения, когда подворачивалась подходящая возможность для обработки.

Гладкоствольный вывел машину из-под эстакады и двинулся по неровной дороге, усеянной колдобинами, которая шла вдоль свалки. Он заметил, что все мусорщики, уходящие с полигона, направлялись в эту сторону. В темноте видны были лишь тени бурьяна, покачивающегося на ночном ветерке. Это было отличное место для обработки, и он решил подождать здесь появления объекта.

Гладкоствольный достал свое оружие и осторожно положил на приборную панель. Это был неэлегантный револьвер калибра 7,6 мм, переделанный для стрельбы крупными патронами «Блэк Стар». Гладкоствольный окрестил его Курносый, из-за его формы. Он приобрел этот револьвер, сделанный частным мастером, отследить

который было невозможно, за три тысячи юаней на черном рынке в Сишуанбанне. Хотя он имел топорный вид, но был хорошо сделан, и каждый его компонент был выточен на станке с большой точностью. Самым крупным его недостатком было то, что изготовитель не стал возиться с нарезами: металлические стенки ствола остались гладкими. Дело было не в том, что Гладкоствольный не мог достать лучшее, брендовое оружие. Брат Зубастый снабдил его тридцатидвухзарядным «узи», когда он начал свою карьеру телохранителя, а позже подарил ему на день рождения пистолет «Тайп 77». Но Гладкоствольный засунул и то и другое на дно сундука и никогда не брал их с собой. Он просто предпочитал Курносого. Револьвер блестел ледяным блеском в свете ореола города, и мысли Гладкоствольного вернулись в прошлое, к годам учебы в академии.

В первый день их настоящих тренировок директор заставил каждого студента предъявить свое оружие. Когда Гладкоствольный выложил Курносого в один ряд с прекрасно сделанными пистолетами, он был очень смущен. Однако директор взял в руки Курносого, взвесил его в руке и произнес с искренним восхищением:

– Это прекрасное оружие.

– У него нет нарезки, и к нему даже нельзя прикрепить глушитель, – презрительно улыбнулся другой студент.

– Точность и дальность для К-специалистов мало значат, а нарезка еще меньше. А глушители? Маленькая подушечка прекрасно подойдет. Парень, не позволяй ограничивать себя устаревшими условностями. В руках мастера это оружие может позволить добиться таких успехов, на которые не способны ваши дорогие игрушки.

Директор был прав. Благодаря отсутствию нарезки пули, выпущенные Курносим, в полете совершали кульбиты и издавали пронзительный, вызывающий ужас свист, чего не делали обычные пули. Они продолжали вращаться даже после того, как поражали цель, круша все на своем пути, подобно острым лопастям резака.

– Отныне мы будем называть тебя Гладкоствольным! – сказал директор, возвращая оружие владельцу. – Держись за него, парень. Похоже, тебе придется научиться метать кинжалы.

Гладкоствольный сразу же понял смысл совета директора: умелый метатель кинжалов держит его за лезвие во время броска, чтобы придать ему импульс при помощи вращения, но для этого нужно,

чтобы кинжал подлетал к цели острием вперед. Директор надеялся, что Гладкоствольный научится обращаться с Курносым, как метатель кинжалов со своими клинками! Такое искусство обеспечило бы Гладкоствольному беспрецедентный контроль над теми ранами, которые наносят кувыркающиеся пули Курносого. После двух лет тяжелых тренировок, израсходовав почти тридцать тысяч пуль, Гладкоствольный достиг такого уровня мастерства, что превзошел даже лучших инструкторов академии по стрелковому оружию.

Во время учебы за границей Гладкоствольный стал неразлучен с Курносым. На четвертом курсе он познакомился с одной своей соученицей по специальности К, которая носила прозвище Огонек, наверное, из-за гривы рыжих волос. Невозможно было понять, какой она национальности, но Гладкоствольный догадывался, что она из Западной Европы. В академии училось мало женщин, и почти все они были прирожденными снайперами. Однако Огонек ужасно плохо целилась, а ее неумение обращаться с кинжалами откровенно сбивало с толку. Гладкоствольный понятия не имел, как она зарабатывала на жизнь до академии. Но во время первого урока по использованию гарроты она выбрала такую тонкую проволоку, что ее почти невозможно было отличить от тонкого колечка на ее пальце. Она обмотала острую, как бритва, проволоку вокруг шеи козла, которого использовали в качестве учебного пособия, и с ловкостью, свидетельствующей об опыте, аккуратно отрезала ему голову. Огонек называла ее нанопроволокой, это был сверхпрочный материал, который в будущем можно было бы использовать для строительства космических лифтов. Огонек не питала настоящей любви к Гладкоствольному – такие вещи невозможны в академии. Она также клеилась к Морозному Волку, студенту из Скандинавии с другого курса. Она прыгала от одного к другому, как в игре в крикет, пытаясь спровоцировать небольшое кровопролитие и разбавить монотонность студенческой жизни. Вскоре она добилась своего, и эти двое мужчин договорились решить свое соперничество игрой в русскую рулетку. В глухую ночь их соученики переставили огромные строительные блоки на стрельбище и соорудили нечто вроде Колизея. Дуэль должна была начаться в центре арены, а в качестве оружия выбрали Курносого.

Огонек руководила всем этим спектаклем. Грациозным жестом она вставила один патрон в пустой барабан Курносого. Потом, держа

его за ствол, она десять раз перевернула его вокруг своей тонкой, худой руки. После того как оба парня вежливо отказались от возможности стать первыми, она улыбнулась и вручила оружие Гладкоствольному. Гладкоствольный медленно поднес револьвер к голове. Когда холодное дуло прикоснулось к его виску, его окатила волна такой страшной пустоты и одиночества, каких он еще никогда не чувствовал. Он ощутил, как бесформенный, ледяной ветер промчался по миру, а его сердце осталось последней искрой тепла в непроницаемой тьме Вселенной. Он собрался с духом и пять раз нажал на курок. Пять раз сработал боек. Барабан повернулся пять раз. Оружие не выстрелило.

Щелк-щелк-щелк-щелк-щелк – вот так просто, резкий, металлический похоронный звон колокола зазвучал по Морозному Волку. Их соученики разразились веселыми воплями. Со слезами восторга Огонек крикнула Гладкоствольному: «Я твоя!» Среди всего этого шума Морозный Волк стоял с улыбкой на лице. Он кивнул в сторону Гладкоствольного и произнес искренним тоном:

– Ты, восточный ублюдок, это самый замечательный поединок с тех пор, как сделали кольт.

Потом он повернулся к Огоньку.

– Все в порядке, моя дорогая. Жизнь все равно была всегда лишь азартной игрой.

Он схватил Курносого и приставил его к виску. Раздался глухой «бум», кровь и осколки кости расцвели на полу арены.

Гладкоствольный закончил учебу вскоре после этого. В тех же самых черных очках, которые носил, когда приехал сюда, он отбыл из безымянной академии и вернулся в тот город, в котором вырос. Он больше не слышал об этой академии ни одного слова, будто ее никогда и не существовало на свете.

* * *

Только после возвращения во внешний мир Гладкоствольный услышал новость: Творцы прибыли, чтобы просить помощи у человеческой цивилизации, которую они сами когда-то поддержали, но не смогли жить с комфортом на Земле и поэтому всего через год

улетели. Их флот из двадцати тысяч кораблей уже исчез на просторах бескрайнего космоса.

Едва Гладкоствольный сошел с самолета, как получил первый заказ на обработку.

Брат Зубастый радостно встретил Гладкоствольного дома и устроил в его честь роскошный банкет. Гладкоствольный после ужина попросил его о личной встрече, объяснив, что ему нужно о многом ему поведать и облегчить душу. Когда все остальные разошлись, Гладкоствольный сказал Брату Зубастому:

– Я вырос рядом с вами. В глубине души я никогда не считал вас братом, скорее отцом. Я спрашиваю вас, должен ли я заниматься той профессией, которой обучался? Скажите только слово, и я вас послушаюсь.

Брат Зубастый обнял Гладкоствольного рукой за плечи.

– Если тебе это нравится, ты должен этим заниматься. Я вижу, что это дело тебе нравится. Не волнуйся насчет прямых или окольных дорог: те, у кого светлое будущее, преуспеют, какую бы дорогу они ни выбрали.

– Как скажете.

Гладкоствольный выхватил пистолет и выстрелил в живот Брату Зубастому. Под точно рассчитанным углом вращающиеся пули прострочили пунктир в брюшной полости этого человека и вонзились в доски пола. Когда дым рассеялся, Брат Зубастый посмотрел на Гладкоствольного. В его глазах промелькнул шок, потом он сменился оцепенением, которое следует за откровением. Он слабо рассмеялся и кивнул:

– Ты уже кое-чего достиг, малыш.

С этими словами Брат Зубастый выплюнул кровь и мягко опустился на землю.

Полученный Гладкоствольным заказ на обработку точно указывал время отложенного охлаждения, но не требовал видеозаписи. Клиент ему доверял. Он налил стакан спиртного и с холодным равнодушием смотрел, как растекается лужа крови под Братом Зубастым. Умиравший медленно подбирал выпавшие кишки, так задумчиво, будто складывал плитки маджонга. Как только он заталкивал их назад в брюшную полость, скользкие кишки вываливались обратно. Брат Зубастый начинал осторожно укладывать их снова... Повторив этот

процесс в двенадцатый раз, он испустил свой последний вздох. Прошел ровно один час после его выстрела из Курносого.

Гладкоствольный не погрешил против правды, когда сказал, что Брат Зубастый был ему как отец. Однажды в дождливый день, когда ему было пять лет, биологический отец Гладкоствольного, впавший в ярость после огромного проигрыша в карты, потребовал, чтобы его мать отдала ему сберкнижки на все банковские вклады семьи. Она отказалась, и он просто забил ее до смерти. А когда Гладкоствольный попытался ему помешать, он сломал сыну нос и руку, а затем исчез под дождем. Позже Гладкоствольный безуспешно пытался найти его повсюду. Если он когда-нибудь найдет отца, то... Этот человек заслужил удовольствие медленного охлаждения.

Потом Гладкоствольный слышал, что мистер К вернул всю свою зарплату до последнего пенни семье Брата Зубастого и улетел обратно в Россию. Перед отлетом русский сказал, что в тот день, когда он отправил Гладкоствольного учиться за границу, он знал, что Брат Зубастый будет убит его рукой. Брат Зубастый прожил жизнь на острие ножа, но так и не понял, что делает человека настоящим киллером.

* * *

Один за другим немногие оставшиеся мусорщики ушли со свалки, осталась только мишень Гладкоствольного. Она зарылась в отбросы, поглощенная своей работой. Она была слишком слабой, чтобы претендовать на выгодное место, когда приезжали мусоровозы, и могла наверстать упущенное только работая дольше других. Ее упорство означало, что Гладкоствольному не нужно ждать ее снаружи. Сунув Курносого в карман куртки, он вышел из машины и направился прямо к своей мишени на мусорной куче.

Отбросы у него под ногами были слегка теплыми и пружинили, как губка, будто он шагал по телу какого-то громадного зверя. Метра за четыре или пять до цели Гладкоствольный достал из кармана револьвер.

В это мгновение яркий голубой свет неожиданно вспыхнул на востоке. Космический корабль Старших братьев совершил полный оборот по орбите вокруг Земли и вернулся, по-прежнему сияя, в

Южное полушарие. Внезапное появление этого голубого солнца притянуло к себе взгляды двух фигур на свалке. Они несколько мгновений рассматривали эту странную звезду, а потом посмотрели друг на друга. Когда их взгляды встретились, Гладкоствольный едва не сделал то, чего не должен делать ни один профессиональный убийца: он чуть не выронил оружие. На секунду потрясение заставило его забыть вообще о существовании Курносого, и он чуть было не вскрикнул, не успев сдержаться: «Сладкий Горошек!», но Гладкоствольный знал, что это не Сладкий Горошек. Четырнадцать лет назад он наблюдал за мучительной смертью Сладкого Горошка. Однако она жила все это время в сердце Гладкоствольного, взрослея и становясь сильнее. Он часто видел ее во сне и представлял себе, что сейчас она должна выглядеть в точности как эта молодая женщина, стоящая сейчас перед ним.

В годы взлета своей карьеры Брат Зубастый занимался кошмарным бизнесом: он покупал детей-калек у торговцев людьми и заставлял их работать в городе нищими попрошайками. В то время люди еще отчасти сохранили чувство сострадания, и эти дети приносили довольно хорошую прибыль, они сыграли немалую роль в накоплении исходного капитала Брата Зубастого.

Однажды Гладкоствольный сопровождал Брата Зубастого, когда тот забирал новую группу детей у торговца. Когда они приехали на старый склад, то обнаружили там ожидающих их пятерых ребятишек. Четверо из них были калекками от рождения, но одна маленькая девочка оказалась совершенно здоровой. Шестилетняя Сладкий Горошек была очаровательной девочкой. Она резко отличалась от остальных детей, ее большие, широко распахнутые глаза были еще полны жизни. Сердце Гладкоствольного разрывалось, когда он вспоминал эти глаза и то, с каким любопытством эта малышка рассматривала все вокруг нее, совершенно не подозревая о той судьбе, которая ее ждет.

- Вот они, – сказал торговец, указывая на четырех детей-калек.
- Кажется, мы договаривались о пяти? – спросил Брат Зубастый.
- Вагон был набит битком. Один из них не выжил.
- А как насчет этой? – Брат Зубастый показал на девочку.
- Она не продается.

– Я хочу ее получить. За ту же цену, что и остальных. – Тон его голоса не допускал возражений.

– Но... она совершенно здорова. Как на ней заработаешь?

– Ты осел. Несколько последних штрихов, и все будет в порядке.

Произнося это, он снял с талии свою пилу и провел ею по тонкой щиколотке Сладкого Горошка, открыв зияющую рану на ноге девочки. Хлынула кровь, а девочка пронзительно завизжала.

– перевяжи ее и останови кровотечение, но не давай ей антибиотиков. Нужно, чтобы рана загноилась, – приказал Брат Зубастый Гладкоствольному.

И Гладкоствольный перевязал рану Сладкого Горошка, но кровь продолжала сочиться сквозь слои марли, а лицо малышки покрыла смертельная бледность. Он тайком принес ей несколько таблеток эритромицина и сульфаметоксазола, но это не помогло. Рана Сладкого Горошка нагноилась.

Через два дня Брат Зубастый отправил девочку на улицу просить милостыню. Эффект, который производили жалобное выражение ее лица и изуродованная ножка, сразу же превзошел ожидания Брата Зубастого. В самый первый день она заработала триста юаней, а в следующую неделю она приносила не меньше двух тысяч в день. В последний день ее пребывания на улице одна иностранная супружеская пара, всего один раз взглянув на нее, дала ей четыреста американских долларов. Несмотря на это, единственной наградой Сладкого Горошка была всего одна коробка испорченной еды в день. Дело было не только в скупости Брата Зубастого; ему надо было, чтобы она оставалась похожей на умирающего с голоду ребенка. Гладкоствольному удавалось только приносить ей объедки под покровом темноты.

Однажды вечером, когда Гладкоствольный пришел забрать девочку с тротуара, где она просила милостыню, малышка прошептала ему на ухо:

– Братец, моя нога больше не болит.

Казалось, это ее радует.

Не считая смерти матери, Гладкоствольный не мог вспомнить другого случая, когда он плакал. Ножка Сладкого Горошка не беспокоила ее потому, что на ней отмерли нервы. Все ее нога почернела, и в последние два дня у нее была высокая температура.

Гладкоствольный не мог больше выполнять приказы Брата Зубастого, и он отнес девочку в больницу. Врачи сообщили ему, что уже слишком поздно: у девочки заражение крови. Она умерла на следующую ночь, снедаемая лихорадкой.

С этого момента кровь Гладкоствольного стала холодной, и, как и предсказывал мистер К, она больше никогда не потеплела. Убивать других доставляло ему удовольствие, это стало для него сильнее любого наркотика. Он жил для того, чтобы крушить изящные сосуды из нефрита под названием «человеческие существа» и смотреть, как красная жидкость выплескивается из них и охлаждается до комнатной температуры. Только это одно было истиной – любое тепло в той жидкости было вечной загадкой.

Без осознанного намерения Гладкоствольный выжег четкое, будто созданное пикселями изображение раны на ножке Сладкого Горошка в своей памяти. Позднее это изображение появилось на простреленном животе Брата Зубастого, точная копия той первой раны.

* * *

Мусорщица встала, повесила на плечо свой огромный мешок и медленно повернулась, собираясь уйти. Не появление Гладкоствольного вызвало ее уход. Она не заметила, что он держит в руке, и даже представить себе не могла, что этот хорошо одетый мужчина может иметь к ней какое-то отношение. Просто ей пора было уходить. Корабль Старших братьев опустился за западный горизонт, а Гладкоствольный стоял неподвижно и смотрел, как фигура девушки исчезает в сумерках после померкшего голубого света.

Гладкоствольный вернул револьвер в кобуру. Потом достал свой сотовый телефон и набрал номер Чжу Ханьяна:

– Хочу с вами встретиться. Мне нужно вас кое о чем спросить.

– Завтра в девять часов на том же месте, – ответил Чжу Ханьян коротко и невозмутимо, как будто он ожидал звонка Гладкоствольного.

* * *

Войдя в Президентский зал, Гладкоствольный увидел, что там уже собрались все тринадцать членов постоянного комитета Совета по ликвидации общественного богатства, и они встретили его суровыми взглядами.

– Задавайте вопрос, который пришли задать, прошу вас, – произнес Чжу Ханьян.

– Почему вы хотите убить этих трех людей? – спросил Гладкоствольный.

– Вы нарушили этику своей профессии, – сухо заметил Чжу, отрезая кончик сигары элегантным резакон для сигар.

– Да, и это будет мне дорого стоить. Но мне необходимо знать причину, иначе я не смогу выполнить эту работу.

Чжу прикурил сигару от длинной спички и медленно наклонил голову.

– Мне невольно приходит в голову мысль, что вы только тогда беретесь за работу, когда мишенью являются богатые люди. В таком случае вы не настоящий профессиональный киллер, а просто бандит со склонностью к мелочной классовой мстительности, психопат, убивший сорок одного человека за три года, которого в этот самый момент безуспешно разыскивает полиция. Вы губите свою репутацию.

– Можете позвонить в полицию прямо сейчас, – хладнокровно ответил Гладкоствольный.

– Это задание затронуло какой-то момент из вашей личной жизни? – спросила Сю Сюепин.

Гладкоствольного невольно привела в восхищение ее пронизательность. Его молчание стало ответом на этот вопрос.

– Это была женщина?

Гладкоствольный опять не ответил. Этот разговор слишком далеко отклонился в сторону от темы.

– Ну, хорошо. – Чжу выдохнул клуб белого дыма. – Это важная задача, и мы не можем найти никого, кто лучше вас подходил бы для ее выполнения, за такой короткий срок. У нас нет выбора, придется принять ваши условия и сообщить вам причину, но знайте, что она превзойдет ваши самые смелые мечты. Мы, несколько самых богатых людей в нашем обществе, хотим убить трех его самых бедных и слабых членов, и это, на ваш взгляд, делает нас безумными,

отвратительными созданиями. Прежде чем мы объясним свою мотивацию, мы должны исправить это впечатление.

– Меня не интересуют проблемы света и тьмы.

– Но факты говорят об обратном. Пойдем с нами, прошу вас. – Отбросив свою только что раскуренную сигару, Чжу встал и вышел из комнаты.

Гладкоствольный вышел из отеля вместе с постоянным комитетом Совета по ликвидации общественного богатства в полном составе. Над их головами происходило нечто странное, и прохожие с тревогой поднимали глаза к небу. Там стремительно летел космический корабль Старших братьев по низкой орбите. В лучах восходящего солнца он был особенно хорошо виден на фоне утреннего неба. За кораблем оставался след из сверкающих серебряных звезд, который тянулся за ним от самого горизонта. Длина корабля существенно уменьшилась, и, по мере того как от него отделялась звезда за звездой, его корпус становился неровным, как сломанная палка. Из новостей Гладкоствольный знал, что огромный корабль Старших братьев в действительности состоит из тысяч более мелких судов. Теперь, по-видимому, он распадался на составляющие, из которых образовывалась армада судов.

– Прошу у всех внимания! – Чжу подозвал членов комитета. – Вы видите, что ситуация развивается, и времени, возможно, осталось мало. Необходимо увеличить темп наших усилий. Каждая команда должна немедленно отправиться к выделенному ей участку ликвидации и продолжить вчерашнюю работу.

Закончив речь, они с Сьюй Сюепин сели в грузовик и пригласили Гладкоствольного ехать с ними. Только тут Гладкоствольный заметил, что у отеля ожидают не привычные миллиардерам лимузины, а ряд грузовиков «Исузу».

– Чтобы мы могли перевезти больше груза, – объяснила Сьюй, увидев недоумение на лице Гладкоствольного. Тот посмотрел в кузов грузовика и увидел, что он заполнен аккуратными рядами одинаковых маленьких черных чемоданов. Эти чемоданы выглядели элегантно и дорого, и, на его взгляд, их было больше сотни.

Наемного шофера не было, Чжу сам вывел грузовик на главную дорогу. Вскоре он свернул на трехполосную аллею и снизил скорость. Гладкоствольный понял, что Чжу медленно едет рядом с каким-то

пешеходом, бродягой. Хотя в наше время бездомные не обязательно одевались в лохмотья, их всегда выдавали какие-то особенности внешности. Этот мужчина привязал себе пластиковый мешок к талии, и его содержимое на каждом шагу дребезжало.

Гладкоствольный понимал, что тайна исчезающих бездомных и мусорщиков вот-вот будет раскрыта, но он не верил, что Чжу и Сюй посмеют убить этого человека прямо здесь. Вероятнее всего, они сначала заманят свою цель в грузовик и разделаются с ним в другом месте. Учитывая их статус, им не было никакой необходимости пачкать руки подобной работой. Возможно, они хотят показать ему пример? Гладкоствольный не намеревался им мешать, но и, конечно, не стал бы им помогать. Этого его контракт не предусматривал.

Бродяга не замечал, что грузовик притормозил ради него, пока Сюй Сюепин не окликнула его.

– Привет! – сказала Сюй, опуская оконное стекло. Мужчина остановился, повернул голову и посмотрел на нее. На его лице было застывшее выражение наркомана, свойственное людям его класса.

– У тебя есть жилье? – улыбаясь, спросила Сюй.

– Летом я могу жить где угодно, – ответил мужчина.

– А зимой?

– Отдушины с горячим воздухом. Некоторые общественные туалеты тоже отапливаются.

– Как долго ты так живешь?

– Я и не помню. Приехал в город после того, как мне перестали платить за реквизированную землю, и с тех пор так и живу.

– Хочешь дом в городе с тремя спальнями? Свой собственный дом?

Бродяга смотрел на миллиардершу без всякого выражения. На его лице не отражалось ни намека на то, что он понял.

– Ты умеешь читать? – спросила Сюй. Когда мужчина кивнул, она указала на большой плакат на капоте грузовика. – Посмотри туда.

На плакате был нарисован поросший травой холм, усыпанный домиками кремового цвета, похожий на идиллический рай.

– Это объявление о коммерческом жилье.

Мужчина повернул голову к плакату, потом снова посмотрел на Сюй. Он совершенно не понимал, о чем она говорит.

– Ладно, теперь возьми чемодан из кузова.

Бродяга послушно подошел к заднему борту грузовика, взял чемодан и снова подошел к кабине. Указывая на чемодан, Сюй сказала ему:

– Внутри лежит миллион юаней. Используй пятьсот тысяч на покупку такого дома, как те, что нарисованы на плакате, а остальные потратишь на жизнь в комфорте. Конечно, если ты не сумеешь потратить эти деньги сам, можешь сделать то, что делаем мы, и отдать их тому, кто еще беднее.

Глаза бродяги быстро забегали из стороны в сторону, но на лице не появилось никакого выражения и он не бросил чемодан. Он понимал, что здесь должен быть какой-то подвох.

– Открой его и посмотри сам.

Бродяга грязной рукой стал дергать крышку. Он приоткрыл крышку на узкую щель, а потом снова захлопнул, маска апатии, примерзшая к его лицу, наконец исчезла. Казалось, он увидел привидение.

– У тебя есть удостоверение личности? – спросил Чжу Ханьян.

Мужчина автоматически кивнул, держа чемодан как можно дальше от себя, будто это бомба.

– Тогда открой счет в банке. Так будет удобнее.

– Что вы хотите, чтобы я сделал? – неуверенно спросил бродяга.

– Мы просто хотим, чтобы ты сделал нам небольшое одолжение: скоро придут инопланетяне. Если они спросят тебя, скажи им, что у тебя так много денег. Вот и все. Обещаешь нам это сделать?

Мужчина кивнул.

Сюй вышла из грузовика и низко поклонилась бродяге.

– Благодарю тебя.

– Спасибо, – прибавил Чжу из кабины.

Больше всего Гладкоствольного потрясло то, что их благодарность была *искренней*.

Они поехали дальше, и новоиспеченный миллионер пропал из виду в заднем окне. Проехав немного вперед по дороге, грузовик остановился на углу. Гладкоствольный заметил трех приезжих рабочих-поденщиков, сидящих на корточках на обочине в ожидании работы. Каждый из них держал в руках металлическую лопатку, на картонке, лежащей рядом на земле, было написано: «Дорожные

работы». Все трое подбежали к грузовику, как только он подъехал, и загалдели:

– У вас есть для нас работа, хозяин?

Чжу Ханьян покачал головой.

– Нет. Дела идут хорошо в последнее время?

– Никаких дел вообще. Сейчас все используют это новое термостойкое покрытие, в наших услугах больше не нуждаются.

– Откуда вы родом?

– Из Хенана.

Чжу задал им еще несколько вопросов:

– Вы из одной деревни? Она бедная? Сколько хозяйств?

– Она расположена в горах, там живет около пятидесяти семей. Все бедняки. Дождей не бывает. Хозяин, вы не поверите, нам приходится поливать каждое растение, по одному, из лейки.

– Не стоит тратить время на сельский труд. У вас есть счета в банке?

Все трое отрицательно покачали головами.

– Тогда вам придется взять наличные. Они тяжелые, но я все равно попрошу вас потрудиться и взять из кузова дюжину чемоданов.

– Дюжину? – Они задали только один этот вопрос, потом достали из кузова чемоданы и сложили их на тротуаре. Они не стали медлить и обдумывать указания Чжу – работа есть работа.

– Это не важно, берите столько, сколько захотите.

Вскоре пятнадцать чемоданов лежали на земле. Указывая на груды чемоданов, Чжу сказал им:

– В каждом лежит один миллион юаней – всего пятнадцать миллионов. Поезжайте домой и поделитесь деньгами со всей деревней.

Один из мужчин рассмеялся при этих словах, будто Чжу отпустил шутку.

Его спутник присел и открыл один чемодан. Работники уставились на его содержимое с тем же ошеломленным выражением, какое было у бродяги.

– Чемоданы тяжелые, поэтому вам придется нанять машину, чтобы вернуться в Хенан. Лучше всего купите машину, если кто-то из вас умеет водить. Так будет удобнее, – посоветовала Сюй Сюепин.

Трое рабочих уставились на двух людей перед собой, не зная, они ангелы или дьяволы. Один из мужчин механически задал тот же

вопрос, что и бродяга до него:

– Чего вы от нас хотите?

Ответ был такой же:

– Мы просто хотим, чтобы вы сделали нам маленькое одолжение: к вам придут инопланетяне. Если они вас спросят, скажите им, что у вас так много денег. Вот и все. Вы обещаете это сделать?

Трое мужчин кивнули в знак согласия.

– Благодарю вас.

– Спасибо. – Оба плутократа поклонились с искренней благодарностью и уехали, оставив трех ошеломленных работников рядом с грудой чемоданов.

– Должно быть, вы гадаете, не оставят ли они эти деньги себе, – сказал Чжу Гладкоствольному, все еще не отрывая глаз от руля. – Возможно, сначала оставят, но вскоре поделятся своим богатством с менее удачливыми, точно так же, как и мы.

Гладкоствольный хранил молчание. Столкнувшись с таким абсурдом, он считал, что лучше всего совсем ничего не говорить. Интуиция подсказывала ему, что тот мир, который он знал, вот-вот кардинально изменится.

– Остановите машину! – крикнула Сюй. Она окликнула маленького, грязного ребенка, роющегося в мусорном баке в поисках жестяных банок и бутылок из-под колы.

– Малыш, подойди сюда! – Оборвыш подбежал к грузовику, волоча за собой наполовину полный мешок с банками и бутылками, будто боялся потерять его. – Возьми из кузова чемодан. – Мальчик повиновался. – Загляни внутрь. – Мальчик открыл чемодан и посмотрел в него. Он удивился, но не был так поражен, как раньше четверо взрослых. – Что это? – спросила у него Сюй.

– Деньги, – ответил мальчик, поднял голову и посмотрел на нее.

– Один миллион юаней. Отнеси их домой и отдай своим родителям.

– Значит, это правда? – Мальчик заморгал, повернул голову и посмотрел на чемоданы, все еще лежащие высокими стопками в кузове.

– Что ты имеешь в виду?

– Я слышал, что какие-то люди раздают деньги по всему городу.

«Будто выбрасывают бумажный мусор», – подумал Гладкоствольный.

– Ты должен кое-что пообещать, прежде чем их забрать. К вам явятся инопланетяне. Если они тебя спросят, ты должен им сказать, что у тебя много денег – именно столько денег, сколько в чемодане, хорошо? Это все, чего мы хотим. Ты это сделаешь?

– Да!

– Тогда бери свои деньги и иди домой, мальчик. Больше никто никогда не будет бедным, – сказал Чжу, заводя мотор.

– И богатым тоже никто больше не будет, – прибавила Сюй с мрачным выражением на лице.

– Возьмите себя в руки. Ситуация плохая, но наш долг не позволить ей стать еще хуже, – сказал Чжу.

– Вы и правда думаете, что в этой нашей маленькой игре есть смысл?

Чжу нажал на тормоз и резко остановил грузовик. Энергично размахивая руками над рулем, он закричал:

– Да, *конечно*, есть смысл! Или вы хотите прожить остаток жизни, как эти люди? Голодной и бездомной?

– Мне уже даже не хочется жить дальше.

– Ваше чувство долга вас поддержит. В эти мрачные дни это единственное, что меня заставляет жить. Наше богатство требует, чтобы мы посвятили себя этой миссии.

– Наше богатство – какое оно? – взвизгнула Сюй. – Мы никогда не воровали, никогда не мошенничали, каждый заработанный нами юань был *чистым*. Наше богатство двигало общество вперед. Общество должно нас благодарить!

– Попробуйте объяснить это Страшим братьям, – ответил Чжу, выходя из грузовика. Он поднял голову к небу и тяжело вздохнул.

– Теперь вы видите, что мы не психопаты-убийцы, ополчившиеся на бедняков? – Этот вопрос был адресован Гладкоствольному, который вышел из машины вслед за ним. – Нет, напротив, мы раздаем наше состояние самым бедным людям, как вы только что видели. В этом городе и во многих других, в самых бедных регионах нашей страны, служащие наших компаний заняты тем же самым. Они используют все доступные ресурсы нашего конгломерата – миллиарды чеков,

кредитных карточек, сберегательных счетов, – полные грузовики наличных – чтобы покончить с нищетой.

В этот момент Гладкоствольный увидел на небе странную картину: полоса серебряных звезд теперь протянулась от одного горизонта до другого. Корабль-матка Старших братьев полностью распался, и тысячи меньших кораблей образовали сияющий ореол вокруг Земли.

– Земля окружена, – сказал Чжу. – Каждый из этих кораблей размером с авианосец, и оружие только на одном из них способно уничтожить всю планету.

– Прошлой ночью они уничтожили Австралию, – вставила Сюй.

– Уничтожили? В каком смысле – уничтожили? – спросил Гладкоствольный, задрав голову к небу.

– Они прошли лучом лазера по австралийскому континенту из космоса. Он пронзил здания и бункеры, и все люди и крупные млекопитающие погибли в течение часа. Однако насекомые и растения не пострадали, а фарфор в витринах магазинов не получил ни царапины.

Гладкоствольный на секунду бросил взгляд на Сюй, а потом опять стал смотреть на небо. Он лучше многих других мог понять такой вид террора.

– Это была демонстрация силы. Они выбрали Австралию потому, что она была первой страной, которая отвергла «план резервации», – прибавил Чжу.

– Что это за план? – спросил Гладкоствольный.

– Позвольте мне начать с самого начала, – начал рассказ Чжу. – Старшие братья прилетели в нашу Солнечную систему как беженцы, которые не смогли выжить на Первой Земле. «Мы потеряли нашу родину» – такими были их первые слова. Они не рассказывали о причинах. Они хотели оккупировать нашу Землю, Четвертую Землю, и использовать ее в качестве новой среды обитания. Что касается обитателей этой Земли, то их переселят в «резервацию» для людей в бывшей Австралии. Все остальные территории будут принадлежать Старшим братьям... Сегодня об этом объявят в вечерних новостях.

– Австралия? Это большой обломок скалы посреди океана. – Гладкоствольный на мгновение задумался. – Собственно говоря, он действительно для этого годится. Австралийская глубинка

представляет собой сплошную пустыню: если они втиснут пять миллиардов человек на этот остров, не пройдет и недели, как там начнется голод.

– Все не так мрачно. Сельского хозяйства и промышленности человечества в резервации не будет. Не будет необходимости заниматься производством для выживания.

– А как они будут жить?

– Старшие братья о нас позаботятся, они будут обеспечивать жизнь человечества. В будущем все, что потребуется людям для выживания, будут поставлять Старшие братья и равномерно распределять среди нас. Каждый человек получит одинаковое количество благ. В будущем имущественного неравенства не будет в человеческом обществе.

– Но как они определяют, сколько выделить каждому человеку?

– Ты понял главную существующую проблему, – ответил Чжу. – По плану резервации Старшие братья проведут всеобщую перепись человеческого населения с целью установить абсолютный минимальный жизненный стандарт, который способен выдержать человек. Затем, в соответствии с результатами, Старшие братья выделяют жизненные ресурсы.

Гладкоствольный опустил голову и на мгновение задумался, а потом внезапно рассмеялся.

– Мне кажется, я понял. По крайней мере, я теперь вижу всю картину.

– Вы понимаете, какая беда сейчас грозит человечеству?

– Собственно говоря, план Старших братьев для человечества очень хорош.

– Что? Вы считаете его хорошим? Вы... – Сюй брызнула слюной.

– Он прав, план хороший, – спокойно перебил ее Чжу. – Если не будет пропасти между бедными и богатыми, не будет разницы между самым высоким и самым низким уровнями жизни, тогда резервация станет раем на Земле.

– Но сейчас...

– Сейчас мы должны просто сделать вот что: прежде, чем Старшие братья проведут свою перепись, мы должны быстро уничтожить большое неравенство между богатыми и бедными.

– Так это и есть «ликвидация богатства в обществе»? – спросил Гладкоствольный.

– Вот именно. В настоящее время богатство в обществе приобрело застывшую, постоянную форму. У него есть свои взлеты и падения, подобно высотным зданиям на этой улице или горам, возвышающимся над равниной. Но если размыть его границы, оно станет похожим на гладкую поверхность океана.

– Но то, что вы сейчас делаете, породит только хаос.

– Это правда, – кивнул Чжу. – Мы просто делаем жест доброй воли за счет обеспеченных людей. Настоящая ликвидация богатства вскоре начнется под объединенным руководством национальных правительств и ООН. Вот-вот стартует широкая кампания по уничтожению бедности. Богатые страны вольют капиталы в развивающиеся страны, богатые люди осыпят бедных деньгами – и все это будет сделано с полной искренностью.

Гладкоствольный цинично рассмеялся:

– Возможно, это может оказаться не таким простым делом.

– Что ты хочешь этим сказать, ублюдок? – процедила Сюй сквозь сжатые зубы. Она ткнула пальцем в нос Гладкоствольного, но Чжу мгновенно остановил ее.

– Он умный парень. Он все понял, – произнес Чжу, кивая в сторону Гладкоствольного.

– Да, я все понял. Есть бедные люди, которым не нужны ваши деньги.

Сюй злобно уставилась на Гладкоствольного, потом опустила голову и замолчала. Чжу кивнул.

– Правильно. Есть те, кому не нужны деньги. Можете себе представить? Рыться в помойках в поисках объедков, но отказываться от предложенного миллиона юаней? Да, вы попали в самую точку.

– Но такие люди наверняка составляют незначительное меньшинство, – возразил Гладкоствольный.

– Конечно, но даже если таких всего по одному на сто тысяч бедняков, их сочтут отдельным социальным классом. В соответствии с передовыми методами опроса их уровень жизни определяют как минимальный стандарт жизни человечества, а он, в свою очередь, будет принят в качестве критерия выделения ресурсов Старших братьев для резервации! Понимаете? Всего одна тысячная процента!

– Какой процент населения они составляют в настоящее время?

– Примерно один из тысячи.

– Извращенцы, жалкие предатели! – громко выругалась Сюй, обращаясь к небу.

– Поэтому вы заключили со мной контракт на их убийство. – В данный момент Гладкоствольному не захотелось использовать профессиональный жаргон.

Чжу кивнул.

Гладкоствольный уставился на Чжу со странным выражением, потом запрокинул голову и разразился хохотом.

– Я убиваю ради блага человечества!

– Вы облагодетельствуете человечество. Вы спасаете человеческую цивилизацию.

– Собственно говоря, – размышлял Гладкоствольный, – угроза смерти позволила бы достичь той же цели.

– Нет никакой гарантии! – Сюй наклонилась к Гладкоствольному и тихо прошептала: – Мы имеем дело с лунатиками, полными классовой ненависти. Даже если они возьмут деньги, то все равно поклянутся перед Старшими братьями, что у них нет ни гроша. Нам придется стереть их с лица планеты, и как можно скорее.

– Я понимаю, – кивнул Гладкоствольный.

– И какой теперь у вас план? Мы объяснили вам наши мотивы, как вы просили. Конечно, деньги скоро потеряют смысл, а вам наверняка плевать на помощь человечеству.

– Деньги для меня всегда не слишком много значили, и я никогда не задумывался о втором мотиве... Но я выполню контракт – сегодня же до полуночи. Подготовьте, пожалуйста, то, что вам нужно, чтобы проверить его выполнение. – Сказав это, Гладкоствольный вышел из грузовика и двинулся прочь.

– У меня есть один вопрос, – крикнул Чжу вслед уходящему Гладкоствольному. – Возможно, задавать его невежливо, поэтому вы не обязаны отвечать. Если бы вы были бедным, вы бы отказались от наших денег?

– Я не беден, – ответил Гладкоствольный, не оглядываясь. Он сделал еще несколько шагов, остановился и обернулся. И уставился на парочку взором ястреба. – Если бы был... тогда да, я бы их не взял. – И он зашагал прочь.

* * *

– Почему вы отказались от их денег? – спросил Гладкоствольный у своей первой цели. Он в последний раз видел этого бездомного на Блоссом-Плаза; теперь они стояли в рощице соседнего парка. Два вида лучей света просачивались сквозь листву. Первый, призрачный голубой свет, шел от круга кораблей Старших братьев, он отбрасывал на землю пятна теней. Второй вид был ярким калейдоскопом света самого города, она метался туда-сюда, падая косыми лучами сквозь деревья, словно в ужасе бежал от голубого сияния.

Бродяга заржал.

– Они меня умоляли. Все эти богатые люди меня умоляли! Одна женщина даже заплакала! Если бы я взял у них деньги, они бы перестали обращать на меня внимание, а это так приятно и непривычно, когда тебя умоляют.

Бродяга был предприимчивым вором. Он с первого взгляда увидел, что человек, который позвал его в рощу, держит что-то под курткой, но ему было любопытно узнать, что это такое. Он увидел внезапную вспышку под курткой этого человека, будто какое-то странное существо подмигнуло ему изнутри, и он провалился в бесконечную темноту.

Объект был обработан и охлажден почти мгновенно. Быстро вращающаяся пуля срезала большую часть его черепа надо лбом. Выстрел заглушили многочисленные слои одежды. Никто ничего не заметил.

* * *

Вернувшись на свалку, Гладкоствольный обнаружил, что там осталась только его следующая мишень – другие мусорщики, очевидно, взяли свое новое богатство и ушли.

Под голубым светом звездных кораблей Гладкоствольный упорно прокладывал дорогу через теплую, пружинистую грудку отбросов, прямо к цели. Он заранее раз сто напомнил себе, что она не Сладкий Горошек, и ему не надо было повторять снова это предостережение. Его кровь стала холодной, и ее не согреть пригоршней юношеских

воспоминаний. Девушка-стервятница даже не заметила его появления, когда Гладкоствольный выстрелил из револьвера. Не было необходимости глушить выстрел на свалке. Не заглушенная курткой, он отчетливо прозвенел, а вспышка осветила окружающий мусор подобно вспышке маленькой молнии. Дальность дала пуле возможность пропеть свою песнь, пока она летела по воздуху, эта песнь была похожа на завывание привидения.

Этот объект тоже был обработан и охлажден быстро. В один миг пуля разорвала на части сердце девушки, как вращающийся диск циркулярной пилы. Она умерла, не успев коснуться земли. Ее тело быстро поглотила свалка, а кровь, которая могла бы свидетельствовать о ее недавнем существовании, быстро впиталась в отбросы.

Внезапно Гладкоствольный ощутил за своей спиной чье-то присутствие. Он резко обернулся и увидел бродячего художника. Длинные волосы мужчины, развевающиеся на вечернем ветерке, напоминали языки огня при свете звездного круга.

– Они заставили вас ее убить? – спросил художник.

– Просто выполняю контракт. Вы ее знали?

– Да, она часто приходила взглянуть на мои картины. Она не умела как следует читать, но понимала картины. Они ей нравились, как и вам.

– Мне заказали убить и вас тоже.

Художник опустил голову, спокойно подтверждая его слова. На его лице не было ни намека на страх.

– Я так и думал.

– Из чистого любопытства: почему вы отказались от денег?

– Мои картины изображают нищету и смерть. Если бы я стал миллионером за одну ночь, мое искусство погибло бы.

Гладкоствольный кивнул.

– Ваше искусство будет жить. Мне действительно нравятся ваши картины. – Он поднял револьвер.

– Погодите секунду. Вы сказали, что выполняете контракт. Могу я тоже подписать с вами контракт?

Гладкоствольный снова кивнул.

– Конечно.

– Моя смерть не имеет значения, но я хочу, чтобы вы отомстили за нее. – Художник показал рукой туда, где среди отбросов лежала

мусорщица.

– Позвольте мне перефразировать вашу просьбу на языке моей профессии: вы хотите заключить со мной контракт на обработку тех объектов, которые заключили со мной контракт на обработку вас и этого другого объекта.

Художник ответил кивком головы.

– Именно так.

Гладкоствольный мрачно согласился:

– Никаких проблем.

– У меня нет денег.

Гладкоствольный рассмеялся:

– Вы продали мне ту картину чересчур дешево. Она уже оплатила эту работу.

– Тогда спасибо.

– Не за что. Я просто выполняю контракт.

Из дула Курносого еще раз вылетел смертоносный огонь. Пуля, вращаясь, пронеслась по воздуху и попала художнику в сердце. Кровь брызнула из его груди и спины, пока он падал, и капли крови усеяли землю подобно горячему, красному дождю.

– В этом не было необходимости.

Голос раздался за спиной у Гладкоствольного. Он опять резко повернулся и увидел мужчину, стоящего посреди свалки. Он был одет в кожаную крутку, почти точно такую, как на Гладкоствольном, и на вид был молод, но ничем другим не примечателен. Голубой свет от звездного круга блестел в его глазах.

Гладкоствольный опустил свой револьвер и отвел дуло в сторону от незнакомца, но легонько взвел курок. Теперь Курносый был готов выстрелить от малейшего прикосновения к спусковому крючку.

– Полицейский? – небрежно спросил Гладкоствольный.

Незнакомец покачал головой.

– Тогда идите и позовите их.

Мужчина не двинулся с места.

– Я не стану стрелять вам в спину, я обрабатываю только тот объект, который указан в моем контракте.

– В данный момент мы не должны вмешиваться в дела людей, – ровным голосом ответил незнакомец.

Его слова поразили Гладкоствольного, как удар молнии. Пальцы, держащие револьвер, ослабели, и курок револьвера вернулся на место. Он пристально посмотрел на незнакомца. При свете звездных кораблей тот выглядел совершенно обычным человеком.

– Значит, вы... уже высадились на Землю? – спросил Гладкоствольный с необычной для него дрожью в голосе.

– Мы высадились уже довольно давно.

Стоя на горе из мусора где-то на Четвертой Земле, два индивида с разных планет долго молчали. Плотный, теплый воздух неожиданно показался Гладкоствольному душным. Ему хотелось сказать что-нибудь, что угодно, и события нескольких последних дней подсказали вопрос:

– Там, откуда вы прилетели, есть бедные и богатые?

Первый землянин улыбнулся и ответил:

– Конечно. Я – бедный. – Он показал рукой на звездный круг над ними. – Как и они.

– Сколько там людей?

– Если вы имеете в виду тех, кто сейчас на этих кораблях, – больше пятисот тысяч. Но мы всего лишь авангард. Еще десять тысяч кораблей прилетит через несколько лет, с миллиардом человек на борту.

– Миллиард? – изумился Гладкоствольный. – Они... все они не могут быть бедными, правда?

– Все до единого, – подтвердил инопланетянин.

– Сколько людей на Первой Земле?

– Два миллиарда.

– Как такое количество людей на одной планете может быть бедным?

– Как такое количество людей на одной планете может НЕ быть бедным? – парировал инопланетянин.

– Я бы подумал, – ответил Гладкоствольный, – что слишком большое количество бедных дестабилизирует планету, а это создает трудности также для среднего и высшего классов.

– На данной стадии развития Четвертой Земли так и есть.

– Но это не всегда будет так?

Первый землянин опустил голову и задумался над этим, затем ответил:

– Почему бы мне не рассказать вам историю о богатых и бедных Первой Земли?

– Я бы с удовольствием ее послушал. – Гладкоствольный сунул Курносого обратно в наплечную кобуру.

– Наши две цивилизации поразительно похожи, – начал инопланетянин. – Мы раньше прошли по тем дорогам, которыми вы идете сейчас, и мы тоже пережили эпоху, похожую на вашу нынешнюю. Несмотря на то что богатство распределилось неравномерно, наше общество нашло определенное равновесие. Величина населения, и богатого, и бедного, поддавалась регулированию, и все были убеждены, что неравенство обеспеченности исчезнет по мере развития общества. Большинство людей ожидало в будущем наступления века идеального процветания и великой гармонии. Но мы вскоре обнаружили, что все гораздо сложнее, чем мы себе представляли, и то равновесие, которого мы добились, вскоре было уничтожено.

– Чем уничтожено?

– Образованием. Вы знаете, что в нынешний век на Четвертой Земле образование является единственным средством добиться влияния в обществе. Если общество – это океан, разделенный на слои с разной температурой и соленостью, тогда образование – это труба, соединяющая дно океана с поверхностью и предотвращающая полную изоляцию каждого слоя.

– Значит, вы говорите, что все больше бедных людей могло позволить себе посещать университет?

– Да. Стоимость высшего образования все росла, пока не стала привилегией, доступной сыновьям и дочерям элиты общества. Однако стоимость традиционного образования все же имела пределы, пусть даже это были лишь незрелые рыночные соображения, поэтому, хотя труба стала тонкой как паутинка, она полностью не исчезла. Но наступил день, когда появление совершенно новой технологии изменило образование.

Гладкоствольный рискнул высказать догадку:

– Вы имеете в виду способность передавать знания непосредственно в мозг?

– Да, но прямое впрыскивание в мозг знаний было только частью этой технологии. Мозг человека можно имплантировать в

суперкомпьютер такой мощности, которая далеко превосходит сам мозг; каталогизированные знания импланта компьютер мог вызвать в виде четких воспоминаний. Но это было лишь одной из второстепенных функций компьютера, – продолжал инопланетянин. – Он стал усилителем ума, усилителем понимания и мог поднимать человеческую мысль на совершенно новый уровень. Внезапно знание, ум, глубина мысли – даже совершенство ума, характера и эстетических суждений – стали товаром, который можно купить.

– Должно быть, они дорого стоили, – заметил Гладкоствольный.

– Невероятно дорого. Если выразить это в ваших нынешних денежных единицах, стоимость такого высшего образования одного человека была равна цене двух-трех квартир площадью сто пятьдесят квадратных метров в одном из лучших районов Шанхая или Пекина.

– Даже если оно стоило так дорого, все равно нашлось бы несколько человек, способных себе его позволить.

– Да, – признал Первый землянин, – но они составляли крохотный сегмент высшего класса. Трубопровод со дна общества до самого верха был полностью перерезан. Люди, получившие столь превосходное образование, были гораздо умнее, чем те, кто его не получил. Когнитивные различия между этими образованными элитами и обычными людьми были так же велики, как различия между людьми и собаками, и эти различия проявлялись во всех аспектах жизни людей, даже в художественной восприимчивости, например. Такая суперинтеллигенция сформировала новую культуру, культуру столь же непонятную остальному человечеству, как симфония непонятна собаке. Они могли усвоить сотни языков и в любом конкретном случае использовать именно тот язык, который требовал этикет. С точки зрения этих суперинтеллектов, беседа с обычными людьми напоминала сюсюканье со щенками. И поэтому кое-что произошло, вы умный, вы должны догадаться.

Гладкоствольный заколебался:

– Богатые и бедные люди уже не были одними и теми же... одним и тем же...

– Богатые и бедные больше не принадлежали к одному и тому же виду. Богачи так отличались от бедняков, как бедняки от собак. Бедняки перестали быть людьми.

Гладкоствольный ахнул:

– Это должно было все изменить.

– Это изменило многое. Во-первых, упомянутые вами факторы, которые поддерживали равновесие богатства и ограничивали количество бедного населения, прекратили существование. Даже если бы численность собак превзошла численность людей, они не смогли бы дестабилизировать основы человеческого общества. В самом крайнем случае такое нарушение было бы досадным, но не угрожающим.

Инопланетянин нахмурился.

– Хотя преднамеренное убийство собаки могло стать преступлением, заслуживающим наказания, его нельзя сравнить с убийством человека. Когда здоровью и безопасности людей угрожает бешенство, считается приемлемым убивать всех собак. Сочувствие к бедным людям держалось на одной общей характеристике – они личности. Когда бедные перестали быть людьми и все общее между богатыми и бедными исчезло, исчезло и сочувствие. Это была вторая эволюция человечества. Когда мы впервые отделились от обезьян, это произошло в результате естественного отбора. Когда мы отделились от бедных, это произошло в результате не менее священного закона: незыблемости частной собственности.

– Собственность священна и в нашем мире тоже.

– На Первой Земле ее поддерживала так называемая Социальная машина, – объяснил инопланетянин. – Социальная машина была мощной системой принуждения, и ее стражей можно было найти в каждом уголке планеты. Некоторые из этих существ были размером не больше москитов, но они могли убить сотни людей одним ударом. Они руководствовались не Тремя законами, предложенными вашим Азимовым, а основным принципом конституции Первой Земли: частная собственность должна быть неприкосновенна. Но было бы неточным сказать, что они поддерживали автократию. Они служили закону с абсолютной беспристрастностью и не отдавали предпочтения богатым. Если подвергалась угрозе жалкая собственность какого-нибудь бедняка, они защищали ее в строгом соответствии с конституцией.

Под могучей защитой Социальной машины богатство Первой Земли неумолимо перетекало в карманы элитарного меньшинства. Положение усугубляло то, что развитие технологии уничтожило

зависимость имущих классов от неимущих. На вашей планете богатые все еще нуждаются в бедных, потому что заводам все еще нужны рабочие. На Первой Земле машины больше не нуждались в людях-операторах, а высокоэффективные роботы способны выполнять любую нужную задачу. Бедные даже не могли продать свой труд, и в результате они впали в полную нищету. Это преобразило экономическую реальность Первой Земли, богатства с огромной скоростью концентрировались в руках немногих.

Я бы не смог объяснить вам чрезвычайно сложный процесс концентрации богатств, – продолжал инопланетянин, – но, по существу, это напоминает движение капитала на вашей планете. Во время жизни моего прадеда шестьдесят процентов богатств на Первой Земле контролировали десять миллионов человек. В период жизни моего деда восемьдесят процентов богатств контролировали десять тысяч человек. В период жизни моего отца девяносто процентов богатств принадлежали всего сорока двум индивидам. Когда я родился, капитализм на Первой Земле достиг своей вершины и сотворил невероятное чудо: девяносто девять процентов богатств планеты принадлежали одному человеку! Этого человека называли «Последним капиталистом».

Несмотря на то что еще существовали диспропорции в уровнях жизни остальных двух миллиардов, они в целом контролировали всего один процент мирового богатства. То есть Первая Земля стала планетой, где жили один богатый человек и два миллиарда обнищавших людей. Все это время конституционная неприкосновенность частной собственности оставалась законом, и Социальная машина преданно исполняла свой долг по защите собственности одного индивида.

Хотите знать, чем владел Последний капиталист? – Инопланетянин повысил голос. – Он владел Первой Землей! Все континенты и океан на планете стали его гостиными и личными садами. Даже атмосфера Первой Земли была его частной собственностью.

Остальные два миллиарда индивидов жили в полностью закрытых жилых помещениях, миниатюрных, автономных домах с собственной системой жизнеобеспечения. Они жили, замкнувшись в своих крохотных мирах, их жизнь поддерживали собственные системы

подачи воды, воздуха, почвы и других ресурсов. Единственным ресурсом, не принадлежавшим Последнему капиталисту, и единственное, что они могли законно брать из внешнего мира, был солнечный свет.

Мой дом стоял рядом с маленькой речкой, окаймленной зеленой травой. Луга простирались до речного русла и дальше, уходя до самых изумрудных подножий гор вдаль. Изнутри мы слышали пение птиц и плеск рыбы в воде и видели стада оленей, неторопливо пасущихся на берегах речки, но больше всего меня завораживал вид травы, колышущейся под ветром.

Но все это принадлежало не нам. Моя семья была полностью отрезана от внешнего мира, и мы могли только смотреть в воздухонепроницаемые иллюминаторы, которые никогда нельзя было открывать. Чтобы выйти наружу, необходимо было пройти через воздушный шлюз, как будто мы выходили из космического корабля в открытый космос. По правде говоря, наш дом был очень похож на космический корабль – разница заключалась в том, что враждебное окружение было внутри! Мы могли дышать только омерзительным воздухом, который выдавала наша система жизнеобеспечения, могли пить только ту воду, которая уже миллион раз подвергалась очистке, могли давиться только едой, произведенной из наших собственных экскрементов. И все это время лишь одна стена отделяла нас от огромного, щедрого мира природы. Когда мы выходили наружу, мы одевались как астронавты и брали с собой свою собственную еду и воду. Мы даже брали с собой свои кислородные баллоны, потому что воздух, в конце концов, принадлежал не нам, а Последнему капиталисту.

Конечно, иногда мы могли позволить себе шикануть. В праздники или в день свадьбы мы покидали свой тесный домик и наслаждались роскошью открытого пространства. Тот первый глоток естественного воздуха нас буквально опьянял. Он был слегка сладким – таким сладким, что заставлял заплакать. Но это было не бесплатно. Перед выходом из дома мы должны были проглотить счетчики воздуха размером с пилюлю, которые точно измеряли, сколько воздуха мы потребляем. За каждый наш вдох с нашего банковского счета снималась плата. Для большинства бедняков это была роскошь, которую они могли себе позволить раз или два раза в год. Мы не смели

расходовать силы, пока находились вне дома. В основном просто сидели и контролировали дыхание. Перед возвращением домой мы должны были тщательно чистить подошвы туфель, потому что почва вокруг дома принадлежала не нам.

Житель Первой Земли на несколько секунд умолк.

– Я вам расскажу, как умерла моя мать, – медленно произнес он. – Чтобы снизить расходы, она три года не покидала дома. Даже по праздникам не выходила из него. В ту ночь, когда это произошло, она ухитрилась проскользнуть через двери воздушного шлюза во сне. Наверное, давно уже мечтала о природе. Когда ее обнаружил Страж порядка, она уже забрела довольно далеко. Он увидел, что она не проглотила измеритель воздуха, и поэтому приволок ее обратно в дом, сжав шею металлическим когтем. Он вовсе не намеревался задушить ее, перекрыв ей дыхание, он всего лишь хотел защитить неотъемлемое право другого гражданина на его частную собственность – воздух. К моменту возвращения домой она была уже мертва. Страж бросил ее тело и сообщил нам, что она совершила правонарушение. Нас оштрафовали, но нам нечем было заплатить, поэтому труп матери конфисковали вместо штрафа. Вам следует знать, что труп – это драгоценная вещь для каждой семьи – семьдесят процентов его веса составляет вода плюс несколько других ресурсов. Стоимость трупа матери, однако, не могла покрыть штраф, и Социальная машина откачала из дома некоторое количество воздуха, соответствующее остатку долга.

Запас воздуха в системе жизнеобеспечения нашей семьи уже был критически низким, так как у нас не было средств на его пополнение. Дополнительное уменьшение подачи воздуха ставило под угрозу само наше существование. Чтобы возместить потерю кислорода, система жизнеобеспечения была вынуждена сепарировать часть водных ресурсов посредством электролиза. К несчастью, эта операция вызвала резкое ухудшение работы всей системы. Главный управляющий компьютер подал сигнал тревоги: если мы не добавим в систему пятнадцать литров воды, она выйдет из строя ровно через тридцать часов. Красный свет аварийных сигналов наполнил каждую комнату.

Мы обдумывали возможность похитить воду из реки возле дома, но вскоре отказались от этого плана. Нам не удалось бы добраться до дома с этой водой, нас бы застрелили вездесущие Стражи. Мой отец

ненадолго задумался, а потом велел мне не беспокоиться и идти спать. Хотя я был в ужасе, нехватка кислорода постепенно подействовала, и я уснул. Не знаю, как много времени прошло, пока меня растолкал робот. Он вошел в дом из автомобиля для преобразования ресурсов, припаркованный у дома. Он показал на ведро кристально чистой воды и сказал мне:

– Это твой отец.

Автомобили для преобразования ресурсов были передвижными установками, которые превращали тела людей в ресурсы, которые могли использовать домашние системы жизнеобеспечения. Отец воспользовался этой службой, чтобы извлечь всю воду до последней капли из его собственного тела, хотя менее чем в ста метрах от нашего дома журчала та красивая речушка, освещенная лунным светом. Установка по преобразованию ресурсов также извлекла из его тела несколько других полезных для нашей системы жизнеобеспечения вещей: контейнер с жиром, бутылку таблеток кальция, даже кусочек железа, размером с монету.

Инопланетянин снова помолчал, стараясь взять себя в руки.

– Вода из тела отца спасла нашу систему жизнеобеспечения, и я выжил. Я рос день за днем, и вскоре прошло пять лет. Однажды осенним вечером, когда я смотрел на мир снаружи в иллюминатор, я неожиданно заметил человека, который бежал по берегу реки. Я был поражен, кто был настолько расточительным, что осмелился дышать вот так, на открытом пространстве? Приглядевшись, я понял, что это сам Последний капиталист!

Он перешел с бега на шаг, а потом сел на камень на берегу реки и опустил одну босую ногу в воду. Он выглядел, как подтянутый мужчина средних лет, но в действительности ему было больше двух тысяч лет. Генная инженерия гарантировала, что он проживет, по крайней мере, еще два тысячелетия, возможно, даже будет жить вечно. Но мне он показался вполне обычным человеком.

Два года спустя система жизнеобеспечения моего дома снова стала работать хуже. Такие маломасштабные экосистемы имели ограниченный срок службы. В конце концов вся система отказала. Когда содержание кислорода в воздухе упало, я проглотил измеритель воздуха и вышел из дома раньше, чем впал в кому. Как все остальные люди, у которых отказала система жизнеобеспечения, я стоически

принял свою судьбу: я использую для дыхания последние жалкие крохи на моем счету, а потом задохнусь, или меня застрелит Страж порядка.

Я увидел, что снаружи много других людей. Начались массовые отказы домашних систем жизнеобеспечения. Гигантский Страж порядка парил над нами и передавал последнее предупреждение:

«Граждане, вы вторглись в дом другого человека. Вы совершили вторжение на чужую территорию. Прошу вас немедленно удалиться! Иначе...»

Удалиться? Куда мы могли уйти? В наших домах не осталось воздуха для дыхания. Вместе с остальными я бежал по зеленой траве вдоль реки, и свежий, нежный весенний ветер обдувал мое бледное лицо, а я ожидал смерти от яркой вспышки...

Не знаю, как долго мы бежали, пока поняли, что мы уже давно израсходовали на дыхание последние сбережения, но Стражи пока ничего не предприняли. В этот момент голос Последнего капиталиста прогремел из огромного Стража, парящего в воздухе.

– Привет всем! Добро пожаловать в мой скромный дом! Я рад такому большому количеству гостей, и, надеюсь, вам понравилось у меня в саду. Тем не менее вам придется простить меня, но вас просто слишком много. С этого момента почти миллиард людей на всей планете покинули свои дома, так как их системы жизнеобеспечения сломались, и вошли в мой дом. Возможно, по пятам за ними идет еще один миллиард. Вы вторглись в пределы моей частной собственности и нарушили право на личную жизнь и жилье ваших сограждан. Социальная машина по закону имеет право действовать и лишить вас жизни, и, если бы я не отговорил ее от таких действий, вы бы все уже давно испарились в лучах лазеров Стражей порядка. Во всяком случае, я ее отговорил. Я джентльмен, получивший лучшее из доступных образований, и отношусь к гостям в своем доме с учтивостью и уважением. Но вы должны представить себе положение с моей точки зрения. Два миллиарда гостей – это немного слишком даже для самого заботливого хозяина, а я отношусь к тем, кто любит спокойное одиночество. Поэтому я должен попросить всех вас удалиться. Я признаю, конечно, что вам некуда удалиться на Земле, но я взял на

себя труд подготовить для вас флот из двадцати тысяч космических кораблей.

Каждый корабль имеет размер среднего города и способен лететь со скоростью одного процента от скорости света. Хотя корабли не оборудованы полным комплектом систем жизнеобеспечения, на их борту имеется достаточно криогенных установок, чтобы все два миллиарда человек могли спать в них в течение пятидесяти тысяч лет. Эта планета – единственная в нашей Солнечной системе, поэтому вам придется поискать новую родину среди звезд, но я уверен, что вы найдете такое место. Вселенная безгранична, так неужели необходимо тесниться в этом моем маленьком домике? У вас нет причины на меня обижаться. Я получил свой дом при помощи совершенно разумных и легитимных средств. Я начал свою карьеру менеджером маленькой компании по продаже товаров женской гигиены и до этого дня полагался только на свою собственную деловую хватку. Я законопослушный гражданин, поэтому Социальная машина защищала меня и будет продолжать защищать меня и мою законную собственность. Однако она не потерпит ваших правонарушений, поэтому я советую всем отправиться в путь как можно скорее.

Из уважения к нашему общему эволюционному происхождению я буду помнить вас, и, надеюсь, вы будете помнить меня. Берегите себя.

– Вот как мы прибыли на Четвертую Землю, – закончил рассказ житель Первой Земли. – Наше путешествие продолжалось тридцать тысяч лет. Мы потеряли почти половину нашего флота, бесконечно блуждая среди звезд. Некоторые исчезли в межзвездной пыли: некоторых поглотили черные дыры... Но десять тысяч кораблей уцелело, а один миллиард достиг этой планеты. И это история Первой Земли, история о двух миллиардах бедных людей и об одном богатом человеке.

– Если бы вы не вмешались, наша планета повторила бы вашу историю? – спросил Гладкоствольный после того, как житель Первой Земли закончил свое повествование.

– Не знаю. Может, да, а может, и нет. Путь цивилизации похож на судьбу отдельного человека – она переменчива, и предсказать ее невозможно. – Инопланетянин помолчал. – Я должен идти. Я всего лишь простой счетчик, участник переписи населения, и должен зарабатывать себе на жизнь.

- Мне тоже надо заняться делами, – ответил Гладкоствольный.
- Прощай, младший брат.
- Прощай, старший брат.

При свете кольца звезд два человека с разных планет расстались и пошли в разные стороны.

* * *

Когда Гладкоствольный вошел в Президентский зал, тринадцать членов постоянного комитета Совета по ликвидации общественного богатства повернулись к нему. Чжу Ханьян заговорил первым:

– Мы проверили вашу работу, вы хорошо справились. Вторая половина гонорара переведена на ваш счет, хотя вам недолго осталось им пользоваться. – Он помолчал. – Вам, наверное, еще кое-что известно: Счетчики переписи Старших братьев высадились на Землю. Наша работа теперь потеряла смысл, и у нас больше нет для вас заказов.

– Собственно говоря, я получил еще один заказ.

С этими словами Гладкоствольный одной рукой выхватил свой револьвер, а другую, со сжатым кулаком, вытянул вперед.

Бац, бац, бац, бац, бац, бац – семь блестящих пуль упало на стол перед ним.

Вместе с шестью пулями в Курносом их общее количество равнялось тринадцати.

Тринадцать лиц, сформировавшихся под грузом огромного богатства, одновременно исказились, шок и ужас отразились на их утонченных чертах. Затем на них снизошел покой. Может быть, они почувствовали облегчение.

Снаружи небо прорезали струи ливня из крупных метеоров. Их ослепительный свет проник сквозь плотные шторы и затмил свет хрустального канделябра, и земля сильно задрожала. Корабли с Первой Земли вошли в атмосферу.

– Вы уже поужинали? – спросила Сюй Сюепин у Гладкоствольного. Она указала на кучу лапши быстрого приготовления на столе. – Давайте сперва поедим.

Они водрузили большую серебряную чашу для пунша на три хрустальных пепельницы и налили в нее воды. Потом развели под ней костер из сотенных банкнот. Все по очереди подкладывали купюры в огонь, рассеянно глядя на желто-зеленые языки пламени, прыгающие подобно маленькому, веселому зверьку.

Когда огонь поглотил 1 миллиард 35 миллионов юаней, вода закипела.

Проклятье 5.0

Проклятье 1.0 родилось 8 декабря 2009 года.

Шел второй год финансового кризиса. Предполагали, что кризис закончится быстро; никто не ожидал, что это только начало. Общество погрузилось в трясину тревоги. Всем было необходимо выпустить пар, и люди направили свою энергию в поиски новых способов это сделать. Возможно, Проклятье было продуктом этого господствующего настроения.

Автором Проклятья была молодая женщина в возрасте от восемнадцати до двадцати восьми лет. Больше никакой информации о ней археологи будущего не смогли раскопать.

Мишенью Проклятья был молодой человек двадцати лет от роду. Его личные данные были хорошо задокументированы. Его звали Са Би^[9], и он учился на четвертом курсе в Тайюаньском технологическом университете. Ничего необычного не произошло между ним и той молодой женщиной, просто заурядная любовная история, которая случается между молодыми мужчинами и женщинами. Позже появились тысячи версий этой истории, и, возможно, одна из них была правдивой, но никто не мог узнать, что же в действительности произошло между этой парочкой. В любом случае, после того как их отношения закончились, молодая женщина испытывала лишь горькую ненависть к этому молодому человеку, и поэтому она написала Проклятье 1.0.

Молодая женщина была опытной программисткой, хотя и неизвестно, где и как она приобрела свое мастерство. В то время и в тот век, несмотря на быстрый рост числа «айтишников», количество людей, действительно мастерски владеющих системами программирования низкого уровня, не сильно возросло. Слишком много инструментов было доступно; программирование было слишком удобным. Не было необходимости с трудом прорываться сквозь одну кодовую строку за другой, подобно чернорабочему-кули, когда большинство их можно было генерировать напрямую при помощи существующих инструментов. Это было также справедливо для программ-вирусов, подобных тому, которую собиралась написать

молодая женщина. Многие инструменты хакеров делали создание вируса очень простым, можно было собрать его из нескольких готовых модулей или, что еще проще, можно было слегка модифицировать один модуль. Последняя крупная вирусная программа-червь, созданная перед Проклятьем, под названием «Панда, курящая марихуану», была создана именно так. Однако молодая женщина предпочла начать с чистого листа, без помощи каких-либо инструментов. Она написала свой собственный код, строку за строкой, как трудолюбивый ткач-крестьянин сплетает из хлопковых нитей ткань на примитивном станке. Когда представляешь себе, как она горбилась перед монитором, скрипя зубами и стуча по клавишам клавиатуры, на ум приходят строчки из стихотворения Генриха Гейне «Силезские ткачи»:

Германия, саван тебе мы ткём,
Тройное проклятье в него мы вплетем.
Ткём дальше, ткём дальше!

Проклятье 1.0 был самым широко распространенным компьютерным вирусом в истории. Его успех можно отнести за счет двух основных факторов. Во-первых, Проклятье не причиняло вреда зараженным компьютерам. Фактически у большинства вирусов не было разрушительных намерений; ущерб, который они наносили, являлся главным образом результатом некачественных механизмов распространения и применения. Проклятье было идеально сконструировано, чтобы избежать таких побочных эффектов. Его поведение было очень сдержанным, и большинство зараженных компьютеров не имели совсем никаких симптомов. Только определенная комбинация условий системы, присутствующая у примерно одного из десяти зараженных компьютеров, запускала вирус, и потом он проявлялся на данном компьютере только один раз. Вирус показывал на дисплее следующее оповещение о заражении компьютера: «Проклятье 1.0. Умри, Са Би!!!!!!!!!!!!!»

Если пользователь кликал окно уведомления, вирус выдавал еще сведения о Са Би, сообщая, что проклятый является студентом Тайюаньского технологического университета в провинции Шанси Китая. Он поступил на факультет XX, выбрал специальность XX,

ходил в группу XX и жил в общежитии XX, комната XX. Вирус был записан в программах ПЗУ, поэтому, если пользователь переустанавливал операционную систему, результат оставался тем же.

Вторым фактором, обеспечившим успех Проклятья 1.0, была его способность имитировать операционные системы. Эта особенность не была собственным изобретением молодой женщины, но она мастерски им пользовалась. Имитация систем требовала редактировать многие части собственного кода вируса, чтобы он соответствовал коду системы-хозяина, а затем воспроизводить поведение, аналогичное нормальным процессам системы. Когда антивирусные программы пытались его уничтожить, они рисковали повредить саму систему. В конце концов они просто сдавались напоподобие домохозяйки, которая не хочет запустить тапком в мышь, сидящую рядом с дорогим фарфором.

Фактически Райзинг, Нортон и другие разработчики противовирусных программ взяли Проклятье 1.0 на прицел, но быстро обнаружили, что, если будут бороться против него, навлекут на себя неприятности и последствия будут еще хуже, чем в 2007 году, когда антивирус Нортон по ошибке стер файлы операционной системы Windows XP. В сочетании с тем фактом, что Проклятье 1.0 не наносил реального ущерба и незначительно напрягал ресурсы системы, заставляли одного разработчика за другим удалять этот вирус из их базы данных.

В тот день, когда родился вирус Проклятье, писатель-фантаст Цисинь Лю приехал в Тайюань по своим делам в 264-й раз. Хотя это был город, который он ненавидел больше всего на свете, он всегда посещал маленький магазинчик в квартале красных фонарей, чтобы купить бутылочку бензина для своей старомодной зажигалки «Зиппо». Это была одна из очень немногих вещей, которые он не мог купить на «Таобао» или «еБэй». Снег выпал два дня назад и, как обычно, быстро превратился в почерневшую корку льда. Цисинь поскользнулся и упал, больно ударившись задом. Когда он приехал на железнодорожную станцию, боль заставила его забыть, что нужно переложить бутылочку с бензином из дорожной сумки в карман. В результате ее обнаружили во время проверки службы безопасности, конфисковали, а его оштрафовали на 200 юаней.

Он ненавидел этот город.

Вирус Проклятье 1.0 продолжал жить. Прошло пять лет, прошло десять лет, а он все еще спокойно размножался в быстро растущем виртуальном мире.

Тем временем финансовый кризис миновал и вернулось процветание.

По мере того как запасы нефти в мире постепенно истощились, доля угля в мировом энергетическом балансе быстро росла. Все это подземное черное золото привлекло поток денег в Шаньси, превратив прежде нищую провинцию в Восточно-азиатскую Аравию. Тайюань, столица провинции, естественно, стал новым Дубаем. Город приобрел характер угольного босса, который страшно боялся снова стать бедным. В те многообещающие дни в начале века его жители щеголяли в дизайнерских пиджаках и потрепанных штанах. Хотя безработные заполняли улицы города изо дня в день, строительство самого роскошного в Китае концертного зала и бани шло полным ходом.

Тайюань теперь пополнил ряды нуворишей, и город заливался истерическим смехом над собственной безумной расточительностью. Линия горизонта квартала Пудон в Шанхае бледнела по сравнению с колоссальными небоскребами, выросшими на авеню Инчжэ, и эта магистраль – уступающая в ширине только Второй авеню в Чан’ане^[10] – превратилась в глубокий каньон, куда не заглядывает солнце. И богатые, и бедные стекались в город со своими мечтами и желаниями, но тут же забывали, кто они и чего хотят, попадая в водоворот толпы, бурлящей на улицах 365 дней в году.

В тот день, во время своей 397-й поездки в Тайюань, Цисинь Лю отправился в квартал красных фонарей, чтобы купить еще одну бутылку бензина для зажигалки. Шагая по городским улицам, он внезапно увидел элегантного и красивого молодого человека с заметной белой прядью в длинных черных волосах. Это был Пань Дацзяо, который начинал как автор научной фантастики, переключился на фэнтези, а потом в конце концов обосновался где-то посередине. Привлеченный новообретенным процветанием города, Пань Дацзяо бросил Шанхай и перебрался в Тайюань. В то время Цисинь и Пань

стояли по разные стороны разделительной линии между мягкой и жесткой научной фантастикой. Их случайная встреча была приятным совпадением.

Уютно устроившись в ресторане, где подавали тоунао^[11], раскрасневшийся от выпивки Цисинь взволнованно рассказывал о своем следующем большом замысле. Он планировал написать десятитомную научно-фантастическую эпопею с тремя миллионами персонажей, где описываются две тысячи смертей двухсот цивилизаций во Вселенной, которую то и дело дочиста уничтожают вакуумные коллапсы. Она кончается тем, что вся известная вселенная проваливается в черную дыру, подобно воде, сливающейся в унитаз. Паня это увлекло, и он заговорил о возможности сотрудничества: разрабатывая одну и ту же концепцию, Цисинь напишет самую жесткую научно-фантастическую версию для мужчин, а Пань напишет самое мягкое фэнтези для читательниц.

Цисинь и Пань мгновенно загорелись этим проектом, сразу же бросили все повседневные дела и с энтузиазмом занялись творчеством.

* * *

Проклятью 1.0 исполнилось десять лет, и его последний день приближался.

После «Висты» у фирмы «Майкрософт» появилась настоятельная необходимость оправдать частые апгрейды своей операционной системы, которые на время продлевали жизнь Проклятью 1.0. Но операционные системы похожи на жен новоявленных миллиардеров: им неизбежно приходится делать апгрейды. Код Проклятья становился все менее и менее совместимым, он начал опускаться на дно Интернета. Но как раз тогда, когда он уже готов был исчезнуть, родилась новая область науки: АйТи-археология. Хотя здравый смысл подсказывал, что у Интернета, история которого насчитывала менее половины века, отсутствуют артефакты, достаточно древние, чтобы их изучать, нашлось довольно много ностальгирующих индивидов, которые посвятили себя этой области. АйТи-археология в основном занималась поиском разных реликтов, все еще живущих в закоулках и трещинах киберпространства, таких, как десятилетней давности веб-

страница, никогда не знавшая клика мыши, или электронная доска объявлений, не видевшая посетителей уже двадцать лет, но все еще позволяющая давать новые объявления. Из этих виртуальных артефактов антикварные вирусы пользовались наибольшей популярностью у АйТи-археологов. Открытие живого образца вируса, написанного больше десяти лет назад, было подобно обнаружению динозавра у озера Тяньчи.

Именно так был открыт вирус Проклятье 1.0. Тот, кто его нашел, апгрейдил весь код вируса для новой операционной системы, и таким образом обеспечил продолжение его жизни.

Обновленная версия называлась Проклятье 2.0. Женщину, создавшую Проклятье 1.0, называли «Прародительницей», а АйТи-археолог, который спас этот вирус, получил имя Апгрейдер.

* * *

В момент появления в Сети Проклятья 2.0 Цисинь и Пань находились возле мусорного бака недалеко от вокзала в Тайюане. Они сражались за половину пакета лапши быстрого приготовления, которую выудили из отбросов за несколько мгновений до этого. Шесть лет они спали на голых досках пола, страдали и злились, пока наконец не написали одну научно-фантастическую эпопею в десяти томах с тремя миллионами персонажей и одну такую же эпопею фэнтези. Они озаглавили свои произведения соответственно «Проблема трех тысяч тел» и «Новантамилилендз». Оба были совершенно уверены в своих шедеврах, но им не удавалось найти издателя. Поэтому они оба продали свое последнее имущество – в том числе дома, – заняли деньги под залог своих пенсий и издали свои работы за свой счет. В конце концов было продано пятнадцать экземпляров «Проблемы трех тысяч тел» и двадцать пять экземпляров «Новантамилилендз». Всего сорок две книги, а любители научной фантастики знают, что это счастливое число. После грандиозной презентации книг с раздачей автографов в Тайюане оба они начали карьеру бомжей.

Не было города, более дружелюбно относящегося к бродягам, чем Тайюань. Мусорные баки расточительной метрополии служили неиссякающим источником пищи. На худой конец всегда можно было

найти несколько выброшенных «пилюль с девяти до пяти» и продержаться день. Найти место для жилья тоже не представляло проблемы. Тайюань подражал Дубаю, и каждая из его остановок автобуса была оборудована отоплением и воздушным кондиционером. Если они уставали от жизни на улицах, то довольно легко устраивались на несколько дней в приют. Там они получали более чем справедливые порции еды и ночлег; процветающая секс-индустрия отозвалась на призыв правительства и назначила каждое воскресенье «Днем сексуальной помощи группам риска». Приюты были популярными местами, где дамы-добровольцы из красного квартала занимались благотворительностью. В официальном городском списке Общественного счастья нищие мигранты стояли на первом месте. Цисинь и Пань даже жалели, что раньше не перешли к такому стилю жизни.

Еженедельные приглашения от издательского отдела журнала «Король научной фантастики» были самым приятным событием их новой жизни. Они обычно проходили в каком-нибудь шикарном месте, например, в ресторане «Тан Доу». Журнал верно определил суть своей деятельности в качестве периодического издания научной фантастики. Задачей этого литературного информационно-рекламного издания было вызвать удивление и заинтересованность, однако фантазии в области высоких технологий уже не вызвали таких чувств. Технологические чудеса стали банальными: они появлялись каждый день. Именно фантазии в области низких технологий восхищали и волновали современных читателей. Поэтому издатели разработали вспомогательный жанр, так называемую научную фантастику встречной волны, которая изображала эру будущего без сложной техники. Ее огромный успех провозгласил второй золотой век научной фантастики. Стараясь действовать в духе научной фантастики встречной волны, издательский отдел журнала совсем отказался от компьютеров и Интернета. Они принимали только рукописные произведения и стали снова печатать книги на печатном станке. Закупили десятки монгольских лошадей по цене «БМВ» и построили роскошную конюшню рядом с офисом редакции. Сотрудники журнала ездили только на тех «конях», о которых никогда не упоминались в Сети. Стук подков по городу оповещал о близком появлении сотрудника компании КНФ.

Издатели часто приглашали Цисиня и Паня на ужин. Это был не только жест уважения к тому, что они написали в прошлом, но также признание того, что, хотя ту научную фантастику, которую они писали сейчас, едва ли можно было назвать научной фантастикой, их приверженность научной фантастике встречной волны была *очень* научно-фантастической. Они жили полностью офлайн; действительно в мире низких технологий. Ни Цисиню, ни Паню, ни сотрудникам КНФ и в голову не могло прийти, что эта общая причуда спасет им жизнь.

Проклятье 2.0 процветал еще семь лет. Потом, однажды, его обнаружила женщина, которую назвали «Вооружительница». Она тщательно изучила код Проклятья 2.0. Почувствовала ненависть и желчь, которые Прародительница вплела в него с самого начала, хотя ей тогда было всего семнадцать лет, и в его теперешнем улучшенном виде. У нее, и у Прародительницы, был один и тот же опыт, и она тоже ненавидела мужчину до зубной боли. Но она считала другую молодую женщину жалкой и смешной: чего она добилась? Тронула ли она хоть волосок на голове этого ничтожества Са Би? Прародительница была подобна тем глупым девицам прошлого века, которые втыкали иголки в тряпичных кукол. Эти дурацкие игры ничего не решали, а только погружали ее еще в более глубокую депрессию. Но Старшая сестра здесь, и она поможет. (Собственно говоря, Прародительница почти наверняка была еще жива, но, учитывая разницу в возрасте, Вооружительнице следовало бы называть ее «Тетушкой».)

* * *

Прошло семнадцать лет с момента рождения Проклятья, и наступила новая эра – весь мир попался в Сеть. Когда-то только компьютеры были подключены к Интернету, который теперь стал похож на нарядную рождественскую елку, увешанную гирляндами и мигающую почти всеми объектами на земле. В домах, например, все электрические приборы были подключены к Сети и управлялись ею. Даже кусачки для ногтей и открывалки для бутылок не являлись исключением. Первые умели улавливать недостаток кальция в срезанных ногтях и присылали оповещение об этом в виде текста или

письма по электронной почте. Вторые умели устанавливать, легально ли произведен алкоголь, которые собираются выпить люди, или отправляли уведомления о выигрыше в тотализаторах. Открывалки также имели возможность не позволить людям выпить лишнее: они отказывались открыть бутылку раньше, чем пройдет достаточно много времени после откупорки предыдущей бутылки. При таких обстоятельствах вирус Проклятье получил возможность напрямую манипулировать аппаратурой.

Вооружительница добавила Проклятью 2.0 новую функцию:

«Если Са Би едет в такси, убей его, устроив автомобильную аварию!»

Собственно говоря, для программистов эта задача не представляла сложности. Все современные автомобили уже ездили без водителя, ими управляла Сеть. Когда пассажир вставлял свою кредитную карточку в такси, Проклятье могло идентифицировать его по имени на ней. Если Са Би опознали как пассажира такси, убить его можно было множеством способов. Проще всего заставить такси врезаться в здание или упасть с моста. Но Вооружительница решила, что простое столкновение не подойдет. Она выбрала для Са Би гораздо более романтическую смерть, более подходящую для мужчины, который обидел Младшую сестру семнадцать лет назад. (По правде говоря, Вооружительница не лучше других знала, что Са Би сделал Прародительнице, и, возможно, он был вовсе не виноват.)

Когда модернизированный вирус узнал бы, что его цель уже в такси, он бы игнорировал выбранный им пункт назначения и сжег бы всю дорогу от Тайюаня до Чжанцзякоу, превратив ее в огромную пустошь. Такси остановилось бы в глубине этой пустыни и перекрыло бы все связи с внешним миром. (К этому времени Проклятье бы внедрилось в бортовой компьютер и ему не потребовался бы Интернет.) Риск быть обнаруженным был очень мал. Даже если бы люди или другие автомобили случайно подъехали к нему, такси просто скрылось бы в другом уголке пустыни, независимо от того, сколько прошло времени. Двери автомобиля оставались бы запертыми изнутри. Таким образом, зимой Са Би замерз бы насмерть; летом он

был испекся насмерть; весной или осенью он умер бы от жажды или голода.

Так родился вирус Проклятье 3.0, и это было настоящее проклятие.

Вооружительница принадлежала к новой породе мастеров искусственного интеллекта (ИИ). Они манипулировали компьютерными сетями и создавали перфоманс, не имеющий большого практического значения, но очень красивый. (Естественно, вся современная эстетика заметно отличалась от эстетики даже прошлого десятилетия.) Например, они могли сыграть мелодию, заставив все автомобили в городе одновременно гудеть, или расположить ярко освещенные окна гостиниц так, чтобы создать из них картину на фасаде здания. Проклятье 3.0 был одним из таких творений. Вне зависимости от того, действительно ли этот вирус выполнял свою функцию или нет, это было выдающееся произведение искусства само по себе. В результате он удостоился высокой похвалы критики на Шанхайском Биеннале 2026 года. Несмотря на то что полиция объявила его незаконным из-за намерения нанести телесные повреждения, он продолжал циркулировать в Сети. Множество других мастеров ИИ присоединилось к этому коллективному творчеству. Проклятье 3.0 быстро развивался, так как все больше функций добавлялось в его код:

«Если Са Би дома, отрави его газом!»

Это было сравнительно легко, так как кухню в каждом доме контролировала Сеть, что позволяло владельцам дома готовить еду дистанционно. Естественно, для этого требовалась возможность включать газ, а Проклятье 3.0 мог вывести из строя детекторы газа в комнате.

«Если Си Би дома, убей его огнем!»

Это тоже делалось просто. Кроме газа в домашнем хозяйстве было много вещей, которые можно поджечь. Например, даже мусс и лак для волос были подключены к Сети (что позволяло профессиональным стилистам делать укладку волос, не покидая собственного дома).

Пожарную сигнализацию и огнетушители можно было, разумеется, вывести из строя.

«Если Си Би принимает душ, убей его, ошпарив кипятком!»

Как и другие вышеприведенные способы, этот был проще простого.

«Если Са Би поедет в больницу, убей его, выписав токсичный рецепт!»

Это было немного сложнее. Достаточно просто выписать определенное лекарство жертве; аптеки в современных больницах автоматически раздавали рецепты, а их системы были подключены к Сети. Главной проблемой было упаковать лекарство. Са Би, несмотря на свое имя, не был глупцом, и этот план провалился бы, если он не захотел принимать такое лекарство. Чтобы добиться своей цели, Проклятью 3.0 пришлось бы проследить путь лекарства до фабрики, где его выпустили и упаковали, а потом снова до сети продаж. Добиться, чтобы смертоносное лекарство продали мишени, было сложно, но выполнимо. А для ИИ-мастеров, чем сложнее задача, тем прекраснее готовый продукт.

«Если Са Би садится в самолет, убей его!»

Это было непросто. Гораздо сложнее, чем перехватить управление такси, потому что проклятье касалось только Са Би, и вирус не мог убивать других людей. Поскольку мало вероятно, что Са Би владеет собственным реактивным самолетом, вариант устроить ему авиакатастрофу в воздухе не подходил. Но было альтернативное решение: в салоне любого самолета, в который садился Са Би, можно было организовать внезапное падение давления (открыв дверь салона или каким-то другим способом). Тогда, когда все пассажиры наденут свои кислородные маски, маска одного лишь Са Би окажется неисправной.

«Если Са Би ест, пусть он подавится и умрет!»

Это звучало абсурдно, но, собственно говоря, осуществить это было достаточно просто. Сверхвысокий темп современного общества вызвал появление сверхбыстрой еды: маленькой пилюли, которую называли «пилюля с девяти до пяти». Эти пилюли были невероятно плотными и ощущались в руке тяжелыми, как пули. Когда их глотали, эти пилюли в желудке разбухали, как сухари. Главным было внедриться в процесс их изготовления и создать быстро разбухающую пилюлю; потом вирус Проклятье мог контролировать процесс продажи, чтобы именно Са Би стал тем человеком, который ее купит. Как только он проглотит пилюлю во время перерыва на ланч и запьет ее водой, пилюля раздуется у него в горле.

Но Проклятье 3.0 так и не выполнил своей задачи и ни разу никого не убил. После появления Проклятья 1.0 Са Би начали преследовать незнакомые люди, за ним охотились репортеры. У него не осталось другого выхода, кроме как сменить свое имя и даже фамилию. Начать с того, что мало людей носили фамилию Са, и из-за неприличного звучания имени других людей по имени Са Би вообще не существовало. В то же время не похоже, чтобы Са Би сменил адрес и место работы после появления Проклятья. Вирус по-прежнему считал, что он посещает Технологический университет в Тайюане, поэтому обнаружить его местонахождение было невозможно. Проклятье обладало функцией поиска сведений о смене имени своей мишени в Министерстве Общественной Безопасности, но поиски оказались безрезультатными. Поэтому в течение следующих четырех лет вирус Проклятье 3.0 оставался всего лишь произведением искусственного интеллекта.

Потом появились джокеры: Цисинь и Пань.

Джокер был древним понятием, зародившимся в Эру Менторов (древняя эра компьютеров с дисковыми операционными системами, DOS). Самыми распространенными джокерами были «*» и «?». Эти два символа могли изображать один или более символов в строке: «?» обозначал один знак, а «*» – любое количество знаков, и он был самым часто используемым джокером.

Например, «Лю*» обозначало каждого человека с фамилией Лю, а «Шаньси*» обозначало каждую строку знаков, начинающуюся с «Шаньси». Один знак «*» обозначал любую строку и все возможные строки знаков. Следовательно, в Эру Менторов, команда «del*.*» была

самой губительной, потому это была команда «стереть», а все названия файлов состояли из имени и расширения, разделенного точкой. По мере развития операционных систем джокеры уцелели, но, когда графические интерфейсы пользователей начали заменять интерфейсы командной строки, они постепенно пропали из памяти большинства пользователей компьютеров. Однако в некоторых компьютерных программах, в том числе в Проклятье 3.0, их еще можно было использовать.

Начался Осенний фестиваль. Рядом со сверкающими огнями Тайюаня полная луна казалась грязным семечком кунжута. Цисинь и Пань сидели на скамейке на площади Уи. Они разложили на ней свою добычу сегодняшнего дня: пять полупустых бутылок, два наполовину полных пакета говяжьих полосок Пиньяо, один почти нетронутый пакетик ослиного мяса Цзиньци и три пилюли «с девяти до пяти». Это была хорошая добыча, и они готовились отпраздновать. Сразу же после наступления темноты Цисинь выудил из мусорного бака сломанный ноутбук. Он поклялся, что сумеет его починить, иначе оказалось бы, что он зря потратил всю жизнь на работу с компьютерами. Он присел на корточки возле скамейки и начал возиться с начинкой компьютера. Тем временем Пань продолжал высказываться насчет сексуальной помощи, которую они получили в приюте в тот день. Цисинь с энтузиазмом предложил Паню взять себе все три пилюли «с девяти до пяти», надеясь, что ему достанется большая часть спиртного и мяса. Но Пань не дал себя одурачить и не стал глотать пилюли.

Вскоре компьютер снова заработал, и его дисплей слабо сиял голубым светом, пока он загружался. Когда Пань увидел, что ноутбук установил беспроводное подключение к Интернету, он выхватил его из рук Цисиня. Сначала проверил QQ, но его счет уже давно был отключен. Потом он проверил сайт «Новоленд», «Замок на небе», «Дубан», «НьюСмит Синхуа БиБиСи», «Цзяндон» – но эти ссылки теперь не работали. Он отбросил ноутбук в сторону и вздохнул: «Давным-давно человек улетел на спине желтого журавля».

Цисинь, который сливал спиртное из всех бутылок в одну, взглянул на экран и ответил следующей строчкой стихотворения, написанного тысячу триста лет назад: «И осталась одна лишь Башня желтого журавля». Он взял компьютер и начал внимательно изучать

его содержимое. Он обнаружил в нем много хакерских программ и образцов вирусов. Возможно, ноутбук раньше принадлежал хакеру и его владелец выбросил компьютер в мусорный бак, убегая от полицейских из Службы искусственного интеллекта.

Цисинь открыл папку на рабочем столе и нашел декомпилированную программу на компьютерном языке. Он ее узнал: это было Проклятье 3.0. Рассеянно просматривая код, он вспомнил время, когда сам был цифровым поэтом. Выпивка начала действовать на его мозг, пока он просматривал раздел идентификации цели этой программы. Пань рядом с ним распространялся насчет взлета научной фантастики минувших лет, и Цисинь вскоре заразился его ностальгией. Он отложил в сторону ноутбук и принял участие в воспоминаниях Паня. Какое было время! Его всеведущий, мужественный эпос разрушения находил отклик в душах столь многих молодых людей, их сердца переполнял правильный боевой задор! Но теперь, пятнадцать экземпляров... он продал всего пятнадцать экземпляров! Дерьмо! Он сделал большой глоток из бутылки. Вкус уже невозможно было узнать, но алкогольная составляющая не вызывала сомнений. Цисинь охватила ненависть к читателям мужчинам, а потом и вообще ко всем мужчинам. Он уставился гневным взглядом на целевые параметры Проклятья 3.0.

– Сегодня не осталось в-ж-вых н-одного п-рядочного муж-ка, – неразборчиво пробормотал он и изменил имя цели с «Са Би» на «*». Потом изменил профессию и адрес: «Технологический университет Тайюаня, факультет ХХ, специальность ХХ, проживает в общежитии ХХ, комната ХХ» заменил на «*,*,*,*». Только пол остался тот же: «мужской».

Но теперь Пань хныкал рядом с ним. Он вспомнил живописные, глубокие произведения своей молодости, похожие на поэмы, похожие на сны. Не так давно его проза очаровывала толпы девочек-подростков. Он был их идиолом. Но теперь эти молодые женщины проходят мимо него, даже не удостоив взглядом! Какое унижение! Отшвырнув пустую бутылку, Пань пробормотал:

– Если все мужчины прогнили, что же такое женщины?

Он изменил параметр «пол» с «мужского» на «женский».

Цисинь не согласился. Он ничего не имел против женщин; его вульгарные романы все равно никогда не пользовались успехом у

женщин. Он сменил параметр пола снова на «мужской», но Пань тут же опять сменил его на «женский». Двое мужчин начали спорить, как наказать своих неблагодарных, коварных читателей, и Тайюаню грозило в будущем стать городом то исключительно вдов, то исключительно холостяков. Цисинь и Пань принялись молотить друг друга пустыми бутылками и дрались до тех пор, пока не вмешались патрульные полицейские. Потирая шишки на головах, мужчины пришли к компромиссу: они изменили параметр пола на «*», и тем самым окончательно превратили Проклятье 3.0 в джокера. Возможно, виной было вмешательство полицейских или их собственное нетрезвое состояние, но три параметра избежало изменения: «Тайюань, провинция Шаньси, Китай».

Так родился вирус Проклятье 4.0.

Тайюань был проклят.

* * *

В момент создания новая версия Проклятья полностью осознала ту великую миссию, которую ей доверили. Из-за громадного объема предстоящей задачи вирус Проклятье 4.0 не начал действовать сразу же. Вместо этого он дал себе некоторое время на проникновение и распространение. Тщательно окопавшись во всей Сети, он обдумал план атаки: он начнет с устранения легких целей, затем перейдет к трудным целям и с этого момента будет распространяться.

Десять часов спустя, когда первые лучи солнца показались над горизонтом, Проклятье 4.0 ожил.

Легкими целями Проклятья были чувствительные, импульсивные люди и невротики – в особенности мужчины и женщины, которые страдали депрессией или биполярным расстройством. В эпоху свирепствующих психических заболеваний и повсеместного распространения визитов к психологам-консультантам Проклятье 4.0 легко находил таких людей. Во время первого раунда операций триста тысяч индивидов, которым только что провели обследование в больнице, получили сообщения о том, что у них диагностировали рак печени, желудка, легких, мозга, прямой кишки или щитовидной железы, или лейкемию. Самым распространенным диагнозом был рак

пищевода (чаще всего встречающийся в этом регионе). Еще двадцати тысячам индивидов, которым недавно сделали анализ крови, сообщили, что у них положительная реакция на ВИЧ. Дело было не в том, чтобы просто поставить фальшивый диагноз. Проклятье 4.0 напрямую подключился к аппаратам ультразвука, компьютерной томографии, магнитного резонанса и анализов крови, чтобы показать «подлинные» результаты. Даже если бы пациенты обратились за консультацией в другую больницу, результаты остались бы теми же. Большинство из первых пятидесяти тысяч людей решили начать лечение. Но около четырехсот человек, уже уставших от жизни, немедленно покончили со всем сразу. В последующие дни наблюдался устойчивый поток людей, сделавших такой же выбор.

Вскоре после этого пятидесяти тысячам чувствительных, депрессивных или биполярных пациентов позвонили их супруги или другие значимые для них люди. Мужчины слышали, как их жены и подруги сказали: «Посмотри на себя, ничтожество. Разве ты мужчина? Ну, я сейчас с [*], и мы очень счастливы, так что можешь идти к черту». В свою очередь, женщины слышали слова своих мужей или бойфрендов: «Ты и правда выглядишь на свой возраст, и, если честно, ты с самого начала была довольно уродливой. Не понимаю, что я в тебе нашел. Ну, теперь я с [*], и мы очень счастливы, так что можешь идти к черту».

Чаще всего эти придуманные соперники были людьми, которых жертвы вируса и так ненавидели. Большинство из этих пятидесяти тысяч нашли этих любовников и напрямую разрешили взаимное непонимание. Но примерно один процент из них предпочел убить своего партнера или себя самого, а некоторые прикончили и себя, и другого. Проклятье выбрало некоторые другие слабые мишени. Например, вирус провоцировал кровавые стычки между непримиримо враждующими бандами и изменял приговоры преступников, получивших большие сроки или пожизненные заключения, и их немедленно казнили. Но в целом эффективность таких операций была низкой, и они уничтожили всего несколько тысяч целей. Однако Проклятье 4.0 выбрал правильное отношение. Он знал, что великие дела начинаются с малого. Вирус не чурался никакого зла, каким бы маленьким оно ни было, и пробовал любые методы.

На начальном этапе осуществления своего плана Проклятье уничтожило своего собственного создателя. В течение всех лет после создания Проклятья Прародительница упорно не доверяла мужчинам. Она стала экспертом по слежке, использовала самые современные методы наблюдения за своим собственным мужем (неизменно верному ей) в течение двадцати лет. Поэтому когда ей позвонили по телефону, как и остальным, у нее случился сердечный приступ. Когда ее доставили в больницу, ей дали лекарства, которые вызвали инфаркт миокарда, и она умерла от руки своего собственного Проклятья.

Вооружительница тоже умерла на этом этапе. Она получила положительный результат теста на ВИЧ и сначала не собиралась покончить с собой, но приняла слишком большую дозу успокоительного. Во время вызванной наркотиком галлюцинации она спутала окно с калиткой в чудесный сад и погибла, пролетев пятнадцать этажей до земли.

* * *

Через пять дней начались операции против трудных целей. Ненормально высокий процент самоубийств и убийств, вызванных предшествующими операциями против легких целей, стал причиной паники в городе. Но Проклятье 4.0 ускользал от луча правительственного радара, поэтому первые несколько операций против трудных целей проводились в строгой секретности. Сначала резко выросло количество пациентов, получающих неправильные лекарства. Они имели обычную упаковку, но теперь даже одна принятая доза оказывалась смертельной. Одновременно резко возросло количество людей, подавившихся и умерших за обеденным столом. Плотность пилюль «с девяти до пяти» намного превысила промышленные стандарты. Те, кто взвешивал тяжелые пилюли в руках, думали, что получают за свои деньги больше пользы.

Мишенью первой широкомасштабной попытки уничтожения стало снабжение водой. Даже в городе, полностью контролируемом искусственным интеллектом, было невозможно ввести цианид или иприт непосредственно в водопровод. Вирус Проклятье 4.0 предпочел внедрить в него два вида генетически модифицированных бактерий.

Сами по себе они были безвредными, но вырабатывали смертельно опасный яд в сочетании друг с другом. Проклятье не запускало в воду обе культуры одновременно; вирус сначала внедрил одну культуру, а когда большая часть ее уже покинула систему, добавил вторую. Реальное соприкосновение двух видов бактерий происходило в самом теле человека. Когда бактерии встречались в желудке или в крови, они вырабатывали смертоносный яд. Если этот яд оказывался несмертельным, когда пострадавших доставляли в больницу, они получали лекарство, которое вступало в реакцию с двумя культурами бактерий и наносило последний удар.

К этому моменту Министерство Общественной Безопасности и Министерство Охраны Искусственного Интеллекта обнаружили источник бедствия и лихорадочно разрабатывали специализированные средства для борьбы с Проклятьем 4.0. В ответ Проклятье быстро увеличило темп и масштаб своих операций. Его тайные махинации превратились в кошмар, от которого земля задрожала.

Однажды в утренний час пик возле города раздались несколько приглушенных взрывов. Это столкнулись поезда. В Тайюане только недавно построили свое метро; процесс проектирования совпал с бурным ростом города, поэтому система метро получилась очень современной. Поезда на магнитной подвеске стремительно неслись по вакуумным туннелям и развивали невероятную скорость. Их прозвали «пунктуальными порталами»: как только пассажиры входили в вагон, они практически мгновенно прибывали в пункт своего назначения. Но огромная скорость приводила к сокрушительным столкновениям. Земля вздыбливалась и вспучивалась от силы взрывов, в небо вздымались изрыгающие дым торосы, похожие на лопнувшие нарывы на лице города.

Почти все автомобили в городе теперь находились под контролем Проклятья. (В наше время, в наш век, всеми автомобилями мог управлять ИИ.) Они были самыми мощными средствами в арсенале вируса. Одновременно миллионы автомобилей начали выписывать опасные зигзаги по всему городу, подобно частицам в броуновском движении. Хотя общая картина казалась хаотичной, столкновения происходили в соответствии с жестко оптимизированными схемами и в определенной последовательности. Каждый автомобиль получил инструкции сначала переехать как можно больше пешеходов. Очень

точно скоординированные машины гоняли людей по городским улицам и выстраивались в огромные круги на площадях и других открытых пространствах. Самый большой из этих кругов находился на площади Уи. Несколько тысяч автомобилей окружили площадь, а потом одновременно двинулись к центру и тем самым быстро уничтожили десятки тысяч целей.

Когда большая часть пешеходов погибла или спряталась в укрытиях, автомобили стали врезаться в ближайшие здания, уничтожая всех пассажиров, находящихся внутри них. Эти столкновения тоже были организованы с большой точностью. Автомобили собирались в группы и атаковали самые густонаселенные дома. Те из них, которые находились сзади, проезжали по останкам своих собратьев, а потом громоздились друг на друга. У подножия самого высокого здания города, башни Угольной биржи высотой в триста этажей, машины образовали груду высотой в десять этажей. Их изуродованные останки ярко пылали, подобно огромному погребальному костру. В ночь накануне Большого столкновения жители Тайюаня стали свидетелями странного зрелища: все городские такси выстроились в длинные очереди на заправках. Вирус пообещал, что их баки будут полными, когда настанет момент катастрофы. Теперь они врезались в здания, подобно бесконечному ливню из зажигательных бомб, языки пламени вздымались все выше и выше.

Правительство опубликовало срочный бюллетень, в котором объявило чрезвычайное положение и приказало всем гражданам не покидать домов. Сначала это показалось правильной реакцией. По сравнению с небоскребами нападение автомобилей на жилые дома казалось мелочью. Улицы жилых кварталов были намного уже, чем главные магистрали города, и вскоре после начала Большого столкновения они оказались полностью заблокированными пробками.

Тогда Проклятье 4.0 принялся превращать каждый дом в смертельную ловушку. Вирус открывал газовые краны, а когда соотношение воздуха и газа достигало порогового значения, он искрой поджигал смесь. Один ряд многоквартирных домов за другим охватывали языки пламени. Целые здания от взрывов взлетали высоко в небо.

Следующим шагом правительства было отключить подачу энергии в город. Но было уже слишком поздно; может, Проклятье и

перестало действовать, но оно уже выполнило свою задачу. Весь город был охвачен пожарами. По мере того как огненный ад разрастался, его ярость становилась подобной эффекту от бомбардировки Дрездена во время Второй мировой войны: так как огонь поглощал кислород из воздуха, то даже те, кто избежал гибели в пожаре, не смогли спастись.

* * *

В это время языки пламени поглотили и Апгрейдера – третьего ключевого персонажа в истории вирусов, который стал жертвой собственного творения.

Благодаря минимальному контакту с Сетью Цисинь и Пань, вместе со своими братьями-бродягами, спаслись во время первых атак Проклятья. Когда начались дальнейшие операции, они полагались на свое умение выживать, отточенное годами жизни на городских улицах. С проворством, опровергающим их возраст, они уворачивались от всех автомобилей, несущихся на них. Вооруженные отличным знанием всех переулков и проходов, они ухитрились выжить во время Большого столкновения. Но вскоре положение стало еще более губительным. Когда весь город превратился в море огня, они стояли на перекрестке четырех дорог возле Дайинпаня. Удушающие волны жара окутывали их, а языки пламени вырывались из окружающих небоскребов подобно языкам гигантских ящериц.

Цисинь, который когда-то бесчисленное множество раз описывал уничтожение фантастических вселенных, испугался до потери рассудка. Пань, произведения которого были наполнены человеческим теплом, напротив, был спокоен и собран.

Поглаживая бороду, Пань смотрел на окружающий их огненный ад. И размышлял вслух, делая долгие паузы:

– Кто знал... что разрушение... может быть таким зрелищным... Почему я никогда... о нем не писал?

У Цисиня подогнулись колени.

– Если бы я знал, что разрушение так ужасает, я бы не писал о нем так много, – простонал он. – Будь проклят я и мой болтливый рот. Это просто идеально.

В конце концов они пришли к консенсусу: самое захватывающее разрушение – это разрушение самого себя.

В этот момент они услышали серебристый голос, подобный прикосновению кристалла льда в море огня:

– Цисинь, Пань, сюда, быстро!

После этого они увидели, как из пламени появилась пара жеребцов, похожих на призраков. Две прекрасные молодые женщины из редакционного отдела КНФ примчались верхом на конях, их длинные волосы развевались по ветру. Всадницы втащили Цисиня и Паня на спины своих лошадей. Затем они молниеносно промчались сквозь оставшиеся промежутки в пылающем море, перепрыгивая через горящие останки машин. Через секунду дым перед ними рассеялся. Кони галопом вылетели на мост над рекой Фэнь. Цисинь и Пань глубоко вдохнули чистого, прохладного воздуха. Держась за тонкие талии молодых женщин и наслаждаясь прикосновением их волос к своим лицам, мужчины жалели, что их полет продолжался так недолго.

Всадницы проехали по мосту и оказались в безопасности. Вскоре они воссоединились с остальными членами редакционного отдела, все они сидели верхом на могучих конях. Великолепная кавалерия поскакала в сторону храма Цзиньци, провожаемая удивленными и завистливыми взглядами уцелевших людей, которые бежали на своих двоих. Цисинь, Пань и другие всадники заметили среди этих людей всего одного велосипедиста. Его присутствие привлекало внимание по одной причине: в эти времена велосипеды были соединены с Сетью и были у нее под контролем, и Проклятье заблокировало их колеса, как только начало свою атаку.

Велосипедист оказался стариком, которого когда-то звали Са Би.

Благодаря первой кампании против него у Са Би развился инстинктивный страх и отвращение к Сети. Он свел к минимуму свое общение в Сети в повседневной жизни – например, ездил на древнем велосипеде, сделанном двадцать лет назад. Он жил на берегу реки Фэнь, на окраине города. Когда началось Большое столкновение, он ринулся в безопасное место на своем совершенно не зависящем от Сети велосипеде. Фактически Са Би был одним из немногих людей того времени, кто был по-настоящему доволен жизнью. Он был удовлетворен своими многочисленными романами и был готов встретить смерть без жалоб и сожалений.

Са Би и всадники взобрались на гору на краю города. Стоя на вершине, они смотрели вниз на горящий город. Свирепая буря завывала в горах, окружала их со всех сторон и неслась вниз, в долину Тайюаня, восполняя воздух, уничтоженный растущим жаром.

Неподалеку от них высокопоставленные чиновники из правительства города и провинции высаживались из вертолета, который подобрал их в огненном аду. Черновик речи еще лежал в кармане мэра. Он заготовил ее заранее перед празднованием юбилея города. Этот город был основан в 497 году до н. э. как столица государства Цзинь и пережил бурные времена периода Весны и Осени и периода Враждующих государств. В эпоху династии Тан значение Тайюаня, как стратегического военного укрепления Северного Китая, возросло. В 979 году н.э. войска Сон стерли город с лица земли, но он снова возродился и процветал в период династий Сон, Цзинь, Юань, Мин и Цин. Это был не просто город большого военного значения, но также известный центр культуры и торговли.

Для празднования юбилея города предложили такой лозунг:
«Празднуем 2500 лет Тайюаня!»

Но теперь город, который продержался двадцать пять веков, превратился в пепел, в море огня.

Связь с центральным правительством ненадолго установили по военному радиоканалу. Чиновникам сообщили, что помощь спешит к Тайюаню со всех концов страны. Но связь вскоре опять пропала, и они слышали только треск статических разрядов. Час спустя они получили сообщение, что спасатели прекратили движение к ним, а спасательные самолеты вернулись на базу.

В Шанхайском Бюро Безопасности Искусственного Интеллекта директор открыл ноутбук. На дисплее появилась недавно созданная версия вируса Проклятье 5.0. Параметры цели для «Тайюань, провинция Шаньси, Китай» были теперь «*,*,*».

Микроэра

Глава 1

Возвращение

Прародитель теперь знал, что он единственный человек, оставшийся во Вселенной. Он это понял, когда пересек орбиту Плутона. Отсюда Солнце выглядело тусклой звездой, ничем не отличающейся от той, которую он видел, когда тридцать лет назад покидал Солнечную систему.

Анализ отклонения, только что выполненный компьютером, сообщил ему, что орбита Плутона значительно сместилась к краю Солнечной системы. Используя эти данные, он подсчитал, что Солнце потеряло 4,74 % своей массы со времени его отлета. А это позволяло сделать только один вывод, вывод, от которого дрожь пробрала его до самого сердца, а душу сковал холод.

Это уже произошло.

Фактически люди знали об этом задолго до того, как он отправился в путешествие. Они узнали об этом после того, как тысячи и тысячи зондов проникли в Солнце. Сведения зондов позволили астрофизикам установить, что короткий выброс энергии из звезды уменьшит ее массу примерно на пять процентов.

Если бы Солнце умело думать и помнить, оно почти наверняка не встревожилось бы. За миллиарды лет своего существования оно уже подвергалось гораздо более сильным возмущениям, чем это. Когда оно родилось из турбулентности спиральной звездной туманности, такого рода изменения происходили за несколько миллисекунд. В те сверкающие и славные мгновения гравитационный коллапс Солнца зажег пожар ядерного синтеза, осветивший мрачный, темный хаос звездной пыли.

Солнце знало бы, что его жизнь – это процесс, и, несмотря на то что оно в данный момент пребывает в самой устойчивой фазе своего развития, периодические незначительные, но внезапные перемены неизбежны. Солнце было похоже на спокойную поверхность воды: в основном идеально неподвижную, но часто нарушаемую лопнувшим пузырьком, поднявшимся из глубины. Потеря энергии и массы мало что

значила для него. Солнце оставалось Солнцем, звездой средней величины с визуальной величиной – 26,8.

Такая вспышка даже не оказала бы значительного влияния на остальную Солнечную систему. Меркурий, вероятно, рассыплется, а плотная атмосфера Венеры, наверное, перестанет существовать. Влияние на самые удаленные планеты было бы еще менее значительным. Можно было ожидать, что поверхность Марса расплавится и от жара сменит цвет с красного на черный. Что касается Земли, ее поверхность нагреется только до семисот градусов, вероятно, такая температура продержится не дольше ста часов. Океаны планеты, несомненно, испарятся. Что касается суши, то отложения пород на континентах превратятся в жидкость, только и всего.

Потом Солнце быстро вернется в предыдущее состояние, хотя и с уменьшенной массой. Такое уменьшение заставит орбиты планет сместиться к наружному краю системы, но это вряд ли будет иметь большие последствия. На Земле, например, наступит незначительное похолодание, температура упадет в среднем до –80 градусов. Собственно говоря, холод поспособствует восстановлению твердости расплавленной поверхности и обеспечит сохранение некоторого количества воды и атмосферы.

Одна шутка стала популярной в те дни. В ней предполагается такая беседа с Богом:

– О Боже, для тебя тысяча лет – это лишь краткое мгновение!

Бог отвечает:

– В самом деле, они для меня лишь одна секунда.

– О Боже, для тебя огромные богатства лишь сущая мелочь!

Бог отвечал:

– Просто копейка!

– О Боже, пожалуйста, подай мне копейку!

На что Бог отвечал:

– Конечно. Только подожди одну секунду.

Теперь уже Солнце просило у людей «одну секунду». Было подсчитано, что выброса энергии не произойдет еще восемнадцать тысяч лет.

Для Солнца это была, несомненно, лишь одна секунда, но у человечества, оказавшегося перед лицом целой «секунды» ожидания,

возникло чувство апатии. «Апатизм» даже превратился в некий вид философии. Все это имело последствия: с каждым днем люди становились все большими циниками.

Опять-таки у человечества было еще по крайней мере четыре или пять поколений, в течение жизни которых можно найти выход.

Через два столетия люди сделали первый шаг: в межзвездное пространство запустили космический корабль, поручив его экипажу отыскать пригодную для жизни планету в пределах ста световых лет, на которую люди смогут переселиться. Этот корабль получил название «Ковчег ООН», а членов его экипажа стали называть Прародителями.

«Ковчег» пронесся мимо шестидесяти звезд, подобных шестидесяти преисподним. Только одна имела спутник. Этот спутник представлял собой каплю раскаленного расплавленного металла, его жидкая поверхность постоянно текла во время движения по орбите. Это было единственным достижением «Ковчеха», дальнейшим доказательством одиночества человечества.

«Ковчег» странствовал двадцать три года. Однако, так как он летел со скоростью, близкой к световой, время «Ковчеха» равнялось двадцати пяти тысячам лет на Земле. Если бы он следовал плану своей миссии, то вернулся бы на Землю давным-давно.

Полет со скоростью, близкой к скорости света, делал связь с Землей невозможной. Только снизив скорость до почти половины скорости света, «Ковчег» мог бы связаться с Землей. Однако этот маневр требовал значительных затрат энергии и времени, и поэтому «Ковчег» обычно выходил на связь только раз в месяц, чтобы получить сообщение с Земли. Когда он снижал скорость, то получал самое последнее послание Земли, отправленное больше чем через сто лет после предыдущего. Относительное время между «Ковчегом» и Землей делало связь очень похожей на стрельбу из винтовки с мощным оптическим прицелом; даже при отклонении на самый ничтожный угол промах окажется огромным.

«Ковчег» получил последнее сообщение с Земли через тринадцать лет «Ковчеха» после старта. На Земле прошло семнадцать тысяч лет со времени его отлета. Через один месяц после этого сообщения «Ковчег» снова снизил скорость, но услышал только тишину. Предсказания, сделанные много тысяч лет тому назад, могли, несомненно, оказаться

неточными. Один месяц на «Ковчеге» был больше, чем сто лет на земле. Должно быть, именно тогда это и произошло.

«Ковчег» стал поистине ковчегом – с одиноким Ноем на борту. Четверо из других семи Прародителей погибли от радиации при взрыве, когда одна звезда превратилась в сверхновую в четырех световых годах от «Ковчега»; еще двое умерли от болезней, а один человек во время того рокового снижения скорости, слушая тишину, застрелился.

Последний Прародитель долго вел «Ковчег» со скоростью, позволяющей связаться с Землей. В конце концов он снова разогнал корабль до скорости, близкой к световой, но крохотный огонек надежды, горящий в нем, вскоре заставил его еще раз снизить скорость. Снова он с тревогой слушал, но слышал только тишину.

И так это продолжалось: его частые циклы ускорения и замедления бесконечно увеличили время обратного пути.

И на протяжении всего пути Земля хранила молчание.

«Ковчег» вернулся в Солнечную систему через двадцать пять тысяч лет после старта с Земли, на девять тысяч лет позднее, чем сначала планировалось.

Глава 2

Памятник

Миновав орбиту Плутона, «Ковчег» продолжал полет в глубину Солнечной системы. Для межзвездного корабля, такого как «Ковчег», лететь в Солнечной системе все равно что плыть в спокойной гавани. Вскоре Солнце стало ярче. Когда солнечный свет начал омывать корабль, в поле зрения Прародителя появился Юпитер. В свой телескоп он видел, что гигантская планета изменилась почти до неузнаваемости. Красное пятно на нем исчезло, а полосы ураганов казались более хаотичными, чем раньше. Он не обратил внимания на другие планеты и спокойно преодолел последний отрезок своего путешествия к Земле.

Рука Прародителя дрожала, когда он нажал на кнопку. Массивный металлический щит, закрывающий иллюминатор, медленно сдвинулся в сторону.

– О, моя голубая сфера, голубой глаз Вселенной, мой голубой ангел, – молился Прародитель, крепко зажмурив глаза. Прошло много времени, пока он наконец заставил себя их открыть.

Планета, которую он увидел, была черно-белой.

Черными были скалы, расплавившиеся и опять отвердевшие, черными, как могильные камни. Белой была морская вода, испарившаяся и снова замерзшая, белой, как похоронный саван.

Когда «Ковчег» вышел на околоземную орбиту и медленно полетел над черной землей и белыми океанами, Прародитель не заметил никаких следов людей; все растаяло и превратилось в ничто. Цивилизация исчезла, растаяла как дым.

Но наверняка должен существовать памятник, какой-то мемориал, способный выдержать температуру в семь тысяч градусов, уничтожившую все остальное.

Как раз в тот момент, когда эти мысли пронеслись в голове Прародителя, этот памятник появился. Это был видеосигнал, пришедший с поверхности и переданный на его космический корабль. Компьютер вывел сигнал, посланный тысячу лет назад, на его экран. Явно снятый необычайно жаропрочной кинокамерой, этот фильм

запечатлел катастрофу, которая случилась с Землей. Тот момент, когда энергетическая вспышка нанесла удар, был совсем не таким, каким он часто представлял его себе. Солнце не стало вдруг ярче; большая часть его губительного излучения оставалась за пределами видимого спектра. Однако он увидел последние мгновения голубого неба. Оно внезапно сделалось адски красным, а потом снова изменилось и приобрело кошмарно-пурпурный цвет.

Он видел города той эпохи, такие знакомые очертания небоскребов, из которых начал сочиться густой черный дым, когда температура поднялась на тысячи градусов. Вскоре они окрасились в тускло-красный цвет тлеющих углей, но не могли продержаться долго и в конце концов растаяли, как бесчисленные восковые свечи.

Пылающая красная магма стекала с горных вершин, образуя каскады водопадов из расплавленного камня. Эти раскаленные добела потоки сливались в огромную ярко-красную реку лавы, которая похоронила Землю под своими пирокластическими струями. А оттуда, где раньше бушевали океанские воды, теперь поднимались гигантские грибы облаков пара. Подбрюшья этих яростно вздымающихся гор сияли красным отражением расплавленного мира под ними. Их гребни пронизывал резкий пурпурный цвет неба. Нескончаемые горные цепи облаков пара расширялись с неумолимой скоростью и энергией. Вскоре они поглотили всю Землю...

Прошли годы, прежде чем этот туман наконец рассеялся и оказалось, что под ним все еще существует планета. Сожженная и расплавленная планета внизу начала остывать, и вся она была покрыта рябью черного камня. В некоторых частях магма еще текла, образуя затайливую огненную паутину, накрывшую Землю. Все следы людей пропали. Цивилизация исчезла, забытая, как сон, от которого пробудилась Земля.

Через несколько лет воды Земли, разложившиеся на кислород и водород под воздействием невероятного жара, начали снова восстанавливаться. Вода лилась огромными потоками, снова покрывая горящую планету паром. Словно Землю засунули в гигантскую пароварку: темную, влажную и удушающе горячую. Потоп продолжался десятки лет, пока Земля продолжала остывать. Океаны постепенно начали опять наполняться.

Прошли столетия. Темные облака испарившейся морской воды наконец рассеялись, и небо снова стало голубым. На небосводе опять появилось Солнце. Новая, более удаленная орбита вызвала резкое падение температуры, заморозив океаны. Теперь небо стало безоблачным, и давно уже мертвая планета под ним замерзла и погрузилась в полную тишину.

Изображение опять изменилось, на этот раз показался город. Сначала стал виден лес из высоких, стройных зданий. Камера медленно спустилась с какой-то невидимой вершины, появилось изображение площади. Ее широкое пространство заполняло море людей. Камера спустилась еще ниже, и Прародитель разглядел, что все лица на форуме подняты вверх, казалось, они смотрят прямо на него. В конце концов камера остановилась и повисла над платформой на середине площади.

Красивая девушка, вероятно, даже подросток, стояла на этой платформе. Она с экрана помахала прямо Прародителю и, махая рукой, закричала:

– Эй, мы вас видим! Вы спустились к нам подобно метеориту! – Ее голос был нежным и красивым. – Вы «Ковчег-1»?

В последние годы путешествия Прародитель большую часть времени проводил, играя в компьютерную игру. В процессе этой игры компьютер напрямую устанавливал связь с сигналами мозга играющего, используя его мысли для создания трехмерных изображений. Люди и предметы на этих изображениях были, разумеется, ограничены во многих отношениях, лимитированы границами воображения играющего. В своем одиночестве Прародитель создавал один виртуальный мир за другим, в пределах от дома одной семьи до целой страны.

Проведя так много времени в нереальных реальностях, он быстро узнал, что за город видит на экране: просто еще один виртуальный мир – и довольно низкого качества, к тому же – вероятнее всего – это был продукт расстроенного ума. Виртуальные проекции, порожденные воображением, всегда содержат ошибки. Однако ему показалось, что картины, которые он сейчас видит, содержат больше невероятного, чем правдивого.

Первое, и самое неправдоподобное: когда камера показывала небоскребы, Прародитель видел, как множество людей покидали

здания через окна верхних этажей. Эти люди прыгали из них вниз и летели сотни футов до земли. Упав с такой головокружительной высоты, они приземлялись без единой царапины, совершенно не пострадав. Он также видел, как люди вскакивали с земли и подлетали вверх, будто их дергали за невидимые проволочки. Эти странные прыжки возносили их на высоту нескольких этажей вдоль фасадов небоскребов. Они поднимались даже выше, отталкиваясь от ступенек на стене каждого здания, словно их там установили намеренно именно с этой целью. Таким образом они могли подняться до самого верха любого здания или войти в него через одно из многочисленных окон. Казалось, у этих небоскребов нет ни лифтов, ни дверей. По крайней мере, Прародитель ни разу не видел, чтобы они пользовались чем-то, кроме окон, чтобы войти или выйти из здания.

Когда виртуальная камера летела над площадью, Прародитель увидел еще одну ошибку: среди моря людей висели хрустальные шары, подвешенные на тросах. Диаметр каждого из этих шаров был примерно три фута. Иногда люди протягивали руки внутрь этих шаров и очень легко доставали из них сегменты хрустального материала. Когда они вынимали сегмент, шар тут же восстанавливал сферическую форму. Удаленный сегмент делал то же самое; но когда маленький кусочек становился круглым, человек, доставший его, клал его в рот и проглатывал...

В дополнение к этим очевидным ошибкам, путаница и нелогичность создателя этих изображений больше всего бросались в глаза, когда на них появлялись странные объекты, плывущие по небу над городом. Некоторые из них были большими, от пяти до десяти футов длиной, а некоторые меньших размеров, всего с фут или около того. Некоторые напоминали кусочки от губки, а некоторые наводили на мысль о скрюченных ветках какого-то гигантского дерева; все они медленно плыли по воздуху.

Прародитель увидел одну большую ветку, плывущую в сторону девушки на платформе. Она просто легонько оттолкнула ее, и та отлетела, вращаясь, прочь. Прародитель вдруг понял: на планете, стоящей на грани уничтожения, наверное, было невозможно оставаться в здравом уме и твердой памяти.

Это изображение, вероятнее всего, послано автоматической установкой, которая, возможно, была погребена глубоко под

поверхностью до того, как разразилась катастрофа. Укрытая от радиации и высокой температуры, она лежала в своем убежище и ждала, а потом автоматически поднялась на поверхность, когда опасность миновала. Эта установка, вероятно, несла нескончаемую вахту, наблюдала за космосом, посылала эти изображения любим уцелевшим группам людей, вернувшимся на Землю. Существовала вероятность, что эти комичные и спутанные изображения были созданы с добрыми намерениями и предназначены для создания комфортной обстановки для выживших людей.

– Вы сказали, что были запущены и другие корабли типа «Ковчег»? – спросил Прародитель, надеясь что-то понять из этого странного показа.

– Конечно. Было еще двенадцать! – с энтузиазмом ответила девушка.

Несмотря на абсурдность других элементов изображения, эта девушка была совсем не так уж плоха. На ее красивом лице сочетались лучшие черты, типичные для восточной и западной культур, и сияла совершенно искренняя, невинная улыбка. Для нее весь космос был замечательной огромной игровой площадкой. Ее большие, круглые глаза, казалось, пели при каждом взмахе ресниц, а длинные волосы развевались на ветру и выглядели совершенно невесомыми. Она напоминала Прародителю русалку, плывущую в невидимом океане.

– Значит, кто-нибудь еще жив? – спросил Прародитель, и последняя надежда разгорелась в нем, подобно лесному пожару.

– А вы разве нет? – в ответ простодушно задала вопрос девушка.

– Конечно. Я настоящий человек. Не то что вы, созданная компьютером виртуальная личность, – ответил Прародитель с некоторым отчаянием.

– Последний «Ковчег» вернулся семьсот тридцать лет назад. Ваш «Ковчег» вернулся последним, но прошу вас, скажите нам: у вас на борту есть женщины? – спросила девушка с большим интересом.

– Только я один, – ответил Прародитель, в его голове роились тяжелые воспоминания.

– Значит, вы говорите, что с вами нет женщин? – опять задала вопрос девушка, и ее глаза широко раскрылись от неподдельного потрясения.

– Как я сказал, я вернулся один. Разве нет в космосе других кораблей, которые еще должны вернуться? – спросил Прародитель в свою очередь, отчаянно пытаясь не дать погаснуть последней искре надежды.

Девушка заломила тонкие, как у эльфа, руки.

– Нет других! Это так печально, так ужасно грустно! Вы – последний из них, если... ох... – Она едва сдерживала рыдания. – Если не при помощи клонирования... – Теперь девушка уже безудержно рыдала. – Ох, – закончила она, ее прекрасное лицо теперь было залито слезами. Вокруг нее люди на площади проливали море слез.

Хотя Прародитель не плакал, он тоже почувствовал, как его разбитое сердце упало в бездну отчаяния. Уничтожение человечества стало фактом, который невозможно отрицать.

– Почему вы не спрашиваете меня, кто я? – спросила девушка, поднимая голову. Ее лицо снова приняло невинное выражение, ее недавняя печаль – всего несколько секунд тому назад – была забыта.

– Мне совершенно все равно, – резко ответил Прародитель.

Глаза девушки опять наполнились слезами:

– Но я правительница Земли!

– Да! Она – Верховный советник Объединенного правительства Земли! – в один голос закричали люди на площади. В том, как они быстро переходили от печали к возбуждению, отражались явные ошибки их программы.

Прародитель почувствовал, что устает от этой бессмысленной игры, он встал и повернулся, собираясь уйти.

– Как вам может быть все равно? Вся столица собралась здесь, чтобы приветствовать вас, Прародитель! Не надо нас игнорировать! – воскликнула девушка, почти закричала со слезами в голосе.

Вспомнив свой первый и все еще оставшийся без ответа вопрос, Прародитель оглянулся и спросил:

– Что оставило после себя человечество?

– Следуйте за нашим посадочным маяком, и вы сами узнаете! – прозвучал веселый ответ.

Глава 3

Столица

Прародитель забрался в свой посадочный модуль. Оставив «Ковчег» на орбите, он начал спускаться на Землю, следуя указаниям маяка. На нем была пара видеоочков, на линзах которых отображались картины, передаваемые с планеты.

– Прародитель, вы должны немедленно лететь в столицу Земли. Несмотря на то что это не самый большой город планеты, он, несомненно, самый красивый, – продолжала трещать девица, называющая себя правительницей Земли. – Вам он понравится. Заметьте, однако, что координаты посадки, которые мы вам дали, приведут вас к месту, расположенному на большом расстоянии от города, так мы хотим избежать возможного ущерба...

Прародитель изменил фокус своих очков и посмотрел на участок суши прямо под посадочным модулем. Сейчас, находясь всего в тридцати тысячах футов над ним, он не видел ничего, кроме черной пустыни.

Когда он спустился, виртуальное изображение его еще больше озадачило. Возможно, его создатель за тысячу лет до настоящего времени был охвачен невообразимой депрессией или, возможно, компьютер, передающий эту картину, был предоставлен сам себе много тысяч лет и показывал приметы своей эпохи. Во всяком случае, по какой-то непонятной причине виртуальная девушка запела:

О, дорогой ангел!
Из макроэры ты вернулся!
О, славная макроэра,
Великолепная макроэра,
О, прекрасная макроэра,
О, исчезнувшее видение!
В пожарах мечта сгорела.

Начав петь свой гимн, прекрасная певица подпрыгнула в воздух. Она оторвалась от платформы и подпрыгнула на тридцать футов вверх. Снова опустившись на платформу, она опять рванулась вверх и на этот раз одним прыжком перелетела через площадь. Она приземлилась на крышу здания, а оттуда снова совершила прыжок, на этот раз через всю ширину площади. Когда она опустилась на противоположном конце, то выглядела как очаровательная маленькая блоха.

Она прыгнула опять и в полете схватила один из тех странных предметов, которые проплывали мимо нее. Этот предмет, длиной в несколько футов, напоминал ствол странного дерева, и он закружил ее и понес вихрем по воздуху над людским морем. Поднимаясь в воздух, ее стройное тело продолжало ритмично извиваться.

Людское море внизу загудело в сильном возбуждении, и вскоре гудение превратилось в пение: «О, макроэра! О, макроэра!» Пение становилось все громче, все начали попрыгивать. Теперь толпа стала похожей на песок на барабанах, который колышется, подобно волнам, при каждом ударе в невидимый барабан.

Прародитель просто отказался и дальше терпеть это, он отключил и звук, и изображение. Теперь он был уверен, что ситуация даже хуже, чем он думал сначала. До того как разразилась катастрофа, люди Земли, должно быть, жадно завидовали тем выжившим, которые ускользнули сквозь время и пространство и избежали уничтожения, уготованного им судьбой. Под влиянием таких чувств они создали эту подделку, эту извращенную реальность, чтобы мучить тех, кто вернется.

По мере того как он снижался, раздражение, вызванное изображением, начало понемногу стихать, и к тому моменту, когда он ощутил толчок при посадке, это раздражение почти полностью исчезло. На мгновение он поддался фантазии: может, он действительно приземлился возле города, который просто не виден с высоты.

Все иллюзии развеялись, когда он вышел из посадочного аппарата. Его окружала бескрайняя, черная пустошь. Леденящее отчаяние охватило все его тело.

Прародитель осторожно приоткрыл щиток шлема. И сразу же почувствовал на лице поток холодного воздуха. Этот воздух был очень разреженным, но достаточно плотным, чтобы им можно было дышать. Температура была примерно около сорока градусов ниже нуля. Небо

имело темно-синий цвет, каким бывало перед рассветом или в сумерках в эпоху до катастрофы. Сейчас время было другое, о чем явно свидетельствовало Солнце, висящее над головой.

Прародитель снял перчатки, но не почувствовал солнечного тепла. В разреженном воздухе солнечный свет был рассеянным и слабым. Он видел звезды, весело мерцающие в небе у него над головой.

Земля у него под ногами отвердела примерно две тысячи лет назад. Вокруг он видел волны твердой магмы. Несмотря на заметные признаки выветривания, поверхность оставалась твердой, с острыми камнями. Как бы пристально он ни смотрел, но мог разглядеть лишь самые ничтожные следы почвы. Перед ним до горизонта простиралась волнистая земля с редкими невысокими холмами. У него за спиной лежал замерзший океан, белый и сверкающий на фоне горизонта.

Оглядываясь кругом, прародитель искал источник передачи. Наконец он заметил прозрачный защитный купол, встроенный в скалистую почву. Этот купол был примерно диаметром три фута, и он накрывал, как ему показалось, несколько очень сложных конструкций.

Вскоре Прародитель смог различить несколько таких же куполов, разбросанных вдалеке. Они стояли примерно на расстоянии пятидесяти или ста метров друг от друга. С того места, где он стоял, они немного напоминали пузыри, замерзшие в тот момент, когда они вырвались из-под поверхности Земли, и теперь блестели в лучах Солнца.

Снова активировав линзы с левой стороны своих видеоочков, Прародитель открыл виртуальное окно в странный, воображаемый мир, созданный для него. Его нахальная «правительница» все еще парила в воздухе верхом на своей странной ветке, распевая и извиваясь, как безумная. На лету она посылала камере воздушные поцелуи. Людские толпы внизу, все, как один человек, весело пели:

О, великая макроэра!
О, романтическая макроэра!
О, печальная макроэра!
О, хрупкая макроэра...

Онемевший Прародитель застыл на месте. Стоя под темно-синим небом в лучах сверкающего солнца под сверкающими звездами, он чувствовал, как вокруг него вращается вся Вселенная. Вокруг него. Последнего человека.

Его накрыла лавина черного одиночества. Закрыв лицо, он опустил на колени и разрыдался.

Когда он погрузился в отчаяние, пение смолкло. Все на виртуальном изображении уставились прямо на него, множество глаз смотрели с глубокой озабоченностью. Девушка, все еще верхом на своей ветке плывущая по воздуху, послала ему милую улыбку.

– Вы так мало верите в человечество? – спросила она, глаза ее сверкнули.

Она продолжала говорить, и пока она говорила, Прародителя охватило чувство, которое он не мог назвать, но от которого у него по телу пробежала дрожь и все чувства обострились. Встревоженный, он медленно снова поднялся на ноги. А когда встал, внезапно увидел это: тень падала на город с левой стороны на картине в его очках. Словно темная туча появилась в ясном небе, и в одно мгновение все небо почернело. Он сделал шаг в сторону. Свет тут же вернулся в город.

Заинтригованный, он медленно подошел к куполу. Стоя перед ним, наклонился и внимательно осмотрел его. Внутри он различил тесные ряды крохотных строений, сделанных с невероятно подробными деталями. Он тут же заметил, что нечто невероятно странное полностью закрыло небо в его видеоочулярах.

Это нечто было его лицом.

– Мы вас видим! А вы нас видите? Воспользуйтесь увеличителем! – крикнула девушка изо всех сил. По морю людей внизу еще раз прокатилась волна восторга.

Теперь Прародитель все понял наконец-то: он вспомнил, как люди выпрыгивали из высоких зданий, и это было неудивительно, потому что гравитация не могла причинить им вреда в их микроскопической среде. Это также объясняло их прыжки. В таком мире люди легко могли запрыгнуть на крышу здания высотой в тысячу футов – или, правильнее, тысячу микронов? Большие хрустальные шары, наверное, были в действительности каплями воды; в этом крохотном мире их форма полностью зависела от поверхностного натяжения воды. А когда эти микроскопические люди хотели пить, они могли просто достать из них крошечную капельку. И наконец, эти странные, продолговатые предметы, которые плыли над городским пейзажем – и один из которых оседлала девушка, – они тоже стали понятными. Это было не что иное, как крохотные частицы пыли.

Этот город вовсе не был виртуальным. Этот город был таким же реальным, как любой город двадцать пять тысяч лет назад, только его накрывал трехфутовый прозрачный купол.

Человечество все еще существовало. Цивилизация еще существовала.

В этом микроскопическом городе парила девушка на ветке из пыли – Верховная правительница Земли, – доверчиво протянув руку человеку, который в данный момент заполнил почти весь ее космос: Прародителю.

– Праотец, микроэра приветствует вас!

Глава 4

Микрочеловечество

– Все семнадцать тысяч лет до катастрофы, – рассказала девушка Предшественнику, – человечество продолжало настойчиво искать какой-то выход. Легче всего было бы переселиться к другой звезде. Но ни один «Ковчег», в том числе и ваш, не смог обнаружить ни одной звезды с обитаемой планетой. И это не имело особого значения: за столетие до катастрофы технология строительства космических кораблей все еще была не настолько совершенной, чтобы перенести хотя бы одну тысячную населения планеты к другой звезде.

Еще одним планом, – продолжала она, – было переселить людей глубоко под землю, надежно защитить от энергетической вспышки на Солнце, чтобы они были готовы снова выйти на поверхность, когда последствия такой вспышки станут не столь опасными. Однако такой план всего лишь отсрочил бы неизбежную гибель человечества. После катастрофы экосистема Земли была полностью уничтожена. Человечество не выжило бы.

Было время, когда людей охватило всеобщее отчаяние. Именно в ту самую темную ночь родилась идея в голове одного генного инженера: а что, если можно было бы уменьшить размеры людей на девять порядков? – На ее лице промелькнуло задумчивое выражение. – Все в обществе людей тоже можно было бы уменьшить до этого размера, создать микроскопическую экосистему, и такая экосистема потребляла бы микроскопическое количество природных ресурсов. Очень скоро все человечество согласилось с тем, что это единственный способ спасти наш вид.

Прародитель внимательно слушал, тщательно обдумывая последствия этого плана. Она продолжала:

– Этот план зависел от двух видов технологии. Первый вид – это генная инженерия: путем изменения человеческого генома рост людей уменьшился бы до примерно десяти микрон, это не больше одной клетки нашего тела. Однако анатомия людей осталась бы неизменной. Осуществить это вполне реально. В сущности, разница между геномом бактерии и геномом человека очень мала. Другая часть головоломки –

это нанотехнология. Эта технология была разработана еще в двадцатом веке, и даже в то время люди умели собирать простые генераторы размером с бактерию. На основе этих скромных первых достижений человечество вскоре научилось создавать все, от наноракет до наномикроволновых печей; но наноинженеры прошлых веков даже представить себе не могли, где их технология в итоге найдет применение.

Создание первой группы микролюдей было очень похоже на клонирование: целый геном извлекали из клетки человека, а потом выращивали микрочеловека, который во всем походил на первоначального, кроме размера. Позднее родились поколения, совершенно аналогичные макролюдям. Между прочим, – прибавила она, – так мы называем вас. И вы, наверное, уже догадались, что мы вашу эру называем «макроэрой».

Первая группа микролюдей вышла на мировую сцену довольно драматическим образом, – поведала она ему. – Однажды, примерно через двенадцать с половиной тысяч лет после отлета вашего «Ковчега», по всем телевизорам Земли показали классную комнату. Тридцать учеников сидели в том классе. Все выглядело совершенно нормальным. Дети были обычными детьми, и класс был обычным классом. Не было ничего такого, что казалось необычным. Но потом камера отодвинулась на некоторое расстояние, и все увидели, что эта классная комната фактически стоит на платформе под микроскопом. – Верховный советник продолжила бы свой рассказ, если бы ее не перебил Прародитель, с любопытством спросивший:

– Хотелось бы узнать, микролюди с их микроскопическим мозгом могут достичь такого же уровня умственного развития, что и макролюди?

Девушка покачала головой, ее этот вопрос скорее позабавил, чем рассердил.

– Вы принимаете меня за какую-то дурочку? Киты не умнее вас! Ум не зависит от размеров мозга! Что касается количества атомов и квантовых состояний в нашем мозгу, ну, скажем только, что наша способность обрабатывать информацию вполне соответствует способности мозга макрочеловека. – Она помолчала, потом продолжила с любопытством в голосе: – Вы не могли бы показать нам ваш космический корабль? Пожалуйста!

– Конечно, с большим удовольствием. – Теперь настал черед Прародителя сделать паузу. – Как именно вы туда отправитесь?

– Прошу вас, подождите секундочку! – очень весело воскликнула девушка.

С этими словами Верховная правительница подпрыгнула и села на очень странный летательный аппарат. Он напоминал большое перо с пропеллером. Вскоре все люди на площади стали подпрыгивать в воздух и бороться за место на этом «пере». Было очевидно, что в этом обществе не существует понятия или системы ранга и статуса. Люди, которые без разбора прыгали на это странное средство передвижения, были совершенно обычными гражданами, и молодыми и старыми. Вне зависимости от возраста, у всех было детское выражение лиц, которое казалось таким неподобающим у Верховной правительницы; в результате поднялся шумный, возбужденный, хаотичный гвалт.

Перо почти мгновенно заполнилось людьми до отказа, но вдали уже виднелся непрерывный поток новых перьев. Как только одно перо приплывало, оно заполнялось взволнованными микролюдьми. В конце концов небо над городом заполнили несколько сотен перьев, на каждом сидело максимально возможное число людей или даже больше. Все последовали за летательным аппаратом Верховной правительницы. Девушка возглавила эту странную армаду в полете над городом.

Прародитель снова склонился над куполом, внимательно наблюдая за микроскопическим городом внутри него. На этот раз он сумел рассмотреть небоскребы. На его взгляд, они выглядели, как густой лес спичек. Он напряг зрение и смог наконец увидеть летательные аппараты, похожие на перышки. Они напоминали крохотные белые зерна пороха, плывущие по воде. Если бы не их огромное количество, их было бы невозможно увидеть невооруженным глазом.

Изображение в левой линзе видеоочков Прародителя оставалось четким, как всегда. Микрооператор со своей невообразимо маленькой камерой, очевидно, тоже сел на перо, и оттуда продолжал вести передачу в прямом эфире. При помощи нее Предшественник мог разглядеть движение транспорта в микро-городе.

Он сразу же испытал шок: оказалось, что столкновения происходили почти постоянно. Быстро летящие перья постоянно

сталкивались друг с другом и с частицами пыли, летящими в воздухе. Они даже часто ударились о стены высоких небоскребов! Но летательные аппараты и их пассажиры от этого не страдали, и никто, казалось, не обращал внимания на эти столкновения.

Собственно говоря, этот феномен мог объяснить любой студент-физик младших курсов: чем меньше масштаб объекта, тем прочнее целостность его конструкции. Есть огромная разница между столкновением двух велосипедов и двух кораблей, весом в десять тысяч тонн, врезавшихся друг в друга. И если сталкиваются частицы пыли, они не нанесут друг другу никакого ущерба. Из-за этого казалось, что у обитателей микромира тела из стали и они могут прожить всю жизнь, не опасаясь травм.

Во время полета перьев люди иногда выпрыгивали из окон небоскребов, пытаясь сесть прямо в воздухе на одно из них. Однако им это не всегда удавалось, и некоторые падали с высоты, как казалось, сотен ярдов. Эта высота вызывала головокружение у наблюдающего за ними Прародителя. С другой стороны, падающие микролюди летели вниз так грациозно и с таким самообладанием, они даже успевали приветствовать знакомых, наблюдающих из окон небоскребов, как они стремительно летят к земле.

– О, ваши глаза черны, как океан, и так же глубоки, – сказала Верховный советник Прародителю. – Так полны печали! Ваша печаль накрывает наш город. Вы должны превратить их в музей! О-о-о... – И она заплакала, явно очень расстроенная.

Другие тоже начали плакать, и их летательные аппараты из перьев запрыгали между небоскребами, сталкиваясь со зданиями слева, справа и в центре.

Предшественник видел свои собственные огромные глаза на изображении в левой линзе своих видеоочков. Их печаль, увеличенная в миллион раз, шокировала даже его самого.

– Почему в музей? – озадаченно спросил он.

– Потому что печаль – только для музеев. Микроэра – это эпоха, лишенная тревог! – громко заявила правительница Земли. Несмотря на то что слезы еще текли по ее нежному лицу, в ее глазах не осталось и следа печали.

– Мы живем в век, лишенный тревог, – взволнованно закричали в один голос остальные.

Прародителю показалось, что настроение в микроэру меняется в сотни раз быстрее, чем когда-либо в макроэру. Эти перемены особенно были заметны, когда речь шла об отрицательных эмоциях, таких как грусть и печаль. Микролюди могли избавляться от этих чувств одним прыжком, в мгновение ока.

Однако был еще один аспект этого открытия, который Прародителю понять было еще труднее. Все негативные эмоции в эту эру были невероятно редкими; настолько редкими, что вызывали восторг у людей микроэры, словно артефакты. Когда они с ними сталкивались, то хватались за возможность их испытать.

– Не надо печалиться, как ребенок! Вы быстро поймете, что в микроэру не о чем беспокоиться! – воскликнула Верховная правительница, уже преисполнившись радости.

Услышав ее слова, Прародитель не мог не изменить свое мнение. Он уже раньше заметил, что общее настроение микролюдей очень напоминало настроение детей макроэры, но только что пришел к выводу, что их дети должны быть даже большими, ну, детьми.

– Вы хотите сказать, – спросил он с изумлением, – что в эту эру, по мере взросления людей, они становятся?.. – Он с трудом мог поверить в то, о чем спрашивал. – Становятся больше похожими на детей?

– Мы с возрастом становимся более счастливыми! – рассмеялась Верховная правительница.

– Да! В микроэру мы с возрастом становимся счастливее! – громко подхватила ее слова толпа.

– Но печаль бывает очень красивой, – продолжала девушка. – Как отражение луны в озере; она отражает романтичность макроэры. О-о-о... – Подумав об этом, она разразилась жалобными возгласами.

– Да! Какой это был прекрасный век! – нараспев кричали остальные, их глаза наполнились слезами.

Прародитель невольно рассмеялся.

– Вы, маленькие люди, совсем не понимаете, что такое печаль. Настоящая печаль не льет слезы.

– Вы можете нам показать! – закричала Верховная правительница, возвращаясь в прежнее радостное состояние.

– Надеюсь, что нет, – ответил Прародитель с легким вздохом.

– Смотрите, это наш памятник макроэре! – объявила Верховная правительница, когда перья пролетали над еще одной площадью города.

Прародитель увидел памятник. Это была массивная черная колонна, смутно напомнившая ему гигантскую телебашню. Ее внешняя сторона была покрыта многочисленными плитками, каждая размером с колесо. Она была похожа на узор из рыбьей чешуи. Прародитель посмотрел на эту колоссальную конструкцию, но он далеко не сразу понял: это была прядь волос макрочеловека.

Глава 5

Банкет

Поднимаясь вверх, летящие на перьях люди вылетали из прозрачного купола через какое-то невидимое отверстие. Покинув защитный купол над городом, Верховная правительница обратилась к Прародителю с видеозэкрана на его очках.

– Мы сейчас находимся примерно в сотне миль от вашего космического корабля. Если можно, мы совершим посадку на ваших пальцах, и вы нас понесете. Это очень сократит время нашего путешествия.

Прародитель повернул голову к своему посадочному аппарату, который стоял прямо у него за спиной. Ее слова означали только, что единицы измерения в микроэру тоже уменьшились. Он вытянул руку, и перья совершили посадку на нее. Они были похожи на мелкую белую пудру, присыпавшую его пальцы.

Через видеолинзы он теперь видел линии на кончиках своих пальцев. Они выглядели, как огромные, полупрозрачные горные цепи, которые поглощали перышки, плывущие в огромные ущелья между горами. Верховная правительница первой спрыгнула с пера. И тут же упала, растянувшись на указательном пальце Прародителя.

– Ваша жирная кожа слишком скользкая! – громко пожаловалась она, сняла туфли и забросила их подальше. Она стояла босиком и оглядывалась вокруг с любопытством, пока другие прыгали на его палец. Вскоре море людей собралось между полупрозрачными утесами его кожи. Насколько мог судить Прародитель, на его руке собралось больше десяти тысяч микролюдей.

Прародитель поднялся и очень осторожно пошел к своему посадочному аппарату, держа перед собой неподвижно вытянутую руку.

Он еще не успел полностью войти в него, как толпа микролюдей начала кричать:

– Вау! Посмотрите только, металлическое небо! Искусственное Солнце!

– Не надо так волноваться; вы ведете себя глупо! Это просто маленький шаттл. Корабль там, наверху, гораздо больше! – одернула Верховная правительница своих людей. Но она тоже потрясенно оглядывалась по сторонам. Пока она озиралась, толпа запела свою странную песню:

О, славная макроэра,
Великолепная макроэра,
Печальная макроэра!
О, исчезнувшее видение!
В пожарах сгорела мечта.

Когда посадочный аппарат взлетел и взял курс на «Ковчег», Верховная правительница продолжила свой рассказ об истории микроэры.

– Некоторое время микро– и макрообщество сосуществовали. В этот период первые микролюди полностью впитывали знания макромира, и так мы унаследовали культуру макролюдей, – рассказывала она Прародителю. – В то же время микрочеловечество начало развивать свое собственное общество, с высокоразвитой технологией. В ее основе лежала нанотехнология. Эта переходная эра между макро– и микроэрами продолжалась примерно... гм... – Крохотные губки Верховной правительницы слегка дрожали, пока она силилась вспомнить. – Примерно в течение жизни двадцати поколений, или около того.

Затем, по мере приближения катастрофы, макролюди перестали рожать детей, и их число день ото дня уменьшалось. Одновременно население микролюдей резко увеличилось, в связи с этим выросли их возможности. Вскоре их возможности превзошли возможности общества макролюдей. На этом этапе микролюди потребовали передать им функции управления всей Землей. Это требование потрясло макрообщество до основания и вызвало мощную отрицательную реакцию. Некоторые твердолобые консерваторы отказались отдать политическую власть; они утверждали, что это все равно что отдать управление человечеством в руки бактерий.

Противостояние закончилось мировой войной между макро– и микролюдьми!

– Как ужасно для вашего народа! – ахнул Прародитель с сочувствием.

– Ужасно для макролюдей, так как они быстро потерпели поражение, – ответила Верховная правительница.

– Как это случилось? Один макрочеловек с молотом мог уничтожить микрогород с миллионным населением, – возразил Прародитель.

– Но микролюди сражались не в городах, а арсенал макролюдей совершенно не годился для сражений с невидимым врагом, – ответила она. – Единственным настоящим оружием, имевшимся в их распоряжении, был дезинфектант. На протяжении всей истории их цивилизации они использовали его для борьбы с микроорганизмами, но никогда не добивались решительной победы. Теперь, когда они стремились победить микролюдей, врага, равного им в умственном отношении, их шансы на победу были еще меньше. Они не могли следить за передвижениями микроармий, и поэтому мы имели возможность вывести из строя их компьютерные чипы прямо у них под носом. И что они могли поделать без своих компьютеров? Сила не в размерах, – объяснила Верховная правительница.

Прародитель кивнул в знак согласия.

– Если подумать...

Верховная правительница продолжала, ее глаза теперь ярко горели.

– Тех военных преступников постигла справедливая кара. Несколько тысяч особых подразделений микролюдей, вооруженные лазерными сверлами, спустились на парашютах на сетчатку их глаз... – Она позволила воображению Прародителю дорисовать остальное, потом продолжала уже спокойнее: – После войны микролюди взяли Землю под свой контроль. Когда закончилась макроэра, началась микроэра.

– Очень интересно! – воскликнул Прародитель.

Посадочный аппарат причалил к «Ковчегу», находящемуся на низкой околоземной орбите. Микролюди тут же опять сели на свои перья и начали изучать новую окружающую обстановку. Огромные размеры космического корабля заставили их онеметь от изумления.

Прародитель сначала думал, что их восклицания отражают восхищение, но Верховная правительница вскоре объяснила ему свои чувства насчет корабля.

– Теперь мы понимаем. Даже если бы на Солнце не произошло вспышки энергии, макроэра не могла бы сохраниться, – сказала она. – Вы потребляете в миллиарды раз больше ресурсов, чем мы!

– Но подумайте о том, что космический корабль способен лететь со скоростью, близкой к световой. Он может достичь звезд, удаленных от нас на сотни световых лет. Такой корабль можно построить только в великую макроэру, маленькие люди, – возразил Прародитель.

– В данный момент мы, конечно, не сможем создать космический корабль, равный этому. Наши космические корабли способны развить скорость всего в одну десятую скорости света, – согласилась Верховная правительница.

– Вы совершаете полеты в космос? – заикаясь, спросил Прародитель. Его удивление было так велико, что лицо побледнело.

– Разумеется, не такие дальние, как вы. Космические корабли микроэры не могут улететь дальше Венеры. Между прочим, мы только что получили от них послание, и они сообщили нам, что она выглядит гораздо более обитаемой, чем Земля, – ответила Верховная правительница, не обращая внимания на его изумление.

– И какого размера ваши корабли? – спросил Прародитель, взяв себя в руки.

– Большие корабли такого же размера, как в вашу эру был... гм... – Она помолчала, подыскивая правильную аналогию. – Футбольный мяч, – наконец, закончила она. – Они могут вместить сотни тысяч пассажиров. Маленькие, с другой стороны, всего лишь размером с мяч для гольфа – мяч для гольфа макроэры, конечно.

Эти слова уничтожили чувство превосходства Прародителя.

– Прародитель, предложите нам, пожалуйста, поесть. Мы умираем с голоду! – попросила Верховная правительница, обращаясь к нему от имени своих людей, когда летающие перышки собрались на пульте управления «Ковчега».

Прародитель видел десять тысяч микролюдей на своем пульте управления, нетерпеливо глядящих на него.

– Никогда не думал, что меня попросят пригласить на ланч столько людей, – ответил он с улыбкой.

– Мы, несомненно, не хотели бы просить у вас слишком много! – сказала девушка и оцетинилась от гнева.

Прародитель достал из своих запасов банку мясных консервов. Открыл ее, а потом маленьким ножиком осторожно достал маленький кусочек мяса. Потом со всеми предосторожностями положил его с одной стороны от микролюдей, столпившихся на пульте управления. Прародитель мог определить местонахождение толпы невооруженным глазом. Это был крошечный круглый участок на пульте размером примерно с монету. Этот участок выглядел менее гладким, чем остальные, словно кто-то подышал на холодную поверхность.

– Зачем вы взяли так много? Это очень расточительно! – упрекнула его Правительница Земли.

Теперь с помощью большого монитора Прародитель ее видел; а у нее за спиной возвышалась целая башня из мяса, к которой сбегались ее люди. Добравшись до розовой колонны, они отрывали от нее маленькие кусочки и ели их.

Снова переведя взгляд на пульт перед собой, Прародитель не смог заметить даже самого незначительного уменьшения размеров кусочка мяса. На экране он видел, что толпа быстро разбегается, некоторые на бегу бросали наполовину съеденные кусочки. Верховная правительница тоже оторвала кусочек и надкусила его. Начав жевать, она покачала головой.

– Это совсем невкусно, – заметила она, когда закончила есть.

– Конечно, невкусно; его синтезировал эконоциклер. Невозможно улучшить его вкус – мощность аппарата ограничена, – признался Прародитель извиняющимся тоном.

– Дайте нам какого-нибудь алкоголя, чтобы запить его! – тут же высказала следующую просьбу Правительница. – Это требование было встречено взрывом веселых возгласов из толпы микролюдей. Прародитель удивленно поднял брови; ведь он знал, что алкоголь способен убить микроорганизмы!

– Вы пьете пиво? – осторожно осведомился он.

– Нет, мы пьем виски или водку! – с удовольствием ответила Правительница Земли.

– Маотай^[12] тоже сойдет! – крикнул кто-то.

Собственно говоря, у Прародителя была бутылка маотая, которую он хранил на корабле с самого отлета с Земли. Он держал ее для того

дня, когда они найдут планету, пригодную для колонизации. Он принес эту бутылку.

Он с сожалением снял пробку с белой фарфоровой бутылки. Потом аккуратно налил немного напитка в крышечку и поставил ее рядом с толпой.

На экране он видел, как микролюди начали карабкаться на отвесную стену, которую представляла для них эта пробка. В микромасштабе на кажущейся гладкой поверхности крышки виднелось много уступов, за которые можно ухватиться. Пустив в ход навыки альпинистов, отточенные на городских небоскребах, микролюди быстро добрались до верхнего края крышки.

– Вау, какое прекрасное озеро! – в восхищении закричал хор микролюдей.

На экране Прародитель видел поверхность обширного озера из алкоголя, которая вспучилась гигантской дугой из-за сил поверхностного натяжения. Микрооператор следил своей камерой за Верховной правительницей, когда она попробовала зачерпнуть немного жидкости рукой. Но ей это не удалось, так как ее крохотные ручки не смогли дотянуться до нее. Тогда она села на край пробки, оттуда опустила стройную ножку и провела ступней по поверхности алкоголя. Ее изящная ножка тут же покрылась прозрачным слоем жидкости. Подняв ногу, она руками отделила капельку алкоголя. И отправила ее в рот.

– Вау! – воскликнула она, удовлетворенно кивая. – Алкоголь макроэры действительно намного лучше, чем спиртное нашей микроэры.

– Очень рад слышать, что у нас еще есть что-то лучше, чем у вас. Но использовать ногу, чтобы вот так пить, – это очень негигиенично, – заметил Прародитель.

– Я не понимаю, – ответила она, озадаченно глядя на него снизу.

– Вы довольно много ходили босиком; ваши ступни, наверное, покрыты микробами, – объяснил Прародитель.

– О, теперь я понимаю! – воскликнула Правительница Земли. Ей подали коробку, которую нес один из ее помощников. Она открыла коробку, и оттуда сразу же появилось странное животное. Это был круглый организм размером с футбольный мяч с крошечными,

хаотично изогнутыми ножками. Верховная правительница подняла это создание за одну из ножек и объяснила:

– Смотрите, это один из подарков для вас от нашего города! Лакто-цыпленок!

Прародитель напряг память, пытаясь возродить свои познания в микробиологии.

– Вы хотите сказать, что это... – Он замолчал, сомневаясь. – Молочнокислая бактерия?

– Так она называлась в макроэру. Это существо, которое придает вкус йогурту. Очень полезное животное! – ответила Верховная правительница.

– Очень полезная бактерия, – поправил ее Прародитель. – Но теперь я понимаю, что бактерии не могут вам ничем навредить. Наше понятие о гигиене лишилось смысла в микроэру.

Правительница покачала головой.

– Не обязательно. Некоторые животные – ах, – спохватилась она, – некоторые бактерии могут нанести нам серьезный вред. Например, существуют коли-волки. Справиться с таким врагом – очень большой подвиг. Но большинство животных, например, дрожжевые свинки, вполне милые. – Продолжая говорить, она сняла еще одну каплю со своей ступни и отправила ее в рот. Когда Верховная правительница встала, стряхнув остатки алкоголя с ноги, она уже довольно сильно опьянела, и ее речь стала неразборчивой.

– Никогда не ожидал, что алкоголь все еще существует! – нахмурился Прародитель, искренне удивленный.

– Мы, – ответила Правительница, нечетко выговаривая слова, – мы унаследовали все, что было прекрасного в прежней цивилизации, хотя те макролюди считали, будто мы не имеем на это права. – Она запнулась. – Права стать носителями человеческой цивилизации. – Кажется, у нее кружилась голова, и она плюхнулась на прежнее место.

– Мы унаследовали всю философию человечества – западную, восточную, греческую и китайскую! – закричали в один голос люди из толпы.

Сидя на краю пробки, Правительница Земли подняла руки к небу и нараспев стала произносить:

– Никто не может войти в одну и ту же реку дважды. Тао родил Одного. Один родил Двух. Два родили Трех. Три родили... – Голос ее

замер, но она быстро и неразборчиво заговорила снова: – ...породили все создания! Мы ценим картины Ван Гога. Мы слушаем музыку Бетховена. Мы ставим пьесы Шекспира. «Быть или не быть, вот в чем...» – Она опять сделала паузу. – «...Вот в чем вопрос». Она снова встала, пьяно пошатываясь, и постаралась сыграть роль Гамлета как можно лучше.

– В нашу эпоху мы и представить себе не могли, что такая девушка, как вы, станет правительницей планеты, – заметил Прародитель.

– Макроэра была печальной эпохой с печальной политикой. Микроэра – эра беззаботности. Нам нужны веселые лидеры, – ответила Верховная правительница, она уже выглядела гораздо более трезвой.

– Мы не закончили нашу дискуссию. – Она помолчала, собираясь с мыслями. – Нашу дискуссию об истории. Мы только что говорили о... – Она опять сделала паузу, подумала. – Ах да, о войне. После войны между макро– и микролюдьми вспыхнула мировая война между микролюдьми.

Шокированный Прародитель перебил ее:

– Что? Не за территории, конечно?

– Конечно, нет, – ответила Верховная правительница. – Если есть что-то поистине неисчерпаемое в микроэру, то это территория. Были некоторые причины, – тут она снова сделала паузу, на этот раз по причинам, известным ей одной, потом продолжила: – ...Некоторые причины, непонятные макролюдям. Но знайте, что во время одной из самых крупных кампаний поля сражений были такими большими, что охватывали... – Она опять сделала паузу. – О, в ваших единицах – больше трехсот футов. Только представьте себе такое огромное пространство!

– Вы унаследовали от макроэры больше, чем я мог себе представить, – серьезно заявил Прародитель.

– Позже макроэра сосредоточила все свои силы на подготовку к неминуемой катастрофе. За пять столетий мы построили тысячи супергородов глубоко под земной корой. Эти города показались бы вам шарами из нержавеющей стали диаметром шесть футов, и каждый мог служить домом десяткам миллионов жителей. Эти города были построены в пяти тысячах миль под поверхностью земли...

– Погодите секунду; радиус Земли чуть меньше четырех тысяч миль, – перебил Прародитель.

– Ох, я опять использовала наши единицы измерения, – извинилась Правительница. – В ваших единицах это будет около... – Она сделала расчеты про себя. – Да, полмили! Когда мы увидели первые признаки вспышки на Солнце, весь микромир переселился под поверхность Земли. Потом... потом разразилась катастрофа.

– Через четыреста лет после катастрофы первая группа микролюдей поднялась по массивным туннелям, размером приблизительно с водопроводные трубы макроэры. Пробурив выход сквозь затвердевшую магму лазерным буром, они вышли на поверхность, – объяснила она. – Однако прошло еще пять веков, прежде чем микролюди смогли создать для себя новый мир на поверхности. Когда мы наконец это сделали, мы построили мир с десятками тысяч городов, мир с восемнадцатью миллиардами обитателей.

– Тогда мы были полны оптимизма по поводу будущего человечества. Такой всеобщий, безграничный оптимизм был бы невозможен в макроэру. Мы были оптимистичны именно по причине крохотного масштаба нашего микросообщества. Он означал, что способность человечества выжить в этой вселенной увеличилась во много миллионов раз. Например, – сказала она, – содержимое только что вскрытой вами банки могло бы два года кормить целый город. А сама жестяная банка могла бы обеспечить наш город необходимым металлом на эти два года.

– Как макроособь, я теперь гораздо лучше понимаю огромные преимущества микроэры. Все это так похоже на миф, так эпично! – воскликнул Прародитель с восхищением.

Верховная правительница улыбнулась и продолжала:

– Эволюция идет в сторону маленьких размеров. Большой размер не означает величие. Микроскопической жизни гораздо легче сосуществовать в гармонии с природой. Когда вымерли гигантские динозавры, их современники, муравьи, выжили. Теперь, если будет грозить еще одна крупная катастрофа, космический корабль размером с ваш посадочный модуль сможет эвакуировать все человечество. Микролюди смогут заново построить свою цивилизацию на самом мелком астероиде и жить там в комфорте.

Последовало долгое молчание.

Наконец Прародитель, в упор глядя на море человеческих существ, стоящих перед ним на пяточке размером с монету, торжественно заявил:

– Когда я снова увидел Землю, когда я считал себя последним человеческим существом во вселенной, я был в отчаянии, всякая надежда покинула меня. Никто никогда не испытывал такого душераздирающего страдания. Но теперь! Теперь я самый счастливый из живых людей; по крайней мере, я самый счастливый из всех когда-либо существовавших макролюдей. Я вижу, что человеческая цивилизация устояла. Собственно говоря, цивилизация достигла гораздо большего, она не просто выжила; вы настоящая вершина цивилизации! Мы все человеческие существа, родом из одного источника. Поэтому сейчас я прошу микролюдей принять меня в качестве гражданина в ваше общество.

– Мы приняли вас, когда впервые заметили «Ковчег». Вы можете жить на Земле. Для микроэры не будет проблемой обеспечить одного макрочеловека, – таким же торжественным тоном ответила Правительница Земли.

– Я буду жить на Земле, но все, что мне необходимо, может дать «Ковчег». Система жизнеобеспечения корабля сможет обеспечивать меня до естественного конца жизни. Макрочеловеку нет необходимости потреблять ресурсы Земли, – сказал Прародитель, и его лицо осветила огромная, безмолвная радость.

– Но наша ситуация улучшается. Не только климат Венеры стал более гостеприимным по отношению к человеку, температура на Земле тоже снова повышается. Может быть, в следующем году у нас даже пройдет дождь во многих районах планеты. Тогда растения смогут опять вырасти, – заявила Правительница Земли.

– Кстати о растениях, а вы когда-нибудь видели растения? – спросил Прародитель.

– Мы выращиваем лишайники на внутренней стороне нашего защитного купола, – ответила Верховная правительница. – Это огромные растения, каждый стебелек высотой с десятиэтажное здание! И еще в воде есть хлорелла...

Прародитель перебил ее:

– А вы когда-нибудь слышали о траве? Или о деревьях?

– Вы говорите о растениях макроэры, высота которых достигала высоты гор?.. Это же легенды древних веков, – ответила она.

Прародитель усмехнулся и сказал:

– Я хочу сделать кое-что. Когда я вернусь, я покажу вам подарки, которые привез для микроэры. Думаю, вы им будете очень рады!

Глава 6

Возрождение

Оставшись опять в одиночестве, Прародитель прошел в помещение склада-холодильника «Ковчега», заполненное высокими, аккуратными рядами стеллажей. Многие тысячи запаянных пробирок заполняли эти стеллажи. Это был банк семян, где хранились семена миллионов видов растений Земли. «Ковчег» должен был доставить эти семена на далекую планету, которую люди потом заселили бы.

И еще там было несколько рядов, где хранились эмбрионы. Клетки эмбрионов миллионов видов животных Земли.

Когда в следующем году температура повысится, Прародитель засеет травой Землю. Среди этих миллионов видов семян были достаточно стойкие, чтобы выжить среди льда и снега. Они, несомненно, прорастут на нынешней Земле.

Если всего одну десятую экосферы планеты удастся восстановить до того состояния, в котором она была во время макроэры, то микроэра станет раем на Земле. Собственно говоря, восстановить можно гораздо больше. Прародитель дал волю своему воображению: он мог представить себе бурную радость микро-людей, когда они в первый раз увидят колоссальную зеленую травинку, поднимающуюся до небес. А как насчет маленького луга? Что будет означать луг для микролюдей?

Целое сенокосное угодье! А что будет означать сенокосное угодье? Зеленый космос для микролюдей! И маленький ручеек в траве? Каким волшебным зрелищем станет ручей с чистой, прозрачной водой, журчащей в траве, для глаз микролюдей. Правительница Земли сказала, что скоро могут начаться дожди. Если они начнутся, то сможет вырасти зеленый луг и оживет тот ручей! Тогда и деревья наверняка вырастут! Боже мой, деревья!

Прародитель уже видел группу микролюдей, ученых, отправляющихся в экспедицию от корней дерева, начинающих свое чудесное, большое путешествие вверх по стволу. Каждый листик станет для них зеленой равниной, простирающейся до самого горизонта.

Потом могут появиться бабочки. Их крылья будут похожи на разноцветные облака, плывущие по небу. И птицы, каждый их крик станет ангельскими трубами, звучащими с небес.

Действительно, одна триллионная часть экологических ресурсов Земли могла бы легко прокормить триллионное население микролюдей! Теперь Прародитель, наконец, понял то, что так часто подчеркивали микролюди.

Микроэра была веком без забот.

Ничто не могло угрожать этому новому миру, ничто, кроме...

Ужасная мысль омрачила мысли Прародителя и его душу, когда он понял, что должен сделать; и сделать это надо немедленно. Откладывать нельзя. Он подошел к одному из стеллажей и взял сто герметично запаянных пробирок.

В них хранились клетки эмбрионов его современников – клетки эмбрионов макролюдей.

Прародитель взял эти пробирки и бросил их в лазерную печь для уничтожения отходов. Затем вернулся на склад-холодильник, несколько раз прошелся взад и вперед вдоль рядов стеллажей, тщательно осматривая каждый уголок. Только когда он полностью удостоверился, что ни одной пробирки с макролюдьми не осталось, он вернулся к лазерной печи. Когда он нажал кнопку, его охватило чувство глубокого покоя.

Луч лазера имел температуру в десятки тысяч градусов. В его ослепительном свете пробирки и эмбрионы, в них находившиеся, испарились в мгновение ока.

Пожиратель

Глава 1

Кристалл с Эридана

Он находился прямо перед ним, но Капитан все же едва разглядел эту полупрозрачную кристаллическую структуру. В черной пустоте пространства он парил, скрываясь во мраке, похожий на осколок стекла, утонувший в тумане. Только небольшое искажение света звезд, вызванное его прохождением, позволило Капитану установить его местонахождение. Вскоре он снова пропал, исчез в пространстве среди звезд.

Внезапно Солнце деформировалось, его далекий, вечный свет искривлялся и мигал у него перед глазами. Это испугало Капитана, но он сохранял свое легендарное «азиатское спокойствие». В отличие от десятка солдат, парящих рядом с ним, ему удалось не ахнуть от потрясения. Капитан сразу понял: кристалл пролетел всего в тридцати футах от него, он заслонил Солнце, сияющее на расстоянии шестидесяти миллионов миль от них. В следующие три столетия эта странная картина часто возникала в его памяти, и он гадал, не была ли она дурным предзнаменованием судьбы человечества.

Будучи офицером самого высокого ранга Вооруженных сил обороны Земли при ООН, Капитан командовал межпланетным отрядом этих сил. Это было крохотное подразделение, но обеспеченное самым мощным ядерным оружием, когда-либо изобретенным человечеством. Его врагами были безжизненные скалы, несущиеся в космосе: астероиды и метеориты, которые система раннего оповещения занесла в список небесных тел, угрожающих Земле. Задачей сил обороны Земли было отклонять или уничтожать такие объекты.

Они служили в космическом патруле больше двух десятилетий, и все же никогда не имели случая применить свои бомбы. Все скалы, достаточно крупные, чтобы оправдать их использование, казалось, обходили Землю стороной, будто нарочно не давая им случая прославиться.

Однако теперь луч радара обнаружил этот кристалл на расстоянии двух астрономических единиц. Траектория кристалла была столь же

изменчивой, сколь и абсолютно неестественной, и выводила его прямо к Земле.

Капитан и его команда осторожно приближались, бустеры их скафандров чертили сложную паутину следов вокруг странного объекта. Когда они подлетели на расстояние тридцать футов, внутри кристалла вспыхнул туманный свет, ясно выявивший очертания призмы длиной примерно десять футов. Когда космические патрульные подлетели еще ближе, они различили сложные переплетения кристаллических труб его двигательной системы. Теперь Капитан парил прямо перед ним. Протянув к кристаллу руку в перчатке, он осуществил первый контакт человечества с внеземным разумом.

Когда он протянул руку, кристалл снова стал прозрачным. Ярко окрашенное изображение теперь ожило внутри него. Это была девушка-манга, почти девочка, с огромными вращающимися глазами и длинными волосами, ниспадающими до самых ступней. Она была одета в красивую струящуюся юбку и, казалось, мечтательно плыла в невидимой воде.

– Предупреждение! Опасность! Предупреждение! Пожиратель приближается! – сейчас же закричала она, явно охваченная паникой. Ее большие глаза смотрели на Капитана, тонкая ручка указывала куда-то в противоположную от Солнца сторону с ощутимой тревогой. Невозможно было усомниться, что невидимый враг преследует ее по пятам.

– Откуда вы прилетели? – спросил Капитан внешне невозмутимо.

– С Эпсилон Эридана, как вы его называете, по-видимому, и по вашему времени я путешествую уже шестьдесят тысяч лет, – ответила она и тут же опять закричала: – Пожиратель приближается! Пожиратель приближается!

Капитан продолжал свои расспросы:

– Вы живая?

– Конечно, нет. Я всего лишь послание, – прозвучало в ответ.

Но эта передышка была короткой.

– Пожиратель приближается! Пожиратель приближается!

– Каким образом вы умеете говорить по-английски? – продолжал Капитан.

Девушка снова ответила без колебаний.

– Я научилась по дороге сюда, – ответила она и тут же продолжала: – Пожиратель приближается! Пожиратель приближается!

– И то, что у вас такая внешность?.. – Капитан не закончил свой вопрос.

– Я увидела ее по пути сюда, – сказала она и продолжала кричать с еще большей настойчивостью: – Пожиратель приближается! Пожиратель приближается! О, несомненно, Пожиратель должен вас приводить в ужас!

– Что такое Пожиратель? – спросил наконец Капитан.

– Внешне он похож на гигантскую автомобильную шину. Гм, да, такая аналогия будет вам понятна, – начала объяснять девушка с Эридана.

– Вы очень хорошо осведомлены о том, как работают вещи в нашем мире, – перебил ее Капитан, поднимая брови за щитком шлема.

– Я узнала обо всем по дороге сюда, – ответила девушка, а потом опять закричала: – Пожиратель приближается! – Прокричав эти слова, она мгновенно переместилась к одному концу кристалла. Там, где она находилась секунду назад, появилось изображение «шины», и оно действительно очень напоминало шину, хотя его поверхность сияла фосфоресцирующим светом.

– Какой он величины? – спросил один из офицеров.

– Его общий диаметр равен тридцать одной тысяче миль. Тело «шины» имеет в ширину шесть тысяч миль, а диаметр отверстия посередине – девятнадцать тысяч миль.

Наступила долгая пауза, потом кто-то задал вопрос, который теперь был на уме у всех:

– Вы имеете в виду *наши* мили?

Девушка сразу же спокойно ответила:

– Конечно. Он такой большой, что способен окружить целую планету, точно так же, как одна из ваших шин может окружить футбольный мяч. Когда он окружает планету, то начинает грабить природные ресурсы планеты, а потом выплевывает остатки, как косточку вишни, когда она съедена.

Опять все замолчали, потом офицер заговорил дрожащим от тревоги голосом:

– Но мы все еще не совсем понимаем, что такое Пожиратель.

Девушка в кристалле без колебаний поделилась с ними новыми сведениями:

– Это космический корабль, на котором сменилось много поколений, но мы не знаем, откуда он прилетел и куда направляется. Фактически даже гигантские ящеры, которые пилотируют его, наверняка этого не знают. Путешествуя по Млечному Пути десятки миллионов лет, они, конечно, забыли и свое происхождение, и свою первоначальную цель. Но одно можно сказать наверняка: в далеком прошлом, когда был построен «Пожиратель», он был гораздо меньших размеров. Он поедает планеты, чтобы расти, и он сожрал нашу планету!

Когда она замолчала, изображение «Пожирателя» в кристалле стало расти и в конце концов заполнило все пространство экрана. Вскоре стало ясно, что этот корабль медленно опускается на планету невидимого оператора. С точки зрения ее обитателей, она стала всего лишь дном медленно вращающегося космического колодца. Были ясно видны сложные конструкции, покрывающие стены этого титанического колодца. Сначала они напомнили Капитану бесконечно увеличенные схемы микропроцессора. Потом он понял, что это была бесконечная цепочка городов, протянувшаяся вдоль всего внутреннего кольца «Пожирателя». При взгляде на верхний край колодца в кристалле видно было кольцо излучения синего цвета, идущего из отверстия колодца. В небе над ним он образовал гигантский огненный ореол, охватывающий звезды.

Девушка с Эридана сообщила им, что они видят кольцо сопел кормовых двигателей «Пожирателя». Пока она говорила, все ее тело внезапно превратилось в развевающиеся щупальца, и даже пряди волос стали похожи на бесчисленные извивающиеся руки. Каждая частица ее тела выражала безграничный ужас.

– Вы сейчас видите, как пожирают третью планету Эпсилон Эридана, – сообщила она им. – Первое, что вы бы заметили, если бы находились тогда на планете, это то, что ваше тело стало легче. Понимаете, сила гравитации «Пожирателя» была такой мощной, что подавляла гравитацию нашей планеты. Это вызвало катастрофические разрушения. Во-первых, наши океаны вздыбились навстречу «Пожирателю», когда он проходил над полюсами планеты. Затем, когда «Пожиратель» полностью окружил нашу планету, вода хлынула к

экватору. Океан затопил всю планету, волны вздымались так высоко, что чуть не доставали до облаков.

– Невероятные силы гравитации разрушили наши континенты, разорвали их на куски, словно они были всего лишь папиросной бумагой. Дно наших морей и суша покрылись язвами кратеров извергающихся вулканов. – Девушка сделала паузу в своем повествовании, потом продолжила, ее ресницы трепетали от волнения. – Когда «Пожиратель» дошел до нашего экватора, он остановился, полностью захватив нашу планету и образовав с ней единое небесное тело на орбите вокруг нашего Солнца. Теперь наша планета оказалась прямо в его брюхе.

Когда «Пожиратель» начинает грабить планету, из его внутренней стены на поверхность опускаются бесчисленные кабели длиной в тысячи миль. Вся планета опутана ими, подобно мухе, попавшей в паутину космического паука. Потом гигантские транспортные модули начинают сновать взад и вперед между планетой и «Пожирателем», унося с собой океаны и атмосферу планеты. Пока они летают туда-сюда, другие громадные механизмы начинают бурить кору планеты, жадно извлекая минералы, чтобы утолить голод «Пожирателя». – Девушка снова замолчала, напряженно глядя куда-то вдаль. Она возобновила рассказ так же внезапно, как и прекратила. – «Пожиратель» и планета уничтожают силу тяжести друг друга, создавая зону низкой гравитации между этой «шиной» и планетой. Такая зона очень упрощает доставку ресурсов планеты на «Пожиратель». Колоссальный грабеж идет очень эффективно.

В единицах времени Земли «Пожирателю» требуется не больше ста лет, чтобы сожрать планету. После этого на ней не остается ни воды, ни атмосферы. Пока «Пожиратель» бесчинствует, его гравитация деформирует планету, постепенно вытягивая ее вдоль экватора. В конце концов планета становится... – Девушка в третий раз замолчала, на этот раз она подбирала слова, не думая о произведенном впечатлении. – Как вы это назвали бы? Да, бесформенной. «Пожиратель» высасывает планету досуха и двигается дальше, а планету выплевывает. Когда он улетает, планета снова принимает сферическую форму. И пока она восстанавливает ее, происходит окончательная глобальная катастрофа, ее поверхность становится похожей на море расплавленной магмы, какой она была при ее

рождении много миллиардов лет назад. Почти как тогда, в этом огненном аду не выживет никакая жизнь.

– Как далеко находится «Пожиратель» от нашей Солнечной системы? – спросил Капитан, когда она закончила рассказ.

– Он следует прямо за мной! – взволнованно ответила она. – По вашему времени он появится здесь всего через каких-то сто лет! Тревога! «Пожиратель» приближается! «Пожиратель» приближается!

Глава 2

Посланник Клык

Как раз в тот момент, когда спор насчет того, стоит ли доверять Кристаллу, начал разгораться всерьез, первый маленький корабль «Пожирателя» вошел в Солнечную систему. Он направлялся прямо к Земле.

Инициатива первого контакта снова принадлежала космическому патрулю под командой Капитана. Настроение этого контакта разительно отличалось от предыдущего, и это настроение было далеко не единственным контрастом. Изящная конструкция Кристалла Эридана обладала всеми признаками утонченной технологии высокоразвитой цивилизации. Корабль «Пожирателя» был полной противоположностью. Его внешний вид был чрезвычайно грубым и некрасивым, он напоминал сковородку, которая почти сто лет провалялась забытая в пустыне. Те, кто видел его, сразу же вспоминали гигантскую машину в стиле «стимпанк» из фантастики двадцатого века.

Внешность посланника Империи Пожирателя соответствовала его летательному аппарату: массивная, неуклюжая ящерица, покрытая громадными пластинами чешуи. Его рост был почти тридцать футов, когда он стоял вертикально. Он представился, как Клыч, но из-за внешности и поведения в дальнейшем его очень скоро стали называть Клык.

Когда Клык совершил посадку у здания Объединенных Наций, выхлоп двигателей его летательного аппарата вырыл большой кратер, а в окружающих зданиях появились трещины и дыры. Поскольку размеры посланника инопланетян не позволили ему войти в Зал Ассамблеи, делегаты собрались на встречу с ним на Площади Объединенных Наций перед зданием. Некоторые из них теперь прикрывали лица окровавленными носовыми платками, прижимая их к ранам на лбу от вылетевших стекол и обломков бетона.

Земля содрогалась при каждом шаге Клыка, приближавшегося к ним, а когда пришелец заговорил, то его голос походил скорее на рев. Этот звук напоминал вопли дюжины паровозных гудков, и волосы

всех, кто его слышал, встали дыбом. Хотя в полете Клык выучил английский язык, говорил он при помощи громоздкого переводчика, висевшего у него на шее, это устройство повторяло его слова на английском языке. От грубого мужского голоса, звучащего из переводчика, несмотря на то что он был намного тише настоящего голоса Клыка, по коже слушателей бежали мурашки.

– Ха! Ха! Вы, белые и нежные черви, вы, обворожительные маленькие червячки, – весело начал Клык.

Стоящие вокруг люди зажали руками уши и чуть приоткрыли их только тогда, когда рев закончился, чтобы послушать перевод.

– Мы с вами будем жить вместе сто лет, и я думаю, что мы друг другу понравимся, – продолжал Клык.

– Ваша честь, вы должны понимать, что мы очень озабочены целью прибытия вашего огромного корабля-матки в нашу Солнечную систему! – заявил Генеральный секретарь, высоко поднимая голову, чтобы обратиться к Клыку. Хотя он и кричал изо всех сил, его голос казался не громче жужжания комара.

Клык поднялся на задние лапы, приняв человекоподобную позу. Когда он переступал с ноги на ногу, земля дрожала.

– Великая Империя Пожирателя поглотит Землю, чтобы иметь возможность продолжать свое эпическое путешествие! – провозгласил он. – Это неизбежно!

– А что будет с человечеством? – спросил Генеральный секретарь слегка дрожащим голосом.

– Это я решу сегодня, – ответил Клык.

В наступившей паузе главы государств обменялись многозначительными взглядами. Генеральный секретарь наконец кивнул и сказал:

– Нам необходимо обсудить это строго между собой.

Клык покачал массивной головой и прервал все дальнейшие разговоры:

– Это очень простой вопрос: я просто должен попробовать на вкус...

И с этими словами он протянул свой гигантский коготь в толпу и выдернул из нее главу одного из европейских государств. Грациозно подбросил этого мужчину вверх футов на двадцать, прямо в свою пасть. Потом начал старательно жевать. От первого хруста до

последнего его жертва не издала ни одного звука; невозможно было сказать, что удержало этого человека от крика – гордость или ужас.

Несколько кошмарных мгновений слышен был только хруст и треск костей, ломающихся в гигантских зубах Клыка, похожих на кинжалы. Примерно через полминуты Клык выплюнул костюм и туфли бедняги, как человек мог бы выплюнуть арбузные косточки. Одежда пропиталась кровью, но осталась до ужаса целехонькой.

Казалось, весь мир погрузился в мертвое молчание, пока его не прервал голос человека.

– Сэр, как вы могли так просто взять и съесть его? – задал вопрос Капитан, стоящий в толпе.

Клык двинулся к нему гигантскими, громоподобными шагами. Толпа бросилась от него врассыпную. Он остановился перед капитаном, и его взгляд непроницаемо черных глаз, размером с баскетбольный мяч, опускался все ниже, пока не остановился на нем.

– А мне не следовало? – спросил он.

– Сэр, откуда вы могли знать, что его можно есть? – напрямую спросил Капитан. – С точки зрения биохимии почти невероятно, что существо с такой далекой от вас планеты окажется съедобным.

Клык кивнул, его гигантская пасть, кажется, улыбалась.

– Я за вами наблюдал. Вы смотрели на меня спокойно и отстраненно, погруженный в свои мысли. О чем вы думали?

Капитан тоже улыбнулся и ответил:

– Сэр, вы дышите нашим воздухом и говорите, используя звуковые волны. У вас два глаза, нос и рот. У вас четыре конечности, расположенные симметрично с двух сторон... – Он не закончил свою мысль и умолк.

– И вам это непонятно? – спросил Клык, качая гигантской головой у самого лица Капитана. Потом с шипением выдохнул тошнотворно зловонный воздух, пахнувший кровью.

– Правильно. Я достаточно хорошо понимаю принципы материи и считаю большое сходство между нами непонятым, – ответил Капитан, не выказывая никаких признаков отвращения и страха.

– Я тоже кое-чего не понимаю. Почему вы так спокойны? Вы солдат? – вместо ответа спросил Клык.

– Я воин, который защищает Землю, – ответил Капитан.

– Гм, но разве то, что вы расталкиваете маленькие камешки, делает вас воинами? – возразил Клык с почти откровенной насмешкой.

– Я готов к более суровым испытаниям, – заявил Капитан мрачно, вздернув подбородок.

– Забавный червячок, – рассмеялся Клык и кивнул головой. Выпрямившись во весь рост, он снова повернулся к главам государств. – Но вернемся к настоящей теме нашей беседы – к судьбе человечества. Вы вкусные. Вы такие гладкие и нежные, что напоминаете мне синие ягоды, которые мы собираем на одной планете в системе Эридана. Поэтому я вас поздравляю. Ваш вид будет продолжать жить. Мы будем разводить вас как домашний скот в Империи Пожирателя. Мы позволим вам прожить добрых шестьдесят лет, прежде чем выставим на продажу.

– Сэр, вы не думаете, что наше мясо с возрастом будет напоминать старую дичь? – спросил Капитан с холодным смешком.

Клык покатился со смеху, его хохот был похож на взрыв вулкана.

– Ха-ха-ха-ха! Пожиратели любят перекусить тем, что нужно долго жевать!

Глава 3

Муравьи

Объединенные Нации договорились с Клыком еще о нескольких встречах. Несмотря на то что больше никого не съели, приговор человечеству остался прежним.

Одна встреча должна была состояться на старательно подготовленном месте археологических раскопок в Африке.

Корабль Клыка совершил посадку точно по расписанию, примерно в пятидесяти метрах от раскопок. Оглушительный взрыв и ураган из обломков, которые сопровождали его прибытие, к этому моменту уже были всем хорошо знакомы.

Девушка с Эридана объяснила им, что двигатели космического корабля работают от миниатюрного атомного реактора. Этот принцип, как и большая часть сведений, которые она им сообщила о Пожирателях, был вполне понятен земным ученым; а вот то, что она рассказала им о технологии обитателей Эридана, неизменно ставило их в тупик. Например, ее кристалл начал плавиться в атмосфере Земли. В конце концов вся секция, где находилась его система двигателей, растворилась, от нее остался только тонкий осколок кристалла, грациозно парящий в воздухе.

Когда Клык прибыл на место раскопок, два сотрудника ООН подарили ему большой альбом, размером в целый квадратный ярд. Он был тщательно изготовлен так, чтобы соответствовать огромным размерам Пожирателя. Сотни красиво оформленных страниц альбома демонстрировали все аспекты культуры людей со всеми красочными подробностями. Он чем-то походил на роскошный букварь для детей.

Стоя внутри большой траншеи на месте раскопок, один археолог живо изложил славную историю земных цивилизаций. Он вложил весь свой пыл в отчаянную попытку заставить инопланетянина понять, осознать, что на голубой планете существует много такого, что стоит сохранять и лелеять. Его энтузиазм заставил его самого расплакаться. Зрелище было жалкое.

В конце концов он указал на раскопки и нараспев произнес:

– Уважаемый посланник, то, что вы здесь видите, – это недавно открытые остатки города. Самого древнего поселения людей, обнаруженного в наши дни, ему пятьдесят тысяч лет. Неужели сердца вашего народа так жестоки, что вы уничтожите нашу великолепную цивилизацию? Цивилизацию, которая медленно развивалась, шаг за шагом, в течение пятидесяти тысяч лет?

Пока он держал речь, Клык листал альбом и явно забавлялся. Когда археолог закончил говорить, Клык поднял голову и бросил взгляд на раскопки.

– Эй, червяк-археолог, мне наплевать и на вашу дыру, и на ваш древний город в этой дыре. Однако я бы очень хотел увидеть ту землю, которую вы вынули из траншеи, – сказал он, указывая на большую кучу земли.

Озадаченность археолога сменилась полным изумлением, когда искусственный голос переводчика закончил переводить пожелание Клыка.

– Землю? – переспросил он, подбирая слова. – Но в этой куче земли ничего нет.

– Это вы так считаете, – возразил Клык, подходя к холмику земли. Нагнувшись к земле всем своим длинным телом, он вонзил в нее два своих громадных когтя и начал копать. Быстро образовался круг зрителей, многие ахнули, следя за ловкостью когтей Клыка, которые выглядели обманчиво неуклюжими. Копая мягкую землю, он несколько раз доставал из грунта крохотные частицы и клал их на альбом. Добрых десять минут Клык казался полностью увлеченным этим странным занятием. Закончив то, что он хотел сделать, он осторожно поднял альбом двумя когтями и выпрямился. Потом подошел к собравшимся людям и позволил им увидеть то, что лежало на альбоме.

Только взглядевшись очень пристально, собравшиеся смогли рассмотреть, что это были сотни муравьев. Он собрал их в плотный клубок, некоторые были еще живые, другие мертвые, скрюченные.

– Я хочу вам рассказать одну историю, – сказал Клык, пока люди рассматривали муравьев. – Это история одного царства. Это царство было потомком великой империи, и она зародилась еще в конце мелового периода на Земле, во время которого ее основатели построили великолепный город в тени большой груды костей

динозавра. – Клык замолчал, глубоко задумавшись, потом продолжал: – Но это давно забытая, старинная история, и когда вдруг наступила зима, только последние из династии королей помнили те славные дни. То была очень долгая зима, и Земля покрылась ледниками. Десятки миллионов лет бурной жизни пропали зря, существование становилось все более опасным.

Очнувшись после последней спячки, королева не смогла разбудить хотя бы одного из каждой сотни своих подданных. Остальных похоронил холод, некоторые замерзли и превратились всего лишь в прозрачные, пустые оболочки. Трогая стены своего города, королева чувствовала, что они холодны как лед и тверды как сталь. Она поняла, что Земля так и осталась замерзшей. В ту эпоху ужасного холода она даже летом не оттаяла. Королева решила, что пора покинуть родину предков и искать землю, которая не промерзла, чтобы основать новое царство.

– И поэтому королева повела своих уцелевших подданных на поверхность, чтобы начать долгое и трудное путешествие под тенью возвышающихся над землей ледников, – рассказал Клык. – Большая часть подданных погибла во время долгих скитаний, убитая смертоносным холодом. Но королева и немногие оставшиеся в живых особи в конце концов нашли участок земли, которого не коснулся мороз. Поднявшиеся к поверхности геотермальные воды согрели эту полоску суши. Королева, конечно, ничего этого не знала. Она не понимала, почему в каком-то месте замерзшей планеты еще есть влажная и мягкая почва, но ее совсем не удивило то, что она его нашла: расу, выживавшую в течение долгих шестидесяти миллионов лет, нельзя так просто уничтожить!

– В условиях покрытой ледниками Земли и тусклого света Солнца королева провозгласила, что здесь им предстоит основать новое, могущественное царство – царство, которое будет существовать вечно. Стоя у вершины высокой белой горы, она заявила, что это новое царство будет называться «Царством Белой горы», – торжественно произнес он.

– В действительности давшая имя царству вершина была черепом мамонта, – продолжал он. – Эра позднего Плейстоцена Четвертичного периода оледенения была в зените. В те дни вы, черви, рода людского, еще были тупыми животными, дрожащими в своих редких пещерах.

Должно было пройти еще девяносто тысяч лет до появления первых проблесков вашей цивилизации на континенте, на далеких равнинах Месопотамии.

– Питаясь замерзшими останками мамонта у Царства Белой горы, новое поселение просуществовало десять тысяч тяжелых лет. Затем, когда закончилась эпоха оледенения, на Землю вернулась весна, и суша снова покрылась зеленью. В период этой бурной вспышки жизни Царство Белой горы быстро достигло золотого века процветания. Его подданным не было числа, и они правили обширной территорией. В течение следующих десяти тысяч лет царством управляли бесчисленные династии и бесчисленные эпические поэмы рассказывали его историю.

Продолжая свой рассказ, Клык указал на большую кучу земли перед ним.

– Это – последнее место упокоения Царства Белой горы. Так как вы, ничтожные черви-археологи, были заняты своими раскопками потерянного древнего города, мертвого уже пятьдесят тысяч лет, вы совершенно не поняли, что в почве над этими руинами находится очень живой город, в котором идет бурная жизнь. По масштабам его можно легко сравнить с Нью-Йорком, а ведь Нью-Йорк расположен всего в двух измерениях. Этот город был грандиозной, трехмерной метрополией, расположенной в многочисленных слоях. Каждый слой заполнен лабиринтами улиц, просторными площадями и великолепными дворцами. Системы городского дренажа и пожарной охраны превосходили подобные системы Нью-Йорка.

– В этом городе была сложная социальная структура и четкое разделение труда, – рассказывал Клык своей внимательной аудитории. – Все его население управлялось с точностью механизма и с гармоничной эффективностью. Здесь не существовало пороков употребления наркотиков и преступлений, и поэтому не было ни безнравственности, ни волнений. Но его жители ни в коем случае не были лишены эмоций, они подобающим образом проявляли печаль, когда один из подданных Царства покидал этот мир. У них даже было кладбище на поверхности, на окраине города, и там они хоронили своих усопших на глубине одного дюйма под землей.

– Однако самого большого одобрения заслуживала огромная библиотека, хранящаяся в самом нижнем слое города. В этой

библиотеке можно было найти множество яйцевидных контейнеров. Каждый из них представлял собой книгу, наполненную феромонами. Чрезвычайно сложная химия этих феромонов хранила знания города. Здесь были записаны эпические поэмы, подробно повествующие о долгой истории Царства Белой горы. Здесь можно было узнать о большом лесном пожаре, о том, как все подданные царства обнялись друг с другом, образовали бесчисленные шары и, приложив героические усилия, спаслись из моря огня, плывя по течению реки. Можно было узнать историю столетней войны с Империей Белых термитов и о том, как, отправившись в экспедицию, городские жители увидели великий океан... – Голос из переводчика Клыка умолк.

Потом снова зазвучал его громкий рев.

– Но все это уничтожено за три коротких часа. Уничтожено, когда здесь появились экскаваторы, затмевая небо и с грохотом сотрясая землю. Их гигантские стальные когти вонзались в почву города и хватали ее, полностью уничтожив и сокрушив все, что находилось внутри. Они уничтожили даже тот слой, где покоились дети города и десятки тысяч белоснежных яиц, которым еще только предстояло стать детьми.

Казалось, весь мир опять погрузился в мертвую тишину. Эта тишина была даже более долгой, чем та, которая последовала за ужасным пиршеством Клыка. Стоящие перед инопланетным посланником люди в первый раз не находили слов для ответа.

Наконец Клык произнес:

– Нам еще предстоит долго общаться друг с другом и обсуждать многие вещи, но давайте не будем говорить о морали. Во Вселенной такие понятия не имеют смысла.

Глава 4

Ускорение

Клык оставил людей на месте раскопок в состоянии глубокого шока и отчаяния. Капитан снова первым нарушил молчание. Он повернулся к окружающим его высокопоставленным представителям всех стран и сказал:

– Я понимаю, что я никто и что единственная причина, почему мне повезло присутствовать при этих событиях, – это то, что я первым вступил в контакт с двумя представителями инопланетных разумов. Тем не менее я хочу вам кое-что сказать: во-первых, Клык прав; во-вторых, единственный выход для человечества – сражаться.

– Сражаться? Ох, Капитан, сражаться... – Генеральный секретарь покачал головой с горькой улыбкой.

– Правильно! Сражаться! Сражаться! Сражаться! – закричала девушка с Эридана из своей хрустальной панели, пролетая в нескольких футах над головами собравшихся. Внутри пронизанного солнцем кристалла все тело девушки с длинными волосами начало извиваться и растекаться.

– Вы, народ Эридана, с ними сражались. Чем это закончилось? – крикнул кто-то. – Человечество должно думать о своем выживании как вида, а не об удовлетворении вашего извращенного желания отомстить.

– Нет, сэр, – возразил Капитан, поворачиваясь к толпе. – Народ Эридана вступил в бой с врагом, о котором ничего не знал, он воевал, чтобы защитить себя. Более того, их общество исторически не знало войн. Учитывая обстоятельства, едва ли стоит удивляться, что они потерпели поражение. Тем не менее в течение столетия яростных схваток они научились хорошо понимать Пожирателей. Теперь этот космический корабль передал нам огромное хранилище своих знаний. Это даст нам преимущество.

Тщательное предварительное изучение материала показало, что Пожиратели вовсе не такие страшные, как мы сначала опасались, – сообщил он им. – Более того, кроме их невероятно крупных размеров, остальное доступно нашему пониманию. Их формы жизни, более

десяти миллиардов Пожирателей, имеют углеродную основу, точно так же, как мы. Они даже похожи на нас на молекулярном уровне, и так как у нас с врагом одинаковая биологическая база, ничто в них не останется для нас непонятным. Мы должны подсчитать наши преимущества; подумайте, что мы могли бы столкнуться с захватчиками, состоящими из энергетических полей и материала нейтронных звезд.

Но для надежды есть еще больше оснований, – продолжал он. – Пожиратели обладают очень небольшим количеством, скажем так, «супертехнологий». Технологии Пожирателей, несомненно, далеко опередили технологии людей, но это главным образом вопрос масштаба, а не теоретической сложности. Главным источником энергии двигательной системы Пожирателей является ядерный синтез. Фактически вода, отнятая у чужих планет, используется, – кроме основного жизнеобеспечения, – на топливо для этой системы. Технология двигателей Пожирателей основана на принципе отдачи и сохранении импульса силы; это не какая-то незнакомая нам ерунда типа искривления пространства-времени. – Капитан сделал паузу, всматриваясь в лица стоящих перед ним людей. – Все это может привести в отчаяние наших ученых; в конце концов, Пожиратели, с их десятками миллионов лет развития, ясно демонстрируют нам пределы науки и техники, но также ясно показывают нам, что наш противник не является непобедимым богом.

Генеральный секретарь подумал над словами Капитана и спросил:

– Но достаточно ли этого, чтобы обеспечить победу человечеству?

– Конечно, у нас есть более специфические сведения.

Информация, которая должна позволить нам сформулировать стратегию, которая позволит рассчитывать на победу. Например...

– Ускорение! Ускорение! – прокричала девушка с Эридана над головами, перебив Капитана.

Капитан объяснил ее взрыв энтузиазма озадаченным людям, стоящим вокруг.

– Мы узнали из данных Эридана, что возможность корабля Пожирателей развивать ускорение ограничена. Эриданцы наблюдали за ним два долгих века и никогда не видели, чтобы он превысил этот особый предел. Чтобы это подтвердить, мы использовали данные эриданского корабля для построения математической модели, которая

объясняет конструкцию корабля «Пожиратель» и прочность материала компонентов его конструкции. Вычисления с использованием этой модели подтвердили наблюдения эриданцев. Существует жесткий предел скорости, на которой они способны развить ускорение, и этот предел определяется сохранностью конструкции. Если корабль превысит данный предел, то этот колосс разорвет на куски.

– И что из этого следует? – спросил глава одной великой страны, все еще сомневаясь.

– Нам следует сохранять хладнокровие и все тщательно обдумать, – со смехом ответил Капитан.

Глава 5

Лунное убежище

В переговорах людей с инопланетным посланником наконец-то намечился некоторый небольшой прогресс: Клык согласился на требование построить людям убежище на Луне.

– Люди – существа, склонные к ностальгии, – объяснил Генеральный секретарь со слезами на глазах на одном из совещаний.

– И Пожиратели тоже, несмотря на то что у нас больше нет дома, – ответил Клык, с сочувствием кивая.

– Так вы позволите некоторым из нас остаться? Если разрешите, они подождут, пока великая Империя Пожирателя выплюнет Землю после того, как закончит поглощать планету. Подождав, когда успокоится преобразенная геология планеты, они вернутся и заново построят нашу цивилизацию.

Клык покачал своей гигантской головой.

– Когда Империя Пожирателя поглощает планету, употребляет ее полностью. Когда мы закончим, Земля станет такой же пустынной, как Марс. Вашей жалкой технологии будет недостаточно, чтобы возродить цивилизацию.

Генеральный Секретарь не давал себя переубедить.

– Но мы должны попытаться. Это успокоит наши души, и это будет особенно важно для тех из нас, которых в Империи Пожирателя выращивают в качестве скота. Они, несомненно, будут лучше набирать вес, если смогут вспоминать свой далекий дом в этой Солнечной системе, пусть даже дома уже не существует.

Теперь Клык кивнул.

– Но куда уйдут эти люди, пока Землю будут пожирать? Кроме Земли, мы также намерены использовать Венеру. Юпитер и Нептун слишком большие для нас планеты, но мы съедем их спутники. Империя Пожирателя нуждается в их углеводородах и воде. Мы также частично надгрызем бесплодные планеты Марс и Меркурий, так как нас интересует их двуокись углерода и металлы. Поверхности всех этих планет превратятся в моря огня.

У Генерального секретаря ответ был наготове:

– Мы можем найти убежище на Луне. Мы понимаем, что Империя Пожирателя планирует столкнуть Луну с ее орбиты перед тем, как приняться за Землю.

Клык кивнул.

– Это верно. Силы гравитации «Пожирателя» и Земли будут очень мощными. Они могут привести к тому, что Луна врежется в наш корабль. Такое столкновение способно разрушить нашу Империю.

Генеральный секретарь еле заметно улыбнулся и ответил:

– Тогда все в порядке, позвольте некоторым из нас там поселиться. Для вас потеря будет небольшой.

– Сколько человек вы собираетесь оставить? – спросил Клык.

– Минимум, необходимый для сохранения нашей цивилизации: сто тысяч, – решительно ответил Генеральный секретарь.

– Тогда вам следует браться за работу, – сделал вывод Клык.

– За работу? За какую работу? – озадаченно спросил Генеральный секретарь.

– Вам надо столкнуть Луну с ее орбиты. Для нас это всегда создает большие неудобства, – категорично заявил Клык.

– Но сэр, – возразил Генеральный секретарь, в отчаянии вцепившись в свои волосы, – это все равно что отказать человечеству в нашей незначительной и жалкой просьбе. Сэр, вы же знаете, что мы не обладаем такими технологическими возможностями!

– Ха, червяк, какое мне до этого дело? И кроме того, разве в вашем распоряжении нет еще целого столетия? – со смехом закончил Клык.

Глава 6

Установка мин

Бригада людей, одетых в скафандры, стояла возле буровой вышки, возвышающейся на сверкающей белой равнине Луны. Посланник Империи Пожирателя стоял поодаль, его гигантская фигура вырисовывалась еще одним силуэтом на фоне горизонта. Все глаза неотрывно смотрели на металлический цилиндр, который медленно опускался с вершины буровой вышки в колодец под ней. Вскоре трос быстро исчез в колодце. На Земле, на расстоянии 240 000 миль, вся планета приникла к экранам, наблюдая за происходящими на Луне событиями. Затем раздался сигнал: полезная нагрузка достигла дна колодца. Все наблюдатели, в том числе Клык, разразились аплодисментами, приветствуя этот исторический момент.

Последняя атомная мина, которая должна столкнуть Луну с ее орбиты, заложена. Прошло сто лет с тех пор, как Кристалл с Эридана и посланник Империи Пожирателя прибыли на Землю. Для человечества это было столетие отчаяния, сто лет тяжелой борьбы.

В первой половине столетия вся Земля с пылом бросилась искать решение задачи по созданию двигателя, который мог бы сместить орбиту Луны. Технологию, необходимую для конструирования такого двигателя, однако, никак не удавалось создать. Они добились лишь того, что на поверхности Луны возникло несколько гор из металлолома, останков неудачных прототипов. Затем еще были озера из металла, образовавшиеся, когда экспериментальные двигатели расплавились в огне ядерного синтеза.

Люди обратились к Клыку за технической помощью; в конце концов, лунным двигателям не обязательно было даже иметь размеры в одну десятую от размера бесчисленных супердвигателей «Пожирателя».

Тем не менее Клык им отказал, да еще и стал насмехаться.

– Не думайте, что вы сможете построить двигатель для планеты просто потому, что понимаете ядерный синтез. От хлопущки до ракеты долгий путь. По правде говоря, вам всем нет смысла так усердно работать над этим. То, что более слабая цивилизация становится

скотом для питания более сильной, обычная практика в галактике Млечный Путь. Вы обнаружите, что те, кого выращивают для питания, живут прекрасно. Вы не будете ни в чем нуждаться и будете жить счастливо до конца. Некоторые цивилизации стремились стать скотом, но им отказали. То, что вас смущает такая перспектива, виноват ваш самый банальный антропоцентризм.

Тогда человечество возложило все свои надежды на Кристалл Эридана, но снова их постигло разочарование. Технология цивилизации Эридана развивалась по направлениям, совершенно не похожим на технологии Земли и Пожирателя. Их технология полностью основывалась на организмах их планеты. Например, кристалл был симбионтом некоего планктона, плавающего в океанах их планеты. Эриданцы просто синтезировали и использовали необычные способности форм жизни их планеты, не понимая до конца их тайн. И поэтому, в отсутствие форм жизни Эридана, их технология не могла функционировать.

Потеряв более пятидесяти драгоценных лет, люди в отчаянии внезапно придумали крайне эксцентричный способ сдвинуть с места Луну. Именно Капитану первому пришел в голову этот план. В то время он играл главную роль в программе создания двигателей для Луны, и ему присвоили звание маршала. Несмотря на то что его план был абсолютно нелогичным, его технические требования были скромными и доступная людям технология вполне могла его осуществить; многие даже были удивлены, что никто до такого раньше не додумался.

Новый план по перемещению Луны был очень простым: большое количество ядерных зарядов следует установить на одной стороне Луны. Большинство этих мин нужно поместить на расстоянии примерно двух миль под лунной поверхностью и расположить на таком расстоянии друг от друга, чтобы ни одна мина не была уничтожена взрывом соседней. В соответствии с этим планом пять миллионов атомных зарядов следовало установить на «двигательной стороне» Луны. По сравнению с этими минами самые мощные атомные бомбы времен холодной войны выглядели просто игрушками.

Когда придет время взорвать эти сверхмощные атомные заряды под лунной поверхностью, силу их взрывов и сравнить будет нельзя с ядерными испытаниями прежних веков, которые проводились глубоко

под землей. Эти взрывы выбросят целый пласт лунного вещества. В условиях низкой гравитации Луны выброшенные взрывом каменные породы и пыль разовьют вторую космическую скорость. Взлетев в пространство, они придадут колоссальную движущую силу самой Луне.

Если быстро взорвать одну за другой определенное количество мин, эта движущая сила может стать непрерывно действующей движущей силой, точно так же как если бы Луну снабдили мощным двигателем. Взрывая атомные мины в разных местах, можно будет управлять траекторией движения Луны.

У этого плана был задуман и второй этап, для него нужен не один, а два слоя атомных зарядов под лунной поверхностью. Вторым слоем нужно заложить на глубине примерно четырех миль. После того как верхний слой будет полностью использован, «двигательная» сторона Луны лишится слоя поверхностного вещества глубиной в две мили. Непрерывные взрывы затем плавно перейдут на второй слой. Это удвоит время, в течение которого «двигатель» сможет перемещать Луну.

Когда девушка с Эридана услышала этот план, она пришла к выводу, что люди поистине сошли с ума.

– Теперь я понимаю. Если бы у вас имелась технология, сравнимая с технологией Пожирателей, вы бы могли стать еще более жестокими, чем они! – воскликнула она.

Клык, напротив, рассыпался в похвалах:

– Ха-ха! Какая прекрасная идея пришла вам в голову, черви. Мне она нравится. Мне нравится ваша вульгарность. Вульгарность – это высшая форма прекрасного! – воскликнул он.

– Абсурд! Как может вульгарность быть прекрасной? – возразила девушка с Эридана.

– Вульгарность естественно прекрасна, и нет ничего более вульгарного, чем Вселенная! Звезды маниакально горят в угольно-черной пропасти пространства. Разве это не вульгарно? Вы понимаете, что Вселенная – это мир мужчин? Женские цивилизации, подобные вашей, хрупкие, нежные и деликатные, – болезненное извращение в крохотном уголке Вселенной. Вот и все! – ответил Клык.

Прошло сто лет, а огромная туша Клыка по-прежнему была полна жизненной силы. Девушка с Эридана все еще оставалась живой и

энергичной, но Капитан уже ощущал груз лет. Ему было 130 лет, он стал стариком.

В это время «Пожиратель» только что миновал орбиту Плутона. Он просыпался после долгого путешествия длиной в шестьдесят тысяч миль от Эпсилон Эридана. Во мраке космоса его огромное кольцо ярко вспыхнуло, а его гигантское общество принялось за работу, готовясь ограбить Солнечную систему.

После того как «Пожиратель» разграбил периферические планеты, он двинулся по кратчайшей траектории к Земле.

Глава 7

Первая и последняя космическая война человечества

Началось ускорение движения Луны прочь от Земли.

Луна висела в дневном небе Земли, когда взорвались первые мины. Вспышка каждого взрыва ненадолго осветила Луну в голубом небе, сделав ее похожей на гигантский серебряный глаз, лихорадочно подмигивающий с небес. Когда на Землю спустилась ночь, вспышки на одной стороне Луны все еще лили свет на творения рук человека на земной поверхности, находящиеся на расстоянии двадцати пяти тысяч миль от нее. Теперь стал виден бледный серебристый след, тянущийся за темной стороной луны. Он состоял из камней, выброшенных взрывами с лунной поверхности. Камеры, установленные на той стороне Луны, где были заложены заряды, показывали, как пласт скальной породы вылетает в космос мощным потоком, похожим на поток воды во время наводнения. Волны камней быстро исчезали вдаль, превращаясь в тонкие нити, тянущиеся от Луны. Поворачивая к другой стороне Земли, Луна двигалась по орбите со все большим ускорением.

Однако внимание людей теперь было приковано к огромному, вызывающему ужас кольцу, которое появилось в небе: «Пожиратель» навис над Землей. Колоссальные приливы, вызванные его притяжением, уже уничтожили прибрежные города Земли.

Кольцо хвостовых двигателей корабля Пожирателей испускало голубые вспышки, осуществляя последние маневры корректировки орбиты для сближения с Землей. В конце концов его орбита точно совпала с околосолярной орбитой Земли, и в то же время его ось вращения совпала с осью вращения Земли. Завершив эту корректировку, корабль очень медленно начал двигаться к Земле, готовясь окружить планету своим огромным кольцом.

Ускорение Луны продолжало расти два месяца. В течение этого времени под ее поверхностью каждые две-три секунды взрывался атомный заряд, общее число взрывов достигло невообразимой цифры в 2,5 миллиона. После выхода Луны на вторую орбиту вокруг Земли в

результате ускорения ее некогда круговая орбита приобрела явно эллиптическую форму. Когда Луна переместилась к дальнему концу этого эллипса, Клык и Капитан прилетели на ее сторону, направленную вперед, противоположную той, где взрывались мины. Капитан нарочно пригласил инопланетного посланника по этому случаю.

Когда они стояли на лунной равнине в окружении кратеров, то чувствовали, как сотрясаются недра на другой стороне у них под ногами. Им почти казалось, будто они чувствуют мощное биение сердца спутника Земли. На угольно-черном небе над ними ослепительно сверкало гигантское кольцо, оно занимало полнеба.

– Отлично, Капитан-червяк, просто превосходно! – аплодировал Клык, в его голосе звучала искренняя похвала. – Но, – продолжал он, – вам следует поторопиться. На ускорение у вас осталось время полета по еще одной орбите. Империя Пожирателя не привыкла ждать других. И у меня есть еще один вопрос: города, которые вы построили под поверхностью десять лет назад, до сих пор стоят пустыми. Когда появятся их обитатели? Как ваши корабли смогут перебросить сто тысяч человек с Земли всего за один месяц?

– Мы никого не станем перебрасывать сюда, – спокойно ответил Капитан. – Мы будем последними людьми, стоявшими на Луне.

Услышав это, Клык в изумлении изогнул свою тушу. Капитан произнес «мы», имея в виду пять тысяч офицеров и солдат космических войск Земли. Они выстроились в идеальную фалангу на покрытой кратерами лунной равнине. Во главе фаланги стоял солдат, потрясая голубым флагом.

– Смотрите! Это знамя нашей планеты. Мы объявляем войну Империи Пожирателя! – заявил Капитан с вызовом в голосе.

Клык стоял, онемев, он был скорее озадачен, чем удивлен. Его тело тут же зашаталось, и он упал на спину из-за внезапного увеличения силы тяжести. Он растянулся во весь рост на лунной почве, настолько ошеломленный, что даже не пытался двигаться. Вокруг него медленно оседала лунная пыль, взлетевшая из-за падения его огромного тела.

Но пыль опять тут же взлетела вверх, потревоженная сильными ударными волнами, идущими с другой стороны Луны. Из-за них вскоре вся равнина покрылась слоем белой пыли.

Клык осознал, что частота ядерных взрывов на другой стороне Луны внезапно возросла в несколько раз. Судя по резкому увеличению силы тяжести, он пришел к выводу, что ускорение Луны тоже выросло в несколько раз. Перевернувшись, он вытащил из переднего кармана своего скафандра большой карманный компьютер и вывел на экран изображение нынешней траектории орбиты. И сразу же понял, что такой огромный рост ускорения сместит Луну с орбиты. Луна освободится от влияния притяжения Земли и стремительно улетит в космос. Пунктир из сверкающих красных точек показывал ее новый курс.

Это был курс на столкновение с «Пожирателем».

Без колебаний отбросив компьютер, Клык медленно поднялся на ноги. Напрягая шею, чтобы преодолеть резкое увеличение тяжести, он взглянул сквозь плотные облака лунной пыли. Перед ним стояли воины Земли, по-прежнему во весь рост, непоколебимые, как древние менгиры^[13].

– Столетие заговоров и предательства, – пробормотал Клык себе под нос.

Капитан только кивнул в знак согласия.

– Теперь вы понимаете, что уже слишком поздно, – мрачно заявил он.

Клык издал долгий вздох и заговорил:

– Мне следовало понять, что люди Земли – это совершенно другая порода, они совсем не похожи на эриданцев. Жизнь на их планете развивалась на основе симбиоза, они не знали естественного отбора и борьбы за выживание. Они даже не знали, что такое война. – Он помолчал, переваривая случившееся. – Мы позволили себе руководствоваться этим при нашей оценке людей Земли. Вы непрерывно убивали друг друга с того дня, когда слезли с деревьев. Как вас можно было легко завоевать? Я... – Он снова сделал паузу. – Это было непростительное нарушение долга!

Капитан заговорил и спокойным, ровным тоном дальше объяснил Клыку то, что тот уже и так понимал.

– Эриданцы дали нам очень много существенных сведений. В том числе о пределе возможности Пожирателей наращивать скорость. Именно эта информация легла в основу нашего плана боевых действий. Когда мы взорвем мины, которые меняют траекторию Луны,

ее ускорение маневрирования превысит предел ускорения «Пожирателя» в три раза. Другими словами, – сказал он, – она будет в три раза проворнее, чем ваш корабль. Вы никак не сможете избежать предстоящего столкновения.

– Собственно говоря, вы не совсем застали нас врасплох, – ответил Клык. – Когда Земля начала производить большое количество атомных мин, мы стали следить за их местонахождением. Мы убедились, что они установлены глубоко под поверхностью Луны, но мы не думали... – Голос Клыка умолк.

Капитан слабо улыбнулся под прикрытием щитка своего шлема.

– Мы не так глупы, чтобы прямо атаковать Пожирателей атомными бомбами, – сказал он. – Мы знаем, что Империя Пожирателя закалилась в сотнях сражений. Простые, грубые ракеты Земли были бы по одной перехвачены и все уничтожены. Но невозможно перехватить такое огромное тело, как Луна. Может быть, «Пожиратель», с его огромными мощностями, мог бы в конце концов разрушить или отклонить в сторону Луну, но теперь она уже слишком близко, и это невозможно. У вас не хватит времени.

Клык оскалился.

– Находчивые черви. Черви-предатели, злобные черви. – Он покачал головой, ощетинившись. – Империя Пожирателя – честная цивилизация. Мы все делаем в открытую, но нас подло предали земные черви. – С этими словами он заскрежетал своими огромными зубами и в ярости чуть не поддался желанию схватить своими гигантскими когтями Капитана. Однако солдаты, целясь прямо в него, остановили его порыв. Клык не забыл, что его тело тоже всего лишь из плоти и крови. Один залп из винтовок его бы прикончил.

Глядя в упор на Клыка, Капитан заявил:

– Мы сейчас улетим, и вам тоже следует покинуть Луну, иначе вас наверняка уничтожит атомное оружие Империи Пожирателя.

Капитан оказался прав. Как только Клык и космические войска людей покинули поверхность Луны, ракеты-перехватчики «Пожирателя» нанесли удар. На обеих сторонах Луны теперь сверкали яркие вспышки. Обращенная вперед сторона Луны взорвалась, колоссальные волны из камней выбросило в космос. Лунная материя стремительно летела с поверхности Луны во всех возможных направлениях. Для зрителей с Земли Луна, несущаяся к точке

столкновения с кораблем Пожирателей, выглядела воином с гривой огненных волос, стоящих дыбом от ярости. Не было такой силы, которая могла бы ее сейчас остановить! В тех местах Земли, откуда можно было это видеть, людские толпы разражались радостными воплями.

Операция по перехвату, начатая «Пожирателем», продолжалась недолго и вскоре прекратилась. Он понял, что его атака совершенно бесполезна. За те секунды, пока Луна покроет короткое расстояние между ними, невозможно изменить ее курс или уничтожить ее.

Атомные взрывы, придававшие ускорение Луне, тоже прекратились. Она приобрела необходимое ускорение, и защитники Земли хотели сохранить достаточно атомных зарядов для совершения последних маневров, если потребуется. Наступила тишина.

В холодном спокойствии космоса «Пожиратель» и спутник Земли плыли друг к другу совершенно беззвучно. Расстояние между ними быстро сокращалось. Когда оно уменьшилось до тридцати тысяч миль, с командного корабля Верховного командования Земли можно уже было видеть, как Луна пересекает край гигантского кольца «Пожирателя». С их точки зрения эта картина напоминала падение мяча в корзину.

До этого момента «Пожиратель» никак не менял траекторию полета. Нетрудно понять почему: Луне было легко выполнить любой ответный маневр и соответственно изменить свою траекторию. Любую попытку уклониться от столкновения можно было успеть предотвратить. Два космических гиганта напоминали рыцарей древности на турнире. Они мчались галопом навстречу друг другу, но только в последний момент сближения, за мгновение до встречи, выяснится, кто победитель.

Две великие цивилизации Млечного Пути затаили дыхание, замороженно ожидая этого решающего момента.

На расстоянии двадцати тысяч миль обе стороны начали свои маневры. Двигатели корабля Пожирателей заработали первыми, выбросив голубое пламя на расстояние более пяти тысяч миль в пространство. Они начали маневр, чтобы избежать столкновения. На Луне снова взорвались атомные заряды, мощные взрывы следовали один за другим с беспрецедентной частотой и интенсивностью. Они корректировали курс, чтобы обеспечить столкновение. Изгибающийся

дугой след из обломков ясно показывал, как изменилось его направление. Голубой свет огненных струй корабля Пожирателей, длиной в пять тысяч миль, слился с серебристыми вспышками атомных взрывов на Луне; это было самое великолепное зрелище из всех, какие знала Солнечная система.

Оба противника маневрировали так в течение трех часов. Расстояние между ними уже сократилось до трех тысяч миль, когда дисплеи компьютеров показали то, чего не ожидал никто на командном корабле: корабль Пожирателей менял свой курс с ускорением, в четыре раза превосходящим тот предел, который эриданцы считали возможным!

Все это время они безоговорочно верили в этот предел. Они полагались на него и предвкушали победу Земли. Теперь мощности атомных мин, оставшихся на Луне, уже не хватало, чтобы сделать нужную корректировку траектории и догнать противника. Вычисления показали, что всего через три часа, даже если они сделают все от них зависящее, Луна пролетит мимо «Пожирателя» на расстоянии 250 миль от него.

Последний залп ослепительных вспышек, осветивших командный корабль, израсходовал весь запас атомных зарядов Земли. И почти в тот же момент замолчали двигатели «Пожирателя». В мертвой тишине законы инерции продекламировали последние строчки величественной поэмы: Луна пролетела мимо корабля Пожирателей, едва не задев его. Ее скорость была такой большой, что гравитация «Пожирателя» не смогла поймать ее, только слегка изогнула ее траекторию, когда она промчалась мимо. После того как Луна миновала корабль Пожирателей, она безмолвно устремилась прочь от Солнца.

На командном корабле члены Верховного командования долго молчали. Летели минуты.

– Эриданцы нас предали, – наконец прошептал один из потрясенных командующих.

– Кристалл, вероятно, был просто западней, устроенной нам Империей Пожирателя! – крикнул один из штабных офицеров.

В одно мгновение среди Верховного командования воцарился хаос. Большинство его членов кричали и вопили: некоторые так выражали полное отчаяние, другие пытались его скрыть. Все были на грани истерики. Несколько штатских сотрудников рыдали; некоторые

рвали волосы на голове. Боевой дух балансировал на краю пропасти, готовый рухнуть в нее навсегда.

Только Капитан оставался безмятежным, молча стоя перед большим экраном. Он медленно повернулся и одним простым вопросом остановил хаос.

– Я бы попросил всех вас обратить внимание на одну деталь: почему «Пожиратель» выключил двигатели?

Дикий шум тут же сменился глубокой задумчивостью. Действительно, после того как на Луне использовали последний атомный заряд, у противника не было оснований выключать двигатели. Он не мог знать, остались ли еще мины на Луне. Более того, существовала опасность, что гравитация корабля Пожирателей захватит Луну. Если бы они продолжали наращивать ускорение, то могли легко увеличить расстояние от траектории Луны. Могли – и должны были – сделать его большим, чем эти жалкие 250 миль.

– Дайте мне крупный план внешнего корпуса их корабля, – приказал Капитан.

На экране возникло голографическое изображение. Передача шла с высокоскоростного зонда-разведчика, летящего на расстоянии трехсот миль над поверхностью корабля Пожирателей. Стала ясно видна его великолепно освещенная поверхность. Они с трепетом рассматривали массивные стальные горы и долины на теле гигантского кольца, медленно вращающегося перед ними. Длинный черный шов привлек внимание Капитана. За прошедшее столетие он хорошо разглядел каждую деталь поверхности корабля Пожирателей, но был совершенно уверен, что этой трещины раньше не было. Другие тоже быстро ее заметили.

– Что это такое? Неужели это... трещина? – спросил кто-то.

– Да. Трещина. Трещина длиной в три тысячи миль, – кивнул Капитан. – Эриданцы нас не обманывали. Предел ускорения реальный, но при приближении Луны отчаявшиеся Пожиратели рискнули превысить предел ускорения в четыре раза, чтобы избежать столкновения. Однако им пришлось дорого заплатить: их корабль дал трещину.

Затем они обнаружили и другие трещины.

– Смотрите, что сейчас происходит? – закричал кто-то, когда в результате вращения стала видна другая часть поверхности корабля

противника. Ослепительно-яркий свет появился на краю металлической поверхности, словно солнце вставало над его обширным горизонтом.

– Это двигатель вращения! – крикнул один офицер.

– Действительно. Это редко используемый экваториальный двигатель вращения, – объяснил Капитан. – Он работает на полную мощность, пытаюсь прекратить вращение корабля!

– Капитан, вы попали в точку, и вот доказательство!

– Теперь мы должны действовать и использовать все доступные средства, чтобы собрать подробную информацию и начать моделирование! – отдал приказ Капитан. Он еще не договорил, как все члены Верховного командования приступили к выполнению его задания.

В течение минувшего столетия была разработана математическая модель, точно описывающая физическую структуру корабля Пожирателей. Необходимые данные эффективно собрали и обработали, и быстро получили результаты: потребуется почти сорок часов для того, чтобы вращательный двигатель «Пожирателя» замедлил скорость на величину, необходимую для предотвращения разрушения корабля пришельцев. И все же всего за восемнадцать часов центробежные силы должны полностью разорвать на части корабль Пожирателей.

Члены Верховного командования разразились радостными криками. На большом экране сияло голографическое изображение неминуемой гибели корабля Пожирателей: процесс разрушения шел очень медленно, почти как во сне. На фоне угольно-черной темноты космоса этот гигантский мир растворялся подобно молоку в чашке кофе, его края постепенно исчезали, их поглощала окружающая тьма. Казалось, корабль Пожирателей тает в пространстве. Лишь редкая вспышка взрыва теперь позволяла увидеть контуры распадающегося корабля.

Капитан не наблюдал вместе с остальными эту радующую сердце картину разрушения. Он стоял в стороне и сосредоточенно смотрел на другой экран, внимательно наблюдая за реальным кораблем Пожирателей. На его лице не было и следа торжества. Когда на мостике все успокоилось, другие члены командования начали обращать на него внимание. Один за другим они подходили к его

экрану и обнаруживали, что голубой свет в кормовой части корабля Пожирателей появился снова.

«Пожиратель» опять запустил двигатели.

Учитывая критическое состояние, в котором уже находилась кольцевая конструкция корабля, это казалось совершенно неразумным решением. Любое ускорение, даже самое минимальное, могло иметь катастрофические последствия. Но траектория корабля пришельцев – вот что действительно озадачивало зрителей: он очень медленно возвращался обратно, на ту позицию, которую занимал до маневров с целью уклониться от столкновения. Он осторожно возвращался на геосинхронную орбиту и приводил ось своего вращения в соответствие с осью вращения Земли.

– Что? Он все еще хочет сожрать Землю? – воскликнул один офицер, одновременно шокированный и сбитый с толку.

Его вопрос вызвал у некоторых смех. Однако всякий смех вскоре умолк, когда люди увидели выражение лица Капитана. Он уже не смотрел на экран. Его глаза были закрыты. На смертельно бледном лице отсутствовало всякое выражение. За последнюю сотню лет офицеры и солдаты, посвятившие свою жизнь защите Земли от «Пожирателя», хорошо научились понимать выражение лица Капитана. Таким они его еще никогда не видели. Члены Верховного командования затихли и снова повернулись к экрану. Они наконец осознали серьезность положения.

У «Пожирателя» еще оставался выход.

Полет их корабля к Земле начался. Они уже сравнялись с Землей в орбитальной скорости и вращении и приближались к Южному полюсу планеты.

Если времени потребуется слишком много, то собственные центробежные силы корабля Пожирателей разорвут его на куски; если он будет двигаться слишком быстро, мощность его двигателей разорвет его на куски. Жизнь «Пожирателя» висела на волоске. Ему нужно было поддерживать идеальный баланс между временем и скоростью.

Перед тем как Южный полюс Земли охватило гигантское кольцо «Пожирателя», члены Верховного командования увидели, как быстро меняется форма замершего континента. Антарктика съеживалась, как кусок масла на горячей сковородке. Мировые океаны сдвигались к

Южному полюсу под влиянием огромной силы тяжести корабля Пожирателей, и теперь белый кончик Земли исчезал в их прибывающих водах.

Собственно говоря, сам корабль тоже менялся. Многочисленные новые трещины покрывали его корпус, и все они росли в длину и в ширину. Первые несколько разрывов уже походили не на черные швы, а на зияющие пропасти, из которых сиял ярко-красный свет. Их можно было ошибочно принять за порталы в ад, длиной в тысячи миль.

Посреди всего этого разрушения несколько тонких белых нитей поднялись из массивного корпуса кольца. Потом стало появляться все больше и больше этих волокон, они струились из каждой части корабля. Казалось, будто огромный корабль отрастил голову, покрытую редкими седыми волосами. В действительности то были следы двигателей кораблей, запущенных из большого кольца. Пожиратели бежали со своего обреченного мира.

Половина Земли уже была окружена «Пожирателем», когда ситуация ухудшилась: гравитация Земли действовала, как невидимые спицы космического колеса, которые сдерживали разрушение «Пожирателя». Новые трещины не возникали на ее поверхности, а уже открывшиеся трещины перестали расти. Через сорок часов Земля была полностью окружена «Пожирателем». Влияние гравитации планеты в этот момент стало сильнее, и трещины на поверхности корабля захватчика начали затягиваться. Прошло еще пять часов, и они полностью закрылись.

На командном корабле все экраны Верховного командования стали черными, и даже освещение погасло. Единственным сохранившимся источником освещения были смертельно бледные лучи Солнца, проникающие в иллюминаторы. Для создания искусственной гравитации средняя часть корабля продолжала медленно вращаться. Поэтому Солнце появлялось и исчезало то в одном иллюминаторе, то в другом. Свет и тень менялись местами, как будто пытаясь воспроизвести былые дни и ночи.

– Благодарю вас за сто лет преданной службы, – сказал Капитан. – Спасибо всем вам. – Он отдал честь членам Верховного командования. Под взглядами офицеров и обслуживающего персонала он спокойно снял и сложил свой мундир. Другие последовали его примеру.

Человечество потерпело поражение. Защитники Земли сделали все от них зависящее, чтобы выполнить свой долг, и, как солдаты, они выполнили его с честью. В душе они все приняли невидимые медали с чистой совестью. Они имели право радоваться этому моменту.

Глава 8

Эпилог: Возвращение

– Там действительно вода! – закричал молодой лейтенант с радостным удивлением. И правда, перед ними раскинулось обширное водное пространство. Под хмурыми небесами переливались и искрились волны.

Капитан снял перчатки космического скафандра. Обеими руками зачерпнул немного воды. Подняв щиток шлема, рискнул попробовать воду на вкус. Быстро опустил щиток и крикнул: «Она не слишком соленая». Увидев, что лейтенант собирается поднять свой щиток, он остановил его.

– Вы пострадаете от декомпрессии. С составом атмосферы все в порядке, количество ядовитых серных компонентов в воздухе уже значительно уменьшилось. Однако атмосферное давление слишком низкое. Если поднимите щиток, то будете чувствовать себя так, как чувствовали бы себя на высоте тридцати тысяч футов до войны.

Генерал копнул песок у своих ног.

– Может, здесь есть семена каких-нибудь трав, – сказал он с улыбкой, подняв голову, и взглянул на Капитана.

Капитан покачал головой:

– До войны здесь было дно океана.

– Мы можем пойти и посмотреть на Одиннадцатую Новую Землю. Это недалеко отсюда. Может, там найдем семена, – предложил лейтенант.

– Любые семена давным-давно сгорели, – со вздохом заметил кто-то.

Все они окидывали взглядом равнину до самого горизонта. Их окружала непрерывная горная цепь, только недавно рожденная горообразовательными процессами Земли. Это были темно-синие массивы голых скал. Реки магмы стекали с их вершин и горели темно-красным огнем, напоминая кровь, текущую из тела убитого каменного титана.

Реки магмы на Земле внизу уже догорели.

Такой была Земля через 230 лет после войны.

После окончания войны больше ста человек на борту командного корабля удалились в залы гибернации. Там они ждали, пока «Пожиратель» выплюнет Землю; после этого они могли вернуться домой. В период ожидания их корабль стал спутником, он вращался вокруг новой объединенной планеты Пожиратель – Земля по широкой орбите. Все это время Империя Пожирателя ничем их не тревожила.

Через сто двадцать лет после войны датчики командного космического корабля показали, что «Пожиратель» покидает Землю. Среагировав на это, автоматы разбудили кое-кого из спящих. К тому времени как они проснулись, «Пожиратель» уже покинул Землю и полетел к Венере. Земля превратилась в совершенно чужой мир, в странную планету, которую, наверное, лучше всего можно описать, как кусок угля, только что вынутого из печи. Все океаны исчезли, а земля покрылась паутиной рек из магмы.

Экипаж командного корабля мог лишь продолжить гибернацию. Они заново настроили датчики и ждали, когда Земля остынет. Это ожидание длилось еще сто лет.

* * *

Когда они снова очнулись от спячки, то нашли остывшую планету, бурные геологические процессы на ней уже утихли; но теперь Земля превратилась в голую, желтую пустыню. Хотя всякая жизнь на ней исчезла, сохранилась сильно разреженная атмосфера. Они даже обнаружили остатки прежних океанов.

Поэтому они высадились на берегу одного из них, размером едва достигающим какого-нибудь озера на континенте до войны.

Удар грома, оглушительный в этой разреженной атмосфере, раздался над их головами, и знакомый, неуклюжий корабль Империи Пожирателя совершил посадку недалеко от их собственного судна. Его гигантская дверь открылась, и из него вышел Клык. Его первые шаги были шаткими, неуверенными, он тяжело опирался на трость размером с опору электропередачи.

– А, вы все еще живы, господин! – приветствовал его Капитан. – Вам сейчас, наверное, лет пятьсот?

– Как я мог прожить так долго? Через тридцать лет после войны я тоже погрузился в спячку. Я выбрал гибернацию именно для того, чтобы снова увидеться с вами, – возразил Клык.

– Где сейчас Пожиратель? – спросил Капитан.

Клык показал на небо над их головами и ответил:

– Вы можете увидеть его ночью; он сейчас всего лишь тусклая звездочка, так как только что миновал орбиту Юпитера.

– Он покидает Солнечную систему? – спросил Капитан.

Клык кивнул.

– Я сегодня отправлюсь вслед за ним.

Капитан помолчал, прежде чем снова заговорить.

– Мы теперь оба старые.

Клык грустно кивнул гигантской головой.

– Старые... – произнес он, и трость задрожала в его руке. – Планета, теперь... – продолжал он, указывая с небес на Землю.

– Небольшое количество воды и атмосферы осталось. Следует ли нам считать это милостью Империи Пожирателя? – тихо спросил Капитан.

Клык покачал головой.

– Это не имеет никакого отношения к милости; это ваших рук дело.

Солдаты Земли озадаченно смотрели на Клыка.

– О, в этой войне Империи Пожирателя нанесли ужасный урон. Мы потеряли сотни миллионов в тех трещинах, – признал Клык. – Наша экосистема также очень пострадала. После войны у нас ушло пятьдесят земных лет только на то, чтобы провести предварительный ремонт, и только когда мы его закончили, можно было начать пожирать Землю. Но мы понимали, что наше время в Солнечной системе ограничено. Если мы не покинем ее вовремя, облако межзвездной пыли преградит нам путь, оказавшись прямо на нашей траектории полета. А если мы выберем длинный обходной путь, то потеряем семнадцать тысяч лет в полете к следующей звезде. За это время состояние звезды уже изменится, и она сожжет планеты, которые мы хотим поглотить. Из-за этого нам пришлось спешить, когда мы съедали планеты вокруг Солнца, и нам не удалось их обобрать дочиста, – объяснил Клык.

– Это большая честь для нас и служит нам утешением, – произнес Капитан, глядя на стоящих вокруг него солдат.

– Вы этого достойны, как никто. Это была поистине великая межзвездная война. В обширных анналах войн Пожирателя наша битва числится одной из самых выдающихся! И по сей день на нашей планете менестрели воспевают подвиги солдат Земли, – заявил Клык.

– Мы бы скорее хотели надеяться, что человечество запомнит эту войну. Итак, как поживает человечество? – спросил Капитан.

– После войны примерно два миллиарда человек переселили в Империю Пожирателя, примерно половину всего человечества, – ответил Клык и включил большой экран своего портативного компьютера, на котором появились изображения жизни на Пожирателе. На экране возникла красивая, покрытая травой равнина под голубым небом. На траве пела и плясала группа веселых людей. Сначала трудно было определить пол этих людей. Их кожа была нежной, беловатой, и все они носили красивые, прозрачные одежды и венки из цветов на головах. Вдалеке виднелся великолепный замок, явно скопированный с какого-то сказочного земного замка. Его яркая окраска делала его похожим на замок из крема и шоколада.

Изображение приблизилось, и Капитан смог подробно рассмотреть выражение лиц этих людей. Вскоре он убедился, что они по-настоящему счастливы. Это было абсолютно беззаботное счастье, чистое, как хрусталь. Оно напомнило ему те краткие годы счастливого, невинного детства, в котором жили люди до войны.

– Мы должны обеспечить им совершенно безоблачное счастье, – сказал Клык. – Это минимальное требование для их выращивания. Без этого мы не сможем гарантировать качество их мяса. И следует сказать, что люди Земли считаются пищей самого высокого качества; только высший класс Империи Пожирателя может позволить себе наслаждаться ими. Такие деликатесы не считаются у нас обычными. – Клык помолчал. – О, Капитан. Мы нашли вашего правнука. Мы записали послание вам от него. Хотите посмотреть?

Капитан удивленно посмотрел на Клыка, потом кивнул.

Красивый, светлокожий мальчик появился на экране. Судя по его лицу, ему было всего десять лет, но фигура у него уже была, как у взрослого мужчины. Он держал в женственных руках венки из цветов, его явно позвали в то время, когда он плясал.

Моргая большими, блестящими глазами, он произнес:

– Я слышал, что мой прадед еще жив. Прошу вас только об одном, господин. Никогда, никогда не приходите, чтобы повидаться со мной. Меня тошнит! Когда мы думаем о жизни людей до войны, нас всех тошнит. Какая это была варварская жизнь, жизнь тараканов! Вы и ваши солдаты хотели сохранить эту жизнь. Вы едва не помешали человечеству пожить в этом прекрасном раю. Как это неправильно! Вы знаете, какой стыд, какую неловкость вы заставили меня почувствовать? Ба! Не надо меня искать! Ба! Уйдите и умрите!» Закончив свою речь, он убежал обратно к танцующим на лугу людям.

Клык первым прервал следовавшее за этим неловкое молчание.

– Он будет жить больше шестидесяти лет. Он проживет долгую жизнь и не будет забит на бойне.

– Если это ради меня, то я вам очень признателен, – сказал Капитан с несчастной улыбкой.

– Нет, не ради вас. Узнав о своем происхождении, он впал в депрессию и преисполнился чувства ненависти к вам. Такие эмоции не позволили его мясу соответствовать нашим стандартам, – объяснил Клык.

Клык смотрел на стоящих перед ним последних представителей человеческой расы, и подлинные чувства отражались в его огромных глазах. Их космические скафандры были очень старыми и поношенными, и прожитые годы оставили след на их лицах. При бледно-желтом свете Солнца они выглядели группой статуй, покрытых пятнами ржавчины. Клык закрыл свой компьютер и, полный раскаяния, произнес:

– Сначала я не хотел, чтобы вы это видели, но вы настоящие воины, вы способны узнать правду и готовы признать... – Он на несколько долгих секунд замолчал, потом продолжал: – Что человеческая цивилизация подошла к концу.

– Вы, несомненно, разрушили цивилизацию Земли, – ответил Капитан, глядя вдаль. – Вы совершили чудовищное преступление!

– Мы в конце концов снова заговорили о нравственности, – с усмешкой произнес Клык и рассмеялся.

– После того как вы вторглись в наш дом и все в нем сожрали, я считаю, что вы потеряли всякие права говорить о нравственности, – холодно сказал Капитан.

Все остальные уже перестали слушать их беседу; небывалая, холодная жестокость цивилизации Пожирателей просто не укладывалась в понимании людей. Менее всего им было интересно спорить с ними о нравственности.

– Нет, у нас есть это право. Мне совсем не хочется говорить о нравственности с людьми, – ответил Клык, потом снова помолчал. – «Как вы могли просто взять и съесть его?», – процитировал он Капитана. Эти последние слова всех потрясли. Они прозвучали не из переводчика, они вылетели прямо из пасти Клыка. Хотя его голос был оглушительным, ему как-то удалось точно произнести эти слова, сказанные триста лет назад.

Клык продолжал, теперь уже через переводчика:

– Капитан, триста лет назад ваша интуиция вас не подвела: когда встречаются две цивилизации, разделенные межзвездным пространством, сходство между ними шокирует гораздо сильнее, чем отличие. Того, что произошло с нашими цивилизациями, быть, конечно, не должно.

Все присутствующие уставились на Клыка, их охватило предчувствие, что сейчас откроется тайна, которая потрясет мир.

Клык выпрямился, опираясь на трость, и, глядя вдаль, сказал:

– Друзья, и мы, и вы дети Солнца; и хотя Земля – родина наших обоих видов, мой народ имеет на нее больше прав! Наша заявка на сто сорок миллионов лет старше, чем ваша. Все эти тысячелетия тому назад мы первыми населяли эту прекрасную планету, и именно здесь мы основали нашу великую цивилизацию.

Солдаты Земли непонимающими взглядами смотрели на Клыка. Вода остатков океана плескалась в бледно-желтом солнечном свете. Красная магма стекала с далеких новых гор. Через шестьдесят миллионов лет вниз по течению реки времени появилось два вида, каждый из которых правил этой землей в свое время, встретились на пустынной, разграбленной родной планете.

– Дино...завр! – прозвучал чей-то потрясенный шепот.

Клык кивнул.

– Цивилизация динозавров возникла сто миллионов лет назад на Земле во время периода, который вы называете меловым периодом мезозойской эры. В конце мелового периода наша цивилизация достигла своего зенита, но мы – крупный вид, и наши биологические

потребности были такими же большими. По мере роста нашего населения экосистема достигла предела своих возможностей и Земля оказалась на грани конца существования, пытаясь прокормить наше общество. Чтобы выжить, мы полностью поглотили первичную экосистему Марса.

Цивилизация динозавров просуществовала на Земле двадцать тысяч лет, – продолжал он, – но ее истинная экспансия потребовала всего несколько тысяч лет. С точки зрения геологии ее воздействие неотлично от воздействия катастрофических взрывов. Вы называете это мел-палеогеновым вымиранием^[14].

В конце концов, наступил день, когда все динозавры сели в десять гигантских космических кораблей и уплыли на них в бескрайнее море звезд. Потом все эти десять кораблей соединились в один. Когда этот объединенный корабль добирался до планет другой звезды, он увеличивался. Через шестьдесят миллионов лет он превратился в Империю Пожирателя, которую вы сейчас знаете.

– Почему вы съели вашу собственную родную планету? Разве динозавры лишены всех чувств? – спросил кто-то.

Клык ответил задумчиво:

– Это долгая история. Межзвездное пространство огромно и безгранично, но оно также совсем не такое, каким вы его себе представляете. Тех мест, которые действительно подходят таким высокоразвитым формам жизни на основе углерода, как наша, очень немного, и они находятся на большом расстоянии друг от друга. Пылевое облако преграждает путь к центру Млечного Пути всего в двух тысячах световых лет отсюда. Мы никак не можем пройти сквозь него и не можем выжить в нем. А за ним расположена зона мощной радиации и большая группа блуждающих черных дыр. – Клык помолчал, потом продолжал, по-прежнему будто бы говоря сам с собой, а не со стоящими перед ним людьми: – Если мы двинемся в противоположном направлении, мы просто достигнем конца спирального рукава Млечного Пути, а за ним нет ничего, кроме безграничной, безжизненной пустоты. Империя Пожирателя уже полностью потребила почти все планеты, которые можно найти в обитаемых областях между этими двумя барьерами. Теперь наш единственный выход – лететь к другому рукаву Млечного Пути. Мы не имеем представления, что ждет нас там, но если мы останемся здесь,

то мы обречены. Это будет путешествие длиной в пятнадцать миллионов лет, прямо сквозь пустоту. Чтобы выжить во время него, мы должны накопить большие запасы всех возможных расходуемых материалов.

В данный момент Империя Пожирателя похожа на рыбу в пересыхающем ручье. Мы должны сделать отчаянный прыжок раньше, чем вода полностью испарится. Рыба понимает, что, вероятнее всего, она окажется на сухой земле и погибнет под палящими лучами солнца, но есть очень маленький шанс, что она упадет в соседнюю яму с водой и выживет. – Клык перевел взгляд на людей и наклонился почти к их лицам. – Что касается чувств, то мы прожили десятки миллионов трудных лет и сражались в бесчисленных звездных войнах. Сердца расы динозавров давно уже очерствели. Теперь Империя Пожирателя должна поглотить как можно больше средств ради подготовки к предстоящему путешествию длиной в миллион лет. – Клык опять помолчал, глубоко задумавшись. – Что такое цивилизация? Цивилизация – это пожирание, непрерывное поедание, бесконечное расширение; все остальное второстепенно.

Капитан тоже глубоко задумался. Глядя на Клыка, он спросил:

– Может ли борьба за существование быть единственным всеобщим законом биологической и культурной эволюции? Нельзя ли создать самодостаточную, интроспективную цивилизацию, в которой вся жизнь существует по принципу симбиоза? Такую цивилизацию, как у эриданцев?

Клык ответил сразу же, не колеблясь:

– Я не философ; может быть, это и возможно. Основная проблема в том, кто сделает первый шаг? Если выживание основано на подчинении и поглощении других и если таков всеобщий железный закон жизни и цивилизации, тогда тот, кто первым откажется от него в пользу интроспекции, несомненно, погибнет.

Сказав это, Клык вернулся на свой космический корабль, но вскоре он появился опять, держа в когтях тонкий, плоский ящик. Он был размером примерно десять квадратных футов, и для его переноски понадобилось бы не меньше четырех человек. Клык поставил ящик на землю и открыл крышку. К удивлению людей, ящик был наполнен землей, на которой росла трава. На этой безжизненной планете зеленая трава тронула сердце каждого человека.

Открыв ящик, Клык повернулся к людям.

– Это довоенная почва. После войны я погрузил все растения и всех насекомых планеты в сон, запрограммировав пробуждение в будущем. Теперь, когда прошло более двухсот лет, они проснулись. Сначала я хотел забрать эту почву с собой на память. Увы, после дальнейших размышлений я передумал. Я решил вернуть ее туда, где ее законное место. Мы забрали более чем достаточно с нашей родной планеты.

Люди смотрели на этот крохотный кусочек Земли, такой полный жизни, и их глаза наполнились слезами. Теперь они знали, что сердца динозавров не превратились в камень. Под их чешуей, более холодной и жестокой, чем сталь и камень, бьются сердца, тоскующие по дому.

Клык погромел когтями, словно хотел отбросить все охватившие его чувства. Несколько взволнованный, он произнес:

– Ну, ладно, друзья мои, мы вместе вернемся на Империю Пожирателя. – Увидев выражение на лицах людей, он поднял коготь до того, как продолжить: – Конечно, вы там не станете едой. Вы – великие воины, и вас сделают гражданами Империи. И есть еще работа, которая требует вашего внимания. Нужно построить музей человеческой цивилизации.

Взгляды всех солдат Земли обратились к Капитану. Он стоял в глубокой задумчивости, потом медленно кивнул.

Один за другим солдаты Земли поднялись на борт космического корабля Клыка. Поскольку его трап предназначался для динозавров, им приходилось выпрямляться во весь рост, чтобы дотянуться до следующей ступеньки и забраться внутрь. Капитан был последним в этой очереди. Схватившись за нижнюю ступеньку трапа, он оторвал тело от земли. Как раз в этот момент что-то на земле под его ногами привлекло его взгляд. Он остановился и посмотрел вниз. И долго висел там, не двигаясь.

Он увидел... муравья.

Муравей выбрался из ящика с почвой. Не теряя из виду крохотное насекомое, Капитан отпустил ступеньку и присел на корточки. Опустив вниз руку, он позволил муравью забраться на перчатку. Поднеся ее к лицу, он внимательно осмотрел маленькое создание, его черное, как обсидиан, тело, блестящее на солнце. С ним в руке Капитан подошел к ящику и осторожно вернул муравья на крошечные

травинки. Опуская руку, он заметил других муравьев, бегающих по земле под травинками.

Капитан встал и повернулся к Клык, стоящему рядом с ним.

– Когда мы уйдем, эта трава и эти муравьи будут доминирующими видами на Земле.

Клык не находил слов для ответа.

– По-видимому, земная цивилизация становится все меньше и меньше по размерам. Динозавры, люди, а теперь, наверное, муравьи, – сказал Капитан, снова присев на корточки. Он продолжал смотреть с любовью и восхищением, наблюдая за этими маленькими существами, которые жили своей жизнью в траве. – Теперь их очередь.

Пока он так говорил, земные солдаты снова вышли из корабля. Спустившись на Землю, они вернулись к ящику с живой почвой. Окружив его, они тоже ощутили огромную любовь.

Клык покачал головой.

– Трава не выживет. Возможно, дождь пойдет в конце концов здесь, у моря, но его будет недостаточно для муравьев.

– Разве атмосфера слишком разреженная? Кажется, они себя прекрасно чувствуют в данный момент, – заметил кто-то.

– Нет, воздух – не проблема. Они не похожи на людей и могут прекрасно жить в этой атмосфере. Настоящая проблема в том, что им нечего будет есть, – ответил Клык.

– А они не могут есть траву? – спросил другой голос.

– А потом? Чем они будут питаться? В этой разреженной атмосфере трава будет расти очень медленно. Когда муравьи съедят все травинки, они умрут с голоду. Во многом их положение является зеркальным отражением судьбы цивилизации Пожирателей, – размышлял Клык.

– А вы можете оставить им немного пищи с вашего корабля? – спросил другой солдат, почти умоляющим тоном.

Клык опять покачал огромной головой.

– На моем корабле нет ничего, кроме воды и системы гибернации. Между прочим, учтите, мы будем спать до тех пор, пока не догоним Пожирателя. Но вот на вашем космическом корабле – у вас есть на борту еда?

Теперь пришла очередь Капитана покачать головой.

– Нет ничего, кроме нескольких шприцов с питательным раствором. Бесполезно.

Указывая на свой корабль, Клык прервал дискуссию:

– Мы должны торопиться. Империя движется с большим ускорением. Если задержимся, не сможем ее догнать.

Молчание.

– Капитан, мы останемся здесь, – молчание нарушил молодой лейтенант.

Капитан энергично кивнул.

– Останемся? Что вы задумали? – изумленно спросил Клык, поворачиваясь от одного к другому. – Оборудование для гибернации на вашем корабле почти полностью пришло в негодность, и у вас нет еды. Вы собираетесь остаться и ждать смерти?

– Оставшись, мы сделаем первый шаг, – спокойно ответил Капитан.

– Что? – спросил Клык, еще больше озадаченный.

– Вы только что упомянули первый шаг к новой цивилизации, – объяснил Капитан.

– Вы хотите стать пищей для муравьев? – Клык сам едва верил своим словам.

Все солдаты Земли закивали. Не говоря ни слова, Клык смотрел на них, кажется, целую вечность, потом повернулся и медленно заковылял к своему космическому кораблю, тяжело опираясь на трость.

– Прощай, друг, – крикнул Капитан вслед Клыку.

Клык ответил долгим, тяжелым вздохом.

– Беспредельная тьма лежит передо мной и моими потомками: тьма бесконечной войны и бескрайней Вселенной. О, где в ней найдется дом для нас?

Люди увидели, что земля под его ногами стала влажной, но не смогли определить, были ли это слезы и умел ли он вообще плакать.

С громоподобным ревом космический корабль динозавров взлетел и быстро исчез в небе. Там, где он пропал из виду, теперь садилось солнце.

Последние воины Земли молча уселись вокруг живой почвы. Затем, начиная с Капитана, они все, один за другим, подняли щитки своих шлемов и растянулись на песчаной почве.

Шло время, Солнце село. Лучи заката озарили разоренную землю красивым красным светом. Когда они погасли, немногочисленные звезды замигали в небе. К своему удивлению, Капитан увидел, что пасмурное небо окрасилось в красивый синий цвет. В тот момент, когда Капитан начал терять сознание от недостатка кислорода в атмосфере, он почувствовал на своем виске крохотные лапки муравья, и это наполнило его чувством глубокого удовлетворения. Когда муравей вскарабкался на его лоб, он перенесся назад во времени, в свое далекое детство. Он лежал на пляже, в маленьком гамаке, висящем между двумя пальмами. Глядя вверх, на великолепное море звезд, он почувствовал, как материнская рука нежно гладит его лоб...

Стемнело. Поверхность остатков океана лежала ровная, как зеркало, четко отражая Млечный Путь в небе. Это была самая спокойная ночь в истории планеты.

В этом спокойствии Земля родилась заново.

Позаботиться о Боге

Глава 1

Бог опять огорчил семейство Цюшэнь. Это утро обещало быть очень хорошим. Тонкий слой белого тумана плыл на высоте человеческого роста над полем вокруг деревни Сицэнь, он напоминал лист рисовой бумаги, который только что стал чистым: картинка тихой сельской местности была тем рисунком, который слетел на землю с этой бумаги. Первые лучи утреннего солнца осветили эту сцену, и самые первые капли росы начали самый славный период своей короткой жизни... но Бог испортил это прекрасное утро.

Бог поднялся необычно рано и пошел на кухню, чтобы подогреть себе молока. Процветание молочного рынка началось с самого начала Эры Поддержки. Семья Цюшэнь заплатила за корову всего чуть больше десяти тысяч юаней, а потом, подражая другим, стала смешивать молоко на продажу с водой. Неразбавленное молоко также стало для семьи одним из основных продуктов питания.

Когда молоко нагрелось, Бог отнес чашку в гостиную, к телевизору, не выключив плиту, работающую на сжиженном нефтяном газе. Когда жена Цюшэня, Юйлянь, вернулась после уборки в коровнике и свинарнике, она почувствовала запах газа, заполнивший весь дом.

Закрыв нос полотенцем, она бросилась в кухню, выключила плиту, открыла окно и включила вентилятор.

– Ты, старый дурень! Ты собираешься убить всю семью! – крикнула Юйлянь в гостиную. Семейство перешло на сжиженный нефтяной газ для приготовления еды только после того, как они начали заботиться о Боге. Отец Цюшэня всегда был против газа, говорил, что газ не так хорош, как пористые угольные брикеты. Теперь он получил веский аргумент в поддержку его точки зрения.

По своему обыкновению, Бог стоял, упрямо склонив голову, его похожая на метлу белая борода свисала ниже колен, и он улыбался, как ребенок, который понимает, что сделал что-то нехорошее.

– Я снял с плиты кастрюльку с молоком. Почему она сама не выключилась?

– Ты думаешь, что все еще находишься на своем космическом корабле? – спросил Цюшэнь, спускаясь по лестнице. – Здесь все глупое. В отличие от вас нам не помогают на каждом шагу умные машины. Нам приходится много работать глупыми инструментами. Вот как мы добываем рис для наших чашек!

– Мы тоже много работали. Иначе откуда бы вы взяли? – осторожно произнес Бог.

– Хватит уже твердить «откуда вы взяли?». Хватит! Меня уже тошнит, когда я это слышу. Если ты такой всемогущий, иди и сделай других покорных детей, которые будут тебя содержать! – Юйлянь швырнула на землю полотенце.

– Забудь об этом. Просто забудь, – сказал Цюшэнь. Он всегда первым шел на мировую. – Давай поедим.

Проснулся Бинбин. Он спустился с лестницы и зевнул.

– Ма, Па, Бог всю ночь кашлял. Я не мог спать.

– Ты и не знаешь, как ты крепко спал, – сказала Юйлянь. – Мы с твоим отцом были в соседней комнате. Ты же не слышишь, что мы жалуемся, правда?

Бог опять раскашлялся, будто по сигналу. Он кашлял так, словно играл в любимую игру, очень сосредоточенно.

Юйлянь несколько секунд смотрела на Бога, потом вздохнула:

– Должно быть, я самая невезучая из всех восьми поколений.

Все еще сердитая, она пошла на кухню готовить завтрак.

Бог молчал все время, пока завтракал вместе с остальными членами семьи.

Он съел чашку каши с маринованными овощами и половинку булочки на пару. Все это время ему приходилось терпеть презрительные взгляды Юйлянь; может, она все еще злилась из-за газа или считала, что он слишком много ест.

После завтрака, как обычно, Бог быстро встал, убрал со стола и отправился мыть посуду на кухню. Юйлянь крикнула ему из двери в кухню:

– Не используй жидкость для мытья посуды, если чашки не жирные! Всё стоит денег. На твое содержание платят жалкие гроши. Ха!

Бог, не прерывая работу, что-то проворчал, показывая, что он понял.

Цюшэнь и Юйлянь ушли в поле. Бинбин отправился в школу. Только после этого встал отец Цюшэня. Еще не совсем проснувшись, он спустился вниз, съел две чашки каши и набил табаком трубку. Наконец он вспомнил о существовании Бога.

– Эй, старикан, прекрати мыть посуду. Иди сюда и поиграй со мной! – крикнул он в кухню.

Бог вышел из кухни, вытирая руки о фартук. Заискивающе кивнул отцу Цюшэня. Играть в китайские шахматы со стариком было для Бога тяжелой домашней работой; и выигрыш, и проигрыш грозили неприятностями. Если Бог выигрывал, отец Цюшэня впадал в ярость.

– Ты, чертов старый идиот! Пытаешься меня превзойти? Дерьмо! Ты же Бог! Победить меня небольшое достижение. Почему бы тебе не научиться хорошим манерам? Ты уже достаточно долго прожил под нашей крышей!

Но если Бог проигрывал, отец Цюшэня все равно злился.

– Ты, чертов старый идиот! Я лучший шахматист на пятьдесят километров в округе. Победить тебя легче, чем раздавить клопа. Думаешь, я нуждаюсь в том, чтобы ты мне поддавался? Ты... вежливо выражаясь, ты меня оскорбляешь!

В любом случае конечный результат был одинаковым: старик захлопывал крышку, и фигуры разлетались по комнате. Отец Цюшэня был печально известен своим плохим характером, а теперь в лице Бога он наконец-то приобрел козла отпущения.

Но старик недолго злился. Каждый раз, когда Бог поднимал доску и спокойно ставил обратно фигуры, он садился и опять играл с Богом, и все повторялось снова. После нескольких партий они оба уставали, и уже почти наступал полдень.

Потом Бог вставал из-за стола и шел мыть овощи. Юйлянь не разрешала ему готовить, потому что утверждала, что Бог ужасный повар. Но он должен был мыть овощи. Позднее, когда Цюшэнь и Юйлянь возвращались с поля, если овощи оказывались невымытыми, она снова набрасывалась на него с очередной ядовитой руганью.

Пока Бог мыл овощи, отец Цюшэня уходил навестить соседей. Для Бога это была самая спокойная часть дня. Полуденное солнце заливало каждую щелочку обложенного кирпичами двора и освещало глубокие провалы в его памяти. В такие минуты Бог часто забывал о своей работе и стоял тихо, погруженный в мысли. Только когда воздух

наполняли голоса возвращающихся с полей крестьян, он приходил в себя и торопился покончить с мытьем овощей.

«Как могла жизнь так сложиться?» – вздыхал он.

Об этом вздыхал не только Бог. Об этом же вздыхали Цюшэнь, Юйлян и отец Цюшэня. Об этом же вздыхали больше пяти миллиардов человек и два миллиарда Богов на Земле.

Глава 2

Все это началось одним осенним вечером три года назад.

– Идите сюда быстро! Игрушки на небе! – закричал со двора Бинбин.

Цюшэнь и Юйлянъ выбежали из дома, посмотрели вверх и увидели, что небо и правда полно игрушек, или, по крайней мере, предметов, форма которых могла быть только формой игрушек.

Предметы равномерно распределились по всему небесному своду. В сумерках каждый из них отражал свет заходящего солнца – уже опустившегося за горизонт, – и каждый сиял так ярко, как полная луна. От этого света на поверхности Земли было светло, как в полдень. Но свет шел отовсюду и не давал тени, будто всю планету освещала гигантская лампа из операционной.

Сначала все подумали, что эти предметы находятся в нашей атмосфере, потому что их так ясно видно. Но потом люди поняли, что они просто огромных размеров. Они находились примерно в тридцати тысячах километров от Земли на геостационарных орбитах.

Всего космических кораблей было 21 530. Равномерно распределенные по небу, они образовали тонкую оболочку вокруг Земли. Это произошло в результате сложной последовательности маневров, которые одновременно вывели корабли к их конечным пунктам назначения. Таким образом инопланетные корабли не вызвали угрожающих жизни приливов в океанах своей несбалансированной массой. Этот жест несколько успокоил людей, так как это свидетельствовало о том, что инопланетяне, по крайней мере, не желают Земле зла.

В следующие несколько дней все попытки установить контакт с инопланетянами не принесли успеха. Пришельцы хранили полное молчание в ответ на многочисленные запросы. В то же время планета Земля лишилась ночи. Десятки тысяч космических кораблей отражали так много солнечного света на ночную сторону Земли, что на ней было светло как днем, в то время как на дневную сторону корабли отбрасывали гигантские тени. Ужасное зрелище до предела напрягало психологическую выносливость человеческой расы, поэтому

большинство людей не обратили внимания на еще одно странное явление на поверхности планеты и не связали его с флотилией космических кораблей в небе.

В крупных городах планеты начали появляться бездомные старики. У всех были одинаковые особенности: очень древний возраст, длинные седые волосы и бороды, длинные белые одежды. Сначала, до того, как их белые одежды, белые бороды и белые волосы испачкались, они напоминали толпу снеговиков. По-видимому, эти скитальцы не принадлежали ни к какой конкретной расе, в них будто смешались черты всех этносов. У них отсутствовали документы, удостоверяющие их гражданство, и они не могли рассказать историю своей собственной жизни.

Они могли лишь мягко твердить всем прохожим на различных местных языках с сильным акцентом одни и те же слова:

– Мы – Бог. Пожалуйста, учитывая то, что мы создали эту планету, не дадите ли вы нам немного еды?

Если бы только один или двое бродяг сказали это, то их бы отправили в приют или дом престарелых, как бездомных, страдающих деменцией. Но миллионы стариков и старух, которые говорят одно и то же, – это совершенно другое дело.

В течение двух недель количество бездомных стариков выросло более чем до тридцати миллионов. На всех улицах Нью-Йорка, Пекина, Лондона, Москвы... этих старых людей видели повсюду, они бродили толпами, перекрывая движение транспорта. Иногда казалось, что их больше, чем коренных жителей этих городов.

Самое ужасное в их присутствии было то, что они все повторяли одно и то же:

– Мы – Бог. Пожалуйста, учитывая то, что мы создали эту планету, не дадите ли вы нам немного еды?

Только теперь люди переключили внимание с космических кораблей на непрошенных гостей. Недавно широкомасштабные метеоритные ливни обрушились на все континенты. После впечатляющего зрелища падающих метеоритов количество стариков-бродяг в соответствующих регионах резко возросло. В результате внимательного наблюдения обнаружили невероятный факт: старые бродяги явились с неба, из этих инопланетных космических кораблей.

Один за другим они прыгали в атмосферу, будто ныряли в бассейн, каждый был одет в костюм из особой пленки. Когда трение атмосферы сжигало поверхность костюма, эта пленка спасала его обладателя от жара и замедляла спуск. Продуманная конструкция гарантировала, что снижение скорости не превышало 4g, безопасного предела физической выносливости организма старых бродяг. В конце, в момент посадки на поверхность, их скорость была почти нулевой, словно они просто спрыгнули со скамейки. И все равно многие из них ухитрились растянуть лодыжки. Одновременно окутывающая их пленка полностью сгорала, не оставив и следа.

Метеоритные ливни продолжались без остановки. Все больше странников падало на Землю, их количество выросло почти до ста миллионов.

Правительство каждой страны пыталось найти среди этих странников хотя бы одного официального представителя. Но они утверждали, что все «Боги» абсолютно равны и что любой из них может представлять их всех. Таким образом, на чрезвычайной сессии Генеральной ассамблеи ООН один случайно выбранный старик, которого нашли на Таймс-сквер и который уже говорил на сносном английском языке, вошел в зал Генеральной ассамблеи.

Он явно был в числе самых первых, совершивших посадку на Землю: его одежды были грязными и все в дырах, а седая борода покрыта пылью и напоминала швабру. Ореола над головой не было, но несколько мух над ним летало. Опираясь на хлипкую бамбуковую трость, он шаркающей походкой подошел к круглому столу и опустился в кресло под взглядами лидеров земных государств. Он посмотрел на Генерального секретаря, и на его лице появилась детская улыбка, характерная для всех старых бродяг.

– Я... я... я еще не завтракал.

Поэтому ему принесли завтрак. Люди всего мира смотрели, как он ест, будто изголодавшийся человек, несколько раз он подавился. Тост, сосиски и салат быстро исчезли, за ними последовал большой стакан молока. Потом он снова продемонстрировал Генеральному секретарю свою детскую улыбку.

– Не... э... нет ли у вас вина? Сойдет и крохотная чашечка.

Принесли бокал вина. Он пил его маленькими глотками, удовлетворенно кивая.

– Вчера ночью группа вновь прибывших заняла мой любимый придорожный гриль, тот, из которого дул теплый воздух. Мне пришлось найти новое место для ночлега на площади. Но теперь, после глотка вина, мои суставы возвращаются к жизни... Вы не могли бы слегка помассировать мне спину? Хоть чуть-чуть.

Генеральный секретарь принялся массировать ему спину. Старик покачал головой, вздохнул и сказал:

– Простите, что доставил вам столько хлопот.

– Откуда вы? – спросил делегат от Соединенных Штатов.

Старый бродяга покачал головой.

– Цивилизация только в детстве имеет постоянное местонахождение. Планеты и звезды неустойчивы и меняются. Тогда цивилизации должны переселяться. К тому времени как цивилизация станет молодой женщиной, она уже много раз сменит место жительства. Потом цивилизации делают вот такое открытие: среда обитания ни одной из планет не может быть более устойчивой, чем герметичный космический корабль. Поэтому космические корабли становятся их домом, а планеты – просто местом временного проживания. Таким образом, любая цивилизация, достигнув зрелости, начинает путешествовать от звезды к звезде, бродяжничать в космосе. Космический корабль – ее дом. Откуда мы? Мы с космических кораблей. – Он поднял вверх палец, покрытый коркой грязи.

– Сколько вас там?

– Два миллиарда.

– Кто вы такие в действительности? – У Генерального секретаря была причина задать этот вопрос. Старые бродяги на вид ничем не отличались от людей.

– Мы вам говорили много раз. – Старый бродяга нетерпеливо махнул рукой. – Мы Бог.

– Не могли бы вы объяснить?

– Наша цивилизация – назовем ее просто Цивилизацией «Бог» – существовала задолго до рождения Земли. Когда Цивилизация «Бог» достигла возраста одряхления, мы засеяли только что сформировавшуюся Землю ростками жизни. Затем Цивилизация «Бог» проскочила вперед во времени, путешествуя со скоростью, близкой к скорости света. Когда жизнь на Земле достигла определенной стадии развития, мы вернулись, внедрили новый вид, созданный на основе

наших родовых генов, уничтожили его врагов и внимательно управляли его эволюцией до тех пор, пока Земля не превратилась в дом нового цивилизованного вида, точно такого, как мы.

– Почему вы надеетесь, что мы вам поверим?

– Это легко.

Так начался период длиной в полгода, в течение которого эти утверждения пытались проверить. Люди с изумлением наблюдали за тем, как с космических кораблей прислали первоначальные планы развития жизни на Земле и изображения первобытной Земли. Следуя указаниям старого бродяги, люди выкопали невероятные механизмы, погребенные глубоко под земной корой, – оборудование, которое в течение долгих эпох следили за биосферой на этой планете и направляли ее развитие.

В конце концов людям пришлось поверить. По крайней мере, в отношении жизни на Земле, эти Боги действительно были Богом.

Глава 3

На чрезвычайной сессии Генеральной ассамблеи ООН Генеральный секретарь от имени человеческой расы наконец-то задал Богу главный вопрос: почему они прилетели на Землю?

– Прежде чем я отвечу на этот вопрос, вы должны правильно понимать понятие «цивилизация». – Бог прогладил свою длинную бороду. Это был тот самый Бог, который присутствовал на первой чрезвычайной сессии полгода назад. – Как, по вашему мнению, развиваются цивилизации во времени?

– Цивилизация на Земле сейчас находится на этапе быстрого развития. Если на нас не обрушатся природные катастрофы, которым мы не способны противостоять, то, думаю, мы будем развиваться дальше неопределенно долго, – ответил Генеральный секретарь.

– Это не так. Подумайте об этом: каждый человек проживает детство, юность, средний возраст и старость и в конце приходит к смерти. Со звездами то же самое. Действительно, все во Вселенной проходит один и тот же процесс. Даже самой Вселенной когда-нибудь должен прийти конец. Почему цивилизация должна быть исключением? Нет, цивилизация тоже постареет и умрет.

– Как именно это происходит?

– Различные цивилизации стареют и умирают по-разному, точно так же как разные люди умирают от разных болезней или просто от старости. Для цивилизации «Бог» первым признаком старения стала чрезвычайно большая продолжительность жизни каждого отдельного ее члена. К тому моменту каждый индивид мог рассчитывать прожить до четырех тысяч земных лет. К двухтысячелетнему возрасту их мысли полностью окостенели, они потеряли всякую креативность. Поскольку такие индивиды держали в своих руках власть, новой жизни очень трудно было возникнуть и вырасти. Именно тогда наша цивилизация стала старой.

– А потом?

– Вторым признаком старения цивилизации стал Век машинной колыбели.

– Что?

– К тому времени наши машины уже не полагались на своих создателей. Они работали независимо от них, сами себя обслуживали и сами развивались. Умные машины давали нам все, в чем мы нуждались: не только в материальной области, но и в психологической. Нам не приходилось прикладывать никаких усилий для выживания. О нас заботились машины, и мы жили так, словно лежим в удобной колыбели.

Подумайте об этом: если бы джунгли первобытной Земли имели неистощимый запас фруктов и ручных созданий, которые сами стремятся стать едой, как человекообразные обезьяны могли бы эволюционировать и стать людьми? Машинная колыбель была именно такими комфортабельными джунглями. Постепенно мы забыли свою технику и науку. Наша цивилизация стала ленивой и пустой, лишенной креативности и честолюбия, и это лишь ускорило процесс старения. То, что вы сейчас видите, – это Цивилизация «Бог», издающая последние, предсмертные вздохи.

– Тогда... вы теперь можете сказать нам, с какой целью Цивилизация «Бог» прибыла на Землю?

– Теперь у нас нет дома.

– Но... – Генеральный секретарь указал пальцем вверх.

– Космические корабли старые. Правда, искусственная среда кораблей более стабильна, чем любая естественная среда обитания, в том числе на Земле. Но корабли такие старые, вы даже представить себе не можете насколько. Старые детали вышли из строя. Квантовые эффекты, накопившиеся за миллиарды лет, вызывают все больше ошибок в программах. Самостоятельный ремонт и обслуживание системы сталкивается со все большим количеством непреодолимых препятствий. Среда обитания на кораблях ухудшается. Количество жизненно необходимых вещей, которые можно раздать индивидам, сокращается с каждым днем. Мы едва выживаем. В двадцати тысячах городов на различных кораблях воздух отравлен и полон отчаяния.

– Разве нет никакого решения? Возможно, новые компоненты для кораблей? Обновление программного обеспечения?

Бог покачал головой.

– Цивилизация «Бог» доживает последние годы. Мы – это два миллиарда умирающих мужчин и женщин, каждому больше трех тысяч лет. Но до нас сотни поколений уже жили в комфорте машинной

колыбели. Мы очень давно забыли всю нашу технологию. Теперь мы никак не можем отремонтировать эти корабли, которые десятки миллионов лет функционировали сами по себе. В самом деле, с точки зрения способности учиться и разбираться в технике мы еще хуже вас. Мы даже не можем подключить в сеть электролампочку или решить квадратное уравнение...

Однажды корабли сообщили нам, что они вот-вот выйдут из строя окончательно. Двигатели уже не способны разогнать корабли до скорости, близкой к скорости света. Цивилизация «Бог» может только дрейфовать со скоростью, не превышающей даже одной десятой скорости света, а экологичные системы жизнеобеспечения близки к полному отключению. Машины уже не в состоянии сохранять жизнь двум миллиардам наших соотечественников. Нам пришлось найти другой выход.

– Вы когда-нибудь думали, что это произойдет?

– Конечно. Две тысячи лет назад корабли уже нас предупреждали. Именно тогда мы начали сеять жизнь на Земле, чтобы в старости получить поддержку.

– Две тысячи лет назад?

– Да. Конечно, я имею в виду время на кораблях. По вашему летоисчислению это случилось 3,5 миллиарда лет назад, когда Земля остыла в первый раз.

– У нас вопрос: вы говорите, что потеряли вашу технологию. Но разве для того, чтобы посеять жизнь, не нужна технология?

– О! Начало процесса развития жизни на планете – это простая операция. Просто разбросайте немного семян, и жизнь размножится и разовьется сама по себе. Мы обладали такими программами еще до Эры Машинной колыбели. Просто запустите программу, и машины сумеют все закончить. Для создания планеты, полной жизни, способной вырастить цивилизацию, самое основное условие – это время, несколько миллиардов лет.

Путешествуя со скоростью, близкой к световой, мы обладаем почти безграничным временем. Но сейчас корабли Цивилизации «Бог» уже не способны развивать такую скорость. Если бы не это, мы бы имели возможность создавать новые цивилизации и новую жизнь, и у нас было бы больше вариантов. Мы попали в ловушку из-за малой скорости. Эти мечты невозможно воплотить в жизнь.

– Поэтому вы хотите провести свои золотые годы на Земле.

– Да, да. Мы надеемся, что вы почувствуете сыновний долг перед вашими создателями и примете нас. – Бог всем телом налег на свою трость и задрожал, пытаясь поклониться лидерам всех стран. И чуть не упал.

– Но как вы собираетесь здесь жить?

– Если мы просто соберемся все в одном месте, то лучше нам остаться в космосе и умереть там. Мы бы хотели, чтобы нас приняли в ваши сообщества, в ваши семьи. Когда Цивилизация «Бог» еще переживала свое детство, у нас тоже были семьи. Вы знаете, что детство – это самое драгоценное время жизни. Поскольку ваша цивилизация еще живет в детстве, если мы сможем вернуться в эту эпоху и провести остаток жизни в семейном тепле, это будет для нас самым большим счастьем.

– Вас два миллиарда. Это значит, что каждая семья на Земле должна будет принять одного или двух из вас. – После этих слов Генерального секретаря зал заседаний погрузился в молчание.

– Да, да, простите, что доставляем вам столько неудобств... – Бог продолжал кланяться, бросая украдкой взгляды на Генерального секретаря и лидеров всех стран. – Конечно, мы готовы компенсировать их вам.

Он взмахнул тростью, и еще два седобородых Бога вошли в зал заседаний, сгибаясь под тяжестью серебряного металлического сундука, который они несли.

– Посмотрите, эти устройства для хранения информации высокой емкости. Они систематически хранят знания, приобретенные Цивилизацией «Бог» во всех областях науки и техники. С их помощью ваша цивилизация сделает огромный прыжок вперед. Думаю, вам это понравится.

Генеральный секретарь вместе с лидерами всех стран смотрели на металлический сундук и пытались скрыть свой восторг.

– Забота о Боге – это долг человечества. Конечно, нужно провести консультации между всеми странами, но я думаю, в принципе...

– Простите, что доставляем вам столько хлопот. Простите, что от нас столько беспокойства...

Глаза Бога наполнились слезами, и он продолжал кланяться.

Когда Генеральный секретарь и лидеры всех государств вышли из зала заседаний, они увидели, что десятки тысяч Богов собрались у здания ООН. Белое море кивающих голов наполнили воздух тихим бормотанием. Генеральный секретарь внимательно вслушался и понял, что все они повторяют на разных языках Земли одну и ту же фразу:

– Простите, что доставляем вам столько хлопот. Простите, что от нас столько беспокойства...

Глава 4

Два миллиарда Богов прибыли на Землю. В скафандрах, сделанных из особой пленки, они спустились сквозь атмосферу. В это время даже днем можно было видеть яркие, разноцветные черточки в небе. После приземления их распределили в полтора миллиарда семей.

Получив знания Богов из области науки и техники, люди были полны надежд и мечтали о будущем, им казалось, что человечество за одну ночь шагнет прямо в рай. Благодаря таким радужным надеждам каждая семья радушно встретила приход Бога.

* * *

В то утро Цюшэнь и его семья, и все другие жители деревни вышли на окраину встречать Богов, направленных в Сицэнь.

– Какой прекрасный день, – сказала Юйлянь.

Ее высказывание было продиктовано не одними только чувствами. Космические корабли исчезли за одну ночь, снова вернулся бескрайний простор неба. Людям так и не позволили ступить на борт ни одного из космических кораблей. Боги не возражали против этой высказанной людьми просьбы, но сами корабли отказались дать разрешение. Они будто и не заметили различных примитивных космических аппаратов, высланных людьми, и плотно закрыли свои люки. После того как последняя группа Богов спрыгнула в атмосферу, все космические корабли, числом более двадцати тысяч, одновременно покинули свою орбиту. Но далеко не улетели, всего лишь к поясу астероидов.

Хотя эти корабли были древними, старые порядки продолжали действовать. Их единственным назначением было служить Богам. Поэтому они не должны были улетать от них далеко. Когда они опять понадобятся Богам, они прилетят.

Два автобуса приехали из столицы провинции и привезли Богов, направленных в Сицэнь. Цюшэнь и Юйлянь встретили Бога, направленного в их семью. Супруги встали по обеим сторонам от Бога, нежно поддерживая его под руки, и пошли домой в ярких лучах

послеполуденного солнца. Бинбин и отец Цюшэня шли следом, улыбаясь.

– Дедуля... э... дедуля Бог? – Юйлянь прижалась лицом к плечу Бога, ее улыбка была яркой, как солнце. – Я слышала, что технология, которую вы нам подарили, вскоре позволит нам жить при настоящем коммунизме! Когда это произойдет, мы все получим столько вещей, сколько нам требуется. За них не возьмут никаких денег. Мы просто пойдем в магазин и возьмем их.

Бог улыбнулся и кивнул ей, качнув седой гривой волос. И ответил на китайском языке с сильным акцентом.

– Да. Собственно говоря, правило «каждому по потребностям» касается только самых основных потребностей цивилизации. Технология, которую мы вам дали, принесет вам такое процветание и комфорт, какого вы не можете себе даже представить.

Юйлянь так рассмеялась, что ее лицо раскрылось, как цветок.

– Нет-нет! «Каждому по потребностям» – это более чем достаточно для меня!

– Угу, – с нажимом подтвердил отец Цюшэня.

– Мы сможем жить вечно, не старея, как вы? – спросил Цюшэнь.

– Мы не можем жить вечно, не старея. Просто мы можем жить дольше, чем вы. Посмотрите, какой я старый! На мой взгляд, если человек живет дольше трех тысяч лет, ему лучше уж умереть. Для цивилизации чрезмерно долгая жизнь отдельного человека может быть фатальной.

– О, мне не нужно трех тысяч лет. Всего триста лет. – Теперь отец Цюшэня рассмеялся так же весело, как Юйлянь. – В таком случае в данный момент меня следует считать еще молодым человеком. Может, я смогу... ха-ха-ха-ха.

* * *

Жители деревни восприняли тот день так, как будто наступил китайский Новый год. Каждая семья устроила большой пир в честь своего Бога, и семья Цюшэня не была исключением.

Отец Цюшэня быстро опьянел, выпив старого хуанцзю^[15]. Он поднял большие пальцы обеих рук и сказал Богу:

– Вы и правда нечто! Сумели создать так много живых существ – вы действительно сверхъестественные существа!

Бог тоже много выпил, но голова у него осталась ясной. Он махнул рукой.

– Нет, не сверхъестественные. Это просто наука. Когда биология развивается до определенного уровня, создание жизни сродни строительству машин.

– Это вы так говорите. Но, на наш взгляд, вы не отличаетесь от бессмертных, которые снизошли до жизни среди нас.

Бог покачал головой.

– Сверхъестественные существа никогда бы не наделали ошибок. А мы – мы делали ошибку за ошибкой, когда вас создавали.

– Вы делали ошибки, когда нас создавали? – Юйлян широко открыла глаза. Она представляла себе создание всех жизней, как процесс, аналогичный тому, который сама испытала во время родов Бинбина восемь лет назад. Тут никакая ошибка невозможна.

– Их было много. Я приведу относительно недавний пример. Программа создания планет допустила ошибку при анализе земной среды обитания, что привело к появлению таких существ, как динозавры: огромные тела и низкая способность к адаптации. В конце концов, чтобы облегчить вашу эволюцию, их пришлось уничтожить.

Если вспомнить еще более недавние события, то после исчезновения древних Эгейских цивилизаций программа создания планет посчитала, что цивилизация на Земле успешно создана. Она перестала осуществлять дальнейшее наблюдение и внесение микроизменений, это все равно что бросить заведенные часы и позволить им работать самостоятельно. Это привело к дальнейшим ошибкам. Например, нужно было позволить цивилизации Древней Греции развиваться самостоятельно и остановить завоевания македонцев и последующие завоевания римлян. Хотя обе эти империи стали в конце концов наследниками цивилизации древних греков, направление развития Греции изменилось...

Никто из семьи Цюшэня не мог понять эту лекцию, но все с уважением слушали.

– А затем две великие державы появились на Земле. Китайская Хань и Римская империя. В отличие от прежней ситуации с Древней Грецией, их не следовало удерживать от контактов друг с другом и

позволять им развиваться изолированно. Им следовало позволить тесно общаться...

– Эта китайская Хань, о которой вы говорите? Это династия Хань Лю Вана и Сян Юй? – Наконец-то отец Цюшэня услышал нечто знакомое. – А что такое «Римская империя»?

– Думаю, это была зарубежная страна в то время, – сказал Цюшэнь, пытаясь объяснить. – Она была довольно большая.

Отец Цюшэня был озадачен.

– Зачем? Когда иностранцы явились к нам во время династии Цин, посмотрите, как они нас поколотили. Вы хотите, чтобы они появились еще раньше? Во времена династии Хань?

В ответ на это Бог рассмеялся.

– Нет-нет. В те времена династия Хань была такой же могущественной, как Римская империя.

– Все равно плохо. Если бы эти две великие державы встретились, разразилась бы большая война. Кровь потекла бы рекой.

Бог кивнул. Он потянулся палочками к кусочку говядины, тушенной в соевом соусе.

– Так могло бы быть. Но если бы эти две великие цивилизации, западная и восточная, встретились, то эта встреча высекла бы славные искры и значительно ускорила бы прогресс человечества... Эх... если бы этих ошибок удалось избежать. Земля сейчас, наверное, колонизировала бы Марс, а ваши межзвездные зонды уже летали бы дальше Сириуса.

Отец Цюшэня поднял свою чашку с вином и произнес с восхищением:

– Все говорят, что Боги забыли науку в своей колыбели, а вы такой ученый.

– Чтобы комфортно жить в колыбели, важно знать кое-что о философии, искусстве, истории и тэдэ – всего несколько общеизвестных фактов, это не настоящая ученость. Многие ученые Земли сейчас обладают гораздо более глубокими знаниями, чем мы.

* * *

Для Богов первые несколько месяцев после того, как они стали членами общества землян, были золотым веком, когда они жили в гармонии с семьями людей. Словно они вернулись в детство цивилизации Богов, полностью погрузившись в давно забытое тепло семейной жизни. Это казалось им самым лучшим способом провести последние годы их необычайно долгой жизни.

Бог семьи Цюшэня наслаждался мирной жизнью в этой прекрасной деревне на юге Китая. Каждый день он ходил на пруд в окружении бамбуковых рощ ловить рыбу, беседовать с другими стариками из деревни, играть в шахматы и всячески развлекаться. Но его самым любимым хобби было посещение фолк-опер. Всякий раз, когда театральная труппа приезжала в деревню или в ближний город, он непременно ходил на все спектакли.

Больше всего он любил оперу «Влюбленные бабочки». Одного представления ему было мало. Он перемещался вслед за труппой на расстояние больше пятидесяти километров и ходил на несколько представлений подряд.

В конце концов Цюшэнь поехал в город и купил ему диск с записью оперы. Бог проигрывал его снова и снова, пока не научился напевать несколько строк из оперы в стиле Хуанмэй^[16], и довольно неплохо.

Однажды Юйлян раскрывала его тайну. Она шепнула Цюшэню и свекру:

– Вы знали, что каждый раз, когда дедуля Бог заканчивает свою оперу, он достает из кармана маленькую карточку? И, глядя на эту карточку, он напевает строки из оперы. Я только что украдкой подсмотрела. Это фотография. И на ней очень красивая молодая женщина.

В тот вечер Бог опять слушал «Влюбленных бабочек». Он достал фотоснимок красивой молодой женщины и начал напевать. Отец Цюшэня тихонько подошел к нему.

– Дедуля Бог, это твоя... девушка из далекого прошлого?

Бог вздрогнул. Он быстро спрятал снимок и улыбнулся отцу Цюшэня, как ребенок.

– Ха-ха. Да, да. Я любил ее две тысячи лет назад.

Юйлян, которая подслушивала, скривилась. «Две тысячи лет назад»! Учитывая его пожилой возраст, это было довольно смешно.

Отцу Цюшэня хотелось взглянуть на фото. Но Бог так старательно его прятал, что было неловко просить. Поэтому отец Цюшэня удовольствовался тем, что выслушал воспоминания Бога.

– В те давние времена мы все были так молоды. Она была одной из очень немногих, кого не совсем поглотила жизнь в Машине-колыбели. Она предприняла большое исследовательское путешествие к краю Вселенной. Ох, вам не надо слишком задумываться над этим. Это очень трудно понять. Во всяком случае, она надеялась воспользоваться этим полетом для того, чтобы разбудить Цивилизацию «Бог», крепко спящую в Машине-колыбели. Конечно, это была всего лишь красивая мечта. Она хотела, чтобы я полетел вместе с ней, но у меня не хватило смелости. Бесконечная пустыня Вселенной пугала меня. Это путешествие продлилось бы больше двадцати миллиардов световых лет. Поэтому она отправилась одна. Но и две тысячи лет спустя я не перестал тосковать по ней.

– Двадцать миллиардов световых лет? Как ты мне объяснил раньше, такое расстояние свет проходит за двадцать миллиардов лет? О, это слишком далеко. Это практически – прощай навсегда. Дедуля Бог, тебе надо забыть о ней. Ты больше никогда ее не увидишь.

Бог кивнул и вздохнул.

– Ну, разве ей теперь не столько же лет, сколько и тебе?

Бог очнулся от своей мечтательной задумчивости. Он покачал головой.

– О нет. В таком долгом путешествии ее исследовательский корабль должен был лететь со скоростью, близкой к скорости света. Это означает, что она все еще должна быть очень молодой. Только я один состарился. Вы не понимаете, как велика Вселенная. То, что вы считаете «вечностью», – всего лишь песчинка в пространстве-времени.

Ну, иногда для вас лучше, что вы не понимаете и не чувствуете этого.

Глава 5

Медовый месяц Богов и людей быстро закончился.

Люди сначала впали в экстаз из-за научных материалов, полученных от Богов, думая, что они позволят человечеству за одну ночь осуществить его мечты. Благодаря оборудованию интерфейса, которым их обеспечили Боги, из памяти устройств успешно извлекли огромное количество сведений. Их перевели на английский язык и, чтобы избежать споров, разослали всем государствам мира.

Но вскоре люди обнаружили, что использовать подаренные Богами технологии невозможно, по крайней мере, в этом столетии. Подумайте о том, как напрасны были бы усилия путешественника во времени, который доставил сведения о современной технологии древним египтянам, и вы поймете безнадежность той ситуации, с которой столкнулись люди.

Так как запасы нефти на земле могли вот-вот закончиться, главное место в мыслях людей занимали новые способы получения энергии. Но ученые и инженеры обнаружили, что технология добычи энергии Цивилизации «Бог» в данный момент бесполезна для людей. Источники энергии Богов были основаны на аннигиляции материи и антиматерии. Даже если бы люди сумели понять эти материалы и создали генератор аннигиляции и двигатель на ее основе – почти нереальная задача для данного поколения, – все это оказалось бы напрасным. И причина в том, что топливо для таких двигателей, антиматерию, нужно добывать из глубин космоса. В материалах, предоставленных Богами, говорилось, что самый близкий источник руды из антиматерии находится между Млечным Путем и галактикой Андромеда, примерно в 550 000 световых годах полета от Земли.

Технология для межзвездных полетов со скоростью, близкой к световой, также была связана со всеми областями научных знаний, а большая часть теорий и технологий Богов оказалась выше понимания человечества. Чтобы только приблизиться к пониманию основных положений их науки, ученым Земли, по-видимому, пришлось бы трудиться полстолетия. Ученые, сначала полные надежд, попытались найти в материалах Богов техническую информацию об управляемом

делении ядер, но ничего не нашли. Это легко понять: наша современная литература по энергетике не содержит сведений о том, как добывать огонь с помощью трения палочек.

В других областях науки, таких как информатика и биология (в том числе секрет долгожительства людей), возникала та же проблема. Даже самые передовые ученые не в состоянии были разобраться в знаниях Богов. Между наукой Богов и наукой людей была пропасть непонимания, которую они не могли преодолеть.

Боги, прибывшие на Землю, не могли ничем помочь ученым. Как сказал Бог в ООН, среди Богов теперь почти не осталось тех, что мог хотя бы решить квадратное уравнение. Космические корабли, дрейфующие среди астероидов, игнорировали все призывы людей. Человеческая раса оказалась в положении учеников младших классов, которым требовалось овладеть знаниями для получения докторской степени без помощи наставника.

В то же время население Земли внезапно увеличилось на два миллиарда жителей. И все они были очень старыми особями, неспособными к продуктивной деятельности. Большинство из них болело различными заболеваниями, и они стали беспрецедентной нагрузкой для общества людей. В результате все правительства вынуждены были платить каждой семье, в которой жил Бог, значительное пособие на его содержание. Нагрузка на здравоохранение и другие социальные службы стала невыносимой. Мировая экономика оказалась на грани катастрофы.

Гармония отношений между Богом и семьей Цюшэня исчезла. Постепенно члены семьи начали считать его обузой, которая свалилась с небес. Они начали презирать его, но по разным причинам.

Причина Юйлянь была самой реальной и близкой к проблеме, лежащей в ее основе: из-за Бога ее семья обеднела. Из всех членов семьи она больше всех тревожила Бога; у нее был острый, как бритва язык, и она пугала Бога больше, чем черные дыры и сверхновые. После гибели ее мечты об истинном коммунизме она непрерывно упрекала Бога:

– Пока ты не явился, наша семья жила так богато и комфортно. Раньше все было хорошо. Теперь все плохо. Все из-за тебя. Такая беда, что нас оседлал такой старый дурак, как ты.

Каждый день, при каждом удобном случае она трещала, повторяя в лицо Богу одно и то же.

Еще Бога мучил хронический бронхит. Лечение этой болезни стоило не так уж дорого, но оно требовало непрерывной заботы и постоянной траты денег. Наконец, однажды Юйлянь запретила везти Бога в городскую больницу к врачу и перестала покупать для него лекарство. Когда об этом узнал секретарь деревенской ячейки коммунистической партии, он пришел в дом Цюшэня.

– Вы должны платить за лечение вашего семейного Бога, – сказал секретарь Юйлянь. – Врач из городской больницы уже сообщил мне, что, если его хронический бронхит не лечить, может развиваться легочная эмфизема.

– Если хотите, чтобы его лечили, тогда пусть деревня или правительство платит за это, – закричала Юйлянь на секретаря. – Мы не купаемся в деньгах!

– Юйлянь, по закону о содержании Бога семья обязана нести такие мелкие медицинские расходы. Пособие правительства на его содержание включает этот компонент.

– Это мизерное пособие ничтожно!

– Ты не можешь так говорить. После того как вы начали получать пособие, вы купили корову, перешли на нефтяной сжиженный газ, приобрели новый, большой цветной телевизор! Теперь вы мне говорите, что у вас нет денег на врача и лечение Бога? Все знают, что в вашей семье твое слово – закон. Я хочу, чтобы ты осознала: на этот раз я помогу тебе спасти лицо, но не испытывай судьбу. В следующий раз не я буду стоять здесь и уговаривать тебя. К вам придут из районного Комитета по обеспечению Богов. И тогда вас ждут настоящие неприятности.

У Юйлянь не осталось другого выхода, и она возобновила оплату лечения Бога. Но после этого она стала еще хуже к нему относиться.

Однажды Бог сказал Юйлянь:

– Не надо так беспокоиться. Люди очень умные и учатся быстро. Всего еще одно столетие, или около того, и самые простые аспекты знаний Богов найдут применение в обществе людей. Тогда ваша жизнь станет лучше.

– Проклятие. Целое столетие! И ты говоришь «всего одно». Ты сам-то себя слышишь? – Юйлянь мыла посуду и даже не потрудилась

взглянуть на Бога.

– Это очень короткий период времени.

– Для вас! Ты думаешь, мы сможем жить так же долго, как вы? Через сто лет ты даже не сможешь найти мои кости! Но я хочу задать тебе вопрос: как долго, по-твоему, ты сам еще проживешь?

– О, я похож на свечку на ветру. Если смогу прожить еще триста или четыреста лет, я буду очень доволен.

Юйлянь уронила на землю целую стопку чашек.

– Разве в этом смысл «поддержки»? Значит, ты считаешь, что не только я всю свою жизнь должна заботиться о тебе, но и мой сын, мой внук и еще десять поколений моей семьи и даже больше? Почему бы тебе не умереть?

* * *

А вот отец Цюшэня считал Бога мошенником, и не только он один. Поскольку ученые не могли понять научные работы Богов, доказать их подлинность было невозможно. Может быть, Боги сыграли шутку с расой людей. По мнению отца Цюшэня, это мнение подтверждалось многими доказательствами.

– Ты, старый мошенник, ты ведешь себя возмутительно, – однажды сказал он Богу. – Я слишком ленивый, чтобы тебя разоблачить. Не стоит тратить на тебя силы. Черт, даже моему внуку не стоит тратить силы.

Бог спросил у него, что он такое обнаружил.

– Я начну с самого простого: наши ученые знают, что люди произошли от обезьян, правильно?

Бог кивнул:

– Правильнее сказать, вы произошли от первобытных обезьян.

– Тогда как вы можете говорить, что создали нас: если вы хотели создать людей, почему бы вам не сделать нас в нашем современном виде? Зачем трудиться и сначала создавать первобытных обезьян, а потом брать на себя труд развивать их дальше? Какой в этом смысл?

– Человек начинает жизнь младенцем, а потом вырастает и превращается во взрослого. Цивилизация тоже должна вырасти из менее развитого состояния. Долгой дороги опыта избежать нельзя. В

действительности раса людей началась с появления еще более примитивных видов. Даже человекообразные обезьяны уже были очень развитыми.

– Я не верю в эти придуманные причины. Ладно, вот нечто более очевидное. Собственно говоря, это первым заметил мой внук. Наши ученые говорят, что на Земле существовала жизнь еще три миллиарда лет назад. Ты это признаешь?

Бог кивнул:

– Это в основном правильная оценка.

– Значит, ваш возраст три миллиарда лет?

– В вашей системе отсчета – да. Но в системе отсчета времени наших кораблей мне только 3500 лет. Наши корабли летели с околосветовой скоростью, и время шло гораздо медленнее для нас, чем для вас. Конечно, время от времени некоторые корабли снижали скорость и прилетали на Землю для того, чтобы внести дальнейшие коррективы в эволюцию земной жизни. Но на это не требовалось много времени. Потом те корабли снова летали со скоростью, близкой к световой, и перескакивали через тот отрезок времени, который проходил здесь.

– Чепуха, – презрительно произнес отец Цюшэня.

– Папа, это теория относительности, – перебил его Цюшэнь. – Наши ученые уже доказали ее.

– Относительность, черта с два! Ты тоже меня дурачишь. Это невозможно! Как может время, как кунжутное масло, течь с разной скоростью? Я не такой старый, чтобы лишиться рассудка. Но ты – чтение всех этих книг сделало тебя тупым!

– Я могу доказать, что время действительно течет с разной скоростью, – предложил Бог с несчастным лицом. Он вынул фотографию своей возлюбленной двухтысячелетней давности и вручил ее Цюшэню. – Внимательно посмотри на нее и запомни все детали.

Как только Цюшэнь взглянул на снимок, он понял, что сможет запомнить все детали. Забыть было невозможно. Как у других Богов, у женщины на снимке были черты лица, общие для всех этнических групп. Цвет ее кожи напоминал теплую слоновую кость, глаза были такими живыми, что, казалось, они поют, и она сразу же запала в душу Цюшэня. Это была женщина среди Богов, Бог всех женщин. Красота

Богов была словно второе солнце. Люди никогда не видели ее, они не смогли бы ее вынести.

– Посмотри на себя! У тебя просто слюнки потекли! – Юйлянь выхватила фото у застывшего Цюшэня. Но не успела она посмотреть на нее, как свекор отобрал у нее снимок.

– Дай мне посмотреть, – сказал отец Цюшэня. Он поднес фото почти вплотную к своим старым глазам. Долгое время он не двигался, как будто от этого снимка зависело его существование.

– Почему ты смотришь на нее с такого близкого расстояния? – презрительным тоном спросила Юйлянь.

– Заткнись. У меня нет очков, – ответил отец Цюшэня, все еще прижимаясь лицом к фотографии.

Юйлянь несколько секунд с пренебрежением смотрела на свекра, скривила губы и ушла на кухню.

Бог взял снимок из рук отца Цюшэня, который долго не отпускал его, не желая отдавать. Бог сказал:

– Запомните все детали. Я дам вам посмотреть на нее завтра в это же время.

На следующий день отец и сын почти не разговаривали друг с другом. Оба думали о молодой женщине, и им нечего было сказать. Юйлянь злилась гораздо больше, чем обычно.

Наконец время настало. Бог, казалось, забыл о своем обещании, и отцу Цюшэня пришлось ему напомнить. Бог вынул фото, о котором оба мужчины думали весь день, и отдал ее сначала Цюшэню.

– Смотри внимательно. Ты видишь в ней какую-то перемену?

– Ничего такого... – ответил Цюшэнь, пристально вглядываясь. Через некоторое время он наконец кое-что заметил. – Ага! Ее губы чуть больше сжались. Не очень сильно, слегка. Посмотрите на уголок ее рта...

– Тебе не стыдно? Смотреть так пристально на другую женщину? – Юйлянь опять выхватила фото, и снова ее свекор отобрал у нее снимок.

– Дай посмотреть... – Отец Цюшэня надел очки и внимательно рассматривал снимок. – Да, действительно, щель между губами стала уже. Но есть гораздо более явное изменение, которого ты не заметил. Посмотри на прядь волос. По сравнению со вчерашним снимком она сдвинулась дальше вправо.

Бог отобрал снимок у отца Цюшэня.

– Это не фотография, а телевизионный приемник.

– Телевизор?

– Да. Сейчас он принимает живую картинку с того исследовательского космического корабля, который летит к концу Вселенной.

– Живую? Как прямые репортажи с футбольных матчей?

– Да.

– Значит... женщина на снимке, она живая! – Цюшэнь был так потрясен, что у него челюсть отвисла. Даже глаза Юйлянь стали большими, как грецкие орехи.

– Да, она живая. Но в отличие от прямой трансляции на Земле эта передача идет с задержкой. Исследовательский корабль сейчас находится на расстоянии восемьдесят миллионов световых лет от нас, поэтому задержка составляет около восьми миллионов лет. Мы видим ее сейчас такой, какой она была восемь миллионов лет назад.

– Эта крохотная штучка может принимать сигнал из такой дали?

– Этот способ сверхдальней связи в космосе требует использования нейтрино или гравитационных волн. Наши космические корабли могут принимать сигнал, усиливать его, а потом передавать на этот телевизор.

– Сокровище, настоящее сокровище! – искренне восхитился отец Цюшэня. Но было неясно, говорит ли он о крохотном телевизоре или о молодой женщине в телевизоре. В любом случае, услышав, что она до сих пор «жива», и Цюшэнь, и его отец почувствовали еще более глубокую привязанность к ней. Цюшэнь снова попытался взять в руки крохотный телевизор, но Бог ему не позволил.

– Почему она на этой картинке движется так медленно?

– Это результат того, что время течет с разной скоростью. С нашей точки зрения, на корабле, летящем с околосветовой скоростью, время течет очень медленно.

– Тогда... она может разговаривать с тобой? – спросила Юйлянь.

Бог кивнул. Он щелкнул переключателем на обратной стороне телевизора. Из него сразу же раздался звук. Это был голос женщины, но этот звук не менялся, будто певица тянула одну и ту же ноту в конце песни. Бог пристально смотрел на экран, его глаза были полны любви.

– Сейчас она говорит. Она заканчивает произносить три слова: «я тебя люблю». На каждое слово ушло больше года. Сейчас уже прошло три с половиной года, и в данный момент она как раз заканчивает слово «тебя». На полное окончание предложения уйдет еще три месяца. – Бог поднял взгляд от телевизора к небесному куполу над двором. – Она хочет сказать еще что-то. Я проведу остаток жизни, слушая ее.

* * *

Бинбину удавалось поддерживать хорошие отношения с Богом некоторое время. В характере всех Богов было нечто детское, и им нравилось беседовать и играть с детьми. Но однажды Бинбину захотелось, чтобы Бог отдал ему большие наручные часы, которые он носил, а Бог наотрез отказался. Он объяснил, что эти часы – прибор для общения с цивилизацией Богов. Без них он не сможет поддерживать связь с собственным народом.

– Гм, посмотрите-ка. Ты все еще думаешь о своем народе и расе. Ты никогда не считал нас своей настоящей семьей! – сердито сказала Юйлянь.

После этого Бинбин перестал хорошо относиться к Богу. Он даже часто пытался сыграть с ним злую шутку.

* * *

Единственным членом семьи, который все еще выказывал уважение и сыновнее почтение к Богу, был Цюшэнь. Цюшэнь окончил университет и любил читать. Из тех немногих людей, которые сдали вступительные экзамены и уехали учиться в колледж, он стал самым образованным жителем деревни. Но в семье Цюшэнь не был хозяином. Практически во всем он слушался указаний жены и выполнял приказы отца. Если жена и отец давали ему противоречивые указания, тогда он способен был лишь сидеть в углу и плакать. Поскольку он был таким слабаком, то никак не мог защитить Бога в своем доме.

Глава 6

Отношение между Богами и людьми в конце концов бесповоротно испортились.

Полный разрыв между Богом и семьей Цюшэня произошел после инцидента с лапшой быстрого приготовления. Однажды перед обедом Юйлянью вышла из кухни с бумажной коробкой и спросила, почему половина лапши из коробки, которую она вчера купила, уже исчезла.

– Я ее взял, – ответил Бог тихим голосом. – Я отдал лапшу тем, кто живет у реки. У них почти закончилась еда.

Он имел в виду дом, где собирались Боги, которые ушли из своих семей. В последнее время в деревне с Богами часто плохо обращались. Одна особенно жестокая супружеская пара избивала и проклинала своего Бога, и даже не давала ему есть. В конце концов этот Бог попытался утопиться в реке, которая протекала возле деревни, но, к счастью, остальные сумели его остановить.

Этот случай получил широкую известность. Слухи вышли за пределы провинции, и к ним приехали из города полицейские вместе с группой журналистов с центрального телевидения и телестанции провинции, и супругов увезли в наручниках. В соответствии с Законом о поддержке Богов их должны были приговорить по крайней мере к десяти годам тюрьмы за жестокое отношение к Богу. Это был единственный всеобщий закон для всех стран планеты, предусматривающий одинаковые сроки заключения.

После этого семьи в деревне стали более осторожными и перестали слишком скверно обращаться с Богами в присутствии посторонних. Но в то же время этот случай ухудшил отношения между Богами и жителями деревни. В конце концов некоторые Боги покинули свои семьи, и другие Боги последовали их примеру. К этому моменту почти треть Богов в Сицэне уже ушли из назначенных им семей. Эти бродячие Боги организовали полевой лагерь в поле за рекой и вели спартанскую, трудную жизнь.

В других частях страны и по всему миру возникла та же ситуация. Опять улицы больших городов заполнили толпы бездомных Богов. Их

количество быстро росло, казалось, повторяется кошмар трехлетней давности. Планете, полной Богов и людей, грозил гигантский кризис.

– Ха, ты очень щедрый, старый дурак! Как ты смеешь есть нашу еду и раздавать ее? – начала громко ругаться Юйлянь.

Отец Цюшэнь стукнул кулаком по столу и встал.

– Ты идиот! Убирайся отсюда! Тебе нравятся те Боги у реки? Почему бы тебе не уйти к ним?

Бог некоторое время сидел молча и думал. Потом встал, пошел в свою крохотную комнатку и упаковал свои немногочисленные пожитки. Опираясь на бамбуковую трость, он медленно вышел из дома и пошел в сторону реки.

Цюшэнь не стал есть вместе с остальными членами семьи. Он сидел на корточках в углу, опустив голову, и не разговаривал.

– Эй, чучело! Иди сюда и поешь. Нам после обеда надо ехать в город за едой, – закричала на него Юйлянь. Поскольку он не шевелился, она подошла и дернула его за ухо.

– Отпусти, – сказал Цюшэнь. Он произнес это негромко, но Юйлянь отпустила его, будто ее ударило током. Она никогда прежде не видела такого мрачного выражения на его лице.

– Оставь его, – небрежно сказал отец Цюшэня. – Если он не хочет есть, значит, он дурак.

– Ха, ты скучаешь по своему Богу? – Почему бы тебе тоже не присоединиться к нему и его друзьям на том поле у реки? – Юйлянь ткнула пальцем в голову Цюшэня.

Цюшэнь встал и поднялся навверх в свою спальню. Как только что Бог, он сложил несколько своих вещей в узел и положил его в вещевой мешок, с которым когда-то ездил в город на работу.

С мешком за спиной он направился к выходу.

– Куда ты собрался? – завопила Юйлянь. Но Цюшэнь не обратил на нее внимания. Она снова закричала, но теперь в ее голосе слышался страх. – Как долго тебя не будет?

– Я не вернусь, – ответил Цюшэнь, не оглядываясь.

– Что? Иди сюда! У тебя крыша поехала?

Отец Цюшэня выскочил из дома вслед за ним.

– Что с тобой случилось? Даже если тебе не нужны твои жена и сын, как ты смеешь бросать отца?

Цюшэнь остановился, но все равно не обернулся.

– Почему я должен о тебе заботиться?

– Как ты можешь так говорить? Я твой отец! Я тебя вырастил! Твоя мать рано умерла. Думаешь, было легко вырастить вас с сестрой? Ты сошел с ума?

Наконец Цюшэнь повернулся и посмотрел на отца.

– Если ты можешь выгнать из дома тех, кто создал предков наших предков наших предков, то я не считаю большим грехом для себя отказ содержать тебя в старости.

Он ушел, а Юйлянь и его отец стояли, остолбенев.

* * *

Цюшэнь пересек реку по древнему арочному мосту и направился к палаткам Богов. Он увидел, что несколько Богов поставили котелок на поросшей травой лужайке, усыпанной золотистыми листьями, и собираются готовить еду. Их белые бороды и белый пар, поднимающийся над котелком, отражали свет полуденного солнца, и это напоминало картинку из древнего сказания.

Цюшэнь отыскал своего Бога и решительно произнес:

– Дедуля Бог, пойдем.

– Я не вернусь в тот дом.

– Я тоже не вернусь. Пойдем вместе в ближний город и проживем какое-то время у моей сестры. Потом я поеду в большой город и найду работу, и мы вместе снимем квартиру. Я буду содержать тебя до конца моей жизни.

– Ты хороший парень, – сказал Бог, легонько похлопав его по плечу. – Но нам пора уходить. – Он показал ему часы на своей руке. Теперь Цюшэнь заметил, что часы у всех Богов мигали красными огоньками.

– Уходить? Куда?

– Обратно на корабль, – ответил Бог, указывая на небо. Цюшэнь поднял голову и увидел, что два космических корабля уже парят в небе, резко выделяясь на его синем фоне. Один из них был ближе и казался очень большим. Позади него виднелся другой, гораздо дальше, он казался меньшим. Но самым удивительным было то, что первый космический корабль выпустил нить, тонкую, как паутинку, которая

тянулась из космоса к Земле. Эта шелковая паутинка медленно раскачивалась, и солнечный свет сверкал на ее разных участках подобно молниям, вспыхивающим в ярком синем небе.

– Космический лифт, – объяснил Бог. – Уже больше сотни таких лифтов установлено на каждом континенте. Мы поднимемся в них назад к нашим кораблям. – Позже Цюшэнь узнал, что, когда космический корабль опускает космический лифт с геостационарной орбиты, ему необходима большая масса с противоположной стороны, в далеком космосе, которая действует как противовес. Его роль выполнял тот другой корабль, который он видел.

Когда глаза Цюшэня привыкли к яркому небу, он увидел вдалеке еще очень много серебристых звезд. Эти звезды были равномерно распределены на небе и образовали огромную матрицу. Цюшэнь понял, что двадцать тысяч кораблей Цивилизации «Бог» возвращаются к Земле из пояса астероидов.

Глава 7

Двадцать тысяч космических кораблей опять заполнили небо над Землей. В следующие два месяца космические капсулы поднимались и опускались на различных космических лифтах, унося два миллиарда Богов, недолго проживших на Земле. Космические капсулы представляли собой серебряные сферы. Издали они выглядели каплями росы, висящими на паутинках.

В тот день, когда улетали Боги из Сицэня, все жители деревни пришли попрощаться с ними. Все обращались к Богам с любовью, и это напоминало тот день год назад, когда Боги прибыли в Сицэнь. Словно все обиды, все презрение к Богам ничего общего не имели с деревенскими жителями.

Два больших автобуса стояли у въезда в деревню, те же два автобуса, которые привезли сюда Богов год назад. Больше ста Богов теперь предстояло отвезти к ближайшему космическому лифту и посадить в космические капсулы. Серебряная паутинка, которая виднелась вдалеке, в действительности находилась в сотнях километров отсюда.

Вся семья Цюшэня отправилась проводить своего Бога. Никто ничего не говорил по дороге. Когда они подошли к окраине деревни, Бог остановился, опираясь на трость, и поклонился семье.

– Прошу вас, остановитесь здесь. Спасибо за то, что заботились обо мне в этом году. Правда, я вам благодарен. Где бы я ни был в этой Вселенной, я всегда буду помнить вашу семью.

Потом он снял с руки большие часы и отдал их Бинбину.

– Подарок.

– Но... как же ты будешь связываться с другими Богами в будущем? – спросил Бинбин.

– Мы будем на космических кораблях. Я больше в них не нуждаюсь, – ответил Бог со смехом.

– Дедуля Бог, – произнес отец Цюшэня, лицо его было печальным. – Ваши корабли все древние. Они недолго еще продержатся. Куда вы тогда пойдете?

Бог погладил бороду и спокойно сказал:

– Это не важно. Космос безграничен. Все равно, где умирать.

Юйлянь внезапно расплакалась.

– Дедуля Бог, я... я не очень хороший человек. Мне не следовало делать тебя мишенью всех моих жалоб, которые я копила всю жизнь. Просто, как сказал Цюшэнь, я вела себя так, будто у меня нет совести... – Она сунула в руки Бога бамбуковую корзинку. – Я сегодня утром сварила яички. Возьми их с собой в дорогу.

Бог взял корзинку.

– Спасибо. – Потом достал яйцо, очистил его и начал есть, наслаждаясь вкусом. Желтые крошки желтка вскоре усыпали его седую бороду. Пока он ел, он продолжал говорить: – Собственно говоря, мы прибыли на Землю не только потому, что хотели выжить. Мы прожили две или три тысячи лет, чем нас могла испугать смерть? Мы просто хотели побыть с вами. Нам нравится, нас восхищает ваша любовь к жизни, ваша креативность, ваше воображение. Эти вещи давно уже исчезли в цивилизации Богов. Мы увидели в вас детство нашей цивилизации. Но мы не понимали, что доставим вам столько хлопот. Нам очень жаль.

– Остайся, пожалуйста, дедуля, – со слезами попросил Бинбин. – Я в будущем стану лучше.

Бог медленно покачал головой.

– Мы улетаем не потому, что вы с нами плохо обращались. Одного того, что вы приняли нас и позволили остаться, было достаточно. Но мы не можем дальше оставаться здесь по одной причине: Боги вызывают у вас жалость. Вы нас жалеете. Ох, вы *жалее* нас.

Бог отбросил яичные скорлупки в сторону. Поднял голову с гривой седых волос и стал смотреть в небо, где сквозь синеву сверкало море ярких звезд.

– Как цивилизация Богов может вызывать у людей жалость? Вы понятия не имеете, какая это была великая цивилизация. Вы не знаете, какой великий эпос она создала, какие грандиозные деяния совершила.

В 1857 году, в Эру Млечного Пути, астрономы открыли, что множество звезд с большим ускорением движутся к его центру. Этот поток звезд поглотила бы сверхмассивная черная дыра, которую там обнаружили, и тогда возникшее в результате излучение убило бы всю жизнь в Галактике.

Чтобы этого не случилось, наши великие предки построили заслон из туманности вокруг центра этой галактики диаметром десять тысяч световых лет, с целью сохранить жизнь и цивилизацию в Млечном Пути. Какой это был великолепный проект! На его завершение у нас ушло больше 1400 лет...

Сразу же после этого галактика Андромеда и Большое Магелланово Облако объединились и вторглись в нашу галактику. Межзвездный флот Цивилизации «Бог» перепрыгнул через сотни тысяч световых лет и перехватил захватчиков в точке гравитационного равновесия между Андромедой и Млечным Путем. Когда схватка достигла своей наивысшей точки, большое количество кораблей с обеих сторон смешались и образовали спиральную туманность размером с Солнечную систему.

На последних этапах этого сражения Цивилизация «Бог» приняла смелое решение отправить все оставшиеся боевые корабли и даже гражданский флот в спиральную туманность. Большое увеличение массы стало причиной того, что гравитация преодолела центробежную силу и эта туманность, состоящая из кораблей и людей, коллапсировала под воздействием гравитации и образовала звезду! Так как доля тяжелых элементов в этой звезде была очень большой, сразу же после своего рождения эта звезда стала сверхновой и осветила тьму между Андромедой и Млечным Путем! Наши предки, таким образом, уничтожили захватчиков благодаря своей отваге и самопожертвованию и сохранили Млечный Путь, где жизнь теперь могла мирно развиваться...

Да, теперь наша цивилизация стала старой. Но это не наша вина. Как бы мы ни старались, цивилизация когда-нибудь должна постареть. Все стареют, даже вы.

Мы действительно не нуждаемся в вашей жалости.

– По сравнению с вами, – с благоговением произнес Цюшэн, – раса людей ничего не стоит.

– Не надо так говорить, – возразил Бог. – Земная цивилизация еще младенец. Мы надеемся, что вы быстро повзрослеете. Мы надеемся, что вы унаследуете великие достижения ваших создателей и продолжите их. Бог бросил на землю свою трость. Положил ладони на плечи Бибина и Цюшэня. – Хочу сказать вам несколько слов на прощанье.

– Может быть, мы пойдем не все, что ты нам скажешь, – сказал Цюшэнь, – но говори, пожалуйста. Мы слушаем.

– Во-первых, вы должны убраться с этой скалы! – Бог протянул руки к космосу. Его белые одежды раздулись на осеннем ветру подобно парусам.

– Куда же мы отправимся? – спросил растерянно отец Цюшэна.

– Начните с полетов к другим планетам Солнечной системы, потом летите к другим звездам. Не спрашивайте зачем, но вложите всю свою энергию в достижение этой цели – улететь, и как можно дальше. На это вы потратите много денег, и много людей погибнет, но вам необходимо убраться отсюда. Любая цивилизация, которая остается на планете, где она родилась, совершает самоубийство! Вы должны лететь во Вселенную и найти новые планеты и новые дома для себя и разбросать своих потомков по всей Галактике, подобно каплям весеннего дождя.

– Мы запомним, – ответил Цюшэнь и кивнул, хотя ни он, ни остальные члены его семьи не поняли до конца слов Бога.

– Хорошо, – удовлетворенно вздохнул Бог. – Теперь я открою вам тайну, великую тайну. – Он посмотрел своими голубыми глазами на каждого члена семьи. Его пристальный взгляд был подобен холодному ветру, и сердце каждого из них дрогнуло. – У вас есть братья.

Семья Цюшэня смотрела на Бога в полном недоумении.

Но Цюшэнь в конце концов понял, что имел в виду Бог.

– Ты хочешь сказать, что вы создали другие Земли?

Бог медленно кивнул.

– Да, другие Земли, другие цивилизации человеческих существ. Кроме вас было еще три других. Все они близко от вас, в пределах двухсот световых лет. Вы – Земля номер четыре, самая младшая.

– Ты был на других Землях? – спросил Бинбин.

Бог снова кивнул.

– До того как мы прилетели к вам, мы сначала посетили три другие планеты Земля и попросили их принять нас. Земляне номер один были лучше всех. После того как они получили наши научные материалы, они просто выгнали нас.

Земля номер два взяла миллион из нас в заложники и заставила отдать им космические корабли в качестве выкупа. Когда мы отдали им тысячу космических кораблей, они поняли, что не умеют управлять

ими. Тогда они заставили заложников обучить их, но заложники тоже этого не умели, поскольку корабли работали автономно. И тогда они убили всех заложников.

Земля номер три взяла три миллиона наших людей в заложники и потребовала, чтобы мы протаранили Землю номер один и Землю номер два несколькими космическими кораблями, потому что они вели с ними затяжную войну. Конечно, даже один таран одного из наших кораблей с двигателями на антивеществе уничтожил бы всякую жизнь на планете. Мы отказались, и поэтому они убили всех заложников.

– Недостойные дети! – крикнул в гневе отец Цюшэня. – Вы должны их наказать!

Бог покачал головой.

– Мы никогда не нападём на созданные нами цивилизации. Вы – лучшие из четверых братьев. Поэтому я вам все это рассказываю. Ваши три брата планируют вторжение на другие планеты. Они не знают, что такое любовь и что такое мораль. Вы даже представить себе не можете их жестокости и жажды кровопролития.

В действительности мы вначале создали шесть Земель. Другие две находились в одной Солнечной системе с Землей номер один и Землей номер три, соответственно. Обе они уничтожены своими братьями. Оставшиеся три еще не уничтожили друг друга лишь потому, что их Солнечные системы разделяет большое расстояние. К этому времени все три Земли знают о существовании Земли номер четыре и ее точные координаты. Поэтому вы должны уничтожить их первыми раньше, чем они уничтожат вас.

– Это слишком страшно! – сказала Юйлянь.

– Пока это еще не слишком страшно. Ваши три брата действительно вас опередили в развитии, но они все еще не умеют летать быстрее, чем со скоростью больше одной десятой скорости света, и не могут улететь дальше, чем на тридцать световых лет от дома. Вопрос жизни и смерти, кто победит в этом соревновании и кто первым достигнет околосветовой скорости при движении в пространстве. Это единственный способ вырваться из тюрьмы времени и пространства. Тот, кто первым разработает такую технологию, выживет. Все, кто будет летать с меньшей скоростью, неминуемо погибнут. Это борьба за выживание во Вселенной. Дети, у вас осталось не так много времени. Трудитесь изо всех сил!

– А самые ученые и самые могущественные люди нашей планеты знают об этом? – дрожа, спросил отец Цюшэня.

– Да. Но не полагайтесь на них. Выживание цивилизации зависит от усилий каждого отдельного человека. Даже такие простые люди, как вы, должны сыграть свою роль.

– Ты слышишь, Бинбин? – спросил Цюшэнь у сына. – Ты должен усердно учиться.

– Когда вы полетите в космос со скоростью, близкой к световой, чтобы устранить угрозу со стороны ваших братьев, вы должны выполнить еще одну насущную задачу: найти несколько планет, пригодных для жизни, и посеять на них простую, примитивную жизнь, такую, как бактерии и водоросли. Пусть они развиваются самостоятельно.

Цюшэню хотелось задать еще вопросы, но Бог поднял с земли свою трость и зашагал вперед. Семья проводила его до автобуса. Другие Боги уже сидели в нем.

– О, Цюшэнь. – Бог что-то вспомнил и остановился. – Я взял с собой несколько твоих книг. Надеюсь, ты не возражаешь. – Он открыл свой узелок и показал их Цюшэню. – Это твои учебники по математике, физике и химии для колледжа.

– Без проблем. Бери их. Но зачем они тебе?

Бог опять завязал узелок.

– Чтобы учиться. Начну с квадратных уравнений. В те долгие годы, которые у меня впереди, мне нужно чем-то себя занять. Кто знает? Может быть, когда-нибудь я попытаюсь отремонтировать наши корабельные двигатели на антивеществе и позволить нам снова летать с околосветовой скоростью!

– Хорошо, – ответил взволнованный Цюшэнь. – Тогда вы сможете опять преодолевать время. Вы сможете найти еще одну планету, создать еще одну цивилизацию, которая обеспечит вас в старости!

Бог покачал головой:

– Нет-нет. Мы больше не заинтересованы в том, чтобы нас обеспечивали в старости. Если нам пора умереть, мы умрем. Я хочу учиться, потому что у меня есть последнее желание. – Он достал из кармана маленький телевизор. На экране его возлюбленная все еще медленно выговаривала последнее слово состоящей из трех слов фразы, начатой две тысячи лет назад. – Я хочу снова увидеть ее.

– Это хорошее желание, но это только фантазия, – сказал отец Цюшэня. – Подумай об этом. Она улетела две тысячи лет назад во скоростью света. Кто знает, где она сейчас? Даже если ты отремонтируешь свой корабль, как ты ее догонишь? Ты нам говорил, что ничто не может лететь быстрее света.

Бог указал своей тростью в небо.

– В этой Вселенной, если проявишь терпение, то любое твоё желание осуществится. Несмотря на то что такая возможность очень мала, она все-таки существует. Я однажды сказал вам, что Вселенная родилась в результате большого взрыва. Теперь гравитация постепенно замедлила её расширение. В конце концов расширение прекратится и превратится в сжатие. Если наш космический корабль сможет опять лететь со скоростью, близкой к световой, тогда мы сможем бесконечно наращивать скорость и бесконечно приближаться к скорости света. Таким образом, мы сможем перескакивать через бесконечное время до тех пор, пока не приблизимся к последним мгновениям Вселенной.

К этому времени Вселенная сожмется до очень малых размеров, даже меньших, чем игрушечный мячик Бинбина, до размеров точки. Тогда все в целой Вселенной сойдется воедино, и мы с ней тоже будем вместе.

Слеза выкатилась из глаза Бога и упала на его бороду, ярко сверкнув в лучах утреннего солнца.

– Тогда Вселенная станет могилой в конце «Влюбленных бабочек». А мы с ней будем двумя бабочками, вылетающими из могилы...

Глава 8

Через неделю последний космический корабль покинул Землю. Бог улетел.

Деревня Сицэнь снова зажила тихой жизнью.

В этот вечер семья Цюшэня сидела во дворе и смотрела на небо, полное звезд. Была середина осени, насекомые перестали жужжать в полях. Легкий ветерок шевелил опавшие листья у их ног. Воздух стал холодноватым.

– Они летят так высоко. Наверное, там ветер такой сильный. Такой холодный... – пробормотала Юйлянь про себя.

– Там нет никакого ветра, – сказал Цюшэнь. – Они в космосе, там нет даже воздуха. Но там очень холодно. Так холодно, что в книгах это называют «абсолютным нулем». Там так темно, конца не видно. Это место, которое не увидишь даже в кошмарном сне.

Юйлянь снова заплакала. Но она попыталась скрыть это словами.

– Помните последние две вещи, которые сказал нам Бог? Я поняла то, что он говорил о наших трех братьях. Но потом он сказал нам, что мы должны посеять бактерии на других планетах и так далее. Я до сих пор не могу это уразуметь.

– Я это понял, – сказал отец Цюшэня. Под звездным сверкающим небом его голову, наполненную глупостью всей прожитой жизни, наконец-то посетило прозрение. Он посмотрел вверх, на звезды. Он всю жизнь жил, а они светили над его головой, но только сегодня он обнаружил, как они выглядят в действительности. Новое ощущение охватило его и заставило почувствовать себя так, будто его коснулось нечто великое. Хотя это чувство не стало частью его, оно потрясло его до глубины души. Он вздохнул, глядя на море звезд, и сказал:

– Расе людей пора начинать думать о том, кто поддержит нас в старости.

С ее глазами

Пролог

После двух месяцев изнурительной работы я совершенно выбился из сил. И попросил у директора отпуск на два дня, чтобы совершить короткое путешествие и проветрить голову. Он согласился, но с одним условием: чтобы я взял с собой пару глаз. Я согласился, и он отправился за ними вместе со мной в Центр управления.

Глаза хранились в маленькой комнате в конце коридора. Я насчитал около дюжины пар. Директор показал рукой на большой экран перед нами, вручил мне глаза и представил меня их владелице – молодой женщине, на вид только что окончившей университет. Она безучастно смотрела на меня. Ее раздутый скафандр заставлял ее казаться еще более миниатюрной, чем она, вероятно, была в действительности. Если честно, вид у нее был несчастный. Несомненно, она мечтала о романтике космоса, сидя в безопасности в своей университетской библиотеке; а теперь встретилась с адской реальностью бесконечной пустоты.

– Прошу простить меня за неудобство, – произнесла она и поклонилась, словно извиняясь.

Никогда в жизни я не слышал такого нежного голоса. Ее тихие слова, казалось, плыли из космоса, как легкий ветерок, превращая грубые и массивные стальные конструкции орбитальной станции в шелк.

– Никакого неудобства. Я рад возможности иметь спутника, – искренне ответил я. – Куда вы хотите отправиться?

– Серьезно? Вы до сих пор не решили, куда отправитесь?

Кажется, ей это понравилось. Но пока она говорила, мое внимание привлекли две странности. Во-первых, любая передача из космоса доходит до слушателя с некоторой задержкой. Даже передачи с Луны запаздывают на две секунды. Время задержки еще больше при переговорах с поясом астероидов. Но почему-то ее ответы приходили без заметной задержки. Это означало, что она должна находиться на низкой околоземной орбите. Оттуда ответ приходил быстро, и стоило это недорого, так как не нужна была промежуточная станция передачи. Тогда почему она захотела, чтобы я взял с собой ее глаза в отпуск?

Ее скафандр тоже выглядел странно. Я работаю космическим инженером, моя специальность – персональное снаряжение, и ее скафандр показался мне странным по двум причинам. Во-первых, я не заметил на нем никакой системы защиты от радиации, а шлем, висящий рядом с ней, не был снабжен щитком для поляризации слепящего солнечного света. Система теплозащиты и охлаждения также выглядела на удивление совершенной.

– На какой станции она находится? – спросил я, взглянув на директора.

– Не спрашивайте. – Выражение его лица было мрачным.

– Прошу вас, не надо об этом, – эхом отозвалась молодая женщина на экране, так покорно, что мое сердце дрогнуло.

– Вы ведь не в заключении? – пошутил я.

Помещение на экране монитора казалось очень тесным. Оно явно было чем-то вроде корабельной рубки. Ряд мониторов сложных навигационных систем пульсировал и мигал огнями вокруг нее, но я не видел ни иллюминаторов, ни даже экрана наружного обзора. Только карандаш, вращающийся рядом с ее головой, свидетельствовал о том, что она сейчас находится в космосе.

Когда я произнес эти слова, и она, и директор замерли.

– Ладно, – поспешно продолжал я. – Я не буду спрашивать о том, что меня не касается. Так куда мы отправимся? Выберите сами.

По-видимому, принятие решения далось ей нелегко. Она сжала руки в перчатках перед грудью, закрыла глаза. Как будто делала выбор между жизнью и смертью или будто считала, что планета взорвется после нашего короткого отпуска. Я невольно рассмеялся.

– Ох, мне непросто выбрать. Вы читали книгу Хелен Келлер «Три дня, чтобы увидеть»? Если читали, то поймете, о чем я говорю.

– Только у нас нет трех дней. Всего два. Когда речь идет о времени, современные люди бедны, как церковные крысы. Но, с другой стороны, по сравнению с Хелен Келлер нам повезло: через три часа я смогу отвезти ваши глаза в любое место на Земле.

– Тогда давайте поедem в последнее место, которое я посетила перед отъездом!

Она назвала мне это место. Я тронулся в путь с ее глазами в руке.

Глава 1

Луг

Высокие горы, равнины, луга и леса – все сошлось в одном этом месте. Я находился более чем в двух тысячах километров от космического центра, где мне приходилось работать; путешествие на ионосферном реактивном самолете заняло всего пятнадцать минут. Передо мной лежала Такла Макан^[17]. Тяжелый труд многих поколений превратил бывшую пустыню в цветущие луга. Теперь, после десятилетий строгого контроля за численностью населения, она опять стала необитаемой.

Луга простирались до самого горизонта. Позади я видел темно-зеленые леса на горных хребтах Тянь-Шаня. Самые высокие вершины венчали серебристые снега. Я достал ее глаза и надел их.

Эти «глаза» были в действительности парой мультисенсорных очков. Когда человек их надевал, все, что он видел вокруг, передавалось при помощи высокочастотного радиосигнала. Эту передачу мог принять другой человек, который носит такие же мультисенсорные очки, и это позволяет ему видеть все, что видит первый. Как будто у того, кто их носит, глаза того, кто все это видит.

Миллионы людей работали круглый год на Луне и в поясе астероидов. Стоимость полета в отпуск на Землю была астрономической – извините за каламбур, – вот почему космическое бюро, при всей своей скаредности, спроектировало этот небольшой гаджет. Все астронавты, живущие в космосе на околоземных станциях, имели соответствующие очки. Те люди на Земле, которым повезло отправиться в настоящий отпуск, носили такие очки, что позволило тоскующим по дому космическим сотрудникам разделить с ним радость такого путешествия.

Сначала люди смеялись над этими устройствами. Но так как те, кто готов был их носить, получали значительные субсидии на свои путешествия, очки стали очень популярны. Эти искусственные глаза становились все более совершенными, так как для их создания использовали самую передовую технологию. Современные модели даже передавали пользователям тактильные ощущения и запахи путем

управления биоволнами их мозга. Брать пару глаз с собой в отпуск превратилось в общественную услугу среди землян, работающих в космической промышленности. Не каждый готов был брать с собой пару глаз в отпуск, обосновывая отказ тем, что это вторжение в личную жизнь. Что касается меня, то у меня с этим не было проблем.

Я глубоко вздохнул, глядя на открывшуюся передо мной перспективу. Однако из ее глаз донеслись звуки тихих рыданий.

– Это место мне снилось со времени моей последней поездки. Теперь я вернулась в свои сны, – раздался ее тихий голос. – Я чувствую себя так, будто поднимаюсь из глубины океана, словно делаю первый глоток воздуха. Не выношу замкнутого пространства. – Я и правда услышал, как она делает долгие, глубокие вдохи.

– Но вы же не в замкнутом пространстве. По сравнению с необъятным космосом вокруг вас этот луг – все равно что чулан.

Она замолчала, казалось, даже дышать перестала.

Я продолжал, хотя бы только для того, чтобы прервать это молчание.

– Конечно, люди в космосе все-таки находятся в ограниченном пространстве. Недаром пилот Чак Йегер прозвал астронавтов программы «Меркурий»...

– ...«ветчиной в банке», – закончила она мою мысль.

Мы оба рассмеялись. Внезапно она удивленно вскрикнула:

– О! Цветы! Я вижу цветы! В прошлый раз их здесь не было!

Действительно, широкий луг украшали бесчисленные маленькие цветочки.

– Можете посмотреть на цветы рядом с вами?

Я присел на корточки и посмотрел вниз.

– Ох, как красиво! Можете ее понюхать? Нет, не срывайте ее!

Мне ничего другого не оставалось, как лечь почти ничком на живот, чтобы уловить легкий аромат цветка.

– Ах, я тоже его чувствую! Словно она посылает нам нежную сонату.

Я рассмеялся и покачал головой. В наш век вечно меняющихся прихотей и сумасбродных увлечений большинство молодых женщин были беспокойными и импульсивными. Таких утонченных девушек, как эта, которых до слез трогает вид цветка, немного, и встречаются они редко.

– Давайте дадим этому цветочку имя, а? Гм... Мы назовем ее «мечтательницей». А вон тот цветок? Как нам назвать его? Гм... «капля дождя» звучит хорошо. А теперь подойдите вон к той, подальше. Спасибо. У нее светло-голубые лепестки – ей надо дать имя «лунный лучик».

Так мы переходили от одного цветка к другому, сначала смотрели, потом нюхали и, наконец, давали им имена. Охваченная экстазом, она погрузилась в это занятие, и конца ему не предвиделось, она забыла обо всем. Мне, однако, очень скоро до смерти надоела эта глупая игра, но к тому моменту, когда я настоял на ее завершении, мы уже дали имена сотне цветов или больше.

Подняв глаза, я понял, что мы забрели достаточно далеко, поэтому повернул обратно, чтобы забрать свой вещмешок. Когда я нагнулся за ним, в моих ушах раздался испуганный крик.

– О нет! Вы раздавили «снежинку»!

Я осторожно выпрямил стебелек бледного полевого цветочка. Внезапно вся эта сцена показалась мне комичной. Накрыв один цветок обеими руками, я спросил у нее:

– Как их зовут? Как они выглядят?

– Та, что слева, – это «кристалл». Она тоже белая, на ее стебельке три листика. Справа у нас «огонек». Он розовый, с четырьмя листиками. Верхние два листа растут отдельно, а нижние соединены вместе.

Она все цветы назвала правильно. Я даже был немного растроган.

– Видите? Мы все друг друга знаем. Я буду снова и снова вспоминать их в следующие долгие дни. Это будет выглядеть так, будто снова рассказываешь прекрасную волшебную сказку. Эта ваша планета совершенно прекрасна!

– Моя планета? Это и ваша планета тоже! А если вы будете вести себя как темпераментный ребенок, дотошные космические психологи проследят за тем, чтобы вы спустились на нее и остались здесь до конца жизни.

Я начал бесцельно бродить по равнине. Вскоре я набрел на маленький ручеек, скрытый в густой траве. Я решил было идти дальше, но ее голос остановил меня.

– Мне так хочется опустить руку в этот ручеек.

Присев на корточки, я опустил руки в воду. Прохладная, свежая волна омыла все мое тело. Я знал, что она тоже ее чувствует, так как ультрачастотные волны несут это ощущение в далекий космос. И снова я услышал ее вздох.

– Там, где вы находитесь, жарко? – Я представил себе эту тесную рубку и ее космический скафандр с удивительно совершенной системой изоляции.

– Жарко, – ответила она. – Жарко, как в аду. – Тон ее изменился. – Эй, что это? Ветер прерии? – Я вынул руки из воды и ощутил прохладу легкого ветерка на своей влажной коже. – Нет, не двигайтесь. Этот ветер просто божественно приятный. – Я поднял обе руки и держал их на ветру, пока они не высохли. По ее просьбе я снова опустил руки в ручей, а потом подставил их ветру. Опять возникло божественное ощущение, и мы вместе им наслаждались. Мы еще долго так бездельничали.

Потом я опять пустился в путь и молча бродил некоторое время. Я услышал ее шепот:

– Эта ваша планета поистине великолепна.

– Я ничего об этом не знаю. Серость моей жизни притупила все мои чувства.

– Как вы можете так говорить? Эта планета может предложить столько ощущений и впечатлений! Пытаться все их описать все равно что пытаться сосчитать капли дождя во время грозы. Взгляните на эти облака на горизонте, они все серебристо-белые! В этот момент они мне кажутся твердыми, они подобны высоким горам из сверкающего нефрита. С другой стороны, луга под ними кажутся легкими, как дымка, словно вся трава решила взлететь с земли и стать зеленым морем облаков. Посмотрите! Посмотрите на облака, проплывающие мимо солнца! Смотрите, как величественно сплетаются свет и тень от них на траве! Вы действительно ничего не чувствуете, когда видите это?

Надев ее глаза, я целый день бродил по лугам. Я слышал в ее голосе острую тоску, когда она смотрела на каждый цветок, на каждую травинку, на каждый луч солнечного света, падающий на прерию, и когда она слушала различные голоса поросших травой равнин. Внезапное появление речушки и маленькой рыбки, плывущей в ней, вызывали у нее взрыв восхищения. Неожиданно прилетевший ветерок,

несущий с собой аромат свежей травы, доводил ее до слез... Ее чувства к этой планете были такими полными, что я спрашивал себя, все ли в порядке у нее с психикой.

Перед закатом я подошел к белому домику, одиноко стоящему на лугу. Его построили в качестве гостиницы для путешественников, однако, по-видимому, я стал ее первым постояльцем за долгое время.

Кроме меня единственным ее обитателем был не совсем исправный, устаревший андроид, который обслуживал всю гостиницу. Я проголодался не меньше, чем устал, но не успел я закончить свой ужин, как моя спутница предложила сейчас же выйти из дома и посмотреть на заход солнца.

– Смотреть, как вечернее небо постепенно теряет свои краски и ночь опускается над лесом, все равно что слушать самую прекрасную симфонию Вселенной.

Ее голос был полон восторга. Я еле заставил свои налитые свинцом ноги вытащить меня наружу, проклиная свое невезение.

* * *

– Вас действительно так воодушевляют эти обычные вещи, – сказал я ей на обратном пути к дому. Уже настала ночь, и звезды сияли на небе.

– А почему вас они не воодушевляют? – спросила она. – Именно это значит быть по-настоящему живым.

– Я не нахожу никакого удовольствия в таких вещах. И большинство других людей тоже. Слишком просто в наше время получить то, что хочешь. Я говорю не только о материальных вещах. Запросто можно окружить себя голубыми небесами и кристально чистой водой. Если захочется покоя и тишины сельской местности или далекого острова, стоит только щелкнуть пальцами. Даже любовь. Подумайте, как она ускользала от предыдущих поколений и как отчаянно люди гонялись за ней, а теперь ее можно почувствовать при помощи виртуальной реальности, хотя бы в течение нескольких мгновений.

Теперь людей ничто не воодушевляет. Они видят блюдо с фруктами на расстоянии протянутой руки и только откусывают от

каждого фрукта по кусочку, а остальное выбрасывают.

– Но не перед каждым стоит такое блюдо с фруктами, – тихо возразила она.

Я почувствовал, что мои слова причинили ей боль, но не очень понимал почему. Остаток пути мы молчали.

В ту ночь я видел ее во сне. Она была одета в свой скафандр, сидела в своей крохотной рубке. В ее глазах стояли слезы. Она протянула ко мне руку и крикнула: «Выведите меня отсюда! Я не хочу быть запертой здесь!» Я вздрогнул и проснулся и тут осознал, что она действительно меня зовет. Я смотрел в потолок, на мне по-прежнему были ее глаза.

– Пожалуйста, вынесите меня из дома! Давайте посмотрим на Луну. Она уже должна была взойти!

Мне казалось, что моя голова набита песком, я нехотя стащил себя с кровати. Выйдя из дома, я обнаружил, что Луна действительно только что взошла; утренний туман придавал ей красноватый оттенок. Просторные луга под ней крепко спали. Сияющие точки бесчисленных светлячков парили в туманном океане травы, словно сны пустыни Такла Макан просачивались в реальность.

Потягиваясь, я произнес в ночное небо:

– Эй, вы видите, где светит Луна, из своего положения на орбите? Какова позиция вашего корабля? Скажите мне, и я, возможно, даже смогу вас увидеть. Уверен, что ваш корабль находится на низкой околоземной орбите.

Вместо ответа она начала напевать песню. Пропев несколько тактов, она сказала:

– Это «Лунный свет» Дебюсси.

Она продолжила тихо напевать, забыв, по-видимому, что я слушаю ее на другом конце, – или даже о том, что я существую. Мелодия и лунный свет лились с орбиты на прерию в унисон. Я представил себе эту хрупкую девушку в открытом космосе: серебристая Луна сияет сверху, голубая Земля снизу. Она летит между ними двумя, она меньше точки, и ее песня растворяется в лунном свете...

Когда я вернулся в постель час спустя, она все еще продолжала напевать. Я не знал, был ли это все еще Дебюсси, но мне было все равно. Эта изящная музыка наполняла мои сны.

Некоторое время спустя – не знаю, как скоро – ее пение сменилось криками. Ее крики разбудили меня. Она опять хотела выйти из дома.

– Разве вы не смотрели только что на Луну? – рассердился я.

– Но теперь все стало другим. Помните облака на западе? К этому времени они, возможно, уже плывут над нами. Луна скрывается за облаками и выплывает из них; я хочу увидеть танец света и теней на равнине. Как это, наверное, прекрасно. Еще одна разновидность музыки. Пожалуйста, вынесите мои глаза из дома!

Моя голова пульсировала от гнева, но я вышел наружу. Облака закрыли Луну, и она светила сквозь них. Ее туманный свет освещал покрытые травой луга. Казалось, Земля глубоко погрузилась в воспоминания о древности.

– Вы похожи на сентиментального поэта восемнадцатого века. Вы трагически не приспособлены к нашему времени. Тем более для астронавта, – сказал я, глядя в ночное небо. Я снял ее глаза и повесил их на ветку ближайшего кедра. – Если хотите смотреть на Луну, можете делать это без меня. Мне нужно поспать. Завтра я должен вернуться в космический центр и продолжить мою горестно прозаичную жизнь.

Тихий голос донесся из ее глаз, но я уже не слышал, что она говорила. Я вернулся в дом, не сказав больше ни слова.

Когда я проснулся, был уже день. Темные тучи закрывали небо, окутывали Такла Макан морозящим дождем. Ее глаза все еще висели на дереве, линзы покрылись туманом. Я осторожно протер их и надел. Я предположил, что после того, как она всю ночь смотрела на Луну, она уже крепко спит. Однако я услышал ее тихие рыдания. Меня охватила жалость.

– Простите меня. Я просто слишком устал вчера ночью.

– Нет, вы ни при чем, – ответила она, всхлипывая. – Небо покрылось тучами в половине четвертого. После пяти часов пошел дождь...

– Вы совсем не спали? – почти крикнул я.

– Пошел дождь, и я... Я не видела солнца, когда оно взошло, – выдавила она из себя, задыхаясь. – Мне так хотелось увидеть восход солнца над равниной. Мне больше всего хотелось это увидеть...

В моем сердце что-то растаяло. Ее слезы текли в моих мыслях, я представлял себе, как дергается ее маленький носик, когда она всхлипывает. Я почувствовал, как увлажнились мои глаза. Должен признаться: она научила меня кое-чему за последние двадцать четыре часа, хоть я не мог точно понять, чему именно. Это было нечто туманное, как свет и тени, плывущие над лугом. Из-за этого теперь мои глаза видели другой мир.

– Будет и другой восход солнца. Я обязательно снова возьму с собой ваши глаза, и вы его увидите. Или, возможно, я увижу его вместе с вами настоящей. Как вам это?

Ее рыдания прекратились. Внезапно она прошептала мне:

– Послушайте...

Я ничего не слышал, но напрягся.

– Это первая утренняя птица. Птицы прилетели, даже в дождь. – Ее голос звучал торжественно, словно она слушала звон колоколов, провозглашающий конец эпохи.

Глава 2

Закат 6

Мои воспоминания об этом приключении быстро померкли после того, как я вернулся к своему унылому существованию и напряженной работе. Когда я вспомнил, что нужно постирать одежду, которую носил во время поездки, – а это произошло не сразу после нее, – то обнаружил несколько семян травы за отворотами брюк. В то же время в глубине моего подсознания тоже осталось одно крохотное семечко. В тоскливой пучине моей души это семечко уже проросло, однако его стебельки были такими крохотными, едва заметными. Это могло происходить неосознанно, но в конце каждого тяжелого рабочего дня я чувствовал поэзию природы в прикосновении вечернего ветерка к моему лицу. Мое внимание привлекало пение птиц. Я даже иногда стоял в сумерках на эстакаде и смотрел, как ночь окутывает город... Мир все еще казался мне тусклым, но теперь в нем там и сям появлялись зеленые искры растений, и их число постоянно росло. Когда я начал замечать эти перемены, я снова вспомнил о ней.

Она начала вливаться в мои мысли, не занятые работой, и даже в мои сны. Я видел эту тесную рубку, этот странный герметичный космический скафандр... Позже все это исчезло из моего сознания. Только одна картина выступала из пустоты: тот карандаш, парящий вокруг ее головы в невесомости. Почему-то я видел этот карандаш, парящий передо мной, стоило мне только закрыть глаза.

Однажды, когда я шел по просторному вестибюлю космического центра, гигантская фреска, мимо которой я проходил бесчисленное множество раз, вдруг привлекла мое внимание. На ней был изображен вид на Землю из космоса; Земля выглядела темно-синим драгоценным камнем. Тот карандаш опять всплыл перед моим внутренним взором, но теперь он парил на фоне фрески. Я опять услышал ее голос.

– Я не выношу замкнутого пространства.

Понимание вспыхнуло в моем мозгу, как молния. Космос – не единственное место, где есть невесомость.

Я бросился бежать вверх по лестнице, как безумный, и забарабанил в дверь Директора. Его не оказалось на месте. Подгоняемый каким-то предчувствием, я сбежал вниз, к маленькой комнате, где хранились глаза. Директор был там, он смотрел на изображение девушки на большом мониторе. Она по-прежнему находилась внутри той же герметичной рубки, одетая в тот же «скафандр». Изображение не двигалось; это почти наверняка была запись.

– Вы здесь из-за нее, полагаю, – сказал он, не отводя глаз от монитора.

– Где она? – Мой голос прогремел внутри маленькой комнаты.

– Вы уже догадались. Она штурман «Заката-6».

Все силы покинули мое тело, и я рухнул на ковер. Теперь все стало понятно.

Первоначально планировалось запустить десять кораблей в рамках проекта «Закат», от «Заката-1» до «Заката-10». После катастрофы «Заката-6» этот проект закрыли.

Это был исследовательский проект, как многие до него. Он состоял из таких же основных последовательных этапов, как и другие полеты космического центра. Было только одно отличие – суда типа «Закат» запустили не в открытый космос. Эти корабли построили для того, чтобы нырнуть в глубины Земли.

Через полтора столетия после первого космического полета человечество начало запускать зонды в противоположном направлении. Терра-зонды серии «Закат» были первой попыткой исследований такого типа.

Четыре года назад я наблюдал за запуском «Заката-1» по телевизору. Была глубокая ночь. Ослепительный огненный шар вспыхнул в центре Турфанской впадины^[18], и облака в ночном небе Синьцзяна засияли яркими цветами восхода. К тому моменту, когда огненный шар погас, «Закат-1» уже находился под землей. В центре этого круга докрасна раскаленной, сожженной земли теперь кипело озеро расплавленной магмы. Раскаленная добела лава кипела и бурлила, выбрасывая в воздух фонтаны жидкого огня... Дрожь земли можно было ощутить в самом Урумчи, когда терра-зонд летел сквозь внутренние слои планеты.

Первые пять кораблей проекта «Закат» успешно совершили путешествия под землю и благополучно вернулись на поверхность. «Закат-5» установил рекорд дальности по путешествию человека под земной поверхностью: 3100 километров. Этот рекорд «Закат-6» не намеревался побить, и по веской причине. Современная геофизика пришла к выводу, что граница между поверхностью Земли и ядром лежит на глубине от 3400 до 3500 километров; этот участок ученые называют «границей Гутенберга». Проникнуть за пределы этой границы означало войти в железоникелевое ядро планеты. При входе в это ядро плотность окружающей материи внезапно возросла бы по экспоненте до такого уровня, который превышает прочность конструкции корабля.

Путешествие «Заката-6» началось гладко. У терра-зонда ушло целых два часа на то, чтобы пройти границу между поверхностью Земли и мантией, также называемую «границей Мохоровича», сокращенно «Мохо». Отдохнув пять часов на скользящей поверхности Евразийской плиты, корабль начал медленное движение сквозь мантию длиной более трех тысяч километров.

В космическом путешествии бывает одиноко, но, по крайней мере, астронавты могут любоваться бескрайней Вселенной и великолепием звезд. А у «терранавтов», путешествующих внутри планеты, нет ничего, что могло бы их направлять, кроме ощущения бесконечно возрастающей плотности. На мониторах заднего обзора они могли видеть только ослепительное сияние кипящей магмы за кормой своего корабля. Когда корабль погружался глубже, магма смыкалась за хвостовой частью корабля и мгновенно закупоривала только что проложенный кораблем туннель.

Как-то один терранавт описал свои впечатления. Как только он и его товарищи по экипажу закрывали глаза, они видели, как поток магмы сливается позади них, как он снова и снова давит на них и перекрывает обратный путь. Это видение преследовало их подобно фантому и заставляло путешественников ощущать огромное и все возрастающее количество материи, давящее на их корабль. Это чувство клаустрофобии трудно понять тем, кто находится на поверхности, но оно мучило всех и каждого терранавта.

«Закат-6» завершил все свои исследовательские задания с большим успехом. Корабль двигался примерно со скоростью

пятнадцать километров в час; при такой скорости ему требовалось двадцать часов, чтобы достичь намеченной глубины. Однако через пятнадцать часов и сорок минут движения экипаж получил сигнал тревоги. Подповерхностный радар показал внезапный рост плотности вблизи корабля, она подскочила с 6,3 грамма на кубический сантиметр до 9,5 грамма. Окружающее вещество имело уже не кремниевую основу, а главным образом стало железоникелевым сплавом; и оно было теперь не твердым, а жидким. Несмотря на то что они достигли глубины 2300 километров, все признаки указывали, что «Закат-6» и его экипаж вошли в ядро планеты.

Позднее экипаж узнал, что они случайно наткнулись на трещину в мантии Земли, которая вела прямо в ядро. Эту трещину заполнял жидкий сплав железа и никеля под высоким давлением из земного ядра. Из-за этой трещины граница Гутенберга поднялась выше и оказалась на тысячу километров ближе к траектории движения «Заката-6». Экипаж корабля немедленно принял экстренные меры для изменения курса. Именно во время этой попытки спастись и произошла настоящая катастрофа.

Материал корпуса корабля с добавлением нейтронов был достаточно прочным и мог выдержать огромное и внезапное увеличение давления до 1600 тонн на кубический сантиметр, но сам терра-зонд состоял из трех частей: термоядерного двигателя в носовой части, центральной кабины и кормового тягового двигателя. При попытке изменить направление, секция, соединяющая термоядерный двигатель с центральной кабиной, раскололась из-за большой плотности и давления железоникелевого сплава, которые намного превышали рабочие параметры корабля. Изображения, переданные нейтринным коммуникатором «Заката-6», показывали, как передний двигатель откололся от корпуса, и его сразу же поглотило красное сияние жидкого металла. Термоядерный двигатель корабля выпустил перегретую реактивную струю, которая разрешила корпус передней части зонда. Без него тяговый двигатель едва был способен продвинуть «Закат-6» на один дюйм сквозь твердые внутренние слои планеты.

Плотность земного ядра поразительна, но нейтроны в корпусе корабля давали еще большую плотность. Так как плавучесть,

создаваемая железоникелевым сплавом, не превосходила собственный вес «Заката-б», он начал тонуть, опускаться к земному ядру.

Через полтора столетия после посадки на Луну человечество наконец получило возможность отправиться на Меркурий. Ожидалось, что мы доберемся от мантии к ядру за такое же время. Теперь терразонд случайно вошел в ядро, и так же как корабль эры «Аполлонов», сошел с курса и улетел в глубины пространства, шансов на его спасение просто не существовало.

К счастью, корпус главной кабины корабля был прочным, а система нейтринной коммуникации поддерживала устойчивую связь с центром управления на поверхности. Весь следующий год экипаж «Заката-б» упорно трудился, отправляя ценные сведения, полученные в ядре, на поверхность.

Они были заперты тысячами километров скальной породы, но воздух и возможность выжить волновали их меньше всего: больше всего остального им не доставало пространства. На них воздействовала температура выше пяти тысяч градусов Цельсия, их окружало давление, способное превратить уголь в алмазы за считанные секунды. Только нейтрино могли вырваться из вещества невероятной плотности, в котором был погребен «Закат-б». Корабль оказался, как в капкане, в гигантской печи из расплавленного металла. Для экипажа корабля «Ад» Данте был бы раем. Что представляла собой жизнь в таком мире? Есть ли какое-нибудь слово, кроме слова «хрупкий», способное описать ее?

Колоссальное психологическое давление погубило нервную систему членов экипажа. Однажды инженер-геолог проснулся, спрыгнул с постели и распахнул теплоизоляционный люк, защищающий кабину. Хотя это был только первый из четырех подобных люков, волна раскаленного воздуха, хлынувшая сквозь оставшиеся три слоя, в одно мгновение превратила его в уголь. Чтобы не допустить немедленного разрушения корабля, командир бросился закрывать люк. Ему это удалось, но он получил сильные ожоги. Этот человек умер, сделав последнюю запись в бортовом журнале корабля.

«Закат-б» продолжал путешествие сквозь самые темные глубины планеты с одним уцелевшим членом команды.

К этому моменту внутри корабля полностью исчезла сила тяжести. Корабль погрузился на глубину 6800 километров – это была

самая глубокая точка планеты. Последняя оставшаяся в живых женщина-терранавт на борту «Заката-6» стала первой, кто достиг ядра Земли.

Весь ее мир сжался до размера тесной, душной кабины. У нее осталось меньше десяти квадратных метров, на которых она могла двигаться.

Бортовая пара нейтринных очков позволяла ей изредка устанавливать очень скудный сенсорный контакт с поверхностью планеты. Тем не менее и эта линия жизни была обречена на очень короткое существование, так как нейтринная система коммуникации почти лишилась питания. К этому моменту уровень энергии уже был слишком низким, чтобы обеспечить высокоскоростную передачу данных, необходимую для этих сенсорных очков. Фактически система потеряла с ней контакт три месяца назад, как раз тогда, когда я сидел в самолет, возвращаясь из своего отпуска на равнине. К этому времени ее глаза уже лежали в моей дорожной сумке.

То туманное, пасмурное утро на равнине было ее последней возможностью взглянуть на поверхность планеты.

С того времени «Закат-6» мог лишь поддерживать связь по радио и передавать данные на поверхность. Но однажды ночью эта связь тоже прервалась, и она навсегда осталась в одиноком заточении в ядре планеты.

Нейтронный корпус зонда был достаточно прочным, чтобы выдержать огромное давление ядра, а циклические системы жизнеобеспечения корабля способны были проработать еще пятьдесят или восемьдесят лет. Поэтому она останется жить в центре Земли, в помещении, настолько крохотном, что его можно пересечь меньше, чем за одну минуту.

Я не смел представить себе ее последнее прощание с поверхностью земли. Тем не менее, когда Директор поставил мне запись, я был потрясен.

Луч нейтрино, идущий к поверхности, был уже слабым, когда она отправила это послание, и ее голос иногда прерывался, но он звучал спокойно.

– ...получила ваши последние наставления. Я сделаю все, что смогу, чтобы выполнить весь план исследований в последующие дни. Когда-нибудь, возможно, через много поколений, другой корабль

найдет «Закат-6» и пристыкуется к нему. Если кто-нибудь войдет сюда, могу лишь надеяться, что те данные, которые я оставлю, будут полезны. Пожалуйста, не сомневайтесь; я организовала свою жизнь здесь, внизу, и приспособилась к этому окружению; я уже не чувствую себя стесненной или запертой. Меня окружает весь мир. Когда я закрываю глаза, то вижу широкие равнины на поверхности. Я до сих пор вижу каждый цветок, которому дала имя.

Прощайте.

Эпилог

Прозрачная планета

Прошло много лет, и я побывал во многих местах. Куда бы я ни приехал, я ложусь на землю.

Я лежал на пляжах острова Хайнань, на снегу Аляски, среди белых берез России и на раскаленном песке Сахары. И каждый раз планета становилась прозрачной в моем воображении. Я видел терразонд, стоящий на приколе более чем в шести тысячах километров под мной в центре той полупрозрачной сферы, чей корпус когда-то носил имя «Закат-6»; я чувствовал биение ее сердца, доносящееся до меня через тысячи километров. Когда я представлял себе золотистый свет солнца и серебристое сияние луны, освещающее ядро планеты, я слышал, как она напевает «Лунный свет», и ее тихий голос:

«...Как прекрасно это, наверное, выглядит. Это еще один вид музыки...»

Одна мысль утешала меня: даже если я окажусь в самом дальнем уголке Земли, я всегда буду ничуть не дальше от нее.

Пушечное ядро

Пролог

С тех пор как человечество использовало природные ресурсы Земли, оно обратило свой взгляд на последний девственный континент – Антарктиду. Это сместило политический центр притяжения Земли и привело к отмене Договора по Антарктиде. Благодаря близости к Антарктиде две южноамериканские страны внезапно превратились в сверхдержавы и приобрели геополитический статус, соперничающий с их статусом на футбольном поле. Человечество также вступило в финальную фазу полного уничтожения ядерного оружия. Эта победа просвещенного разума над варварством заставила человечество бороться за Антарктиду, избавленную от грозной тени термоядерного апокалипсиса.

Глава 1

Новое твердое состояние

В огромной пещере Шэнь Хуабэй чувствовал себя так, будто шел по темной равнине под небом без звезд. Камни у него под ногами, которые расплавились от жара ядерного взрыва, уже остыли и стали твердыми, хотя сильный жар еще проникал сквозь термоизоляцию его сапог, и подошвы его ног вспотели. Дальше от входа один участок стенки пещеры еще не остыл. Он слабо светился красным в темноте, как небо на рассвете сквозь туман.

Жена Шэнь Хуабэя, Чжао Вэньцзя, шла слева от него, а его восьмилетний сын, Шэнь Юань, вприпрыжку бежал впереди, по-видимому, тяжелый противорадиационный костюм его совсем не стеснял. С ними вместе шагали члены Группы атомной инспекции ООН, фонари на их шлемах посылали в темноту длинные лучи света.

Для уничтожения ядерного оружия применяли два метода: демонтаж и подземные взрывы. Здесь находился один из участков подземных взрывов Китая.

Профессор Кавинский, руководитель группы инспекторов, догнал Шэнь Хуабэя. Его фонарь осветил трех человек, идущих впереди него, и отбросил их длинные, качающиеся тени на пол пещеры.

– Доктор Шэнь, зачем вы взяли с собой семью? Здесь не место для пикника.

Шэнь Хуабэй остановился, ожидая, пока русский физик поравняется с ним.

– Моя жена – инженер-геолог, она работает в Главном центре управления уничтожением. Что касается сына, то, мне кажется, ему здесь нравится.

– Нашего сына всегда привлекало все странное и экстремальное, – согласилась с ним Вэньцзя, обращаясь скорее к мужу, чем к руководителю группы. Несмотря на то что ее лицо отчасти скрывал щиток защитного костюма, Хуабэй ясно видел беспокойство в глазах жены.

Мальчик буквально приплясывал перед ними.

– В самом начале эта яма была размером с наш подвал. После всего двух взрывов она стала гигантской! Только подумайте, какие огненные шары возникли после этих взрывов – наверное, казалось, что огромные младенцы под землей разозлились, бьют ножками и орут. Должно быть, зрелище было поразительное!

Шэнь Хуабэй и Чжао Вэньцзя переглянулись. Он слегка улыбался, но тревога на ее лице стала еще заметнее.

– Мальчик мой, там было восемь младенцев! – со смехом сказал профессор Кавинский Шэнь Юаню. Потом повернул голову к Шэнь Хуабэю. – Доктор Шэнь, именно это я собирался с вами обсудить. Во время последнего взрыва вы подорвали боеголовки восьми баллистических ракет «Гигантская волна», запускаемых с подлодок, каждая мощностью сто килотонн. Боеголовки были установлены на стеллаже кубической формы...

– В чем проблема?

– Перед детонацией я ясно увидел на мониторе, что в центре куба находится белая сфера.

Шэнь Хуабэй опять остановился. Глядя прямо на Кавинского, он сказал:

– Профессор, условия Договора об уничтожении запрещают нам уничтожать меньше положенной квоты, но, по-моему, они не запрещают нам взрывать больше. Было проведено пять независимых наблюдений, которые подтвердили размеры взрыва. Все остальное несущественно.

Кавинский кивнул.

– Поэтому я дождался конца детонации, чтобы обсудить с вами этот вопрос. Мне просто любопытно.

– Полагаю, вы слышали о «сахарной глазури»?

Слова Шэнь Хуабэя обрушились на собравшихся как проклятие. В пещере стало тихо, все остановилось, и лучи света от фонарей на шлемах, направленные во все стороны, замерли. Они разговаривали по радиосвязи в скафандрах радиационной защиты, поэтому даже далеко обогнавшие их люди слышали слова Шэнь Хуабэя. Молчание было нарушено, когда члены группы инспекторов подошли и собрались вокруг Шэнь Хуабэя. Каждый в этой группе избранных, из какой бы страны мира их ни направили сюда, был светилом в области ядерных исследований вооружения, и все ясно поняли, о чем идет речь.

– Она действительно существует? – спросил один американец, пристально глядя на Шэнь Хуабэя.

Тот лишь кивнул головой.

Ходили слухи о том, что, получив известие о первом китайском испытании атомной бомбы в середине прошлого столетия, Мао Цзэдун прежде всего задал вопрос: «Атомный взрыв был?» Понимал он или нет, но это был отличный вопрос. Ключом при проектировании атомного оружия является возможность применить сжатие. При взрыве атомной бомбы сначала взрывается пакет обычных взрывчатых веществ, окружающих массу расщепляемого материала, и этот взрыв сжимает его, образуя плотную сферу. Когда эта сфера достигает критической плотности, начинается разрушительная цепная реакция, которая приводит к атомному взрыву. Все это происходит в миллионную долю секунды, поэтому давление на расщепляемое ядро должно быть рассчитано очень точно, так как даже малейший дисбаланс может помешать ядру достичь критической массы. Если это случится, произойдет всего лишь обычный химический взрыв. После появления атомного оружия ученые использовали сложные математические модели для конструирования разнообразных устройств, вызывающих сжатие заряда. Новые технологии последних лет позволили ученым создать механизм сжатия с небывалой точностью, и «сахарная глазурь» была одним из методов, позволивших им этого добиться.

«Сахарная глазурь» представляла собой некий наноматериал, используемый для создания оболочки ядра атомного оружия. После нанесения этого материала его, в свою очередь, накрывали слоем обычных зарядов взрывчатки. Назначением «сахарной глазури» было автоматически уравновесить компрессионное напряжение, так что, даже если внешний слой взрывчатых веществ не создаст однородное давление, «сахарная глазурь» сбалансирует его распределение и вызовет сжатие, необходимое для получения критической плотности делящегося материала.

– Та белая сфера, которую вы видели между боеголовками, была сплавным материалом, покрытым «сахарной глазурью», – сказал Шэнь Хуабэй. – Ему предстояло подвергнуться огромному напряжению сжатия во время взрыва. Это часть исследовательского проекта, который мы планируем продолжать в процессе уничтожения оружия.

Когда все атомное оружие на Земле будет уничтожено, будет трудно создать кратковременное компрессионное напряжение сжатия такой величины, – по крайней мере, в ближайшее время. Будет интересно посмотреть, что произойдет с испытываемым материалом при таком давлении, – посмотреть, во что он превратится. Мы надеемся, что это исследование поможет нам открыть перспективные области применения для «сахарной глазури» в мирных целях.

Один из чиновников ООН, обдумывая такие возможности, сказал:

– Вам следует покрыть графит «сахарной глазурью», чтобы мы могли создавать крупный алмаз во время каждого взрыва. Тогда этот дорогостоящий проект уничтожения атомного оружия мог бы принести прибыль.

В наушниках раздался взрыв хохота. Чиновники, не имеющие технического образования, часто становились посмешищем в подобных ситуациях.

– Посмотрим, восемьсот килотонн... На сколько порядков величины это больше, чем давление, необходимое для превращения графита в алмаз? – спросил кто-то.

– Конечно, это не создало алмаз! – прозвучал веселый голос Шэнь Юаня в их наушниках. – Держу пари, это создало черную дыру! Крошечную черную дыру! Она всосет нас в себя, всосет всю планету, и мы окажемся в более красивой вселенной на другой стороне!

– Ха-ха, взрыв был для этого недостаточно большим, мой мальчик. Доктор Шэнь, у вашего сына замечательный ум! – похвалил его Кавинский. – Итак, каковы были результаты этого опыта? Во что превратился сплав? Полагаю, вы большую часть его не нашли.

– Я еще не знаю. Давайте пойдём и посмотрим, – ответил Шэнь Хуабэй, указывая вперед. От взрыва в Земле образовалась огромная сферическая полость, похожая на чашу с закругленным дном. В центре этой чаши мелькали лучи нескольких фонариков. – Это люди из группы, изучающей «сахарную глазурь».

Они спустились по пологому склону к центру чаши. Внезапно Кавинский остановился. Потом прижал ладони к земле.

– Я чувствую дрожь!

Другие тоже ее почувствовали.

– Она не могла быть вызвана взрывом, правда?

Чжао Вэньцзя покачала головой.

– Мы неоднократно исследовали геологическую структуру зоны вокруг полигона. Взрыв никак не мог вызвать здесь землетрясение. Дрожь началась после взрыва и с тех пор продолжается без перерыва. Доктор Дэн Ивэнь сказал, что это имеет какое-то отношение к эксперименту с «сахарной глазурью», но подробностей я не знаю.

Когда они подошли к центру чаши, дрожь усилилась, она шла откуда-то из подземной глубины. Вскоре она стала настолько сильной, что и у них задрожали ноги, будто гигантский поезд с громом проносился под ними. Когда они подошли к центру, ученый в скафандре поднялся со дна чаши и поздоровался с ними. Это был доктор Дэн Ивэнь, тот ученый, который отвечал за эксперименты по сжатию материалов во время атомных взрывов.

– Что это у вас? – спросил Шэнь Хуабэй, указывая на большой белый шар в руке доктора.

– Рыболовная леска, – ответил доктор Ивэнь. Вокруг него стояли, низко нагнувшись, несколько человек, образовав круг. Они смотрели в маленькое отверстие в скале, которая расплавилась во время взрыва и снова отвердела. Края отверстия представляли собой почти правильный круг диаметром примерно десять сантиметров, а его края были гладкими, будто отверстие проделали сверлом. Один конец лески в руке доктора Ивэня исчезал в этой дыре, и он постепенно отматывал новые порции лески со своего клубка.

– Мы уже опустили больше десяти тысяч метров лески в это отверстие, а дна все нет. Наши радары показывают, что его глубина больше тридцати тысяч метров, и она растет.

– Как она образовалась? – спросил кто-то.

– Сжатый экспериментальный сплав утонул в земле, как камень в море. Вот что проделало эту дыру. Пока мы разговариваем, сплав проходит сквозь плотные слои камня, и это вызывает дрожь.

– Боже мой, это поразительно! – воскликнул Каминский. – Я полагал, что сплав испарится от высокой температуры во время взрыва.

– Если бы не было «сахарной глазури», результат был бы именно таким, – согласился доктор Ивэнь. – А в этом случае он не успел испариться: «сахарная глазурь» перераспределила силу взрыва, сжала сплав и породила новое состояние материи, которое следует назвать

«сверхтвердым». Это название уже занято, поэтому мы назвали такое состояние «новым твердым».

– Вы хотите сказать, что плотность этой штуки по сравнению с плотностью земли под нами аналогично плотности камня, брошенного в воду? – спросил профессор Кавинский, все еще с недоверием.

– Она намного больше. Основная причина, почему камень тонет в воде, не имеет отношения к плотности того или иного материала; причина в том, что вода – это жидкость. Когда вода замерзает, ее плотность не сильно меняется, но, если вы положите на лед камень, он не погрузится в лед. Вещество в новом твердом состоянии, однако, реально погружается в камень, так что можно лишь вообразить, какая у него плотность.

– Вы хотите сказать, что оно превратилось в нечто вроде вещества нейтронной звезды?

Доктор Дэн Ивэнь покачал головой.

– Мы пока не установили точно его плотность, но, видя скорость его спуска, мы можем с уверенностью сказать, что она не так велика, как у вырожденного вещества нейтронной звезды. Если бы вещество в новом твердом состоянии имело такую плотность, то падало бы со скоростью полета метеорита сквозь атмосферу и вызвало бы извержения вулканов и крупные землетрясения. Эта материя нечто среднее между обычным твердым и вырожденным веществом.

– Оно долетит к центру Земли? – спросил Шэнь Юань.

– Возможно. Ниже определенной глубины каменный слой земной коры и мантия сменяются жидким ядром, где этой штуке погружаться станет еще легче.

– Потрясающе!

Пока внимание всех было приковано к отверстию, Шэнь Хуабэй и его семья незаметно отделились от группы и отошли в темноту. Не считая гудения и дрожи, вдали от отверстия было тихо. Лучи их фонарей растворялись в сплошной темноте вокруг, они слились с бескрайней, безличной пустотой. Они переключили свои переговорные устройства на личный канал. Здесь Шэнь Юаню предстояло сделать выбор, который определит всю его дальнейшую жизнь: пойти с отцом или остаться с матерью?

Перед родителями Шэнь Юаня стояла более трудная проблема, чем развод: у отца была терминальная стадия лейкемии. Шэнь Хуабэй

не знал, вызвана ли болезнь работой в области ядерных исследований, но он знал, что ему осталось жить не больше шести месяцев. К счастью, существовала технология погружения в искусственную гибернацию. Шэнь Хуабэй будет погружен в состояние сна до тех пор, пока не появится лекарство от лейкемии. Шэнь Юань мог выбирать, погрузиться в сон вместе с отцом или продолжить жить вместе с матерью. Второй вариант казался более разумным, но ребенку было трудно отказаться от идеи последовать за отцом в будущее. И Шэнь Хуабэй, и Чжао Вэньцзя еще раз попытались привлечь его на свою сторону.

– Мама, я останусь с тобой. Не лягу спать вместе с папой! – сказал Шэнь Юань.

– Ты передумал? – в восторге спросила Чжао Вэньцзя.

– Да! Нет необходимости отправляться в будущее, чтобы найти что-то интересное. Сейчас и здесь много чего интересного, например, вот та штука, которая тонет в земле. Я хочу быть здесь, чтобы это видеть!

– Ты так решил? – спросил Шэнь Хуабэй. Чжао Вэньцзя сердито посмотрела на него, беспокоясь, как бы сын опять не передумал.

– Да, – ответил Шэнь Юань. – Я хочу попробовать увидеть, что там, внизу, в этой дыре. – Он побежал к чаше, где мелькали огни фонариков других людей.

Чжао Вэньцзя смотрела вслед сыну.

– Боюсь, что не смогу дать ему то, что ему нужно. Он точно такой, как ты, – погружен в свои мечты. Может быть, будущее ему больше подошло бы.

Шэнь Хуабэй положил ладони на плечи жены.

– Никто не знает, каким будет будущее. А что плохого в том, что он похож на меня? Настоящему тоже нужны мечтатели.

– Нет ничего плохого в том, чтобы быть мечтателем. Поэтому я тебя и полюбила. Но ты должен знать, что в нем есть и другая сторона: его выбирали старостой класса два года!

– Да, я слышал. Не знаю, как ему это удалось.

– Он жаждет власти и знает, как ее добиться. В этом он совсем на тебя не похож.

– Да. Как он может примирить это со своими фантазиями?

– Меня больше беспокоит, что случится, когда он это сделает.

Шэнь Юань добежал до чаши, луч его фонаря уже нельзя было отличить от других лучей. Родители перестали следить за ним, выключили свои фонари и погрузились в темноту.

– Как бы то ни было, жизнь будет продолжаться. Возможно, лекарство разработают в следующем году, или через сто лет, или... никогда не разработают. Несомненно, ты проживешь еще, по крайней мере, сорок лет. Мне нужно, чтобы ты мне кое-что пообещала: через тридцать лет, если лекарство еще не появится, разбуди меня. Я хочу еще раз повидать тебя и сына. Пусть это наше прощание не станет окончательным.

– Ты хочешь в будущем увидеть старуху и взрослого мужчину, старше тебя на десять лет? Но, как ты сказал, жизнь продолжается. – Чжао Вэньцзя удалось изобразить в темноте жалкую улыбку.

В этой гигантской пещере, вырытой ядерными взрывами, они провели вместе последние мгновения, молча. На следующий день Шэнь Хуабэю предстояло погрузиться в сон без сновидений. Чжао Вэньцзя останется жить вместе с Шэнь Юанем, жизнь которого поглотили мечты. Вместе они продолжают идти по опасной дороге жизни к неизвестному будущему.

Глава 2

Пробуждение

На то, чтобы проснуться полностью, у него ушел день. Когда он впервые открыл глаза, то увидел только белый туман, из которого в течение следующих десяти часов постепенно выступали расплывчатые белые фигуры. В следующие десять часов он смог узнать в них врачей и медсестер. Люди во время отложенного оживления не чувствуют, как течет время, и Шэнь Хуабэй сначала думал, что слабое сознание является частью процесса входа в гибернацию, что, возможно, в системе гибернации произошел сбой, пока он погружался в сон. По мере того как его зрение улучшалось, он осматривал больничную палату, мягко освещенную светильниками на белых стенах. Это место было ему знакомо, что подтверждало мысль о том, что он еще не погрузился в сон. В следующий момент стало ясно, что он ошибался.

Белый потолок палаты засиял голубым светом, и на этом фоне проступили четкие белые буквы.

«Приветствуем вас! Ваш провайдер отложенного оживления «Ливинг Ёрс Криогеникс», заявил о банкротстве в 2089 году. Ответственность за ваше состояние была передана корпорации «Джейд Клауд». Серийный номер вашей гибернации WS68200402—118. Вы сохранили все права и привилегии, положенные вам по контракту с «Ливинг Ёрс Криогеникс». Вы прошли лечение перед тем, как вас разбудили, и успешно вылечились от всех болезней. Просим вас принять поздравления корпорации «Джейд Клауд» с новой жизнью.

Вы провели в состоянии сна 74 года, 5 месяцев и 13 часов. Ваш счет полностью оплачен.

Сегодня 16 апреля 2125 года. Добро пожаловать в будущее».

К нему начал постепенно возвращаться слух, и три часа спустя он смог заговорить. После 74 лет глубокого сна его первыми словами

были: «Где мои жена и сын?»

Высокая, худая женщина-врач стояла у его постели. Она вручила ему сложенный листок бумаги.

– Доктор Шэнь, это письмо от вашей жены.

Шэнь Хуабэй бросил на доктора странный взгляд. «Еще до того, как я отключился, люди почти никогда не писали писем на бумаге», – подумал он. Ему удалось развернуть письмо, хотя руки еще оставались наполовину онемевшими. Еще одно доказательство того, что он путешествовал во времени: бумага, сначала чистая, начала испускать лазурный свет, из которого складывались буквы по мере того, как свет скользил вниз по бумаге. Вскоре листок заполнили написанные слова.

Перед тем как погрузиться в криосон, он много раз воображал первые слова, которые скажет ему жена, когда он проснется, но никогда не представлял себе того, что было написано на этой бумаге:

«Хуабэй, любимый, тебе грозит большая опасность!

К тому времени, когда ты прочтешь это письмо, меня уже не будет в живых. Та доктор, которая дала тебе это письмо, – доктор Гуо. Ты можешь ей доверять: фактически она, возможно, единственный человек на Земле, кому ты можешь доверять. Выполняй все ее указания.

Прости меня за то, что нарушила обещание. Я не разбудила тебя через сорок лет. Ты не можешь себе представить, каким человеком стал Юань и что он сделал. Как его мать, я чувствовала, что не смогу посмотреть тебе в глаза. Мое сердце разбито. Моя жизнь потрачена зря. Прошу тебя, будь осторожен».

– Мой сын, – где Шэнь Юань? – закричал Хуабэй, с большим трудом приподнявшись на локтях.

– Он умер пять лет назад. – Тон врача был ледяным, совершенно равнодушным к той боли, которую причинило это послание. Будто осознав это, она смягчилась и прибавила: – Вашему сыну было 78 лет.

Доктор Гуо вынула из кармана халата карточку и подала ее Хуабэю.

– Вот ваше новое удостоверение личности. Информация, которую оно содержит, объясняет письмо вашей жены.

Хуабэй рассмотрел письмо с лицевой и с обратной сторон. На бумаге ничего не было, кроме короткой записки Вэньцзя. Когда он вертел ее, казалось, что бумага переливается, как жидкокристаллические экраны его времени, когда к ним прикасались. Доктор Гуо протянула руку и нажала на правый нижний уголок письма, и изображение письма сменилось электронной таблицей.

– Мне очень жаль. Бумаги, как вы знаете, уже не существует.

Хуабэй озадаченно смотрел на нее.

– Лесов больше нет, – объяснила она, пожав плечами.

Потом она вернулась к таблице.

– Ваше новое имя – Ван Руо. Вы родились в 2097 году. Ваши родители умерли, и у вас нет близких родственников. Вы родились в Хух-Хото, во Внутренней Монголии, но теперь поселились здесь, – сказала она, указывая на клеточку в таблице. – Это далекая деревушка в горах Нинся. Это самое подходящее место, какое мы смогли найти, учитывая обстоятельства. Там вы не будете привлекать внимания. До отъезда вам необходимо сделать пластическую операцию. Ни при каких обстоятельствах вы не должны упоминать вашего сына. Даже не должны проявлять к нему никакого интереса, если с вами о нем заговорит кто-то другой.

– Но я отец Шэнь Юаня! И я родился в Пекине!

Доктор Гуо замерла и снова стала холодной.

– Если вы заявите об этом публично, ваша губерния и лечение окажутся напрасными. Через час вы будете мертвы.

– Что произошло? – Хуабэю необходимо было знать, *сейчас же*.

Доктор холодно улыбнулась и заговорила:

– В этом мире есть много такого, чего вы, наверное, не знаете. – Она еле заметно покачала головой. – Ну, нам надо спешить. Сначала вам нужно встать с постели и заново научиться ходить. Затем надо увезти вас отсюда, и как можно скорее.

Только Хуабэй открыл рот, чтобы задать следующий вопрос, как раздался громкий стук в дверь. Дверь распахнулась, и шесть или семь человек вбежали в зал и окружили кровать Хуабэя. Они все были разного возраста и одеты были по-разному, если не считать шляп, которые некоторые из них носили на голове, а некоторые держали в руках. У этих шляп были такие широкие поля, что они закрывали плечи хозяев, подобно тем соломенным шляпам, которые обычно

носили крестьяне. У каждого также была прозрачная кислородная маска, которую некоторые из них сняли, когда вошли в помещение. Все они угрожающе смотрели на Хуабэя.

– Это отец Шэнь Юнэня? – спросил один из них. По-видимому, он был самым старым из них, по крайней мере, лет восьмидесяти, и носил длинную седую бороду. Не дожидаясь ответа доктора, он повернулся к остальным своим спутникам и кивнул головой.

– Он выглядит точно так же, как его сын. Доктор, вы выполнили свой долг. Теперь он наш.

– Откуда вы узнали, что он здесь? – спокойно спросила доктор Гуо.

Не успела она получить ответ, как заговорила медсестра, стоящая в углу комнаты.

– Я им сказала.

Доктор Гуо повернулась и гневно посмотрела на медсестру.

– Вы предали доверие пациента?

– С радостью, – ответила сестра, и ее красивое личико исказила гримаса.

Один молодой человек схватил Хуабэя за халат и стащил его с кровати. Он лежал, парализованный, на полу, еще слишком слабый, чтобы двигаться. Девушка ударила его ногой в живот так сильно, что острый носок ее туфли чуть не проткнул ему живот; от невыносимой боли он извивался на полу, как рыба. Старик схватил Хуабэя за воротник и поднял его на ноги с необыкновенной силой. Он держал Хуабэя в вертикальном положении, безуспешно пытаясь заставить его стоять на ногах. Потом отпустил его, и Хуабэй упал на спину, ударившись головой об пол. В его глазах потемнело от боли. Кто-то сказал:

– Прекрасно, это погасит малую часть долга этого негодяя перед обществом.

– Кто вы, люди? – слабым голосом спросил Хуабэй. Из его положения на полу в окружении их ног похитители казались ему группой угрожающих ему гигантов.

– По крайней мере, вы должны знать, кто я такой, – произнес старик, мстительно усмехаясь. Снизу его лицо выглядело гротескно искаженным. Хуабэй содрогнулся. – Я Дэн Ян, сын Дэн Ивэня.

Когда Хуабэй услышал это имя, у него все внутри сжалось. Он повернулся и схватился за низ штанин старика.

– Ваш отец был моим сотрудником и близким другом! Вы были одноклассником моего сына! Разве вы не помните? Боже мой, вы сын Ивэня? Не могу в это поверить? Тогда вы были...

– Убери от меня свои грязные руки! – закричал Дэн Ян.

Молодой человек, который стащил Хуабэя с кровати, нагнулся и вплотную приблизил лицо к лицу Хуабэя, его глаза были полны злобы.

– Послушайте. Вы не старше, чем были тогда, когда уснули. Этот человек старше вас, и вы должны относиться к нему с уважением.

– Если бы Шэнь Юань был жив, он по возрасту годился бы вам в отцы, – громко произнес Дэн Ян, что вызвало взрыв смеха у окружающих. Он указал на одного из своих товарищей. – Когда этому молодому человеку было четыре года, его родители погибли во время Катастрофы центрального прорыва, – сообщил он Хуабэю. – А эта молодая госпожа потеряла родителей во время Катастрофы потерянного болта. Ей не было еще и двух лет. – Дэн Ян махнул рукой в сторону еще двух человек из его группы. – Эти люди вложили сбережения всей жизни в Проект. Когда этот человек узнал, что проект потерпел крах, он пытался покончить жизнь самоубийством. А этот человек просто сошел с ума. – Он сделал паузу и прибавил: – А что касается меня, то меня заманил в ловушку ваш сын-негодяй. Я выбросил мою юность и мой талант в эту проклятую дыру, и весь мир меня за это ненавидит.

Хуабэй, все еще лежа на полу, качал головой, сбитый с толку.

– Шэнь Хуабэй, это суд, и мы, жертвы Проекта проникновения в Антарктиду, ваши судьи и присяжные! Все жители этой страны – жертвы, но нам дана особая привилегия свершить правосудие. Мы могли бы отправить вас в настоящий суд, но наша система правосудия теперь еще более запутанная, чем в ваше время. Адвокаты потратили бы целый год, несли бы всякую чушь во время рассмотрения вашего дела, а потом вас, вероятно, оправдали бы, как оправдали вашего сына. Нам потребуется не больше часа на вынесение справедливого приговора, и, поверьте мне: когда мы его вынесем, вы пожалеете, что вас не прикончила лейкемия 70 лет назад.

Они начали глумиться над Хуабэем. Два человека подхватили его под руки и потащили к двери. Он был слишком слаб, чтобы

сопротивляться, его ноги волочились по полу.

– Мистер Шэнь, я сделала все, что могла, – сказала доктор Гуо, когда Хуабэй уже был около двери. Он хотел оглянуться на нее, единственного человека, которому он мог доверять в это жестокое время, как написала жена, но в том положении, в котором его держали, это было невозможно. Она снова заговорила у него за спиной:

– Не надо слишком отчаиваться. Жить в наши дни тоже нелегко.

Когда Хуабэя вытащили наружу, он услышал, как доктор крикнула:

– Закройте дверь и включите очистители воздуха! Хотите задохнуться и умереть? – встревоженным голосом крикнула она, и было ясно, что ей уже безразлична его судьба.

Когда они покинули больничную палату, Хуабэй понял последние слова доктора Гуо: воздух снаружи был едким, было дышать трудно. Его протащили по главному коридору больницы. Когда они вышли из здания, те два человека, которые его тащили, подхватили его под руки и повели. Он сделал глубокий вдох, испытывая облегчение от того, что оказался снаружи, но вдохнул он не свежий воздух, как ожидал: вместо него он вдохнул газ, еще более ядовитый, чем воздух больницы. Его легкие чуть не лопнули от боли, и он вдруг зашелся в приступе кашля, который никак не прекращался. Он начал задыхаться и услышал, как кто-то сказал: «Дайте ему респиратор. Мы же не хотим, чтобы он умер раньше, чем мы осуществим правосудие». Кто-то надел на его нос и рот какое-то приспособление. Воздух, поступающий из него, имел странный вкус, но, по крайней мере, им можно было дышать. Другой голос сказал: «Нет необходимости давать ему защитную шляпу. Он не проживет долго, и ультрафиолет не успеет опять наградить его лейкемией». Это вызвало у всех взрыв жестокого смеха. Дыхание Хуабэя стало несколько ровнее, а слезы, вызванные кашлем, начали высыхать, вернув зрение. Он поднял голову и в первый раз взглянул на мир будущего.

Первое, что он заметил, были люди на улице; все они носили прозрачные маски-респираторы и прикрывали головы большими соломенными шляпами, которые его похитители называли просто «защитными шляпами». Еще он заметил, что, несмотря на теплую погоду, все кутались в одежду, не оставляя открытыми ни кусочка кожи. Вдоль улицы по обеим сторонам стояли огромные небоскребы,

такие высокие, что он ощущал себя будто в глубоком ущелье. «Небоскребы» – подходящее название для этих зданий, они буквально дотягивались до серых облаков над головой. На узкой полоске неба между зданиями неярко светило солнце из-за облаков. Струйки дыма проплывали в лучах солнца, и он вскоре понял, что сами облака представляли собой скопление отравляющих газов.

– Замечательное время для жизни, правда? – спросил Дэн Ян. Его друзья от души захохотали, будто не смеялись целую вечность.

Его понесли к ближайшей машине размером с седан и способную вместить четыре-пять человек. Когда они приближались к ней, мимо них прошли два человека, целеустремленно шагающих в другом направлении. Они носили каски, и, хотя их форма была незнакома Хуабэю, он догадался об их профессии. Он их окликнул:

– Помогите! Меня похищают! Помогите мне!

Двое полицейских резко развернулись и подбежали к Хуабэю. Они окинули его взглядом с ног до головы, обратив особое внимание на его больничный халат и босые ноги. Один из них спросил:

– Вы только что вышли из криосна, да?

Хуабэй слабо кивнул:

– Они меня похищают...

Другой полицейский в ответ кивнул:

– Сэр, это обычное дело. Многие люди недавно очнулись от криосна, и чтобы их вернуть в общество, требуется много ресурсов. Люди обижены и сердиты и часто набрасываются на них.

– Здесь происходит другое... – начал Хуабэй, но полицейский прервал его взмахом руки.

– Господин, теперь вы в безопасности. – Полицейский повернулся к Дэн Яну и его товарищам-заговорщикам. – Этот человек явно еще нуждается в помощи медиков. Двое из вас должны отвести его обратно в больницу. Мы тщательно расследуем это дело, а пока все вы семеро арестованы по подозрению в похищении человека. – Он поднес ко рту радиопередатчик на своем запястье и вызвал подкрепление.

Дэн Ян подбежал и прервал его.

– Офицер, погодите минутку. Мы не противники криопроб. Посмотрите внимательно на этого человека. Он не кажется вам знакомым?

Полицейские долго всматривались в лицо Хуабэя. Один из них на несколько секунд стянул вниз респиратор, чтобы лучше видеть.

– Это Ми Сиси!

– Он не Ми Сиси, он отец Шэнь Юаня!

Оба полицейских с открытым ртом переводили взгляд с Шэнь Хуабэя на Дэн Яна. Молодой человек, родители которого погибли во время Катастрофы центрального прорыва, придвинулся ближе к полицейским и что-то стал им шептать. Пока он говорил, полицейские время от времени бросали взгляды на Хуабэя, и с каждым взглядом их глаза становились все холоднее. Когда они взглянули на него в последний раз, сердце его упало. У Дэн Яна появилось два новых сообщника.

Полицейские приблизились к Хуабэю, избегая смотреть ему в глаза. Один из них остался охранять его, а другой подошел к Дэн Яну. И напряженным шепотом сказал:

– Мы ничего не видели. Что бы вы ни делали, не позволяйте никому догадаться, кто он такой, – будет бунт.

Не только слова полицейских привели в ужас Хуабэя, но и то, как он их произнес. Он говорил, не обращая внимания на то, слышит ли Хуабэй, будто тот был деталью пейзажа. Члены банды Дэн Яна быстро втолкнули Хуабэя в машину и сели в нее вслед за ним. И как только завелся двигатель машины, ее окна потемнели, не впуская лучи солнца в машину и не позволяя Хуабэю видеть то, что снаружи. Машина управлялась автоматически и была полностью лишена любых видимых органов ручного управления. Все молчали, пока не выехали на дорогу. Наконец Хуабэй рискнул задать вопрос, чтобы только прервать грозное молчание.

– Кто такой Ми Сиси?

– Кинозвезда, – ответила девушка, осиротевшая во время Катастрофы потерянного болта, которая сидела рядом с ним. – Он прославился, играя роль вашего сына. Шэнь Юань и инопланетные чудовища сейчас самые модные и известные злодеи.

Хуабэй заерзал на своем сиденье, стараясь отодвинуться подальше от девушки. При этом он нечаянно задел рукой кнопку под окном. Стекло в окне сразу же стало снова прозрачным. В него Хуабэй увидел, что они едут по огромной, сложной эстакаде над шоссе. Она была забита машинами, которые двигались на расстоянии не больше двух

метров друг от друга. Внушало тревогу то, что автомобили не стояли на месте, как должны были при таком тесном соседстве, они все мчались с максимальной скоростью, равной по крайней мере сто километров в час. Вся эстакада напоминала опасный аттракцион в парке.

Машина мчалась к перекрестку дорог. Когда они приблизились к нему, их автомобиль свернул в сторону, чтобы поменять полосу движения, и когда уже казалось, что они сейчас столкнутся с другой машиной, образовался промежуток на соседней полосе, и их машина вписалась в него. Фактически для каждой машины открывался промежуток, и происходило это так быстро и плавно, что казалось, будто две полосы слились в одну. Хуабэй еще раньше понял, что их автомобилем управляет автомат; теперь он осознал, что искусственный интеллект, ведущий машину, давал возможность очень эффективно использовать шоссе. Человек, сидящий на заднем сиденье, протянул руку, нажал кнопку, и стекло снова стало темным.

– Я не понимаю ничего в том, что происходит, и вы все равно хотите меня убить? – спросил Хуабэй.

Сидящий впереди Дэн Ян повернулся к Хуабэю. После паузы он сказал неохотно:

– Ну, тогда, наверное, мне придется вам рассказать.

Глава 3

Порог Антарктиды

– Люди с богатым воображением обычно бывают слабыми, а у большинства сильных людей, людей, которые делают историю, отсутствует воображение. Ваш сын был поразительным исключением, человеком, наделенным воображением и силой воли, позволяющей осуществить его мечты. Для него реальность была лишь маленьким, далеким островом в обширном океане фантазий; но, когда он хотел, он мог менять их местами, превращать фантазии в остров, а реальность в океан. Он плавал по обоим океанам с невероятным искусством...

Хуабэй перебил его.

– Я знаю своего сына. Не тратьте зря мое время.

– Как бы вы хорошо его ни знали, вы не могли даже представить себе того положения, которого добился Шэнь Юань, той власти, которой он обладал. Его положение позволяло ему воплотить в жизнь самые темные замыслы. К несчастью, никто не понимал, как это опасно, пока уже не стало слишком поздно. Возможно, были и другие личности в истории, похожие на него, но они были подобны астероидам, пролетевшим мимо Земли. Они не повлияли на нее, а просто улетели дальше и исчезли в безграничном пространстве. История дала Шэнь Юаню средства для осуществления его извращенных замыслов. Его астероид столкнулся с Землей, к нашему огромному несчастью.

Когда шел пятый год вашего криогенного сна, планета сделала первый шаг к решению вопроса о том, кто должен контролировать Антарктиду. Континент объявили общим регионом глобального экономического развития. Сильные государства пренебрегли этой декларацией и отхватили большие участки континента в свое эксклюзивное пользование. Каждое из этих государств хотело пользоваться ресурсами своего региона и получать прибыль как можно скорее. В этом была их единственная надежда спастись от экономического спада, вызванного оскудением природных богатств и загрязнением окружающей среды. Тогда появилась поговорка: будущее лежит на дне планеты. Именно тогда ваш сын выдвинул свою

безумную идею. Он заявил, что ее осуществление превратит Антарктиду в задний двор Китая, что он способен сделать так, что добраться из Пекина до Антарктиды станет проще, чем до Тяньцзиня. Это не метафора – действительно, было быстрее добраться до Антарктиды, чем до Тяньцзиня, и это путешествие требовало меньше ресурсов и меньше загрязняло окружающую среду. Когда он начал излагать свой план на телевизионной пресс-конференции, вся страна смеялась, словно им показывали комедию абсурда. Но еще до конца конференции мы все смеяться перестали. Мы поняли, что это действительно возможно! Так начался катастрофический Проект «Порог Антарктиды».

Дэн Ян резко оборвал свой рассказ.

– Ну и что такое Проект Порог Антарктиды? – спросил Хуабэй, подталкивая Дэн Яна к продолжению.

– Вы скоро это узнаете, – ледяным тоном ответил Дэн Ян.

– По крайней мере, скажите мне, какое я имею ко всему этому отношение?

– Вы отец Шэнь Юаня. Что еще можно об этом сказать?

– Значит, теперь мы вернулись к генетическому детерминизму?

– Конечно, нет, но по собственному признанию вашего сына в данном случае происхождение имеет значение. Когда он получил международную известность, он в бесчисленных интервью говорил, что его образ мыслей и его личность уже в основном сформировались к восьми годам и что именно его отец их сформировал. Он сказал, что вся его многолетняя работа имела целью лишь дополнить те знания, которые ему дал отец. Он даже прямо заявил, что отец первым изобрел Проект «Порог Антарктиды».

– Что? Я? Антарктиды? Это просто...

– Позвольте закончить. Вы также обеспечили технологическую основу для этого проекта.

– О чем вы говорите?

– О веществе нового твердого состояния. Без него Проект «Порог Антарктиды» остался бы пустой мечтой. Оно дало возможность превратить эту извращенную фантазию в реальность.

Шэнь Хуабэй растерянно покачал головой. Он совершенно не представлял себе, как сверхплотная материя в новом твердом

состоянии могла помочь осуществить такое быстрое перемещение в Антарктиду.

В этот момент машина остановилась.

Глава 4

Врата ада

Они вышли из машины, и Хуабэй увидел впереди странный маленький холм. Он был цвета ржавчины и совершенно голый, без единой травинки на поверхности.

Дэн Ян кивнул в сторону склона.

– Это железная гора. – Видя удивление на лице Хуабэя, прибавил: – Это огромный, цельный кусок металла.

Хуабэй огляделся вокруг и увидел неподалеку еще несколько таких «железных гор», торчащих из земли через неравные промежутки, их цвет казался странным на фоне широкой равнины, на которой они стояли. Это напоминало инопланетный пейзаж.

К этому моменту Хуабэй уже снова обрел способность ходить, хоть и нетвердо держался на ногах. Он потащился вслед за своими захватчиками к большому строению в отдалении. Оно представляло собой идеальный цилиндр, высотой больше трехсот футов, а его поверхность была абсолютно гладкой, без видимого входа. Когда они подошли к нему, тяжелая железная панель в его стенке скользнула вбок, и они смогли войти внутрь. Дверь плотно закрылась у них за спиной.

Шэнь Хуабэй увидел, что они находятся в тускло освещенной комнате, напоминающей шлюзовую камеру. На гладкой белой стене висел длинный ряд скафандров, похожих на космические. Каждый человек снял со стены скафандр и надел его, и два человека помогли Хуабэю надеть такой же скафандр. Он оглядел комнату и увидел еще одну скользящую панель на дальней стене. Над дверью горела красная лампочка, а рядом с ней находился дисплей, показывающий атмосферное давление в комнате в данный момент. Когда на нем закрепили тяжелый шлем, в правом верхнем углу щитка его шлема появился прозрачный жидкокристаллический дисплей, по которому быстро бежала цепочка цифр и символов. Он понял, что это внутренняя система диагностики скафандра. Затем раздалось низкое гудение механизмов. Показания атмосферного давления на дисплее над дверью быстро снижались. Менее чем через три минуты давление

стало нулевым. Красный свет сменился зеленым, и дверь скользнула вбок, открыв темное помещение воздухонепроницаемой конструкции.

Догадка Хуабэя оказалась правильной? Помещение, в котором они оказались, было камерой воздушного шлюза для перехода из зоны с атмосферой в зону без воздуха. Внутри этого огромного цилиндра был вакуум.

Группа вошла через дверь, которая закрылась за ними, и они остались в полной темноте. Зажегся свет на шлемах нескольких человек, посылая слабые лучи в пустоту. Хуабэя охватило ощущение дежавю, и он вздрогнул от ужаса.

– Идите вперед, – каркнул голос Дэн Яна в наушниках Хуабэя. Фонарь на его шлеме осветил узкий мостик впереди, не больше трех футов шириной. Его дальний конец тонул в темноте, поэтому он не видел, какой он длины. Под мостиком была черная пустота. Хуабэй пошел вперед на дрожащих ногах. Тяжелые ботинки его герметичного скафандра гремели о металлическую поверхность моста. Он прошел по мосту несколько ярдов и повернул голову, чтобы посмотреть, идет ли кто-нибудь вслед за ним, как только он это сделал, все фонари на шлемах внезапно выключились и все погрузилось в темноту. Через несколько секунд голубой свет начал разгораться под узким мостом. Хуабэй посмотрел назад и увидел, что он на мосту один, все остальные собрались у его начала, и все они смотрели на него. Освещенные снизу голубым светом, они были похожи на привидения. Крепко вцепившись в перила моста, Хуабэй посмотрел вниз, и от того, что он увидел, кровь застыла у него в жилах.

Он стоял над глубоким колодцем.

Этот колодец имел около тридцати футов в диаметре. Вдоль его внутренней стенки через равные промежутки горели световые кольца; только их сияние позволяло ему понять присутствие стен. Мост был перекинут через отверстие колодца, и он стоял точно на его середине. Он не видел дна колодца. Видел только бесчисленные кольца света на стенке колодца, уменьшающиеся по законам перспективы и сходящиеся в одну точку вдаль. Как будто он смотрел сверху на сияющую голубую мишень.

– Ваш приговор сейчас будет приведен в исполнение – вы заплатите долги вашего сына! – крикнул Дэн Ян. Он ухватился за колесо у подножия моста и начал его поворачивать, бормоча:

– Это за мою украденную юность, за мой растраченный талант...

Мост накренился на одну сторону, и Хуабэй крепко вцепился в верхние перила, изо всех сил стараясь удержаться на ногах.

Дэн Ян отдал колесо парню, осиротевшему во время Центрального прорыва, который с силой повернул его.

– Это за моих мать и отца, за их растаявшие тела...

Наклон моста увеличился.

Девушка, родители которой погибли во время Катастрофы потерянного болта, вышла вперед. Она повернула колесо, гневно глядя на Хуабэя.

– Это за то, что мои родители превратились в пар...

Мужчина, который пытался покончить с собой после того, как потерял свое состояние, занял место девушки возле колеса.

– Это за мои деньги – мой «Роллс-Ройс», мой «Линкольн», мою виллу на берегу, мой бассейн. Это за мою погубленную жизнь, за то, что мои жена и дочь вынуждены были стоять в длинной, холодной очереди за благотворительной помощью...

Теперь мост встал почти на ребро, а Хуабэй висел на верхних перилах, отчаянно пытаясь упереться ногами в перила, которые теперь находились под ним.

Мужчина, лишившийся рассудка, присоединился к тому, который пытался покончить с собой, и они поворачивали колесо вместе. Он явно был еще болен и ничего не сказал, просто смотрел вниз в колодец и смеялся. Мост полностью перевернулся. Хуабэй обеими руками цеплялся за перила, повиснув над колодцем.

Собственно говоря, его страх немного утих. Когда Хуабэй смотрел сквозь ворота ада в бездонную пропасть под ним, вся жизнь пронеслась перед его глазами. Его детство и юность казались ему скучными и безрадостными. Он добился успеха, когда стал студентом и ученым, но даже после изобретения технологии «сахарной глазури» все равно чувствовал себя в этом мире неловко. Личные взаимоотношения всегда казались ему паутиной, нити которой опутывали его тем прочнее, чем больше он сопротивлялся. Он никогда не знал настоящей любви; женился из чувства долга. Как только он решил никогда не иметь детей, у них с женой родился ребенок. Он был человеком, который жил в мире снов и фантазий, он был из тех мужчин, которых большинство людей презирало. Он жил в изоляции, плыл против течения. Обычно

он возлагал все надежды на будущее. И вот, будущее настало: он вдовец, его сын – враг человечества, он в отравленном городе, окружен полными ненависти, свихнувшимися людьми... Его почти переполнило разочарование той эпохой, в которой он очутился, и своей собственной жизнью. Когда-то он решил узнать истинную природу вещей прежде, чем умрет; сейчас это уже не имело для него значения. Он стал просто усталым путником, и желал только одного – отдохнуть.

Раздались торжествующие крики, когда руки Хуабэя наконец разжались, и он стремительно полетел к своей судьбе, к сияющим голубым кольцам внизу.

Он закрыл глаза и отдался на волю невесомости. Ему казалось, что его тело растворяется, а с ним и непосильное бремя существования. В эти последние секунды жизни в его памяти вдруг всплыла песня. Отец научил его напевать эту старую советскую мелодию, уже забытую к тому времени, когда он погрузился в криогенный сон. Он однажды ездил в Москву со школьной экскурсией, и пока был там, пытался найти кого-нибудь, кто знает эту песню. Никто ее не слышал поэтому она стала его собственной, личной песней. Он успеет пропеть про себя лишь пару нот до того, как ударится о дно колодца, но он был уверен, что, после того как его душа покинет тело, он войдет в следующий мир, тихо напевая.

Хуабэй уже промурлыкал про себя половину этой медленной песни, когда до него вдруг дошло, что уже прошло много времени. Открыв глаза, он увидел, как одно за другим пролетают мимо кольца голубого света.

Он все еще падал.

– Ха-ха-ха! – раздался в его наушниках безумный смех Дэн Яна. – Вы вот-вот умрете – что вы должны чувствовать!

Хуабэй посмотрел вниз на ряды концентрических голубых колец, висящих под ним. Они с жужжанием проносились мимо, один за другим, и каждый раз, когда он пролетал сквозь самое большое кольцо, в его центре появлялось следующее, сначала крохотное, но быстро растущее. Он посмотрел вверх, на концентрические кольца света над ним, которые расширились, а потом исчезали вдалеке, зеркально отражая то, что он видел внизу.

– Какой глубины этот колодец? – спросил он.

– Не волнуйтесь, вы очень скоро упадете на дно. Там лежит твердая стальная плита, и вы расплющитесь о нее, как жук об оконное стекло! Ха-ха-ха-ха!

Пока Дэн Ян говорил, Хуабэй заметил, что маленький дисплей в верхнем правом углу его щитка на шлеме вспыхнул и ожил. Сияющие красные буквы на нем гласили:

Вы достигли глубины пятьдесят метров.

Ваша скорость равна 0,86 мили в секунду.

Вы пересекли границу Мохоровичича^[19].

Вы прошли земную кору и сейчас входите в мантию Земли.

Хуабэй снова закрыл глаза. На этот раз музыки не было. Его мозг напоминал компьютер, бесстрастный и быстрый, и после тридцати секунд раздумий он открыл глаза. Теперь он все понял. Это был Проект «Порог Антарктиды». Внизу нет никакой стальной плиты. Это колодец без дна. Этот туннель идет прямо сквозь землю.

Глава 5

Туннель

– Его траектория проходит по касательной к ядру Земли или прямо сквозь него? – вслух задал вопрос Хуабэй.

– Умно! Вы догадались! – воскликнул Дэн Ян.

– Такой же умный, как его сын, – прибавил кто-то – мужчина, оставшийся сиротой после Катастрофы центрального прорыва, судя по голосу.

– Он проходит сквозь земное ядро, от границы Мохоровичича до самой восточной части Антарктического полуострова, – сказал Дэн Ян, отвечая на вопрос Хуабэя.

– Тот город, в котором мы только что находились, был Мохэ?

– Да, он стал быстро расти после того, как построили туннель.

– Как я понимаю, туннель отсюда сквозь Землю должен иметь выход в южной части Аргентины.

– Правильно, но этот туннель слегка изгибается.

– Если это так, разве я не ударился бы о стену?

– Нет, вы бы ударились о стену, если бы туннель шел в Аргентину.

Идеально прямой туннель можно провести только между полюсами Земли, вдоль ее оси. Чтобы соорудить туннель под углом к оси, нужно учесть вращение Земли. Изгиб туннеля необходим для плавного движения по нему.

– Этот туннель – огромное достижение! – искренне воскликнул Хуабэй.

Вы достигли глубины 185 миль.

Ваша скорость равняется 1,5 мили в секунду.

Вы вошли в астеносферу^[20] Земли.

Хуабэй видел, что он пролетает сквозь светящиеся кольца с возрастающей скоростью. Концентрические круги света над ним и под ним теперь располагались значительно плотнее друг к другу.

Заговорил Дэн Ян:

– Прорыть туннель сквозь Землю – это не совсем новая идея. Еще в XVIII веке по крайней мере два человека уже думали об этом. Одним был математик Пьер Луи Мопертюи^[21]. Вторым был не кто иной, как Вольтер. После них французский астроном Фламарион снова высказал эту идею, и он первым учел вращение Земли.

Хуабэй перебил его:

– Так как же вы можете говорить, что это моя идея?

– Потому что эти люди просто ставили мысленные эксперименты, а ваша идея повлияла на человека, человека талантливого, обладающего предвидением, который осуществил эту нелепую идею.

– Не помню, чтобы говорил нечто подобное Шэнь Юаню.

– Тогда у вас плохая память. У вас была мечта, которая изменила ход истории человечества, а вы ее забыли!

– Я честно не могу вспомнить.

– Несомненно, вы помните человека по имени Дельгадо из Аргентины и подарок, который он сделал на день рождения вашему сыну.

Вы достигли глубины 930 миль.

Ваша скорость равняется 3,2 мили в секунду.

Вы вошли в мантию Земли.

Хуабэй наконец вспомнил. Это был шестой день рождения Шэнь Юаня, и Хуабэй пригласил к ним домой аргентинского физика доктора Дельгадо, который оказался в это время в Пекине. Аргентина была одной из двух стран Южной Америки, которые в результате борьбы за Антарктиду стали сверхдержавами. Она претендовала на обширные территории на континенте, и большое количество жителей Аргентины поселилось там. Аргентина также быстро наращивала свой ядерный арсенал, что очень тревожило международное сообщество.

Во время следующего процесса глобального ядерного разоружения Аргентина, как ядерное государство, естественно входила в Комитет ООН по уничтожению атомного оружия. И Шэнь Хуабэй, и Дельгадо работали техническими экспертами в этом комитете.

Дельгадо подарил Шэнь Юаню глобус. Он был сделан из нового вида стекла, которое появилось в результате быстрого развития технологий Аргентины. Коэффициент преломления этого стекла

равнялся коэффициенту преломления воздуха, поэтому оно было абсолютно невидимым. На этом глобусе континенты казались плавающими в пространстве между полюсами Земли. Шэнь Юаню очень понравился подарок. Во время беседы после ужина Дельгадо вынул известную китайскую газету и показал Хуабэю политическую карикатуру. Это был рисунок знаменитого аргентинского футболиста, который пинал Землю, как футбольный мяч.

– Мне не нравится эта карикатура, – сказал Дельгадо. – Китай ничего не знает об Аргентине кроме того, что мы хорошо играем в футбол, и такое ограниченное понимание влияет на международную политику. Китайцы считают Аргентину агрессивной страной.

– Ну, доктор, Аргентина дальше всех других стран от Китая на земном шаре. Мы находимся на противоположных сторонах земного шара, – сказала Чжао Вэньзця с улыбкой. Она взяла у Шэнь Юаня глобус и подняла его вверх. Очертания Китая и Аргентины наложились друг на друга при взгляде сквозь идеально прозрачное стекло.

– Я знаю способ улучшить обмен информацией между нашими странами, – сказал Хуабэй, беря в руки глобус. – Нам просто нужно прорыть туннель через центр Земли.

– Этот туннель должен иметь длину 7800 миль. Это ненамного короче, чем прямая траектория полета, – заметил Дельгадо.

– Но время путешествия было бы гораздо меньше, чем время полета. Только подумайте: вы складываете чемоданы, прыгаете в один конец туннеля, и...

Хуабэй заговорил об этом только для того, чтобы сменить тему, уйти от разговора о политике. У него это получилось. Дельгадо заинтересовался и сказал:

– Шэнь, вы очень оригинально мыслите. Посмотрим – после того, как я прыгнул бы в отверстие туннеля, скорость падения все время увеличивалась бы. Чем глубже я бы падал, тем медленнее росло бы ускорение, но я бы продолжал падать с ускорением до самого центра Земли. В центре моя скорость стала бы максимальной, а ускорение равнялось бы нулю. Затем, когда я начал бы подниматься к выходу из отверстия, скорость начала бы замедляться, и величина ускорения росла. Когда я добрался бы до поверхности Земли в Аргентине, моя скорость стала бы нулевой. Если бы я захотел вернуться в Китай, я мог

бы просто снова прыгнуть в отверстие. Я мог бы продолжать путешествовать так до бесконечности, если бы пожелал, совершая простые гармонические колебания между Северным и Южным полушариями. Да, это чудесная идея, но время путешествия...

– Давайте его вычислим, – предложил Хуабэй и повернулся к своему компьютеру.

Вычисления заняли всего несколько секунд. Основываясь на средней плотности планеты, если прыгнуть в туннель в Китае, пролететь сквозь Землю 7917 миль и вынырнуть из туннеля в Аргентине, время путешествия составило бы сорок две минуты двенадцать секунд.

– Вот что я называю быстрым путешествием! – воскликнул Дельгадо, явно довольный.

Вы достигли глубины 1740 миль.

Ваша скорость равняется 4 милям в секунду.

Вы пересекаете границу Гутенберга и входите в земное ядро.

Хуабэй продолжал падать, а Дэн Ян говорить:

– Вы, несомненно, не заметили этого тогда, но в тот вечер умный малыш Шэнь Юань ловил каждое ваше слово. Вы также не могли знать, что он в ту ночь так и не уснул. Он смотрел на прозрачный глобус, стоящий рядом с его кроватью. Ваше влияние на его мышление было огромным. За многие годы вы посеяли многочисленные семена в его воображении. Это семя принесло плоды.

Стенка туннеля окружала Хуабэя на расстоянии пятнадцати футов от него, и он смотрел, как она уносится вверх. Кольца света теперь мелькали мимо так быстро, что сливались в размытое свечение на стене.

– Эта стена сделана из материала нового твердого состояния? – спросил он.

– Из чего же еще? Разве есть другой материал, достаточно прочный, чтобы построить такой туннель?

– Как вы изготовили его в таком огромном количестве? Как вы сумели транспортировать и обрабатывать материал настолько плотный, что он тонет в Земле?

– Коротко можно ответить так: материал в новом твердом состоянии создается во время непрерывно следующих один за другим маленьких атомных взрывов с использованием вашей технологии «сахарной глазури», конечно. Это долгий и сложный процесс. Мы можем создавать материал в новом твердом состоянии различной плотности. Материал с меньшей плотностью не тонет в земле, поэтому его используют для сооружения больших фундаментов, способных выдержать вес материала с большой плотностью, не позволяя ему погружаться путем распределения его давления. Тот же принцип можно применить при транспортировке материала. Технология, которая используется для механической обработки материала, более сложная; вы не обладаете знаниями, позволяющими понять ее. Достаточно сказать, что материал в новом твердом состоянии – это огромная отрасль промышленности, более масштабная, чем производство стали. Проект «Порог Антарктиды» – не единственное применение этого материала.

– Как построили этот туннель?

– Сначала я скажу вам, что основным компонентом конструкции туннеля является обшивка буровой скважины. Каждая секция обшивки имеет длину 320 футов, а туннель состоит из 240 000 секций, соединенных друг с другом. Что касается самого процесса строительства, то вы умный человек, вы его сможете себе представить.

– Кессон?

– Да, мы использовали кессон. Сначала опустили обшивку скважины со стороны стройплощадок в Китае и Антарктиды. Соединенные вместе, секции обшивки образовали в земле связующую нить, которую невозможно разорвать. Второй этап состоял в том, чтобы вынуть материал изнутри этой нити, образуя туннель. Металлические холмы, которые вы видели возле входа в туннель, состоят из вынутого материала, железоникелевых сплавов земного ядра. Сама работа по соединению обшивки выполнена «подземными кораблями», механизмами, сделанными из материала в новом твердом состоянии, которые способны двигаться между слоями Земли и внутри них. Некоторые модели могут работать на глубине ядра. Мы использовали эти механизмы для того, чтобы установить на место опущенные вниз секции обшивки.

– По моим подсчетам, описанный вами процесс потребовал только 120 000 секций обшивки.

– Сверхплотные твердые вещества способны выдержать высокое давление и температуру, присутствующие внутри Земли, но движение жидкой материи внутри Земли представляет гораздо большую проблему. На сравнительно небольшой глубине находится магма, но реальная опасность подстерегает в ядре, где поток жидкого железа и никеля создает огромную силу сдвига, которая угрожает туннелю. Материал нового твердого состояния достаточно прочен и выдерживает эту силу, а стыки обшивки – нет. Поэтому туннель построили из двух слоев обшивки, один плотно облегал второй. Создав ступенчатое расположение стыков этих двух слоев, мы сумели добиться достаточной устойчивости туннеля к силам сдвига.

Вы достигли глубины 3350 миль.

Ваша скорость равна 4,8 мили в секунду.

Вы приближаетесь к твердому ядру Земли.

– Полагаю, вы дальше расскажете мне о катастрофах, вызванных этим проектом.

Глава 6

Катастрофа

– Двадцать пять лет назад «Порог Антарктиды» пережил первую катастрофу, как раз тогда, когда проект вступил в финальную фазу проектирования, – продолжал Дэн Ян. – Этот этап требовал большого количества перемещений под землей. Во время одного исследовательского путешествия на корабле под названием «Закат-6» произошла авария, когда он находился в мантии Земли, и он опустился в ядро. Два члена экипажа из трех погибли. Уцелела только молодая женщина-пилот. Она все еще находится там, в ядре, в полной изоляции, обреченная прожить остаток жизни пленницей этого подземного корабля. Устройство нейтринной связи корабля больше не может передавать ее сообщения, хотя может еще принимать наши. О, правильно, ее зовут Шэнь Цзинь. Она ваша внучка.

Сердце Хуабэя пропустило удар.

На такой скорости кольца света на стене туннеля сливались и становились совсем неразличимыми, просто сама стена, казалось, сияет резким голубым светом. Хуабэй чувствовал себя так, будто он падает в туннель сквозь время в недавнее прошлое, в то прошлое, которого он не знал.

Вы достигли глубины 3600 миль.

Ваша скорость равна 4,8 мили в секунду.

Вы вошли в твердое ядро и приближаетесь к центру Земли.

– На шестой год строительства произошла трагедия – Катастрофа центрального прорыва. Как я уже говорил раньше, стена туннеля состоит из двух ступенчатых слоев обшивки. Перед установкой секции внутреннего слоя было необходимо соединить прилегающие друг к другу внешние секции и извлечь весь материал изнутри, так как любой оставшийся мусор мог помешать уплотнению между слоями. Это была работа, требующая точного расчета времени, особенно в жидком ядре. После того, как соединили две секции внешнего кольца, и перед тем, как вставили внутреннюю секцию, один только внешний слой должен был выдерживать напор железоникелевого потока. Заклепочный шов, которым соединяли кольца, был необычайно прочным. Он был

рассчитан так, чтобы выдерживать силу потока почти бесконечно. Когда они углубились в ядро на триста миль, на две секции внешнего кольца, которые только что соединили, обрушился удар необычно мощного железоникелевого потока, в пять раз более сильного, чем показывали предшествующие наблюдения. Под его напором секции сместились, и в одно мгновение раскаленный материал ядра под высоким давлением устремился в брешь, в кессон и вверх по туннелю. Как только прорыв обнаружили, Шэнь Юань, как генеральный директор проекта, немедленно приказал закрыть «врата Гутенберга», предохранительный клапан, расположенный на границе Гутенберга. Более 2500 инженеров работали в то время в туннеле за этим клапаном, это был участок длиной пятьсот миль. Эти сотрудники погрузились в скоростные грузовые подъемники, чтобы эвакуироваться из туннеля, как только узнали о прорыве. Последний подъемник стартовал примерно в двадцати милях перед гребнем железоникелевого потока. В конце концов только шестидесяти одному подъемнику удалось миновать «врата Гутенберга» до того, как они закрылись; все остальные застряли по другую сторону, и их поглотили потоки из ядра, имеющие температуру более семи тысячи градусов. Погибло тысяча пятьсот двадцать семь человек.

Известие о катастрофе потрясло планету. Все единодушно считали, что вина лежит на Шэнь Юане, но люди разошлись во взглядах на то, как он должен был реагировать. Одни утверждали, что у него было время подождать, пока все подъемники пройдут «врата Гутенберга», и только потом закрыть их. Последний подъемник двигался вверх в двадцати милях перед потоком, ждать было опасно, но возможно. Даже если бы поток затопил «врата Гутенберга» до того, как их перекрыли, имелись еще «врата Мохо», еще один предохранительный клапан у границы Мохоровичича. Разъяренные члены семей погибших обвиняли Шэнь Юаня в убийстве. Он ответил общественности одной фразой: «Я должен был действовать быстро». Он не был не прав: колебание могло вызвать глобальную катастрофу. Возник даже целый жанр кинофильмов о «Пороге Антарктиды». Самый известный, «Металлический фонтан», был кошмарной моделью того, что бы произошло, если бы материал ядра вырвался на поверхность. Кадры этого фильма демонстрировали, как столб жидкого никеля и железа вылетает из туннеля в стратосферу, где

раскрывается подобно цветку смерти. Он сияет ослепительным белым светом, освещающим все Северное полушарие, и дождь из расплавленного металла начинает падать на Землю и превращает всю Азию в горящую печь. Человечество постигла та же судьба, что и динозавров.

Это не был художественный вымысел, это был вероятный исход. Из-за этого против Шэнь Юаня были выдвинуты новые обвинения, которые противоречили первым: ему следовало закрыть «врата Гутенберга» немедленно, не ожидая, пока поднимется шестьдесят один подъемник. Это мнение приобрело большую популярность, и его сторонники навесили преступлению Шэнь Юаня ярлык «преступная халатность в отношении человечества». Ни для одного, ни для другого обвинения не существовало правового основания, но Шэнь Юань подал в отставку с поста руководителя Проекта. Он отказался от других назначений и продолжал свою работу над туннелем в качестве простого инженера.

Свет на стене туннеля внезапно из голубого стал красным.

Вы достигли глубины 3900 миль.

Ваша скорость равна 5 миль в секунду.

Вы движетесь сквозь центр Земли.

Голос Дэн Яна снова раздался в наушниках Хуабэя:

– Ваша нынешняя скорость достаточна, чтобы вывести вас на орбиту, но ваше местонахождение в центре планеты означает, что эта планета вращается вокруг вас. Континенты и океаны Земли, ее города и люди, все вращаются вокруг вас.

Омываемый мрачным красным светом, Хуабэй услышал еще одну мелодию, на этот раз – великолепную симфонию. Он летел с первой космической скоростью сквозь центр Земли, туннеле, сияющие красные стены которого создавали у Хуабэя впечатление, что сама земля живая и что он плывет по одному из ее кровеносных сосудов. Его сердце стремительно билось.

Дэн Ян продолжал:

– Материал в новом твердом состоянии является отличным изолятором, но воздух вокруг вас имеет температуру выше 2700

градусов. Система охлаждения вашего скафандра работает на полную мощность.

Примерно через десять секунд красный свет на стене внезапно снова стал спокойным, голубым.

Вы миновали центр Земли и начали подъем, ваша скорость снижается.

Вы поднялись на три мили.

Ваша скорость равна 4,8 мили в секунду.

Вы находитесь в твердом ядре Земли.

Голубой свет успокоил Хуабэя. Он уже привык к невесомости и медленно развернул свое тело так, чтобы лететь головой вперед. В таком положении он чувствовал, что скорее поднимается, чем опускается.

– Разве не было третьей катастрофы? – спросил он.

– Катастрофа потерянного болта произошла пять лет назад, после завершения Проекта «Порог Антарктиды» и начала его официального открытия. Поезда шли по туннелю через ядро без остановки. Вагоны этих поездов имели форму цилиндров диаметром двадцать семь футов и длиной 165 футов; один поезд состоял из двухсот вагонов и мог перевозить двадцать две тонны груза или почти десять тысяч пассажиров. Поездка в один конец через центр Земли занимала всего сорок две минуты и не требовала никаких ресурсов, кроме гравитации.

На станции «Мохэ» ремонтник нечаянно уронил болт в туннель. Он был не толще пяти дюймов в диаметре, но он был сделан из нового материала, который поглощал электромагнитные волны, поэтому радарная система безопасности не смогла его обнаружить. Болт упал в туннель, сквозь Землю, и прилетел на станцию Антарктиды, где опять начал падать. У центра Земли он столкнулся с поездом, идущим через центр Земли к Антарктиде. Скорость болта относительно поезда была около десяти миль в секунду; его кинетическая энергия превратила его в ракету. Он пробил первые два вагона поезда, превратив в пар все на своем пути, а взрыв сбил с курса остальные вагоны поезда. Он врезался в стену туннеля со скоростью пять миль в секунду, и в одно мгновение его разорвало в клочки.

Обломки после этой аварии летали по туннелю взад и вперед. Некоторые куски поднялись до самой поверхности, но большая часть мусора потеряла импульс силы и просто летала туда-сюда возле ядра. Месяц ушел на то, чтобы удалить обломки из туннеля. Мы не смогли найти тела трех тысяч пассажиров, ехавших в поезде, – они превратились в пепел от жара в ядре.

Вы поднялись на 1360 миль от центра Земли.

Ваша скорость равна 4,6 мили в секунду.

Вы снова вошли в жидкое ядро Земли.

– Самой большой катастрофой был сам Проект. Проект «Порог Антарктиды», возможно, был беспрецедентным техническим достижением, но с точки зрения экономики он был невероятно глупым. Люди до сих пор не могут понять, как такой откровенно глупый проект мог пройти даже стадию проектирования. Безрассудные амбиции Шэнь Юаня, несомненно, сыграли свою роль, но истинная причина его успеха стала безумная жажда людей получить новые земли и их слепое преклонение перед техникой. Экономическая выгода Проекта закончилась в день его завершения. Действительно, туннель позволял необычайно быстро путешествовать сквозь Землю и почти не потреблял ресурсов – люди говорили: «просто брось это в туннель» или «просто прыгни в туннель». Но потребовались огромные вложения, а билеты на такие поезда имели астрономическую стоимость. Несмотря на скорость, высокая стоимость использования туннеля уничтожала его конкурентное преимущество перед традиционным транспортом.

Вскоре мечта человечества об Антарктиде разбилась вдребезги. Последнюю девственную территорию на Земле чересчур сильно эксплуатировали и разрушали большие скопления промышленных предприятий, и Антарктида стала такой же, как остальные места: истощенной, покрытой отбросами, – свалкой. Озоновый слой над Антарктидой был уничтожен полностью, что повлияло на всю планету. Даже в Северном полушарии сильное ультрафиолетовое излучение заставляло людей, выходя из дому, прикрывать кожу. Таяние ледяного щита Антарктиды все ускорялось и вызвало резкий подъем уровня морей на всем земном шаре. В разгар этих кризисов разум человека

опять возобладал. Государства – члены ООН единогласно подписали новый Договор по Антарктиде о немедленном и полном уходе с этого континента. Она опять стала необитаемой, и мы надеемся, что ее окружающая среда постепенно восстановится. В результате возникло резкое и неожиданное падение спроса на перевозки в Антарктиду, а после Катастрофы потерянного болта прекратилось всякое сообщение на поездах через ядро. Туннель закрыли на восемь лет, но его влияние на экономику продолжается. Тысячи людей, которые приобрели акции Компании «Порог Антарктиды» потеряли все, и это вызвало серьезные социальные волнения. Туннель для инвесторов стал черной дырой, и это поставило экономику страны на грань коллапса. Даже сегодня мы до сих пор тонем в бедах и неприятностях, которые он породил.

Такова история Проекта «Порог Антарктиды».

По мере уменьшения скорости Хуабэя размытый голубой свет на стене туннеля начал мигать, и вскоре он снова мог различить каждое кольцо, пролетая мимо. Со всех сторон опять появились огни в виде ярких концентрических кругов мишени.

Вы достигли высоты 2980 миль от земного ядра.
Ваша скорость равна 3,1 мили в секунду.
Вы пролетаете сквозь мезосферу Земли.

Глава 7

Смерть Шэнь Юаня

– Что стало с моим сыном? – спросил Хуабэй.

– После закрытия туннеля Шэнь Юань остался в составе части основного штата сотрудников на станции Мохэ. Я однажды звонил ему по телефону; он сказал, что он «сейчас с дочерью», и повесил трубку. Только через несколько лет я узнал правду, скрывавшуюся за этими загадочными словами. Это почти не поддается описанию. Он проводил все время в воздухонепроницаемом скафандре в полете вверх и вниз по туннелю. Он спал в туннеле. Он возвращался на станцию только для того, чтобы поесть и подзарядить скафандр. Он пролетал сквозь Землю примерно по тридцать два раза каждый день. День за днем, год за годом, он путешествовал из Мохэ на Антарктический полуостров и обратно в монохроматической волне с циклом восемьдесят четыре минуты и амплитудой 7830 миль.

Вы поднялись на расстояние 3730 миль от центра Земли.

Ваша скорость равна 1,5 мили в секунду.

Вы проходите через астеносферу Земли.

– Никто точно не знал, что делал Шэнь Юань во время своего бесконечного падения. По словам его коллег, каждый раз, когда он миновал центр Земли, он пользовался нейтринным коммуникатором для связи с дочерью. Он часто вел с ней долгие беседы во время падения – односторонние, конечно. Но Шэнь Цзинь, застрявшая в «Закате-6», который дрейфовал в железоникелевом потоке земного ядра, возможно, его слышала.

Он подвергал свое тело воздействию длительных периодов невесомости, ежедневно по два-три раза прерывая их и возвращаясь к нормальной силе тяжести Земли, когда возвращался на станцию, чтобы поесть и перезарядить скафандр. Он уже был старым человеком, и постоянное изменение силы тяжести ослабило его сердце. Его сердце остановилось во время падения. Никто этого не заметил. Его тело продолжало летать в туннеле еще два дня, пока в его герметичном

скафандре не закончился заряд батарей. Туннель стал его крематорием. Его последний пролет сквозь центр Земли превратил его тело в пепел. Я думаю, ваш сын был бы доволен такой судьбой.

– Такой будет и моя судьба, не так ли? – спокойно спросил Хуабэй.

– Вас она тоже должна удовлетворить. Вы увидели все, что хотели увидеть перед смертью. Мы сначала планировали бросить вас в туннель без скафандра, но в конце концов решили, что должны хорошенько рассмотреть то, что сделал ваш сын.

– Да, я удовлетворен. С меня хватит этой жизни. Я искренне благодарен каждому из вас.

Ответа не последовало. Жужжание в наушниках Хуабэя внезапно прекратилось, так как его палачи на другой стороне планеты прервали связь.

Хуабэй взглянул вверх. Концентрические кольца света над ним теперь отстояли далеко друг от друга. Чтобы пролететь каждое из них, уходило две или три секунды, и этот интервал удлинялся. В наушниках раздались гудки, а на щитке появились слова:

Вы достигли высоты 3850 миль над земным ядром.

Ваша скорость равняется 0,9 мили в секунду.

Вы прошли границу Мохоровичича и входите в земную кору.

Внимание! Вы приближаетесь к терминалу Антарктиды.

В центре колец над ним осталась только пустота, которая росла по мере его приближения к последнему кольцу голубого света. Он миновал его и медленно поднялся к мосту, перекинутому через отверстие туннеля, такому же, как мост на другом его конце. На мосту стояло несколько человек в скафандрах. Когда он поднялся из отверстия туннеля, они протянули руки, схватили его и втащили на мост.

Внутри антарктической станции тоже было темно, ее освещало только сияние голубых колец снизу. Хуабэй посмотрел вверх и увидел огромный цилиндрический предмет, висящий над ним. Его диаметр был чуть меньше диаметра туннеля. Он прошел по мосту к краю туннеля и снова взглянул вверх. Целый ряд цилиндров висел над выходом из туннеля. Он насчитал четыре цилиндра и догадался, что

над ними во мраке есть и другие. Он понял, что это, должно быть, списанные поезда.

Глава 8

Антарктида

Через полчаса Хуабэй вышел из конечной станции туннеля в Антарктиде в сопровождении полицейских, которые спасли ему жизнь. Он стоял на обширной бесснежной равнине Антарктиды. Вдали виднелся покинутый город. Солнце висело низко над горизонтом, освещая слабыми лучами просторную и необитаемую равнину. Воздух здесь был чище, чем на другом конце Земли, и в респираторе не было необходимости.

Полицейский сказал Хуабэю, что они из небольшого отряда полицейских, которых оставили охранять пустой город. Они бросились на станцию, получив сигнал тревоги от доктора Гуо. Выход из туннеля был опечатан, когда они явились туда, поэтому они немедленно связались с отделом управления туннелем и потребовали срочно разблокировать туннель. Хуабэй приближался к концу туннеля как раз в тот момент, когда он открылся, и они увидели, как он поднимается им навстречу в голубом свете, подобно существу, выплывающему из океанской глубины. Если бы он открылся на несколько секунд позже, Хуабэй наверняка бы погиб. Герметично закрытый туннель заблокировал бы его подъем, и он начал бы снова падать по направлению к Северному полушарию. Запас энергии в его скафандре закончился бы раньше, чем он достиг ядра, и он бы сгорел, превратившись в пепел, как раньше его сын.

– Дэн Ян и его сообщники арестованы, и им будет предъявлено обвинение в покушении на убийство. Однако... – Полицейский помолчал, злобно глядя на Хуабэя. – Я понимаю, что ими руководило.

У Хуабэя до сих пор кружилась голова после невесомости во время падения. Он посмотрел на солнце на краю неба и вздохнул.

– Хватит с меня этой жизни, – сказал он.

– Если вы так считаете, то вам будет легче принять вашу судьбу, – сказал другой полицейский.

– Мою судьбу? – Хуабэй опомнился и повернул голову ко второму полицейскому.

– Вы не можете жить в этом времени, иначе с вами снова такое произойдет. К счастью для вас, у правительства есть «программа темпоральной эмиграции», направленная на снижение нагрузки на окружающую среду. В соответствии с этой программой часть населения обязана погружаться в криогенную гибернацию, а в назначенный день их будят. Мы уже получили приказ – вы станете темпоральным эмигрантом. Не знаю, сколько пройдет времени до того, как вас разбудят.

Хуабэю потребовалось много времени, чтобы полностью осознать, что ему сказали. Но когда он это понял, то низко поклонился полицейскому.

– Благодарю вас. Почему мне всегда так везет?

– Везет? – переспросил полицейский, явно озадаченный. – Темпоральным эмигрантам из этой эпохи будет довольно трудно адаптироваться в обществе будущего. А для человека из прошлого, такого как вы, надежды вообще нет!

Слабая улыбка промелькнула на лице Хуабэя.

– Это не имеет значения. Важно только то, что у меня будет возможность увидеть возрождение былой славы Туннеля сквозь Землю.

Полицейский презрительно фыркнул.

– Я бы на это не поставил. Проект был катастрофой! Он навечно останется всего лишь памятником вашей с сыном фатальной ошибки.

– Ха-ха-ха-ха! – рассмеялся Хуабэй. Он еще был слаб после невесомости и едва держался на ногах, но к нему вернулось хорошее настроение. – Великая стена и пирамиды тоже были фатальными ошибками. Монголы вторглись в Китай с севера, а мумии фараонов никогда не оживали. Но разве мы так относимся сейчас к этим колоссальным проектам? Нет, теперь мы считаем их великими памятниками человеческого духа! – Он махнул рукой назад, на высокий цилиндр станции туннеля. – Этот туннель и есть Великая стена сквозь центр самой Земли, а вы стоите на ее краю и рыдаете, подобно госпоже Мэн Цзян!^[22] Как прискорбно! Ха-ха-ха-ха!

Хуабэй раскинул руки, будто хотел обнять холодный ветер Антарктики.

– Юань, мы прожили достаточно, – весело произнес он.

Эпилог

В следующий раз Хуабэй проснулся через полстолетия. С ним произошло почти то же самое, что и в прошлый раз: группа людей отвела его к машине, которая отправилась к терминалу туннеля в Мохэ. На него надели воздухонепроницаемый скафандр – почему-то он был намного тяжелее, чем тот, который он надевал пятьдесят лет назад – и опять сбросили в туннель. Пятьдесят лет спустя туннель выглядел почти так же, как и раньше, – бездонной дырой, освещенной бесконечным рядом голубых колец света на стене.

Однако на этот раз вместе с ним туда прыгнул еще один человек. Это была молодая и красивая женщина, она представилась его туристическим гидом.

– Туристический гид? Значит, мое предсказание подтвердилось: туннель стал чудом света, как Великая Китайская стена и пирамиды! – взволнованно произнес Хуабэй на лету.

– Нет, не таким, как они. Туннель стал... – Слова замерли у нее на губах. Она теперь держала Хуабэя за руку, чтобы они падали с одинаковой скоростью, и перехватила ее поудобнее.

– Чем он стал?

– Пушкой планеты!

– Что?

Хуабэй снова посмотрел на стены туннеля, мимо которых они пролетали, пытаясь понять.

Гид объяснила:

– После того как вы уснули, окружающая среда у нас стала еще хуже. Загрязнение и разрушение озонового слоя погубили ту скудную растительность, которая оставалась на Земле. Пригодный для дыхания воздух стал бесценным. В то время, если мы хотели спасти Землю, нам оставался только один выход: закрыть все энергетические отрасли тяжелой промышленности.

– Это могло помочь окружающей среде, но это также означало бы конец цивилизации, – перебил ее Хуабэй.

– Многие соглашались примириться с этим, как с побочным эффектом, учитывая колоссальный размер проблемы. Тем не менее

некоторые продолжали искать другой выход. Самой разумной альтернативой было перенести всю промышленность планеты на Луну и в открытый космос.

– Вы построили космический лифт?

– Нет, хотя и пытались. Оказалось, что это даже сложнее, чем прорыть туннель сквозь Землю.

– Вы изобрели антигравитационный космический корабль?

– Нет. Было доказано, что это теоретически невозможно.

– Ракеты на ядерном топливе?

– Такие у нас есть, но они ненамного дешевле в эксплуатации, чем традиционные ракеты. Использование их для перемещения всей промышленности в космос привело бы к экономической катастрофе такого же масштаба, как этот туннель.

– Значит, вы не смогли ничего перенести в космос в конце концов, – мрачно улыбнулся Хуабэй. – Земля вступила в... постчеловеческую эру?

Гид не ответила. Они падали молча в пропасть, а кольца света, пролетающие мимо них, становились все ближе друг к другу и сливались в одну люминесцентную поверхность стены туннеля. Через десять минут свет стал красным, и они безмолвно миновали центр Земли со скоростью пять миль в секунду. Стены вскоре снова стали голубыми, и гид Хуабэя ловко перевернула свое тело на 180 градусов и теперь летела вверх головой вперед. Хуабэй повторил ее маневр, но не так ловко.

– О! – удивленно воскликнул Хуабэй. Дисплей в верхнем правом углу его щитка на шлеме показал, что их скорость теперь равна 5,3 мили в секунду.

Они миновали центр Земли, но продолжали лететь с ускорением.

Что-то еще беспокоило Хуабэя: он ощущал силу тяжести. Предполагалось, что процесс падения сквозь Землю происходит полностью в невесомости, но он отчетливо чувствовал свой вес. Его интуиция ученого говорила ему, что он чувствует не гравитацию – это была сила тяги. Какая-то сила толкала их вперед и заставляла двигаться с ускорением, несмотря на то, что гравитация должна была снижать их скорость.

– Полагаю, вы читали «С Земли на Луну» Жюль Верна? – внезапно спросила гид.

– Еще в детстве. Это была самая глупая книга из всех, какие я читал, – ответил Хуабэй рассеянно. Его внимание было приковано к окружающей обстановке, он пытался понять, что за странная сила действует на них.

– Она совсем не глупая. Для осуществления крупномасштабного, быстрого полета в космос пушка – идеальное средство.

– Если только скорость запуска не раздавит вас в лепешку.

– Вас раздавит только в том случае, если скорость будет расти слишком быстро, а вы будете набирать скорость чересчур быстро только в том случае, если ствол пушки слишком короткий. Если он будет достаточно длинным, полезная нагрузка будет разгоняться постепенно, как мы в данный момент.

– Значит, мы находимся в пушке Жюль Верна?

– Как я сказала, она называется Пушкой планеты.

Хуабэй посмотрел вверх, на голубой туннель, и попытался представить себе, что это ствол пушки. При такой скорости стена выглядела цельным непрерывным объектом, поэтому он не ощущал движения. Ему казалось, что они неподвижно висят в сияющей голубой трубе.

– На четвертый год вашего сна мы разработали новый тип материала в новом твердом состоянии. Он обладает всеми свойствами предыдущего, но также является отличным проводником. Толстой проволокой из этого материала обмотали снаружи антарктическую половину туннеля и этим создали электромагнитную катушку длиной в четыре тысячи миль.

– Что снабжает эту катушку энергией?

– В земном ядре существует мощный электрический ток. Именно он создает магнитное поле Земли. Мы воспользовались кораблями ядра, чтобы установить петли из проводящей твердой проволоки длиной в сто тысяч миль в ядре. Эти петли собирают ток в ядре и передают его на обмотку вокруг туннеля, наполняя туннель мощным электромагнитным полем. На уровне плеч и талии наших скафандров находятся две сверхпроводимые обмотки, которые вырабатывают противоположное магнитное поле. Вот так мы получаем тягу.

Продолжая лететь с ускорением, они быстро достигли конца туннеля. Стены снова засияли красным светом.

– Наша скорость равна 9,3 мили в секунду, что гораздо выше второй космической скорости. Нами сейчас выстрелят из Пушки планеты!

Вышку станции для поездов на поверхности давно демонтировали, вместо нее не построили ничего, кроме герметично закрывающихся ворот, прикрывающих простой выход прямо в небо.

В наушниках зазвучала запись сообщения:

«Внимание, пассажиры: Пушка планеты начинает сегодняшней сорок третий запуск. Просим вас опустить на глаза защитные очки и вставить в уши противошумные вкладыши. Если вы этого не сделаете, это вызовет перманентное повреждение вашего зрения и слуха».

Через десять секунд герметичные ворота отверстия туннеля с шумом скользнули в сторону, открыв отверстие шириной тридцать футов. Воздух с ревом ринулся в вакуум внутри туннеля. Со звуком, похожим на раскат грома, длинный язык пламени вырвался из отверстия туннеля, он был такой яркий, что затмил слабое, низкое солнце Антарктиды. Ворота в одно мгновение снова скользнули на место, взревели воздушные насосы в туннеле. Вскоре они удалили весь воздух, который хлынул в туннель за те три секунды, когда ворота стояли открытыми; после этого пушка была готова к следующему запуску.

Люди смотрели вверх на две стремительно взлетающие звезды, за которыми тянулись огненные хвосты, пока они не исчезли в темно-синем небе Антарктиды.

Хуабэй посмотрел вниз и увидел, как земля уходит все дальше. Он узнал город рядом с терминалом туннеля, который вскоре стал казаться размером с баскетбольную площадку. Он увидел, как цвет неба быстро меняется с синего на черный, будто экран затягивает дымкой. Посмотрев дальше, он увидел длинную дугу Антарктического полуострова, окруженного океаном. За ним тянулся длинный огненный хвост, создаваемый раскаленной поверхностью скафандра. Его окутывал тонкий плащ огня.

Он посмотрел на свою сопровождающую, летящую футах в тридцати от него. Она тоже была окутана языками пламени, словно

какое-то фантастическое создание из живого огня. Сопротивление воздуха ощущалось так, будто гигантская рука неумолимо сжимала его голову и плечи. По мере того как небо темнело, эту гигантскую руку разжала другая, более могучая сила, и давление уменьшилось. Глядя вниз, он видел всю Антарктиду, с радостью отмечая, что она снова приобрела белый цвет. Вдали начала вырисовываться кривизна земного шара. Солнце, казалось, поднималось от дуги горизонта, его сверкающие лучи пронизывали разреженную атмосферу планеты. Хуабэй еще раз посмотрел вверх и увидел созвездия, раскинувшиеся над ним. Он никогда не видел, чтобы звезды так ярко сияли.

Огонь, окружавший его тело, погас, когда они вылетели за пределы атмосферы. Теперь они парили в безграничном безмолвии пространства.

Хуабэй чувствовал себя легким, как перышко. Его герметичный костюм, или космический скафандр, был гораздо тоньше, чем раньше, так как его верхний слой из теплоотражающего материала выгорел от трения об атмосферу. Связь между ними раньше прервалась из-за возмущений атмосферы, но теперь они опять могли общаться. Гид Хуабэя заговорила:

– Сопротивление атмосферы немного снизило нашу скорость, но мы по-прежнему летим со второй космической. Мы покидаем Землю. Посмотрите туда.

Она показала вниз, на Антарктический полуостров, который теперь казался крошечным. Хуабэй увидел вспышку света на том месте, где туннель выходит на поверхность, и увидел, как в небо взлетела звезда, за которой тянулся огненный хвост. Когда она вышла из атмосферы, огонь померк и погас.

– Это был космический корабль, вылетевший из Пушки планеты. Он нас подберет. Каждую секунду пять или шесть «полезных грузов» вылетает из ствола пушки, с интервалом восемь-десять минут, так что летать в космос теперь так же быстро и легко, как ехать в метро. Эта пушка «стреляла» еще быстрее, когда началась промышленная миграция двадцать лет назад. Часто больше двадцати кораблей одновременно мчались по стволу, интервал между выстрелами был две-три минуты. Тогда космические корабли взлетали в небо подобно нескончаемому потоку метеоритов. Это была

колоссальная работа, но судьбы человечества лежала на чаше весов. Это было просто великолепно!

Хуабэй заметил многочисленные летучие звезды, их было легко заметить на фоне неподвижных звезд, и Хуабэй понял, что это искусственные объекты на орбитах вокруг Земли. Прищурившись, он смог различить форму некоторых из них: одни имели форму кольца, другие казались составленными из многих частей разной формы. Они выглядели драгоценными камнями на черном бархатном фоне космоса.

– Вон тот – компания «Баошан Айрон энд Стил», – сказала гид Хуабэя, указывая на сверкающий объект в форме кольца. Она показала на несколько других ярких объектов. – А там компания «Синопек», которая, конечно, уже не занимается нефтью. Те цилиндрические объекты – «Европейская металлургическая ассоциация». Вон там солнечные электростанции, они собирают солнечную энергию и отправляют ее на поверхность Земли, используя микроволны. Сверкающие части – это просто их центры управления: панели и передающие антенны отсюда не видны.

Хуабэя заворожило это зрелище. Он смотрел вниз, на цветущий, голубой земной шар, и слезы лились из его глаз. Его сердцу были дороги все, живые и мертвые, кто участвовал в Проекте «Порог Антарктиды». Он жалел, что не все они могут это видеть. И один из этих людей особенно – одна молодая женщина, которая навсегда останется молодой в его сердце.

– Мою внучку нашли? – спросил он.

– Нет. У нас нет технологии, позволяющей провести удаленное сканирование ядра. Район поиска очень большой, и никто не знает, куда ее унес железоникелевый поток.

– Мы можем отправить это изображение в ядро в виде нейтринного сообщения?

– Мы уже отправили его. Думаю, она все это видит.

notes

Примечания

1

Планетники – сторонники идеи превращения Земли в космический корабль. Звездолетники выступают за то, чтобы эвакуироваться с Земли на специально построенных звездолетах.

2

Граница между мантией и ядром Земли.

Зеленая китайская стена – проект, призванный предотвратить расширение пустынь на территории Китайской Народной Республики. Официальное английское наименование проекта звучит как: The Three-North Shelterbelt Development Program.

Башня «Единство» (CITIC Tower) – самый высокий небоскреб Пекина, здание компании CITIC Group.

Глобальная (всемирная) деревня – термин введен Г. М. Маклюэном для обозначения всемирного общества, в котором электронные средства связи устранили пространственные и временные барьеры.

6

На самом деле Стивен Хокинг умер в 2018 году, в возрасте 76 лет.

Маяк Айвингхо – крупный холм, достопримечательность Бакингэмшира.

Укиё-э – направление в изобразительном искусстве Японии, получившее развитие с периода Эдо.

Молодой человек получил неудачное имя. «Са Би» звучит очень похоже на китайское выражение, означающее «тупой козел» (*примеч. авт.*).

Чан'ань – магистраль, идущая с востока на запад через Пекин к северу от ворот Тяньаньмэнь.

Тоунао – традиционный местный суп из ягненка.

Маотай – китайская водка из сорго.

Менгиры – стоячие камни, памятники доисторических времен.

Мел-палеогеновое вымирание уничтожило большинство мезозойских видов мира, включая всех динозавров, кроме птиц.

Хуанцзю – желтое вино.

Хуанмэй – один из стилей китайской фолк-оперы.

Такла Макан – пустыня на западе Китая. Является одной из крупнейших песчаных пустынь мира.

Турфанская впадина – тектоническая впадина на территории Синьцзян-Уйгурского района Китая, самая низкая точка Восточной Азии.

Нижняя граница земной коры, отделяющая земную кору от мантии.

Верхний слой мантии Земли.

Мопертюи, Пьер Луи де (1698–1759) – французский математик, естествоиспытатель, механик, астроном, физик и геодезист XVII–XVIII вв.

Госпожа Мэн Цзян, или Мэн Цзян Ню – китайская сказка со многими вариациями. Муж госпожи Мэн Цзян был принужден к службе имперскими чиновниками и отправлен в качестве рабочей силы на строительство Великой Китайской стены.